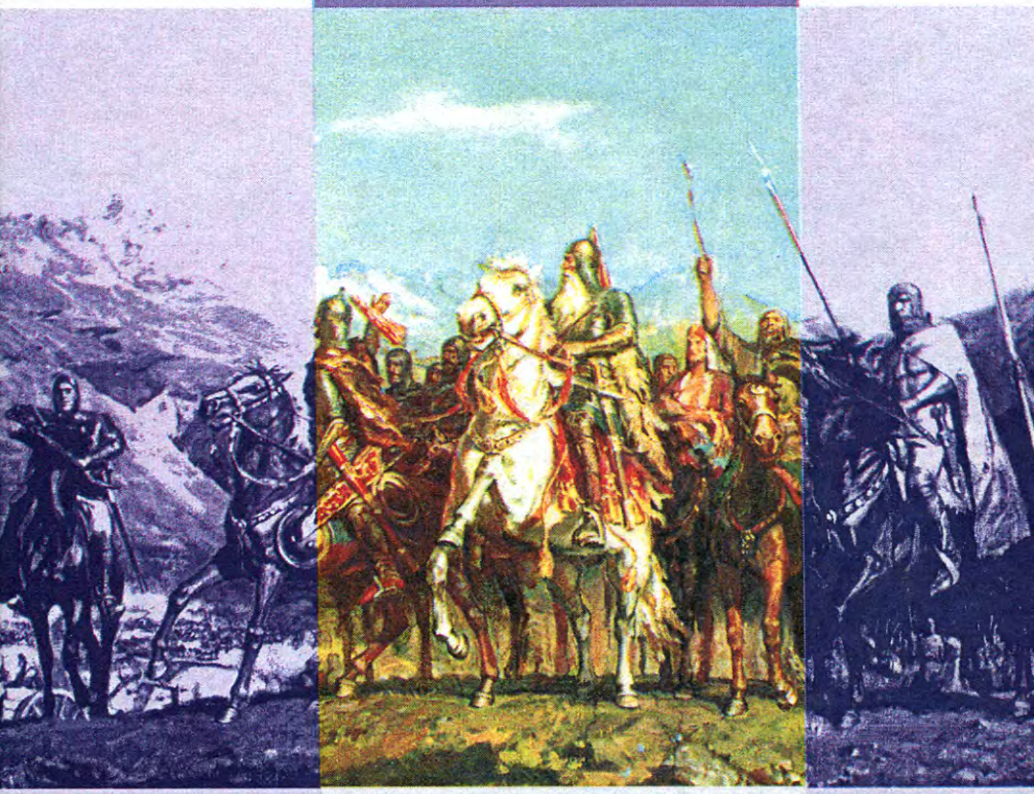

Ф.Х. Гутнов

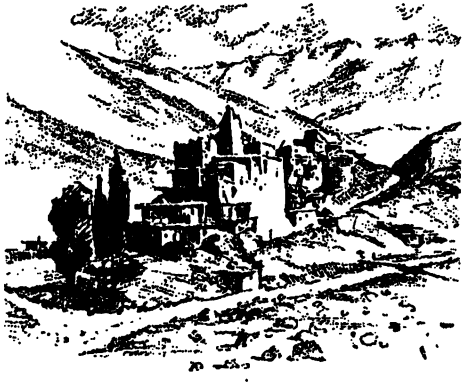
ГОРСКИЙ ФЕОДАЛИЗМ

I

Ф.Х. Гутнов

ГОРСКИЙ ФЕОДАЛИЗМ

часть I

Владикавказ · 2007

63.3(24)4
Г–97

В оформлении книги использованы работы художников
А. Джанаева, А. Хохова, В. Лермонтова

Гутнов Ф.Х.
Г–97 Горский феодализм – Владикавказ: Ир, часть 1. – 2007. – 319 с.

В книге, которая является первой частью проекта «Горский феодализм», на широком историческом фоне рассматривается процесс классообразования у народов Северного Кавказа.

Г $\frac{0503020900\text{–}10}{\text{М131(03)–07}}$ 33–07

63.3(24)4

ISBN 5-7534-0311-5

© ГУП «Издательство «Ир», 2007
© Гутнов Ф.Х., 2007
© Григорян В.С., оформление, 2007

ВВЕДЕНИЕ

Одной из задач, стоявших перед советскими кавказоведами, было выявление характерных черт и главных особенностей т.н. «горского феодализма»[1] (*Новосельцев, Пашуто, Черепнин* 1972; *Меликишвили* 1975; *Робакидзе* 1978; *ГФНСК* 1980; *РФНСК* 1988). Успешное решение этой задачи предполагает наличие локальных обобщающих исследований по средневековой истории народов Кавказа. Таковых, однако, имелось крайне мало; кроме того, в историографии средневековой социальной истории горцев сложилась резкая диспропорция. Если работ, посвященных общественному строю народов Северного Кавказа XVIII – середины XIX вв., накопилось относительно много, то становление первых классовых обществ в регионе до сих пор изучено слабо. Проблема генезиса феодализма на Северном Кавказе по сути оставалась нерешенной (*Виноградов* 1981, с. 36–37). Более того, был момент, когда средневековой историей кавказоведы практически не занимались. В 1964 г. на научной сессии «Итоги и задачи изучения генезиса феодализма у народов СССР» А.К. Джанаев с сожалением отмечал: «У нас (на Северном Кавказе – *Ф.Г.*) на местах историей народов феодальной поры почти перестали заниматься» (*Проблемы...* 1969, с. 220–221).

На той же сессии со специальным докладом по проблеме становления феодализма у горских народов выступила Е.Н. Кушева. Среди региональных специфических черт она отметила «заторможенность процесса... генезиса феодализма», устойчивость «пережитков предшествующей, первобытно-общинной формации». Были отмечены также особенности исторического процесса у отдельных народов средневекового Северного Кавказа. В частности, в Чечне и Ингушетии условия хозяйственной жизни не давали возможности для сколько-нибудь расширенного воспроизводства, что служило «основной причиной медленности социально-экономического развития». В материалах русских посольств XVII в. среди вайнахов не отмечено «владельцев» /феодалов/, а названы «начальные люди» и «выборные лутшие люди», по мнению Е.Н. Кушевой, ста-

рейшины. Лишь с рубежа XVIII–XIX вв. после переселения на равнину наметились перемены в социальном строе. По свидетельству С. Броневского, у ингушей старшины выбирались из «богатейших родов» и «часто делались наследственными». Однако Кавказская война «прервала начавшийся процесс» (*Кушева* 1969, с. 179–184, 188).

Особенно интересным Е.Н. Кушевой представлялось изучение генезиса феодализма у осетин. Его формирование, начавшись еще в аланский период, прервалось татаро-монгольским нашествием, а затем продолжилось в горах в новых условиях.

По убеждению ученой, развитие феодализма у народов Северного Кавказа дальше всего зашло в Дагестане и Кабарде, хотя и здесь «не приняло законченных форм». Сложение феодальных государств и владений в Дагестане – шамхальства у кумыков, нуцальства у аварцев, казикумухского владения у лакцев, уцмийства Кайтагского у даргинцев, майсумства у табасаранцев – «уходит в глубь веков, в период еще до татаро-монгольского нашествия». Вместе с тем подчеркнуто, что источники XV–XVIII вв. «рисуют картину не завершившегося еще процесса феодализации». Принципиальным во взглядах Е.Н. Кушевой представляется дискуссионное положение о «верховной собственности фамилий и родов шамхалов, уцмиев, нуцалов и т.д.» на землю в XVI–XVII вв. Соответственно, на ранних этапах «рента и дань-налог с крестьян-общинников совпадали». Заострено внимание на «подати овцами с пастбищных гор»[2] (*Кушева* 1969, с. 184–185).

Новую концепцию общественного строя средневековых северокавказских обществ в 1975 г. предложил Г.А. Меликишвили. Ее суть состояла в отрицании существования феодализма у горцев. Социальное устройство народов Северного Кавказа отмеченного периода, подчеркнул грузинский академик, наиболее точно отражает понятие «протофеодальный». Основной массой производителей «все время были свободные общинники», несшие лишь некоторые повинности в пользу «сильных родов» и правителей. Последние не являлись владельцами земли и «душ», а осуществляли, главным образом, военные /защита или разбой/ и управленческие функции, исполнение коих прокладывало путь в знать (*Меликишвили* 1975, с. 50–52).

Дальнейшее развитие эта точка зрения получила в статьях А.И. Робакидзе (1978, 1988). Из двух возможных, по мнению ученого, путей становления феодализма – в результате разложения общины и деятельности уже возникшего государства – для народов горного Кавказа «характерным был именно первый путь – разложение общины». Социальную природу ступени развития средневековых горских обществ А.И. Робакидзе также определял термином «протофеодализм» (*Робакидзе* 1978, с.19, 24).

Одновременно с выяснением специфики социальных процессов на Северном Кавказе шло выявление причин их асинхронности у различ-

ных народов региона. Основные причины замедленности классообразования в ущельях Кавказа и «как бы консервации общественной жизни» ученые видели в особенностях хозяйственной жизни «в труднодоступных горных местах в условиях замкнутости и постоянной обороны от нападения извне», что вело к «устойчивости общины» (*Нарочницкий* 1979, с. 15–16).

В.Б. Виноградов среди причин замедленного развития социальных процессов у горских народов также назвал состояние экономики, обусловленное природными факторами, демографические тенденции и влияние внешнего фактора. К X в. он отнес оформление «раннефеодального государственного образования – Алании». Следующий период /XIII–XVII вв./, по мнению исследователя, характеризуется распадом Алании, включением равнинных районов Северного Кавказа во владения Золотой Орды, позднее – острым противоборством Турции, Ирана и России, почти полной изоляцией многих этнических групп в горах. Ошибочно полагая, что кавказские термины, обозначающие феодальную знать, «связаны с родоплеменной ситуацией, восходя к наименованиям старейшин», В.Б. Виноградов формирование класса феодалов объяснял трансформацией «племенной верхушки». С этим трудно согласиться. Во всяком случае, приводимый им в качестве примера осетинский социальный термин *алдар* изначально применялся не к представителям родоплеменной знати, а к военным аристократам и обозначал «военный предводитель». В венгерском слове, заимствованном у алан, он получил значение «начальник охраны», «начальник сотни» (*Гутнов* 1993а, с. 33). Очевидно, В.Б. Виноградов понимал уязвимость своей позиции, ибо в другом месте формирование знати связывал с исполнением «военных и управленческих функций». В итоге генезис феодализма на Центральном Кавказе исследователю виделся как «чрезвычайно длительный процесс, так и не получивший завершения» (*Виноградов* 1981, с. 35–50).

В целом, проведенный на рубеже 70–80-х годов обмен мнениями продемонстрировал существование принципиальных разногласий о времени генезиса феодализма у горских народов. Если одни исследователи формирование феодализма, например в Дагестане, относили к V–X вв., то другие полагали, что этот процесс в регионе в целом вообще не завершился и для характеристики докапиталистических горских обществ целесообразнее использовать понятия «дофеодальный», «протофеодальный». По мнению третьих, проблема становления классовых отношений на Северном Кавказе не была поднята до уровня историко-социологических обобщений (*Лащук* 1977, с. 114).

В вопросе о путях возникновения классового общества доминировала точка зрения о связи этого процесса с «разложением общины», появлением слоя частных собственников и созданием ими аппарата управления как орудия угнетения и подавления сопротивления эксплуатируемого населения. Традиционную точку зрения пытался оспорить Л.И. Лав-

ров: «Экономическая мощь господствующего класса в средние века не всегда и не везде базировалась на землевладении. Немалую роль играли военные трофеи, торговые пошлины (на важных путях и в торговых городах) и особенно дань... предстоит разобраться: позволяют ли кавказские материалы считать, что земельная рента является непременной формой присвоения феодалами прибавочной стоимости, и не свидетельствуют ли они, что эксплуатация нередко принимала форму дани, не связанной с землепользованием и землевладением» (*Лавров* 1978, с. 26–27). Это заключение, «прямо-таки ошеломляющее по своей четкости и категоричности» (*Кобычев* 1980, с. 174), было резко оспорено кавказоведами (*Налоева* 1980, с. 5–27). Как представляется, специалисты просмотрели рациональное зерно в позиции Л.И. Лаврова – критику традиционного взгляда на генезис феодализма у горских народов.

По мнению автора данной работы, формирование раннеклассового общества на Северном Кавказе связано не с «разложением общины» /это понятие не применимо к раннему средневековью; община сохранялась долгое время, менялся лишь ее тип (модель)/, а с узурпацией общественно значимых военно-управленческих и культовых функций (*Гутнов* 1988, с. 152–174; 1990, с. 80–86; 1993, с. 15–56).

Таким образом, в деле определения специфики горского феодализма осталось немало нерешенных задач[3]. Так и не удалось достичь единства взглядов по вопросам механизмов классообразования, формирования государства, становления и развития относительно крупного землевладения. Между тем, эволюция общественного строя народов данного региона представляет значительный интерес для выявления специфики политогенеза у горцев мира вообще. Следует также отметить, что кавказский материал, как никакой другой /Е.Н. Кушева, В.К. Гарданов (*Проблемы*...1969, с. 180, 226)/, чрезвычайно важен для понимания общей проблемы генезиса феодализма. Все это требует «углубить изучение генезиса феодализма» у горских народов (*Пронштейн* 1988, с. 27).

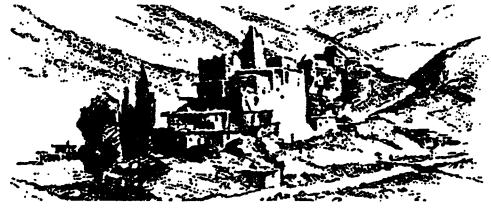
Примечания

1. Понятие *горский феодализм* здесь и далее употребляется лишь в силу историографической традиции. Появление данного понятия связано с тем, что в ряде кавказских обществ сложились специфические, отличные от западноевропейской модели феодализма формы. Г.А. Меликишвили полагал, что для средневекового Кавказа более характерен управленческий, чем владельческий /в смысле господства феодального землевладения/ характер феодализма при сохранении основной массой производителей личной свободы и прав на землю (*Тогошвили* 1988, с. 69; *Агларов* 1988, с. 196). Расплывчатость такой трактовки понятия *горский феодализм* заключается в серьезных трудностях при определении границ между собственно феодальными обществами и позднепотестарными.

2. На это обстоятельство обратил внимание еще С.В. Юшков (1938, с. 10),

говоривший о «пастбищной» ренте как одной из особенностей феодальной ренты в Дагестане.

3. Некоторые современные философы и социологи крайне негативно оценивают результаты усилий ученых в изучении различных направлений и проблем кавказоведения. В частности, А.Ю. Шадже и О.Н. Дамениа пишут по этому поводу: «Кавказоведение как направление научной мысли *не содержит* в себе *концептуального целостного понимания* социокультурного феномена Кавказа. В общем и целом оно продолжает оставаться на *собирательно-описательном* уровне познания (курсив мой – *Ф.Г.*). Поэтому социокультурный образ Кавказа, особенно Северного Кавказа, зачастую воспринимается как «мозаика различных этнокультурных образований» /В. Тишков/, а порой как «конгломерат этнокультур традиционного типа» /В. Черноус/ (*Шадже, Домениа* 2002, с. 60). Этот упрек представляется не совсем корректным, ибо появлению теоретических разработок должна предшествовать предварительная работа – та самая «собирательно-описательная». Интересно, что здесь те же авторы отмечают: рассматриваемый регион «на самом деле отличается от внешнего мира высокой степенью концентрации как природного, так и социокультурного разнообразия» (*там же*). И в принципе, эта идея не является чем-то новым в кавказоведении.

I.
ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

В исследовании рассматриваемой темы имеются объективные трудности, ибо специалистам не удалось устранить различия в трактовке терминологии и характеристике форм ранних государств (*Куббель* 1988; *Павленко* 1989; *Ранние формы...* 1993; 1995). «Истматовской модели феодализма» не было прежде (*Алаев* 1987, с. 78), нет и до сих пор. Нет ясности как в картине перехода от первобытности к классовому обществу, собственно феодализму, так и этапов этого перехода.

Обратим внимание и на неразработанность терминологического аппарата историков-медиевистов. Очевидно, что «полной унификации понятийно-терминологического аппарата в ближайшие годы вряд ли следует ожидать» (*Ольховский* 1995, с. 89). Это вынуждает нас в первую очередь определить собственное понимание процесса политогенеза, классообразования и генезиса феодализма, а также трактовку основных терминов и понятий, которыми мы будем в дальнейшем оперировать.

I. 1. Сущность феодализма: версии, подходы

Как это ни парадоксально, до сих пор отсутствует социологическая модель феодализма и его четкое определение. В течение нескольких столетий при обращении к средневековой истории специалисты предлагают либо *описание* специфических особенностей структуры государств той поры, либо перечень их основных институтов.

Долгое время доминировала, а в настоящее время все еще остается одной из ведущих, точка зрения, согласно которой классической формой феодализма являлся общественный строй средневековой Франции, еще точнее – ее северных территорий.

Феодальными признавались формы отношений, в основе которых лежал принцип условного земельного пожалования. Французские историки XIX в. главной чертой феодализма считали условное землевладение, понимая под последним прежде всего *феод*. Ф. де Куланж отмечал по этому поводу: «Земля находится в такого рода обладании, что владелец

ее не есть, собственно говоря, ее собственник... Пользование землею условно, т.е. подчинено или оброкам, или службам, словом, известным обязанностям, и неисполнение этих обязанностей влечет за собою утрату владения». Цитируя данный сюжет, Н.П. Павлов-Сильванский заметил: «Это – старое воззрение на феодализм, развитое еще юристами XIII века». Такое определение феодализма, продолжал российский ученый, далеко «от реальных оснований строя. Единообразная, всеохватывающая сеть феодальных контрактов существовала только в теории; единообразие ей придавал только термин *феод* или *фьев* (курсив мой – *Ф.Г.*), покрывавший собою глубоко различные по существу права». Н.П. Павлов-Сильванский призывал «провести резкую разграничительную черту между настоящими феодами, или благородными, и *феодами людскими /roturier/*, которые противополагались одни другим уже первыми феодальными теоретиками. Эти людские феоды представляли собою пожалования хозяйственным слугам, промышленникам и ремесленникам какого-либо угодья, рыбной ловли, виноградника, мельницы, с обязательством платить доходы натурой или деньгами господину». Данные виды феода ученый называл «мнимыми феодами». «Из собственно феодальных договоров необходимо выделить также *феод-должность* и *феод-деньги* (курсив Н.П.)». В итоге российский исследователь утверждал: «Оброчные держания, с одной стороны, и феод-должность и феод-деньги, с другой, только *приравнивались* к настоящему *феоду-земле*. Существо феода состояло во владении землею, под условием службы, или в службе с земли» (*Павлов-Сильванский* 1924, с. 79–80; см. также: *Гуревич* 1970, с. 55–56).

В зарубежной историографии в дореволюционный период преобладала точка зрения о том, что феодальный период был присущ лишь западноевропейским народам. По сути этих же позиций придерживаются и некоторые современные зарубежные исследователи. Отметим представления о феодализме как политической надстройке децентрализованного государства, которая приводит к распаду единой страны. Сторонники континуитета под феодализмом понимают совокупность политических и правовых отношений, «связывая его с децентрализацией и рассеянием суверенитета»; на этом основании феодализм признается «лишь западносвропейским феноменом» (*Удальцова* 1975, с. 127–129).

Однако еще дворянские историки доказывали существование феодального периода и в России. Причем первыми в этом вопросе были отечественные кавказоведы. В.Б. Пфаф (1870; 1871; 1871а; 1872) феодализм рассматривал как универсальный этап в развитии человечества. Наличие феодальных отношений у некоторых горских народов наиболее последовательно отстаивал М.М. Ковалевский. В частности, ксанских и арагвских эриставов, происходивших от осетинского /аланского/ рода Сидамонта, ученый считал феодалами; и это несмотря на его четкое осознание этимологии социального термина *эристави /эри* «народ» + *тави* «глава» или «наставник»/, восходящего к т.н. «героической» эпохе. Феодалами эриставов делало то, что, во-первых, главами социума «были назна-

чаемы члены одних и тех же семей и родов, и это обстоятельство в такой же мере содействовало переходу из назначаемых правительством чиновников в феодальных сеньоров, в какой наследственное исправление графской должности в пределах Карловингской империи содействовало обращению ее носителей в ленных владельцев. Осуществляя из поколения в поколение права верховных судей, полицейских агентов и налоговых сборщиков, эристави воспользовались широтою предоставленных им функций для установления системы чисто личной зависимости поселенных в их округах крестьян от членов своего семейства». Как и в Западной Европе, в Грузии упрочнению позиций эриставов содействовала практика наделения эриставов «царями, в награду за их службу, значительными участками... Эти 'terra comitales', употребляя выражение карловингских дипломов, сделались тем ядром, из которого развились обширные поместья... поместья эти приобрели постепенно характер феодальных ленов» (*Ковалевский* 1886, т. 1, с. 22–24).

Находясь, видимо, под влиянием идей сторонников «норманнской теории», М.М. Ковалевский начало распространения феодализма у кабардинцев, осетин и других горских народов связывал с внешним влиянием (*там же*, с. 28–40, 43).

Под феодальными ученый понимал общественные отношения, при которых «земельный собственник является вместе с тем и органом правительственной власти», а «жители одной и той же территории представляют из себя ряд иерархически подчиненных групп» (*там же*, с. 45).

Теоретическое обоснование универсальности феодализма, присущего не только Западной Европе, наиболее четко сформулировал Н.П. Павлов-Сильванский. По мнению ученого, с точки зрения «режима частного права» феодальные порядки имели две основные черты: «1) разделение страны на множество независимых и полунезависимых владений и 2) объединение этих владений договорными вассальными связями». При этом «главною, первою чертою феодализма следует признать *раздробление верховной власти* (курсив Н.П.) или тесное слияние верховной власти с землевладением». Раздробленность власти прежде всего выражается «в основном учреждении феодального строя... – в сеньории-боярщине». Главной чертой последней являлось соединение частных прав собственника земли «с некоторыми государственными правами на лиц, живущих на его земле» (*Павлов-Сильванский* 1924, с. 77–78).

Второй основной чертой феодализма российский ученый вслед за французскими исследователями /Гизо и Ф. де Куланжем/ называл «иерархическую организацию феодального общества». Третьей чертой отмечена «*условность землевладения* вообще, приравнивая к условно-землевладельческому *феоду* (курсив Н.П.) другие поземельные отношения феодальной эпохи» (*там же*, с. 78).

Понятие *феод* расширительно толковали и некоторые европейские историки XX в., включая в него не только земельные пожалования, но и служебные лены. В таком случае феодальными являются такие формы

сеньориально-вассальных отношений, как феоды, состоявшие из разного рода доходов, пожалований на праве феодов церквей, десятин и других церковных поступлений; в лен могло быть пожаловано право горной разработки. Французские юристы применяли даже особое выражение «воздушные фьевы» – феоды, не состоявшие из материальных вещей (*Гуревич* 1970, с. 54–56).

Таким образом, сторонники расширительного толкования феода ленное пожалование в виде земли считали лишь одной, но не единственной и строго обязательной, разновидностью пожалования вассалу от сеньора. При таком подходе важна не столько форма пожалования, сколько сам факт существования военного сословия за счет поступления доходов от сельского населения, какую бы форму оно ни принимало (*там же*, с. 57).

В современной западной медиевистике основой феодального общества считают вассально-ленную систему, либо феодальную раздробленность; есть ученые, основу феодализма усматривающие в преобладании «личных связей», господстве частновотчинной системы или натурально-хозяйственных отношений. В последней трети XX в. усиливалась тенденция сводить своеобразие феодализма и его эволюцию к субъективному восприятию его людьми того времени, к их социальной психологии /менталитету/ и мотивам поведения (*История Европы* 1992, с. 10).

В зарубежной науке специалисты в области древней и средневековой истории Кавказа и Средней Азии признавали существование феодализма; последний в их понимании являл собой общественный строй, основанный на системе «службы», «вассалитета», земельной и служебной иерархии. В отличие от советских ученых, они не придавали приоритетного значения способу эксплуатации в определении того или иного этапа развития общества и находили феодализм в древней Ассирии, в Ахеменидском Иране, при Аршакидах, Сасанидах и позднее (*Новосельцев* 1972, с. 25).

Так, Г.И. Диснер, рассматривая администрацию вандальского королевства, отметил ее сложную структуру. Во главе ее стоял «препозит империи» /*praepositus regni*/, которому подчинялись министериалы /*referendarius, notarius* и *primiscrinarius*/. В рамках военной карьеры наибольшей значимостью обладали *millenarii* /тысячники/, «которым также были доверены задачи управления поселениями, соответствующими тысячам». При королевском дворе находились функционеры с названием должностей: *baiuli, ministri reges* /королевские чиновники/, *domestici* /служители/ или *comites* /комиты/. При этом последние, подобно графам каролингской эпохи, очевидно, занимали очень высокое положение. Особенно существенным немецкому ученому показалось «часто высказывавшееся предположение, что служилая знать во многом демонстрирует зачатки дофеодальной и феодальной системы. Для такой системы характерны тесные личные отношения подчинения и верности королю и принцам», за что последние «наделяли леном», оказывали покровительство и содержали служилых людей. Нередко служилая знать не наделялась «земельными

ленами», но в таких случаях она обеспечивалась денежным и натуральным вознаграждением. «Эти формы натурального хозяйства также напоминают феодализм; правда, невозможно определить, насколько феодальным стал и способ производства» (*Диснер* 2002, с. 144–145).

Р. Фрай период истории Ирана при Ахеменидах и Сасанидах считает «феодальным». Основание для такого заключения американский ученый видит в том, что «царь теоретически считался, по-видимому, верховным собственником всей земли, а народ держал ее в качестве лена». Данная трактовка «ведет к весьма широкому толкованию термина 'феодализм', поскольку социальная структура средневековой Европы, несомненно, очень сильно отличалась от социальной структуры древнего Ирана». Тем не менее, продолжает Р. Фрай, имеется немало черт, напоминающих привычное для нас понимание общественного строя, обозначаемого понятием «феодализм». Централизованная держава Ахеменидов была в то же время «государством иерархическим, и нет ничего неожиданного в том, что мы находим некое подобие феодализма у народа с кочевническими традициями, завоевавшего оседлые народы» (*Фрай* 2000, с. 156).

Среди советских историков аналогичную позицию занимал Г.А. Федоров-Давыдов. Согласно его концепции, для средневековья в целом характерна феодальная собственность (в том числе и для кочевников), тогда как для античного и нового времени – частная. Не частная, а именно феодальная собственность «способствовала подъему, возвышению господствующего класса». Нечетко оформленная юридически и территориально, феодальная собственность у номадов заключалась во власти над кочевым населением кочевого сеньора, определении им маршрута передвижения, перераспределения между подвластным населением пастбищ, колодцев и т.п. (*Федоров-Давыдов* 1996, с. 216).

Одной из основных черт феодализма Р. Фрай считает право царя, стоявшего «над всеми законами», даровать своим верноподданным землю. «Лены даровались обычно не отдельным лицам, а целым семьям... Создавая военные поселения в покоренных странах и раздавая земли гражданским и военным служилым людям, Ахемениды тем самым способствовали развитию феодализма». Исследователь обратил внимание на бытование в аккадских документах двух терминов, обозначавших, по его мнению, феодальные отношения: *ilku* и *qasti*. Первый является старовавилонским обозначением вассальной службы или лена. При Ахеменидах, начиная со времени правления Дария I, в документах появляется термин *qasti*, ранее в значении «надел» не засвидетельствованный. Изначальное его значение – «лук», «земельный налог для содержания лучника», стало применяться для обозначения пожалования за несение военной службы царю (*Фрай* 2002, с. 157).

Как видно, и в данном случае под феодализмом понимается общество, для которого характерна иерархическая структура привилегированных слоев, связанных вассальными отношениями, закрепленными «дарами» сюзеренов: земельными ленами, денежными и натуральными

вознаграждениями. Важным фактором феодального общества назван и «феодальный способ производства».

В советской историографии феодализм определялся как общественный строй, основанный на господстве мелкого натурально-замкнутого хозяйства непосредственных производителей – крестьян и ремесленников, эксплуатируемых внеэкономическими методами. Даже при крепостничестве, когда крестьянин юридически был совершенно лишен прав собственности, он оставался ее фактическим владельцем. В период становления советской исторической науки приоритетной считалась именно эта черта феодального строя. Однако после дискуссии конца 20-х – начала 30-х гг. от нее отказались, и на первый план вышло мнение о монопольном владении землей. Правда, как отмечала Л.В. Данилова, во многих обществах, оцениваемых в нашей науке как феодальные, «крупное землевладение /ни в форме частного, ни даже в форме государственного/ не обнаруживается либо вовсе, либо в течение длительного периода. Тем не менее крестьянство и там подвергалось такого же рода эксплуатации, как и при манориальном режиме. Это обстоятельство всегда служило источником нескончаемых споров среди специалистов» (*Данилова* 1968, с. 50–51).

Справедливости ради отметим, что еще в 30-е годы некоторые советские историки по сути разделяли взгляды /по меньшей мере частично/ дворянско-буржуазной историографии на природу феодализма. Так, Б.Д. Греков (1936, с. 21–23) в ранних работах утверждал, что о феодализме, как общественно-политическом явлении, «смело можно говорить» только после распада империи Рюриковичей, т.е. с момента образования уделов.

А.И. Неусыхин (1968, с. 612–616) генезис феодализма связывал с рядом процессов: вместо широкого слоя свободных равноправных общинников возникает *класс крестьянства*; часть непосредственных производителей разными путями попадает в социально-экономическую и личную зависимость от землевладельцев; вместе с тем общинники в какой-то мере еще сохраняли остатки своей аллодиальной собственности и былой свободы. Место родовой и дружинной знати занимают светские и церковные, крупные и мелкие вотчинники раннефеодального типа. Ученый обратил внимание и на различия в темпах социальной дифференциации, изменения других сторон дофеодального общественного строя в одном и том же «варварском королевстве», а именно – рост имущественной дифференциации, правового оформления социальных статусов разных групп, возникновения зачатков государственной власти и т.п.

Еще дальше пошел И.Я. Фроянов (1974; 1980), массированная критика взглядов которого шла со страниц всех центральных изданий. Отстаивать же свои взгляды И.Я. Фроянов мог лишь на узком «поле», ограниченном рамками исторического факультета Ленинградского университета. К сожалению, такая практика была в то время характерной. Борьба с «инакомыслием» в сфере столь политизированной гуманитарной науки как история велась жестко. От противников официальной линии

(например, пятичленной теории формаций) требовалось немало мужества, чтобы выдержать такой пресс.

И.Я. Фроянов не смог «по многим основаниям» принять «точку зрения» о том, что в Киевской Руси князь конца X в. – «раннефеодальный монарх, осуществляющий волю господствующего класса феодалов». Русь X – начала XI в. «к феодализму еще не пришла». Княжеская власть в то время «была ограничена советом родоплеменной знати, скрывавшихся под именем старцев градских». Особенно важно то, что князь, помимо совета старейшин, должен был считаться с вечем – народным собранием. Социально-политическая мобильность рядового населения Руси той эпохи «была выше, чем принято думать», ни одно мало-мальски значимое общественное дело «не решалось без участия народа». Все это не укладывается в рамки раннефеодальной монархии (*Фроянов* 1980, с. 31–32).

Оспаривая позицию академика Л.В. Черепнина относительно боярского вассалитета X в., возникшего будто бы из пожалования даней, И.Я. Фроянов отмечал: «Мы не считаем киевских князей X в. ни феодальными монархами, ни верховными земельными собственниками. По нашему глубокому убеждению, князья наделяли своих вассалов не территориальными владениями, а правом сбора даней, никак не связанных с поземельной собственностью. В этом вассалитете *нет и грана феодализма*» (курсив мой – *Ф.Г.*). Позднее на смену вассалитету, основанному на пожаловании даней, пришел вассалитет, основанный на пожаловании кормлений. Но и в этом случае передавалась не территория, а право сбора доходов с жившего на ней населения. Лишенный земельной основы, вассалитет в виде кормлений не имел феодального содержания (*там же*, с. 87–89).

Отрицая наличие феодализма в Киевской Руси, И.Я. Фроянов затруднялся с определением ее формационной принадлежности. Эту же стадию развития Ю.И. Семенов характеризует как *политаризм* /от греч. *полития* – государство/ (*Семенов* 1993, № 2, с. 70). Политарный способ производства, согласно Ю.И. Семенову, это не что иное, как «азиатский способ производства». Люди, входившие в государственный аппарат, являлись «верховными собственниками земли и личности непосредственных производителей материальных благ» (*там же*, № 1, с. 56–57). Однако доказать бытование в Древней Руси X–XI вв. верховной собственности не только на землю, но и на непосредственных производителей материальных благ пока никому не удалось. А без этого концепция Ю.И Семенова рушится.

В попытке найти выход из тупиковой ситуации историки предлагали другие системообразующие факторы феодализма. «Средневековое феодальное государство, – отмечал А.Я. Гуревич – это прежде всего союз сеньоров и их непосредственных подданных, подчинивших себе остальное население». В числе основных характеристик феодальной формации назывались противоречия между крупной собственностью на землю и мелким производством крестьян, внеэкономическое принуждение, условный характер феодальной земельной собственности и ее иерархическая структура, равно как и иерархия господствующего класса. К характерным при-

знакам не только феодального, но и всякого докапиталистического классового общества отнесена и многоукладность (*Гуревич* 1970, с.7, 18, 58).

К присущим раннефеодальным государствам Западной Европы институтам некоторые советские ученые относили частную «власть магнатов над населением», хотя собственно государственный аппарат лишь складывался, но феодалы постепенно захватывали ключевые позиции не только в центральном, но и в местном управлении (*Корсунский* 1963, с. 148, 150, 152).

Далеко до полной ясности и в понимании самого процесса феодализации. Л.В. Черепнин (1972, с. 143, 145) отмечал большие расхождения в понимании генезиса феодализма, принципов его периодизации и темпов; «трудно определить... грань, с которой можно было бы начинать историю феодальной формации». Под последней он понимал «систему социально-экономических отношений и соответствующих им политико-юридических форм». Однако за этим общим определением невозможно распознать специфику феодализма по отношению к другим формам и типам социально-экономических отношений.

Высказывалось суждение о том, что, достигнув определенной «стадии внутреннего размежевания, социальная система варваров далее не развивается сама по себе». Обособленность отдельных социальных групп могла возрастать, но «в классовое деление она так и не переходит, пока не получает достаточно мощного толчка извне, способствующего разрушению всей системы». Отметив это, А.Я. Гуревич вместе с тем подчеркивает: «Генезис феодализма – если взять наиболее кардинальную линию этого процесса – не в складывании крупного поместья /роль которого в системе феодальной эксплуатации не приходится оспаривать/, а в таком положении крестьянства, при котором оно становится объектом эксплуатации со стороны господствующего класса, какую бы специфическую форму эта последняя не принимала...» (*Гуревич* 1967, с. 19, 27).

С.Д. Сказкин процесс феодализации рассматривал как образование феодальной собственности господствующего класса, с одной стороны, и постепенное закрепощение непосредственных производителей – с другой. При этом приоритетное значение ученый отдавал изучению вопроса об образовании крупной земельной собственности и класса крупных землевладельцев – «будущих феодалов». Конечно, процесс «собирания» земель будущими феодалами не имел своей целью экспроприацию угодий и сгон крестьян со своих земель. Господствующий класс был заинтересован не в отделении крестьян от основного средства производства, а, наоборот, в обеспечении земли достаточной рабочей силой. Средневековую вотчину советский медиевист трактовал «и как собственность, и как государство». К специфическим чертам феодального способа производства С.Д. Сказкин относил внеэкономическое принуждение как средство получения «прибавочного продукта от экономически самостоятельного хозяина», и личную зависимость – как средство внеэкономического принуждения. В основе же самого феодального способа производства

лежала «феодальная собственность на землю и вытекающая из нее необходимость передачи земли во владение непосредственных производителей» (*Сказкин* 1973, с. 72–75, 77, 80).

Формирование политической власти феодалов-вотчинников проявлялось в их административной и судебной власти над зависимым населением (*Корсунский* 1963, с. 142). Иными словами, еще одной характерной чертой феодального строя считалось «слияние личности государя (императора, царя, короля, князя, герцога, графа и т.д.) и земельного собственника, публично-правовых и частноправовых функций. Землевладельческие права феодала были тесно связаны с политическим господством. Каждый крупный сеньор выступал в своей вотчине или поместье как правитель, судья и военный страж» (*Данилова* 1968, с. 63).

Исследователи обратили внимание еще на одно обстоятельство: феодал нуждался в получении доходов с населявших его землю крестьян – «без этих доходов он не мог бы исполнять рыцарскую службу, вести воинственный образ жизни». Боевое снаряжение рыцаря стоило чрезвычайно дорого. В разных странах выработались нормы землевладения, являвшиеся «нормой», способной обеспечить рыцаря необходимым для войны снаряжением. В Англии такой нормой служили 5 гайд земли, а дружинник короля, имевший владение меньшего размера, считался «безземельным». У франков конную службу профессионального воина мог исполнять лишь человек, обладавший не менее чем 4 мансами (*Гуревич* 1970, с. 43).

Тип государства в советской историографии определялся господствовавшей в данном обществе формой собственности на средства производства. В т.н. «варварских королевствах» переходному состоянию экономических и классовых отношений соответствовал и переходный период в развитии государства. На первых порах раннефеодальное государство еще не сложилось окончательно как организация политического доминирования класса феодалов, который и сам еще не сформировался. Варварские королевства активно содействовали процессу феодализации, но поначалу они выражали интересы не только формировавшегося класса крупных землевладельцев, но и свободных общинников. Сложность стадиально-типологической характеристики обществ такого типа для советских историков заключалась в ограничении рамок социологических обобщений жесткими установками в теории и методологии, в частности – пятичленной схемы общественно-экономических формаций (ОЭФ). Исходя из последней, наиболее удачным для характеристики «варварского государства» считался термин «раннефеодальное» (*Корсунский* 1963, с. 160–162).

Однако такая оценка не может распространяться на все «варварские королевства»; в некоторых из них при наличии классов и государства (в марксистском понимании) еще отсутствовали типично феодальные методы эксплуатации общинников, как отсутствовала и сама феодальная собственность.

А.И. Неусыхин отмечал по этому поводу: «Наличие отдельных земельных владений франкских дружинников еще не создает феодального землевладения, точно так же, как не создают его первые пожалования при-

вилегий и прав верховенства на некоторые земли, дарованные англосаксонскими королями дружинникам или церковным учреждениям (так называемый бокленд). Наличие таких привилегированных земельных владений становится фактом, характеризующим оформление раннефеодального строя, лишь после их *массового* распространения и появления эксплуатации зависимого населения их собственниками; другими словами, необходимо появление, с одной стороны, феодальной вотчины, с другой – зависимого крестьянства» (*Неусыхин* 1968, с. 606).

Аналогичную мысль высказала Л.В. Данилова, полагавшая, что «не крупный земельный собственник, выделившийся из общинной верхушки, превращался в феодального сеньора, а совсем напротив, политически господствующие слои со временем узурпировали земельные владения подданных, на которых распространилась их власть». В т.н. «варварских» государствах господствующие слои были представлены родоплеменной знатью, роль которой падала, и дружинной, значение которой все возрастало. В результате длительного исторического процесса представители высших общественных слоев из правителей отдельных территорий, военных вождей, сборщиков даней, налогов и пошлин, вершителей суда превратились в земельных собственников (*Данилова* 1968, с. 62–63).

Сходную позицию занимал Н.Ф. Колесницкий (1968, с. 628–632): «Эксплуатация некогда свободного крестьянства имела своим истоком не подчинение крестьян феодальному собственнику, а обременение их государственными повинностями... Само это подчинение совершалось при активном воздействии государства, нередко при прямом волеизъявлении короля... Многие свободные в патриархальном смысле крестьяне втягивались в отношения феодальной эксплуатации именно посредством передачи государственных повинностей вотчиннику».

А.П. Новосельцев основой производственных отношений и классового антагонизма считал феодальную собственность. Рассматривая принятую в советской науке идею об условном характере феодальной земельной собственности (ее «расчлененный», «разделенный», «расщепленный» характер), ученый подчеркнул, что «в этом много неясного». Одни исследователи вообще отрицают существование при феодализме собственности; другие «расчлененность» видят в раздаче феодалом наделов крестьянам; третьи – в передаче сеньорами земли в держание вассалам; наконец, четвертые в понятие «расчлененная собственность» включают и крестьянские наделы и держания, полученные вассалами. Со своей стороны, А.П. Новосельцев считал неправомерным под понятие «расчлененная» *феодальная* собственность подводить землю, обрабатываемую крестьянами, ибо последние ее собственниками не являлись. «Разделение земельной собственности (а, следовательно, и ренты как формы ее экономической реализации) происходит между теми, кому она принадлежит, т.е. между феодалами» (*Новосельцев* 1972, с. 127–129).

Обобщая предлагаемые трактовки, получаем следующую дефиницию: феодализм – общественный строй, основанный на системе службы, вас-

салитета, земельной и служебной иерархии, господстве мелкого натурального хозяйства непосредственных производителей, эксплуатируемых внеэкономическими методами. Наиболее характерными чертами феодализма являлись *раздробление* /термин Н.П. Павлова-Сильванского/ верховной власти или тесное слияние верховной власти с землевладением /сеньория-боярщина/; соединение в лице феодала собственника угодий, носителя публично-правовых и частноправовых функций. Иными словами, каждый вотчинник или помещик в своем владении выступал как правитель, судья и военный страж.

В период генезиса феодализма и на ранних этапах его функционирования основные черты данного общественного строя могли принимать промежуточные формы. Гранью между периодом формирования феодализма и его «ранними» формами является оформление феодального уклада и захват власти в том или ином социуме (или его части) высшими слоями новой знати.

1. 2. Альтернативные формы социальной эволюции

В советской науке доминировала пятичленная схема исторического процесса, хотя она все-таки не являлась единственной. Теория ОЭФ подвергалась критике с разных направлений, основными из которых являлись: 1) отрицание возможности свести все многообразие исторического процесса к определенным и четко очерченным стадиям развития человечества и 2) неприятие конкретных типов ОЭФ, принятых марксистской наукой. Попытки подкорректировать фундаментальные основы теории ОЭФ привели к признанию неравномерности социально-экономического развития, многоукладности в каждой формации, необходимости разработки типологии каждой ОЭФ (*Жуков* 1969, с. 11–13; 1975, с. 9, 12–13). В частности, подчеркивалось, что «вопрос о типологии уже сложившегося развитого феодализма /в том числе и применительно к Западной Европе XI–XV вв./ еще почти не разработан, а главное, в нашей науке еще не сложилось общей точки зрения об основных принципах и критериях типологизации феодальных обществ» (*Гутнова, Удальцова* 1975, с. 109).

Формационный подход к всемирной истории в советской науке утвердился после известной дискуссии конца 20-х – начала 30-х годов XX в. В последующие годы потребовалось уточнение схемы, особенно применительно к послепервобытным докапиталистическим структурам.

Прежде всего отпало положение об универсальности рабовладельческой формации. Уже один этот факт существенно менял представления о ходе исторического процесса. В ходе конкретных исследований было также установлено, что докапиталистические структуры у европейских народов заметно отличались от соответствующих структур социумов, спонтанное развитие которых не привело к капитализму. В частности, форма феодализма, характерная для Европы, редко встречалась за ее

пределами. Исключений, отклонений от «магистральной линии развития человечества» оказалось больше, чем случаев, подходящих под правило.

Еще одним недостатком формационного подхода стала невозможность объяснения целой исторической эпохи, наступившей за первобытностью. Она отличалась, с одной стороны, наличием социального неравенства и государства (в его первоначальной, примитивной форме), а с другой – отсутствием общественных классов, характеризовавшихся различным отношением к средствам производства (*Данилова* 1968, с. 28–30).

В попытках найти выход из создавшегося тупика некоторые историки предложили идею полупатриархальных-полуфеодальных обществ. Одни историки усматривали переходный характер данной стадии в сочетании различных укладов: первобытно-общинного, рабовладельческого и раннефеодального /в СССР наиболее последовательно эту точку зрения отстаивал С.В. Юшков (1946)/, другие – в наличии институтов и отношений, отличных от известных в первобытном, рабовладельческом и феодальном обществах. Второй подход с точки зрения теоретического анализа ставил перед сторонниками пятичленной схемы серьезные препятствия. Конкретная характеристика подобных обществ противоречила тезису об их переходном состоянии. По сути, вновь ставился вопрос о необходимости вывести эту стадию за пределы феодализма.

Таким образом, в СССР еще в период разработки теоретической схемы под самыми различными названиями – «варварское», «полуфеодальное», «полупатриархальное», «дофеодальное», «прафеодальное» и др. – специалисты фактически пытались ввести в нее новую стадию всемирно-исторического процесса. Речь шла об обнаруженной на разных континентах универсальной общественной структуре. Ее отличительными чертами являлись сохранение массой непосредственных производителей личной свободы, экономической самостоятельности, и вместе с тем – наличие социального неравенства и эксплуатации. Причем, последние связаны не с различным отношением к средствам производства и условиям труда, а с различиями в социальном статусе и выполняемых общественных функций. Природа и происхождение социальной стратификации здесь совсем иные, чем в рабовладельческом или феодальном обществах (*Неусыхин* 1967; 1968; *Данилова* 1968, с. 44–45).

Еще в ходе дискуссии 20–30-х годов XX в. выяснилось, что принятые в советской историографии понятия рабовладельческой и феодальной формации не охватывали все многообразие форм докапиталистических классовых обществ. Многие древние и средневековые общества не подходили под установленный стандарт. В частности, на основе изучения германских племен I тысячелетия н.э. А.И. Неусыхин (1967; 1968) достаточно убедительно показал, что их общество не относилось ни к первобытным, ни к рабовладельческим, ни к феодальным социумам. Первобытное равенство здесь уже утрачено. Но монополия господствующего класса на условия и средства производства еще отсутствовала.

Различия между представителями общественных слоев в раннеклас-

совом социуме были не столько экономическими, сколько социально-правовыми, связанными с происхождением и статусом лица, точнее, той группы, к которой оно принадлежало. Например, знатный мог быть и не богаче незнатного, но статус их оставался различным. Различия в происхождении знати и рядового свободного населения осознавались как сакральные: божественной родословной королей и /военной/ аристократии противопоставлялось отсутствие таковых у рядовых соплеменников. Иными словами, права конкретного человека устанавливались на основе его происхождения, родословной (*Гуревич* 1968, с. 413–415).

В ходе конкретных исследований все больше и больше становилось очевидным, что рабовладельческие и феодальные общества не вырастали непосредственно из первобытного общества. Стало также очевидным, что монопольная собственность господствующего класса на землю /в любой форме – светском, церковном, частном, государственном, условном или безусловном землевладении/ складывается на довольно позднем этапе, когда уже существовало социальное неравенство и государство с достаточно сложными и разветвленными функциями. По мнению некоторых отечественных историков, в Древней Руси зачатки крупного землевладения вряд ли можно отнести ко времени ранее второй половины XI в., а классовое общество и государство, получавшее от массы населения дань, налоги и повинности, возникли гораздо раньше. В Западной Европе процесс возникновения государства также опережал по времени формирование крупной земельной собственности (*Корсунский* 1963; *Данилова* 1968, с. 41–43).

Конечно, в советской историографии сторонники неоднолинейного развития исторического процесса составляли явное меньшинство. Жесткой критике подвергалась сама идея «предфеодальной» формации. Ее выделение как особого этапа всемирной истории считалось неоправданным методологически. Стадия развития, когда общество уже переставало быть социально однородным, а лично свободные крестьяне-собственники снабжали «верхи» продуктами питания, трактовалась как «ранний феодализм». Взимание налога с общинников понималось как «форма коллективной эксплуатации непосредственных производителей господствующей верхушкой». При этом сторонников «пятичленки» не смущало то, что существование первых «королей» и их дружины держалось на приношениях соплеменников и военной добыче. Например, Н.Ф. Колесницкий, признавая бытование в прошлом раннеклассовых структур, в то же время отмечал: «Если не связывать себя представлением о феодализме как о сеньориальном строе, то описанный тип отношений вполне укладывается в начальную стадию феодальной формации. Феодализм существовал и в 'государственной' форме, при которой вовсе не обязательно лишение крестьян личной свободы или экспроприация их собственности... между частновотчинной и государственной формой эксплуатации населения не существовало коренных отличий». Считая все виды изъятия прибавочного продукта в докапиталистических обществах *эксплуатацией*, ученый утверждал: «Государственные повинности /налоги, натуральные службы/ явля-

лись начальной, а частновотчинные /рента/ – последующей формой эксплуатации одного и того же типа» (*Колесницкий* 1968, с. 636).

В последние годы резко увеличился интерес к нелинейным или многолинейным формам социальной эволюции, в том числе – в нашей стране (один из последних примеров – *Alternatives of Social Evolution. Vladivostoc, 2000*). В данной работе нет необходимости детально останавливаться на развитии взглядов сторонников нелинейного развития исторического процесса (тезисный обзор ключевых работ по данной теме см.: *Claessen* 2000, P. 1–4).

А.В. Коротаев на примере сабейской цивилизации привел аргументы против «ставшей к настоящему времени почти классической однолинейной в своей основе схемы социально-политической эволюции: община (локальная группа) – вождество – /сложное вождество/ – раннее государство – зрелое государство /*mature state*/» (*Коротаев* 1997, с. 134–135). Основы данной однолинейной схемы заложены Э. Сервисом. Несмотря на критику концепции однолинейной эволюции /недавно он вновь повторил: «Evolution is unilinear, but multidirectional» (*Claessen* 2000, P. 9)/, Х. Классен фактически не видит альтернативы политической эволюции от локальной группы через вождество и раннее государство к государству зрелому.

Отметим еще одно наблюдение А.В. Коротаева: «Хорошо интегрированная территориальная общность /даже если она является достаточно большой, сложной и развитой в сравнении, скажем, со средним вождеством/ совсем не обязательно должна быть политически организована как государство». По мнению ученого, такую стадию общественного развития представляла собой среднесабейская цивилизация. Для обозначения подобных политических систем в современной политантропологии отсутствует сколько-нибудь адекватный термин (*Коротаев* 1997, с. 137–138).

При характеристике первых этнополитических образований государственного типа историки все чаще прибегают к понятию «раннеклассовое /'раннеполитическое', 'раннегосударственное сословное'/ общество». В самом общем виде под ним понимается общество, где эксплуатация /в широком толковании этого термина/ осуществляется путем присвоения части прибавочного продукта правящей знатью, благодаря ее власти-собственности и за счет выполнения редистрибутивных функций. Частнособственническая эксплуатация при этом либо отсутствует полностью, либо не играет существенной роли (*Васильев* 1982; *Илюшечкин* 1986, 1990; *Куббель* 1988; *Павленко* 1989; *Ранние формы*...1993; 1995).

Позднепотестарную организацию, именуемую *вождеством*, специалисты понимают по-разному. Одни определяют вождество как *политию* /от древнегреческого слова со значением «политическое устройство»/, «которое централизованно организует население региона, исчисляемое тысячами» (*Коротаев* 1996, с. 84), другие понимают его как «классическое племя», взятое в его социально-политическом аспекте (*Маретина* 1995, с. 80, 81, 103), третьи, напротив, исключают племя из ряда централизованных единиц социально-политической интеграции, считая, что «вождества различного уровня сложности» образуют ряд «промежуточ-

ных форм, которые... постепенно развивались из эгалитарных обществ и предшествовали... примитивным государствам» (*Лынша* 1997, с. 182), четвертые вождество трактуют как форму «социально-экономической организации и организации власти в эпоху далеко зашедшего разложения *первобытного общества*» (*Свод*...1986, с. 34). Все чаще высказывается мысль о неоднородности самих вождеств на различных этапах их эволюции. В частности, различают вождества простые и сложные (см., например: *Крадин* 2001, с. 25–27, 29).

Различные взгляды на сущность вождества приведены в вышеназванном сборнике «Alternatives of Social Evolution». Так, Р. Карнейро отметил возросший в последнее время интерес к таким социальным организациям, как вождество и государство. Природу этого интереса исследователь видит в попытках найти ответ на вопрос: каков механизм становления этих более сложных политий, и как точно определить ступень их эволюции (*Carneiro* 2000, P. 52). Ч. Спенсер в небольшой статье поднял целый ряд спорных вопросов: специфические черты феномена вождества и его параметры, «дары» вождю и механизмы утверждения его власти, математическая модель экономики вождества и отличие последнего от государства (*Spencer* 2000, P. 154–165). Н.Н. Крадин, рассматривая процесс политогенеза у номадов, обратил внимание на формы организации власти в социумах Степи, структуру «империй» номадов, отличия вождеств от ранних государств (*Kradin* 2000, P. 274–288). А.В. Коротаев отметил специфические черты вождества, отличающие его от племени и ранних форм государства (*Korotayev* 2000, P. 242–257). А. Саузал предложил свое видение формирования ранних форм государства (*Southal* 2000, P. 150–153).

Суммируя различные точки зрения, высказанные в мировой науке на сущность вождества (*чифдома*), Н.Н. Крадин получил следующую его дефиницию: «Специфическая форма социополитической организации позднепервобытного общества, которая, с одной стороны, характеризуется как система, имеющая тенденции к интеграции путем политической централизации, наличием единой редистрибутивной экономики, единой идеологии и т.д., а с другой стороны – как система, имеющая тенденции к внутренней дифференциации посредством специализации труда /в том числе управленческого/, к отстранению непосредственных производителей от управления обществом, формированию элитарной и народной культуры» (*Крадин* 1995, с. 17).

Специалисты отметили сложность при определении границ между вождеством и государством, а также сохранившиеся неясности с этим институтом. Признавая оправданность выделения такого рода социально-потестарной структуры, некоторые историки задаются вопросом: насколько универсально распространение вождества (чифдома), какова его историческая оценка, каков размер его территориальных границ. «Не слишком удачен и сам термин – как прямое заимствование из английского, так и тяжеловесная калька с него» (*Маретина* 1995, с. 79).

В данной работе позднепотестарное /*стратифицированное* – по тер-

минологии М. Фрида (*ИПОЭК*, с. 235)/ общество или вождество будет также называться *чифдомом*. В отечественной литературе вождество одним из первых наиболее подробно проанализировал Л.С. Васильев (1983, с. 32–40). С поправками Л.Е. Куббеля (1988, с. 153–156) под чифдомом понимается основанная на нормах генеалогического родства, знакомая с социальным и имущественным неравенством, разделением труда и обменом деятельностью, с имевшей тенденцию к сакрализации властью позднепотестарная структура, главной функцией которой была административно-экономическая, отражавшая объективные потребности усложнявшегося коллектива. Чифдом являл собой тот этап, на котором правитель из слуги общества начинал становиться его господином.

Возрастание значения военной деятельности в позднепотестарных обществах обусловило появление военно-иерархических структур, служивших одним из самых распространенных и действенных механизмов, посредством которых осуществлялась институализация власти. Война все более превращалась в постоянный промысел. В связи с этим большое значение приобретает анализ институтов военных *лидеров*, *вождей*. При всей близости последних терминов, между ними имеется разница. *Лидерами* или *предводителями* называются лица, занимавшие руководящий неформальный пост, достигшие его благодаря личным качествам и успехам. Термин *вождь* применяется лишь к лидерам, которые занимали фиксированную должность по наследственному или псевдонаследственному праву (*Шнирельман* 1985, с. 69). Собственно, процесс постепенного превращения лидера в вождя и составляет, по Л.Е. Куббелю (1988, с. 98–99), процесс институализации власти в самом обобщенном виде.

И, наконец, термин *государство*. В настоящее время существуют два наиболее популярных подхода к государству. Для марксистов в государстве основная черта – насилие, с помощью которого элита эксплуатирует народ. Неоэволюционисты, понимая государственность как определенный уровень социокультурной интеграции, акцентируют внимание на позитивных регулирующих факторах власти (*Крадин* 1994, с. 66). П.Л. Белков (1995, с. 171–178), анализируя марксистскую и веберианскую концепцию государства, приходит к выводу, что обе имеют общий знаменатель – «насилие». Вместе с тем автор подчеркивает, что «в науке, по крайней мере, на операциональном уровне, вообще не существует определений государства», т.к. на деле они «оказываются более или менее подробными списками институтов государства». Отсюда стремление П.Л. Белкова разграничить понятия «государство» и «институт государства»; в итоге, по его мнению, первым термином следует обозначить «средства буржуазного управления».

Под термином *государство* здесь и далее понимается основной институт власти в классовом обществе, ядро его политической системы. Принципиальная грань между потестарной организацией, обеспечивающей функционирование доклассового общества, и государством, функция которого – обеспечить сохранность классовой структуры общества и привилегий меньшинства, заключается в характере власти (*Свод*...1986, с. 41–42).

II.

НЕКОТОРЫЕ ПРИЧИНЫ АСИНХРОННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА НА СРЕДНЕВЕКОВОМ СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Общественный строй народов Кавказа во все времена поражал исследователей разнообразием форм. Это обстоятельство сторонники гипотезы *рефугиума* /убежища в горах или отступления в горы/ считают следствием расчлененной и фрагментарной структуры гор, где каждая долина или бассейн реки могут формировать свой собственный особый мир. Другое широко распространенное мнение интерпретирует разнообразие культур горских народов как следствие долго продолжавшегося уединения и изоляции горских обществ, что было вызвано и усилено ограниченной доступностью (*Горы* 1999, с. 20). В этой связи становится понятным, почему структура социумов Кавказа имела различные формы. Как отмечал Г.Ф. Чурсин, здесь «можно наблюдать самые разнообразные формы хозяйственного быта и материальной культуры, разнообразные типы социального строя и общественных взаимоотношений... Разнообразие форм быта и культуры кавказских народов имеет свои корни частью в особенностях исторического прошлого, частью в своеобразии условий природы, служившей материальной базой, на которой слагались хозяйство и быт местных народов» (*Чурсин* 1926, с. 202).

Для процесса социальной стратификации горцев всего мира в целом характерен ряд особенностей. Во-первых, в горах процесс становления классовых категорий оказался несравненно более длительным, чем на равнине: развитие шло не по линии генезиса крупных региональных и этнических объединений государственного типа, а по линии локальной сегментации общества. Социальная организация горских народов включала сумму автономных децентрализованных общин, которые лишь в отдельных случаях объединялись под общей политической властью. Вторая особенность – неуниверсальный характер социальной стратификации: не у всех горских народов спонтанное развитие привело к выделению привилегированных социальных групп. Нередко социальное равенство в пределах общины не было нарушено вплоть до прекращения изоляции горных районов. Наконец, третья особенность – разновременность процесса классообразования у разных этносов, что проявлялось даже в пределах ограниченного региона (*Маретина* 1987, с. 159–160).

Эволюция общественного строя древних обществ зависела от многих факторов. К названным выше /см. параграф 2 главы I/ можно отнести идеологию, экономику, численность населения /в соотношении с размером производимого в том или ином социуме объема продуктов питания/, географический фактор, социально-политическое влияние внешней среды и т.д. (*Claessen* 2000, P. 2–3).

Отечественные и зарубежные исследователи не раз обращали внимание на необходимость определения роли экономики в процессе формирования ранних государств. Один из последних примеров – статья Ч. Спенсера, посвященная «формированию моделей древних ранних государств, специфических черт политико-экономического аспекта этого процесса» (*Spenser* 2000, P. 154).

В советской историографии роль экономики, как фактора, влияющего на социальные процессы, нередко переоценивалась. Конечно, изменения в производстве отражались на облике докапиталистических обществ. Однако изменения, связанные даже с таким важным нововведением в производстве, как начало использования железа, не были единственно решающими в определении характера и направления социальной эволюции (*Васильев* 1968, с. 514–515).

Одним из факторов, обусловивших разницу в темпах общественного развития, асинхронность социальных процессов, являлись природно-климатические различия. Прежде чем коснуться этих проблем, отметим: до сих пор, как это ни парадоксально, общепринятого определения понятий *горы* и *горные районы* нет. Существует лишь ряд критериев, отличающих «горную» территорию от «негорной»: абсолютная высота над уровнем моря; уклон склонов; вертикальная поясность растительности и ландшафтов; изменчивость, контрастность и суровость климатических условий; повышенный риск природных и стихийных явлений и т.д. Если использовать расширенное толкование, под которое попадают горы средней высоты, тогда горцами в настоящее время можно считать около 10% населения Земли (*Баденков, Транин* 1997, с. 55; *Горы*, 1999, с. 15).

Горы, как считают сторонники теории «убежища», в отличие от равнины, обычно имеют менее благоприятные условия для сельскохозяйственных занятий, поэтому менее подходящи для расселения человека. Это связывают с суровыми условиями – низкой температурой, дефицитом обрабатываемых земель, неудобными транспортными коммуникациями и т.д. Однако, если горы действительно так неблагоприятны, то они теоретически должны были превратиться в заброшенные экозоны. Следовательно, во всех случаях, когда в горах обнаруживается значительное оседлое население, это может рассматриваться как результат каких-то войн, действий центрального правительства или независящих от человека обстоятельств. Но почему тогда так много конфликтов в неблагоприятных для жизнедеятельности человека местах?

Возможно, горы действительно принадлежат к беднейшим регионам мира. Но и на равнинах также есть исключительно бедные районы. С

другой стороны, хотя некоторые горы довольно пустынны, особенно там, где скудные осадки и отсутствие лугов не позволяют прокормиться даже пастбищным животным, есть также и относительно богатые горные территории. Последние исторически были и сейчас остаются плотно заселенными благодаря своим сельскохозяйственным и лесным ресурсам, а не потому, что население было силой вытеснено с равнины (*Горы* 1999, с. 110–111).

Традиционная система хозяйства практически у всех горцев мира была нацелена на использование естественных пастбищ в различных высотных поясах: сезонным выпасом овец вне зон поселения людей. Земледелие в структуре хозяйства горных территорий занимало второе место после скотоводства. Однако система высокогорного сельского хозяйства никогда не могла дать требуемых излишков на черный день. Поэтому годы неурожаев /независимо от причин/ весьма существенно затрудняли и без того сложную жизнь горцев, буквально ставили их на грань жизни и смерти. В далекие времена грабеж торговых караванов, военная служба и набеги на равнинных соседей служили своеобразной компенсацией локального дефицита продовольствия. Такой подход к увеличению объема необходимых продуктов за счет внешних источников практиковался во многих удаленных районах. Устное народное творчество дает немало примеров этого (*там же*, с. 20).

В то же время, естественная окружающая среда до сих пор «остается одним из наиболее важных факторов, определяющих культуру жизни в горах» (*там же*, с. 20). Различия естественного плодородия почвы на равнине и в горах /а также в самой горной зоне/ оказали существенное влияние на общественный быт народов Северного Кавказа. По мнению А.Р. Магомедова (1976, с. 131), изучение истории Кавказа следует начинать с характеристики физико-географических особенностей региона, предопределивших позднее специфические черты жизни его населения. Однако, отмечал В.Г. Котович (1982, с. 129), недооценка естественно-географических условий в становлении производящего хозяйства у горцев отчетливо выступала в исследованиях советских ученых. Между тем, земля является важнейшим фактором производительной силы труда, и, как писал К. Маркс, «если мы отвлечемся от большего или меньшего развития общественного производства, то производительность труда окажется связанной с естественными условиями» (*Маркс и Энгельс*, т. 23, с. 521).

С.М. Броневский в начале XIX в., говоря о специфике климатических условий региона в целом, отмечал: Северный Кавказ совершенно закрыт «от благоприятных полуденных ветров» и подвержен «всей суровости северных ветров, приходящих беспрепятственно чрез обширные степи, от коих, как известно, стужа ветров умножается». По этой причине «климат сей части, хотя она лежит в умеренной полосе, вообще суров, за исключением некоторых заслонов от севера. Теплейшие страны находятся в понизовьях Терека и Кубани...» (*Броневский* 1999, с. 93).

Развитие хозяйства народов Северного Кавказа определялось, преж-

де всего, вертикальной зональностью. Каждая зона обладала особыми климатическими и почвенными условиями (*Калоев* 1973, с. 45–46). Так, в Дагестане приморские районы – преимущественно плодородные земли. Предгорье /хребты высотой 500–600 м/ характеризуются лесами, богатой растительностью, плодородными долинами и котловинами. Горный или внутренний Дагестан – зона непрерывных гребней свыше 2000 м. По определению дореволюционных наблюдателей, «нет горной страны угрюмее, суровее и бесплоднее внутреннего Дагестана». Действительно, горные районы бедны растительностью. В то же время долины рек, плато (Хунзахское, Гунибское и др.) и некоторые склоны пригодны для земледелия и садоводства, имеются сенокосные угодья. Высокогорный Дагестан отличается холодным, влажным климатом. Земля практически непригодна для сельскохозяйственного использования (*История Дагестана*, с. 131–132; *Хашаев* 1961, с. 6–9).

Аналогичная картина наблюдалась во многих ущельях Северного Кавказа. Н.Ф. Грабовский писал по этому поводу: «Земля горцев, за редкими лишь исключениями, состоит из крутых покатостей, зачастую не дающих ровно никакой растительности... Вблизи жилищ встречаются искусственно устроенные террасы для посева хлебов. Нужно видеть эти террасы, чтобы судить о громадности труда, потребовавшегося на устройство их» (*Грабовский* 1870, с. 9–10).

Буквально ту же оценку географической среды, но на примере одного – Кистинского – общества, дал А. Зиссерман: «Я не видел ничего мрачнее... Главная причина бедности людей – совершенное отсутствие удобных земель для хлебопашества и пастьбы скота. Все ущелье – ряд голых скал» (*Зиссерман* 1879, с. 118). «Самый же крайний недостаток хлеба чувствуется у цоринцев». Удобной для посева зерновых земли крайне мало, «и местные жители не оставляют ее без посевов; но ежегодно бывающие там периодические сильные бури и град, по словам туземцев, доходящий величиною с голубиного яйца, истребляют совершенно посеянный хлеб» (*Грабовский* 1870, с. 11).

Штедер во время своей поездки по ущельям Осетии в 1781 г. отметил локальные особенности природных условий в различных ущельях. Кобанцы, по его свидетельству, живут в местности, где заканчиваются лесистые предгорья, «долины узки, но плодородны, сильно заселены». Куртатинцы по Фиагдону составляли «округ один из наиболее обширных, многолюдных и плодородных... земледелие вполне обеспечивает жителей. Долина тянется к юго-западу на протяжении 8 верст». У истоков р. Урсдон Штедер отметил «два наиболее значительных селения Кубати». Местное население разводило «бобы, турецкий маис, редьку, огурцы и большое количество обыкновенного зеленого табака; всем этим они торгуют с Моздоком. Они хорошо обрабатывают поля... У них имеются большие стада, в сравнении с другими горцами они зажиточны, в чем им помогли плодородная почва и хорошее местоположение» (*Steder* 1797, S. 79–80, 85, 93–94).

Конечно, не во всей Осетии природные условия были столь благоприятными. По мнению наблюдателей первой трети XIX в., в осетинских обществах обработка земли «очень незначительна; поскольку она имеет место лишь в небольшом числе мест, где среди скал есть немного пригодной для земледелия... земли... Поля почти всегда расположены на очень отвесных склонах, что делает пахоту очень трудной» (*Бларамберг* 1992, с. 155–156).

Пашни горной Осетии делились на две категории: «внутреннюю» и «внешнюю» землю. Первые находились на дне ущелий, имели ровную поверхность и относительно глубокий слой плодородной почвы. Такие участки составляли 10% от общего числа пашни. Вторые (90%) располагались на склонах гор с уклоном 45–70 градусов (*Кипиани* 1894, с. 25).

Для Северного Кавказа, помимо вертикальной, характерна и горизонтальная зональность. А. Есиев обратил внимание на то, что через всю Осетию проходят две природные полосы: «Белых» и «Черных» гор. Сравнивая природу данных зон, он заметил разницу. В первой – горы «изобилуют лесом и роскошными пастбищами и сенокосами», во второй – «черны, голы и суровы» (*Есиев* 1901, с. 7–8).

В описании Военно-Осетинской дороги середины XIX в. довольно подробно охарактеризованы природно-климатические особенности Алагирского общества. «Равнина почти без леса, покрыта лугами и пашнями... Ущелье р. Мамисона... занято или пашнями, которые расстилаются преимущественно на довольно широком дне ущелья, или горными лугами... Ущелье Ардона отличается более диким своим характером ... Касариком имеет вид узкой трещины, с отвесными стенами, сплошь покрытыми обломками скал» (*Архив СОИГСИ*, ф.1, д. 218, л. 6–11).

В.Ф. Миллер во время своих научных экспедиций по ущельям Осетии в 1880 г. четко проследил границу «Белых» и «Черных» гор в Уалладжире – она проходила чуть выше Алагира. «Черные» горы – «полоса скалистых, лишенных растительности гор». От впадения в Ардон реки Садон «снова начинается растительность; местность оживляется, по берегам растут сосны, березы, клены». В Дигории также отмечены различные природные зоны. Начало спуска в долину Сонгутидон – «роскошные альпийские луга», а ближе к аулу Камунта они «опять сменились мало-помалу бесплодными утесами, подножие которых покрыто скудною, пожелтевшей травой. Кругом ни кустика, ни дерева, всюду – груды камней и мелкий щебень». Полная противоположность – долина Уруха: «Вы опять вступаете в царство свежей и богатой растительности» (*Миллер* 1881, с. 62–64, 67, 84–85).

Аналогичную картину наблюдал в Куртатинском обществе английский путешественник Д.Ф. Бэдли (1940, с. 46): «В Тменикау можно ясно увидеть линию, о которой я уже говорил, между так называемыми Черными и Белыми горами. Она проходит на запад к склону между Уналом и Мамисонской дорогой». В горах Тагаурского общества между Чми и Санибой «везде роскошные луга, цветы и душистые травы» (*Дирр* 1912, с.258).

Следует учитывать и различия почвенного покрова. В частности, территория горной Осетии подразделяется на пять почвенно-геоморфологических районов: 1) высокогорный Туалгом, 2) горные цепи Центрального кристаллического пояса, 3) продольная межгорная депрессия, 4) куэстовые гряды Скалистого хребта, 5) низкие горы. Перечисленные районы отличаются почвообразующей породой (*Пхалагова* 1976, с. 26–31).

Как видно, объект применения человеческих усилий – земля – в средневековых обществах Осетии различалась по качеству и количеству. Аналогичное положение было на всем Северном Кавказе (*Маслов, Керефов* 1964, с. 7–50).

Различия природного плодородия почвы означают, что на производство единицы продукции в одном месте региона понадобится больше /или меньше/ времени и физической энергии, нежели в другом. При одинаковой мере труда на равнине сельскохозяйственной продукции производилось больше, чем в полосе «Белых» гор и намного больше, чем в «Черных». Размер прибавочного продукта на равнине, естественно, превышал прибавочный продукт горной зоны. Говоря о «Черных» горах, речь скорее нужно вести лишь об избыточном продукте. Последний отличался нерегулярностью, большей зависимостью от экологической обстановки, нежели от уровня технологического развития. Напротив, регулярный прибавочный продукт, обладая способностью к перераспределению, создавал потенциальные возможности классообразования (*Хазанов* 1979, с. 129).

Н.И. Вавилов Кавказ относил к числу древнейших земледельческих очагов. По убеждению ученого, в прошлом земледелие максимальное развитие получило не в наиболее легких для освоения районах, а наоборот, в суровых условиях горной зоны, в пустынях Египта, Месопотамии и т.д. (*Вавилов* 1936, с. 74, 76). Мнение Н.И. Вавилова о кавказском центре происхождения культурных растений вызвало споры среди специалистов. Одни исследователи /Н.Г. Нариманов, М.Г. Гаджиев, В.Г. Котович, О.М. Джапаридзе и др./ предпосылки перехода к производящему хозяйству обнаруживают еще в мезолите, другие /В.М. Масон, С.А. Семенов, Г.Н. Лисицына/ считают этот период довольно поздним. Археологические находки подтвердили правоту Н.И. Вавилова (*Котович* 1982, с. 128).

По мнению ряда археологов, определенные изменения в земледелии рассматриваемого региона произошли в кобанский период: на смену деревянному серпу с кремневыми вкладышами пришел бронзовый серп (*Крупнов* 1961, с. 313; *Деопик, Крупнов* 1961, с. 27). Возникновение металлических орудий для сбора урожая, указывающих на большой скачок в земледельческой технике, Е.И. Крупнов связывал с переходом от мотыжного земледелия к плужному, во всяком случае, в предгорьях и на равнине. Об этом же, как считал ученый, свидетельствуют широкий ассортимент глиняной посуды скифского времени, зернотерок и даже первых небольших жерновов, наличие хозяйственных ям. В горной зоне земледелие оставалось более примитивным, нежели на равнине, и являлось,

очевидно, мотыжным. В середине I тысячелетия до н.э., по предположению Е.И. Крупнова, в предгорье появилось примитивное легкое пахотное орудие (*Крупнов* 1961, с. 313–314), прообраз позднейшего рала, имеющего многие локальные и этнические особенности. Правда, это орудие даже в средние века распространилось не по всему региону и не могло вытеснить мотыгу. Последняя у разных народов также имела специфические черты. Применявшаяся в средневековой Дигории киркообразная мотыга с острым и плоским концом была присуща только данной этнической группе (*Калоев* 1979, с. 6). На Центральном и Северо-Западном Кавказе в могильниках VIII–IX вв. и более поздних обнаружены тесламотыжки. Крупные орудия подобного типа могли использоваться для обработки земли (*Алексеева* 1971, с. 109–110; *Ковалевская* 1984, с. 158).

К рубежу I–II тысячелетий н.э. разница в технологии и наборе орудий труда между равниной и горами стала еще более зримой. В равнинной зоне Северного Кавказа, как и в Европе, наибольшие изменения наблюдались в орудиях пахоты, главным образом, в сторону расширения их функций. Эволюция шла от рала к плугу. Например, у древнегерманских племен использование плуга требовало упряжки от двух до четырех пар волов. Плуг стал наиболее эффективным орудием хлебопашества на освоенных /расчищенных/ землях, «обработка которых проводилась исключительно силами больших семей» (*Абрамович* 1981, с. 63). На севере Европы во второй половине I тысячелетия н.э. развитие экономики также связано с использованием эффективных орудий труда и новых сельскохозяйственных культур. Так, в климатических условиях Балтики рожь оказалась продуктивнее пшеницы. Распространение ржи в качестве основной сельскохозяйственной культуры привело к стабилизации и росту урожаев зерновых. Этому же способствовало распространение железных сельскохозяйственных орудий после увеличения добычи железа из болотной руды, имевшейся во всех странах Балтики (*Херрман* 1986, с. 11–12).

В ходе археологических раскопок в равнинных местностях Северного Кавказа найден сельскохозяйственный инвентарь: лемеха плугов, чересло, сошники, серпы, коса и т.д. (*Кузнецов* 1984, с. 149–150). На Северо-Западном Кавказе в культурном слое X–XIII вв. найдены небольшой серп и плужный нож-чересло. Последний представляет собой массивный железный нож длиной 45 см с четырехгранной в сечении толстой /1,9 см/ тыльной стороной. Наибольшая ширина лезвия – 5,5 см. Чересло, прикрепляемое вертикально к дышлу плуга, нарезало пласт почвы, который переворачивался идущим сзади лемехом. Чересло – принадлежность усовершенствованного плуга, поэтому его находка свидетельствует о весьма высоком техническом уровне плужного земледелия (*Алексеева* 1971, с. 110–111).

В 20–30-х годах XX столетия на территории Кабардино-Балкарии обнаружено несколько железных лемехов. Длина одного из них составляла 0,6 м, вес – 8 кг 615 г. По мнению специалистов, подобный тип ору-

дия абсолютно непригоден для горного земледелия. Он применялся на равнине при пахоте на волах или буйволах. В плуг с таким лемехом впрягалось 8–12 пар волов. В процессе работы данное пахотное орудие отрезало и переворачивало пласт размером 60–80 см, что по сравнению с ралом обеспечивало очень высокую производительность труда (*Кузнецов* 1971, с. 52–54). Археологи относят данные находки к XI–XII вв. Анализ этнографических данных привел Б.А. Калоева к заключению о наибольшем распространении на равнине тяжелого адыгского плуга, возникшего еще в предмонгольскую эпоху (*Калоев* 1971, с. 76).

Наряду с тяжелыми плугами в X–XII вв. существовали и более примитивные виды пахотных орудий. Например, деревянное рало – орудие очень легкое, рассчитанное на одну-две пары волов. Производительность рала была сравнительно невысокой: в горных условиях вспахивали не более полудесятины за день (*Кузнецов* 1971, с. 55–56). Долгое время это сельскохозяйственное орудие в кавказоведческой литературе именовали сохой. Б.А. Калоев (1979, с. 5) более правильным считает название «рало». Хотя оба термина могут обозначать одно и то же орудие. В этой связи медиевисты отмечают, что латинское *aratrum* нередко неточно переводится как «небольшой плуг», «бесколесный плуг» и т.д. *Aratrum* «лучше и точнее переводить общеславянским термином 'рало' /орати – пахать, оратай – пахарь/, который лучше всего передает значение этой древнейшей формы орудия конной и воловьей тяги, одним из видов которого является русская соха». В отличие от асимметричного плуга, существенные элементы рала расположены симметрично. В результате ось тяги и ось сопротивления совпадают с грядилем, приходящимся на середину орудия (*Сказкин* 1973, с. 15–19). На Кавказе рало, как правило, применялось в горных долинах, реже – на террасных участках. Говоря о последних, необходимо отметить, что развитие террасной системы земледелия явилось крупным агротехническим достижением горцев. Терасирование не только препятствовало эрозии почв, но и способствовало их обновлению за счет элементов лиманности и намывов почв во время дождей и ирригации. Террасные поля существовали на всем Северном Кавказе, но распространенные в Дагестане и Чечено-Ингушетии имели одну особенность: высота межевых откосов составляла 1–2 м. На горных террасах, каменистых и подсечных участках обычно применялась мотыга (*Калоев* 1981, с. 11–12).

На примере пахотных орудий видна существенная разница между равниной и горами в наборе орудий и технологии. Тяжелые плуги обеспечивали несравненно более высокую производительность труда, нежели легкие, малопродуктивные рала, которые к тому же использовались преимущественно в полосе «Белых» гор; в «Черных» горах главным орудием долгое время оставалась мотыга.

Касаясь вопросов хозяйства, следует отметить еще один момент, несущий определенную социальную нагрузку. На Кавказе и Востоке, в отличие от Европы, в качестве тягловой силы использовались волы, а при

мотыжной обработке почвы – сам человек. Между тем, в Европе переход к технике развитого феодализма был связан с заменой волов лошадьми. Смена тягловой силы повлекла за собой не только более производительную технику, но и потребовала увеличения посевов зерновых. Если кормом для волов служила естественная растительность, то лошадь нуждалась в фуражном зерне, т.е. продукте питания самого человека. Это привело к необходимости перераспределения зернового фонда – совокупности прибавочного и необходимого продукта. Различия природных условий Европы, Кавказа и Востока делают трудно сопоставимыми агрокультуры этих регионов. «Но одно преимущество первой несомненно – европейское сельское хозяйство выходило к порогу нового времени с менявшимися орудиями, приемами агротехники и иным рабочим скотом» (*Жуков и др.* 1979, с. 184–185).

Использование упряжной лошади имело особое значение для развития пашенного земледелия, т.к. тягловая скорость лошади, согласно расчетам И. Херрмана, примерно вдвое выше, чем у быка или вола. Использование тягловой лошади привело к совершенствованию орудий труда. В частности, в восточно-славянских, финских и балтских областях с распространением упряжной лошади вошла в употребление соха с железным сошником, позволившая распахивать тяжелые почвы (*Херрман* 1986, с. 12–15).

Интересно, что в средневековой Европе смена тягловой силы вызвала множество споров. Не случайно лошадь не смогла полностью заменить вола даже в рамках одной страны. Если в северной Франции произошла почти полная замена волов лошадьми, запад, центр и юг Франции знают только волов. Лошади упоминаются в разного рода документах юго-западной Германии. В Италии волы употреблялись еще в XV в., в Испании – распространился мул, в Англии волы, последовательно защищаемые агрономами, использовались наравне с лошадьми. Английские агрономы XIII в. детально обсуждали вопрос о выгодности той и другой тягловой силы. Лошадь потребляла много овса, ее надо было подковывать: вол же не нуждался в этом. По подсчетам авторов XIII столетия, лошадь обходилась хозяевам в 3–4 раза дороже вола. К тому же вол более терпелив и вынослив; если он не стар, его можно продать на мясо, тогда как у лошади ценна только шкура. Французские агрономы, напротив, предпочитали лошадь, подчеркивая большое значение скоростной выносливости лошади, которая выполняла за день столько же работы, сколько 3–4 вола. В сыром, умеренном климате время работы часто имело решающее значение. Хозяева нередко готовы были заплатить дороже, но не тянуть с пахотой, ибо от этого зависел объем урожая (*Сказкин* 1973, с. 109–111).

На Кавказе в силу географических особенностей лошадь могла использоваться только на равнине, тогда как в горах, особенно на искусственных террасных участках, в качестве тягловой силы долгое время использовалась мускульная энергия самого человека. На протяжении все-

го средневековья горцы прилагали немалые усилия для удовлетворения своих потребностей в пище. В отдельных местах сеяли пшеницу, «а главным образом ячмень, да и тот... не всегда вызревает, погибая от ранних морозов. Скотоводство заключается в разведении овец и крупного рогатого скота и сравнительно с земледелием значительно прибыльнее». Хотя и эта отрасль хозяйства испытывала затруднения. Поэтому в горах «сыр и ячменный хлеб составляют постоянную и однообразную пищу жителей» (*Архив СОИГСИ*, ф. 1, д. 218, л. 16–17). В случае каких-либо природных аномалий или стихийных бедствий положение становилось критическим. М. Чулков (1785, с. 327) отмечал в конце XVIII в., что «в Осетии временно родится малое число хлебов, а других никаких припасов не имеется и во всем состоит дороговизна и недостаточность».

Производительные силы равнины и гор на Северном Кавказе различались также и по видам энергии. На равнине важный источник энергии – животные, водяные колеса, мельницы; в горах – человек-двигатель, его мускульная энергия. Со временем мельницы появились и в горных районах. В частности, в XIV в. они отмечены в дагестанских аулах Хунзах, Кадар, Аркас, Ирганай (*Хизриев* 1982, с. 7). Однако в горах водяные мельницы были редкостью, да и принадлежали они преимущественно феодалам. На это обратили внимание еще авторы XVIII в. «Порох, – писал И.Г. Георги (1776, с. 57), – делают они на ручных мельницах. У них вообще механических заведений мало; однако некоторые князьки построили у себя Русскими людьми мушные мельницы». Постройка и оборудование мельницы на протяжении всего средневековья являлись дорогим приобретением. Наличие у какой-либо родственной группы мельницы указывало на большой достаток. Когда у осетин возникала потребность в постройке сложного сооружения, например, башни, мастера в первую очередь спрашивали у заказчика: «А есть ли у вас мельница?». Основным механизмом помола оставалась ручная мельница. Ее продуктивность составляла в среднем 2 кг в час (*Пчелина* 1966). В то время как небольшая водяная мельница мощностью в 3 л.с. производила в сутки 3,5 т муки. При загрузке такой мельницы только на 25-30% полной годовой мощности она заменяла 90–100 работников на зернотерках или 25 работавших на ручных мельницах (*Алексеев* 1983, с. 164–182; *Ильин* 1983, с.22).

Таким образом, производительные силы в отдельных местностях Северного Кавказа находились на неодинаковой ступени развития. В политэкономическом смысле это означает несовпадение объемов сбора и обработки урожая, а в итоге – неодинаковую меру прибавочного продукта. А это уже непосредственно влияло на темпы классообразования, ибо возможность классообразования реализуется раньше или позже в зависимости от размера и характера прибавочного продукта, по своей природе способного к различной степени аккумуляции, т.е. к большему или меньшему ускорению социальных процессов. В советской историог-

рафии отмечалось, что одним из главных вопросов при исследовании причин возникновения классового общества является вопрос о наличии прибавочного продукта (*Хазанов* 1979, с. 127–132).

Следует учитывать и демографический фактор. Исходя из абсолютных цифр, большинство горных районов принято считать зоной с малой или очень малой плотностью населения. Однако, как справедливо подчеркивают Э. Гротцбах и К. Штадель, «более целесообразно рассматривать 'физиологическую плотность', т.е. число жителей на единицу площади сельскохозяйственных земель. Тогда можно понять величину нагрузки населения на землю, по крайней мере, для тех горных районов, которые в основном зависят от сельского хозяйства» (*Горы* 1999, с. 15). С этой точки зрения многие горные районы являлись чрезвычайно перенаселенными, учитывая их ограниченные сельскохозяйственные ресурсы. Перенаселение проявлялось в виде ряда явлений: постоянном разделе малых владений, что в некоторых случаях приводило к коллективному владению мизерными пахотными и сенокосными участками, а кое-где – даже к коллективному владению отдельными фруктовыми деревьями /афганский Гиндукуш/; дефиците продовольствия; необходимости поддержать семейный бюджет за счет мелкого кустарного промысла, сезонной работы вне горных территорий, военной службе или набегах на соседей, и, наконец, эмиграции (*там же*).

К сожалению, у нас нет точных данных о динамике плотности населения в горных районах Евразии. Средние подсчеты, точность которых специалистам представляется сомнительной, показывают, что в конце I тысячелетия в Британии плотность населения в Дэнло составляла 12 человек на кв. милю, 8 – в центральной Англии, в Корнуэллс – 3, в Уэльсе – 2. В раннем средневековье примерно треть жителей гибла в войнах и стычках, либо умирала от болезней и голода в возрасте до 8 лет. Ежегодно смерть забирала не менее 1% населения. Средняя продолжительность жизни европейца составляла, по-видимому, не более 40–45 лет, а в Восточной Европе и того менее – 34–39 лет. Средняя продолжительность жизни женского населения на четверть короче, чем мужского. Демографический фактор /прирост населения/ влиял на развитие производительных сил; увеличивая количество рабочих рук, он при недостатке природных ресурсов нередко стимулировал переход к более прогрессивным способам добывания пищи и других необходимых для жизни ресурсов. Это характерно для равнинных районов. В горных и неблагоприятных для хозяйственной деятельности районах прирост населения, обгоняя рост сельскохозяйственного производства, осложнял экономическое развитие и вызывал миграции; избыток населения использовался, в основном, в войнах (*История* 1985, с. 27–32).

Анализ состояния производительных сил Северного Кавказа позволяет сделать следующий вывод. Существенная разница в развитии производительных сил /и производительной силы труда/ между равниной и горами /а также в самой горной зоне/ является важной причиной асинх-

ронности процесса классообразования и неодинаковых темпов развития горских обществ. Однако такое положение не следует связывать только с разницей в развитии[1] средств производства, производительных сил вообще и различием объемов производства материальных благ[2]. Классообразование в горах тормозили особенности формирования крестьянской собственности на землю. Она возникала не как аллод, появление которого стимулирует формирование крупного землевладения, а как собственность группы лиц – родственников. Такая особенность довольно долго затрудняла мобилизацию угодий. Становление классовых отношений сдерживалось, по-видимому, и спецификой общины в горах. В структуре любой общины всех регионов, как пишет С.Д. Зак, заключена возможность феодализации. Но наиболее благоприятными условиями для генезиса феодализма обладала община-марка, вследствие значительной самостоятельности ее членов, большей заинтересованности в труде и хозяйствовании (*Зак* 1975, с. 278).

Для определения типологических черт «горского феодализма» актуальной задачей представляется изучение закономерностей и особенности синтеза общественных структур на Кавказе. Всякого рода влияния, завоевания и т.д. нельзя не только преувеличивать, но и недооценивать. Часто именно внешние воздействия оказывались решающими для судеб народов (*Гуревич* 1970, с. 18–19). Этот вопрос представляет особый интерес, т.к. обширный конкретно-исторический материал указывает на два пути при переходе от низших форм организации общества к высшим. Первый путь – сравнительно изолированное вызревание условий для такого перехода. Второй – переход к новой формации в результате столкновения с внешней средой /синтез/. В нашей стране синтез наблюдался практически повсеместно. Важно выявить наиболее типичные его формы, в том числе и на Кавказе.

Данные I тысячелетия указывают на многочисленные контакты горских племен с внешней средой. В частности, аланские племена вступили в тесное соприкосновение с локальными вариантами автохтонной культуры (*Кузнецов* 1975, с. 25-34; *Гадло* 1979, с. 164–165, 200). А.Р. Шихсаидов (1969, с. 43) допускает смешение «царства гуннов» с населением центральных районов горного Дагестана. Это первый тип синтеза на Кавказе. Главная его особенность заключалась в том, что контактирующие стороны находились примерно на одинаковой стадии общественного развития, характеризуемой чертами военной иерархии /демократии/. Последствия синтеза данного типа на уровне этникоса /по Ю.В. Бромлею/ влияли на этнические, а на уровне ЭСО – на социальные процессы.

Второй тип синтеза на Северном Кавказе представляет собой взаимодействие раннеклассовых социумов. Наиболее отчетливо данный тип прослеживается на примере истории Дагестана конца I тысячелетия. Мероприятия персидских и арабских завоевателей сыграли активную роль в ускорении социальных процессов в ряде районов Дагестана. В VI в. иранские цари на Восточном Кавказе опирались на местных правите-

лей, закрепив их власть над населением. В еще большей степени укреплению власти владельцев Дагестана способствовали арабские завоевания.

В целом политика арабов в Дагестане заключалась в опоре на местную знать, поощрении ее. Большинство покоренных арабами земель составили государственную собственность. Часть земель осталась во владении отдельных лиц. Позднее верховная власть стала отдавать участки в условное держание за службу /икт/; появились вакуфные земли и мюльки. Эксплуатация непосредственных производителей осуществлялась как в домениальном хозяйстве, так и путем централизованного сбора налогов /харадж, джизья/ (*Шихсаидов* 1969, с. 58–60, 103–112; *История Дагестана*, с. 142–144, 156–157). Дагестанские письменные источники образование шамхальства связывают с арабскими завоеваниями в VIII в. С этого момента и до XVII в., согласно наиболее распространенной точке зрения, центром шамхальства был Кумух, а не Тарки (*Гаджиев* 1989, с. 24–25). Правда, в начале X в. Масуди в описании владений /«мюльк»/ Дагестана отметил Гумик, жители которого «не подчиняются никакому царю, не имеют начальников» (*Minorsky* 1958, P. 155). В то же время Ибн-Рустэ сообщал, что «царь Серира имеет другой – крепкий замок, называемый ал-Ал (Алал) и Гумик /al-Al (Alal) and Ghumik/, где находится его сокровищница» (*Minorsky* 1958, P. 169). О Гумике, как одной из крепостей Серира, писал ал-Куфи (1981, с. 53).

По мнению ряда специалистов, своеобразием отличался процесс классообразования в Восточном Дагестане, где формирование государственности происходило на основе синтеза местных протоклассовых общественных структур и разлагающихся рабовладельческих отношений Кавказской Албании, в состав которой входила эта часть Дагестана.

Столкновение общинных и феодальных структур составляет четвертый тип синтеза на Северном Кавказе. Явления, связанные с ним, характерны для Балкарии, некоторых районов Чечни и Ингушетии, Дагестана, но особенно – для ущелий Осетии после татаро-монгольского нашествия. Вытеснение равнинных алан в горы привело к изменению характера и темпов становления классового общества. Важность наблюдений над этим процессом отметила Е.Н. Кушева (1969, с. 184).

Одним из главных условий сокращенного процесса развития является благоприятное соотношение социальных сил, что предполагает наличие класса или группы, которая становится движущей силой социально-экономических преобразований. Аланская элита и стала тем самым социальным слоем, который ускорил политические преобразования в горах. Резко возросшая плотность населения в сочетании с ограниченностью природных ресурсов также благоприятствовали имущественному неравенству и социальной стратификации. Результаты синтеза этого типа в любом уголке Кавказа во многом зависели от степени интенсивности взаимодействия сторон. Так, интенсивность синтеза в Алагирском ущелье была ниже, чем в соседних обществах Осетии (*Калоев* 1971, с. 42).

Соответственно неодинаковыми являлись его социальные последствия.

Таким образом, по имеющимся данным, на Северном Кавказе прослеживаются четыре формы синтеза. Интенсификация классообразования особенно отчетливо наблюдается в тех случаях, когда в контакт вступали протофеодальные организмы, либо при столкновении общинных и феодальных структур.

В силу перечисленных причин становление раннеклассового общества, а затем и феодализма в ущельях Северного Кавказа отставало от аналогичных процессов на равнине.

Примечания

1. Совершенствование техники и технологии производства характерны, главным образом, для эпохи позднего средневековья, поэтому термин «развитие» использован условно.

2. В зарубежной историографии сторонники «технического детерминизма» социальные перемены жестко связывают с техническими изменениями. Прогресс в материальном производстве и общественном строе объясняется исключительно развитием науки, либо рассматривается как чисто техническая проблема, без учета связи между базисом и надстройкой (*Stern, Gericke* 1978. S. 14, 25I Anm. 2).

III.

ПОЛИТОГЕНЕЗ И КЛАССООБРАЗОВАНИЕ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В НАЧАЛЕ Н.Э.

III. 1. От возрастных классов к мужским союзам

Для выяснения конкретного механизма классообразования необходим анализ традиционных общественных институтов – своеобразных лабораторий «исторического процесса, в которых элементы» уходящих социальных структур вплетаются в элементы новых, «поэтому их рассмотрение помогает вскрыть основные тенденции развития» (*Неусыхин* 1967, с. 75). В этой связи интерес вызывает процесс трансформации половозрастного деления архаических обществ на социальные группы, отличавшиеся по иным признакам. Данных, относящихся к Кавказу античного времени, практически нет. Однако имеется прекрасный материал по традиционным горским обществам.

В традиционных общественных моделях шкала структурирования по критериям возраста /и пола/ имела большое значение. *Возрастные классы* являлись, условно говоря, одним из «естественных» путей осуществления власти и властвования. Они проявили завидную живучесть и достаточно легко приспосабливались к различным ролям в зависимости от уровня развития общества и социально-экономической структуры в целом. На Кавказе, например, они сохранились до XX в. Критерий возраста «работал» на индивидуальном и групповом уровнях. Реальный биологический возраст нередко нес подчиненную нагрузку по отношению к возрасту социальному, являвшемуся основой образования социально значимых корпоративных групп. Последние состояли из лиц, физически готовых к общественной деятельности. Однако возрастные категории в жизни общества не имели самодовлеющего значения. Их реальное положение определялось во взаимодействии с критерием пола, что наиболее полно реализовалось в корпоративных половозрастных группах (*Калиновская* 1982, с. 60–61; *Карпов* 2000, с. 156–157).

Помимо возрастного, для народов Кавказа характерно и разделение по полам – существование социально и культурно детерминированных различий в поведении и статусно-ролевых функциях женщин и мужчин.

в горских обществах, где прочно сохранялись патриархальные традиции, статус мужчины в подавляющем большинстве случаев выше статуса женщины, соответственно статус мальчика – выше статуса девочки. Это нашло отражение в стремлении каждой семьи иметь как можно больше сыновей (*Пчелинцева, Соловьева* 2001, с. 58).

В северокавказских средневековых обществах половозрастное деление имело как общие черты, так и свою специфику. Наиболее выраженным разграничением мужских и женских ролей принято считать разграничение трудовых обязанностей на мужские и женские. Активность женщины в хозяйственных работах отнюдь не гарантировала высокого социального статуса. Семью, как правило, возглавлял мужчина. Из женщин относительно высоким статусом обладала старшая по возрасту (*Рагимова* 2001, с. 60–61).

В традиционном обществе адыгов отмечена некая двойственность положения женщины, определяемая «столкновением матриархальных комплексов и традиций рыцарства с господствующими патриархальными отношениями и религией» (Б.Х. Бгажноков). Оценка статуса зависела и от того, смотрели ли на него «со стороны» или «изнутри» (*Соловьева* 2001, с. 61–62).

Разделение труда в традиционной дагестанской семье имело ряд особенностей, обусловленных природно-географической средой, социально-экономической ситуацией и сложившимися нормами поведения. Достаточно четко фиксируется разделение обязанностей членов семьи в сельском хозяйстве. В горах мужскими считались: вспашка, сев, полив, косьба, уход за скотом вне дома, изготовление орудий труда и пр. Женскими работами считались прополка, уход за скотом дома, приготовление пищи, поддержка порядка в доме, изготовление одежды и т.д. В равнинной части Дагестана совершенно иная картина: все полевые работы выполнялись исключительно мужчинами; трудовая деятельность женщины ограничивалась работами по дому и воспитанием детей (*Рагимова* 2001, с. 57).

Как известно, одной из важнейших воспитательных функций в традиционной семье являлась межпоколенная передача детям практических знаний и хозяйственных навыков. Мальчики поначалу активно помогали матерям, а став постарше, включались в круг мужских работ. Обязанностью девочек были работы по дому и уход за детьми (*там же*).

На Кавказе мальчики, как правило, подвергались более интенсивной половой социализации, чем девочки. Мускулинные роли внедрялись более жестко и последовательно, чем фемининные. Зато мальчики получали больше свободы во внесемейной, социальной сфере деятельности. Конечно, это связано с дифференциацией целей социализации: девочек готовили преимущественно к выполнению домашних обязанностей, а мальчиков – к внесемейной, общественной деятельности (*Пчелинцева, Соловьева* 2001, с. 58–59).

В традиционном осетинском обществе выделялось несколько возрастных классов, внутри которых были еще градации. Так, первую группу

поколения *кастарта* (младшие) составляли дети, достигшие трехлетнего возраста. Конец младенчества и вступление в поколение *кастарта* отмечалось особым обрядом *цауггаг* – в буквальном смысле «по поводу способности свободно передвигаться». В день совершения обряда на мальчика надевали полный комплект мужской одежды со всеми его деталями, включая деревянный кинжал. В доме готовили угощение и приглашали соседей. После этого обряда мальчику разрешалось в сопровождении взрослых посещать свадьбы и похороны (*Чочиев* 1985, с. 85, сл.).

В сфере представлений половозрастной идеологии заключены корни обычаев избегания, согласно которым отец не должен был касаться детей. Это тем более распространялось на мальчиков до трех лет, в прошлом не считавшихся мужчинами. Хрестоматийным стал пример на эту тему, приведенный Коста Хетагуровым: «С моим отцом, – писал поэт, – когда он был еще ребенком, случилось следующее. На крыше четырехэтажного здания мать его оставила под присмотром отца. Ребенок, переползая с места на место, очутился у самого края крыши. Еще момент – и он теряет равновесие. Дед, однако, успел наступить ему на рубашонку, и мальчик повис над пропастью. Пока на крик ребенка не сбежались заметившие эту сцену соседи и не подняли его, верный традициям, дед стоял как вкопанный, и не сделал ни одного движения, чтобы освободить своего первенца от опасного положения. Я не помню, чтобы отец назвал меня когда-нибудь по имени»[1] (*Хетагуров* 1960, с. 340).

В десятилетнем возрасте мальчики переходили в другую группу поколения *кастарта*. С этого момента в их воспитании усиливался акцент на физическую подготовку, главное внимание уделялось джигитовке, искусству верховой езды. Еще в XIX в. по исполнении мальчику 10–12 лет крестный «дарит ему коня или другой какой-нибудь крупный подарок». Среди знати вообще бытовал обычай отдавать новорожденного мальчика на воспитание на сторону. «Мальчик обыкновенно воспитывался до 10–12 лет или до тех пор, пока будет в состоянии сидеть на коне. Затем его воспитатели снаряжают, одевают его и с торжеством возвращают родителям» (*Лавров* 1875, № 9). Обычай воспитания чужого ребенка у кавказоведов получил название *аталычества*. Аталык стремился воспитать подопечного физически крепким, чтобы сделать из него отличного стрелка, прекрасного наездника и бесстрашного воина[2]. За воспитание ребенка аталык из бедных слоев получал богатые дары – земли, скот или большую сумму денег (*Калоев* 1971, с. 198–199). В середине XIX в. Н. Берзенов писал по этому поводу: «Князья обыкновенно вверяют сыновей своих с самого раннего возраста почетному семейству из низшего класса... которое увозит их к себе и воспитывает, обучая всем телесным движениям по правилам туземной гимнастики, также верховой езде и употреблению известных хитростей в случае опасности». Возвратив сына родителям, «наставник возвращается домой, обремененный подарками» (*Берзенов* 1852. № 67).

«Дети князей или вождей» у кабардинцев нередко отдавались *уоркам* /служилым дворянам в кавказском варианте/. «В 16 лет воспитатель оде-

вал молодого князя наилучшим образом, давал ему хорошего коня и богатое оружие и отводил его в отцовский дом... Отец молодого князя награждал воспитателя лошадьми, скотом и даже рабами, и отпускал его с почестями» (*Шегрен* Извлечения... с. 13–14).

Черкесы Ближнего Востока через века пронесли рассматриваемую традицию. Шаукат Муфти – довольно широко известный дипломат из иорданских черкесов, пишет в своей книге «Герои и императоры в черкесской истории»: «Сыновья князей обычно сразу же после рождения отправлялись на воспитание в знатные дома». В доме, где воспитывался княжеский отпрыск, его звали «кан». Когда ему исполнялось шестнадцать лет, его облачали в лучшие одежды, сажали на лучшего коня, давали лучшее оружие и возвращали в дом отца». Возвращение молодого князя в отцовский дом сопровождалось одариванием воспитателя: ему посылали слуг, лошадей и скот *(Шаукат Муфти* 1994, с. 13).

Конечно, аталыком могло быть и какое-нибудь знатное лицо (*Красницкий* 1865. № 31); в таком случае данный институт способствовал сближению знатных фамилий.

Судя по архивным документам, кабардинский феодал «поручик Али-Мурза Коголкин воспитывал у себя Лимурзу Заурбековича Абисалова, которого к декабрю 1632 г. возвратил обратно». В 1802 г. А.Е. Соколов видел у дигорского феодала Алия Кантемирова воспитанника – сына князя Мисостова. Тагаурский алдар Кудаберд Шанаев в 1860 г. вспоминал, что будучи ребенком, он воспитывался у кабардинского князя Магомета Докшукина. Во второй четверти XIX в. аталыком князей Атажукиных был будущий майор Абисалов. В свою очередь, многие кабардинские князья провели детство в осетинских семьях. Один из княжеских детей воспитывался Зангиевыми из Мизура; Кургок Туганов из Дзинаги воспитывал Кургока, сына известного кабардинского князя Бек-Мурзы Наурузова; Мерденовы из Ардона воспитывали сына князя Коголкина, а Гуриевы из Барзикау – сына князя Анзорова (*Соколов* 1874; *Кокиев* 1929, с.52; *Калоев* 1971, с. 198; *Марзоев* 1999, с. 183, 186–187).

Одной из особенностей возрастной группы мальчиков 10–12 лет являлось то, что они не просто наблюдали обычаи и ритуалы, но принимали активное участие в проведении похорон, свадеб и религиозных праздников. В 13–14 лет мальчик становился помощником отца в хозяйственных делах, а к 16 годам признавался «взрослым», с правом голоса, обретал право участвовать в «мужских беседах»; с этого возраста он мог вступить и в брак (*Хетагуров* 1960, с. 63).

Половозрастное деление характерно и для античных цивилизаций. Так, в «Законах» Платона детство и юность в жизни человека – «этап дикости, которую надлежит укрощать, направлять ее энергию на благо коллектива». Старцы, возглавлявшие идеальный полис /«ночной совет»/, окружены толпой «скаутов», буйство которых они могут умерить при помощи заклинаний. «Принцип старшинства» /по терминологии П. Рус-

селя, поддержанного П. Видаль-Накэ/ был типичен для эллинского мира. В Спарте верховная власть делилась между царем, эфорами, народным собранием и советом старейшин – *герусией*. В Афинах членами *буле* становились мужчины не моложе 30 лет, а в народном собрании право первого голоса имели старейшие – правило, соблюдавшееся греками еще во времена Гомера. Период между детством и зрелым возрастом – возрастом войны и политики – приходился на период испытаний и инициаций (*Видаль-Накэ* 2001, с. 36, 172). Под *инициацией* понимается комплекс обрядов, с помощью которых происходит радикальное преобразование религиозного и социального статуса человека или группы людей. В результате испытания инициируемый приобретает совершенно новое бытие: он становится *иным* (*там же*, с. 164).

В традиционных северокавказских обществах молодежь, как правило, создавала свои особые организации – т.н. *мужские союзы*. Их не следует смешивать с *мужскими объединениями* – временными корпоративными образованиями в рамках общины (*Карпов* 1999а, с. 42). Под *мужскими союзами* понимают социальный институт, зародившийся в потестарном обществе и служивший средством утверждения в социуме мужского господства. Генетически мужские союзы связаны с мужскими домами, чьей задачей была социализация молодежи[3]. После возникновения мужских союзов эти дома стали их опорной базой (*ИПОЭК*, с. 238; *Свод* 1986, с. 192–196).

Мужские объединения моделировались как иерархические социальные структуры. Они имели своего главу /*хан, шах, тамада, удаман* и т.д./, его помощника или помощников. «Собрания группы неженатых» /*гулала-аку-букон*/ в Кубачах, проводившиеся еще в 20-х гг. прошлого века, имели более сложную структуру. «Собрание» возглавлял *бик-халель* – «большая голова», у которого был заместитель. Помимо них, в руководство объединения входили 3–4 *тумана-халеля* «старшие деньгам» с таким же числом заместителей. В целом эта группа управленцев именовалась *халельте* «старшие»; остальные члены – *бикельте* «младшие». Последние из своей среды выбирали *бикаля-халель* «старшего младших», представлявшего их интересы перед «старшими». Из «младших» выбирались также заместитель *бикаля-халеля* и сторож /*буска*/, хранивший замок от дома неженатых. Местные предания сохранили информацию о более древней форме мужских союзов, состоявших из отрядов воинов-холостяков /*батирте*/, и особого органа управления – *чине*, в состав которого входили взрослые, женатые мужчины. Власть *чине* распространялась на всю общину (*Карпов* 1999а, с. 43–44).

Члены кубачинской организации *батирте* /союз сорока воинов/ выполняли функции мобильных воинских отрядов, ядра общинного ополчения. Они надежно охраняли родной аул, следили за порядком в селе, совершали набеги на соседей. Практически постоянно они жили в одной из боевых башен, куда посторонним вход был запрещен (*Карпов* 1999а, с. 44–45; 2000, с. 157–158).

В Южном Дагестане в средние века бытовал институт *пахты*, суть которого заключалась в праве мужчин лезгинского аула Ахты /центра общества Ахты-пара/ раз в год в течение суток находиться в одном из 11 селений общества. Местные жители обязаны были их кормить и содержать их коней. Существовала и практика сбора провизии с соседних селений или с членов собственной общины. Собранная снедь шла на организацию совместных трапез членов *батирте (Карпов* 1999а, с. 45–46).

Мы уже имели возможность определить свою позицию в вопросе о роли института молодежных /воинских/ группировок – *мужских союзов* /у ираноязычных племен поклонявшихся волку или собаке/ – в процессе социального развития архаических обществ (*Гутнов* 2001, с. 167–175), поэтому остановимся на данном вопросе в самых общих чертах.

Отметим, во-первых, что данный институт, по-видимому, был универсальным в древних социумах. Так, *целеры* /celeres – «быстрые»/ – элитарное конное подразделение аристократической молодежи в потестарном Риме. Военный союз знатной молодежи был тесно связан со старейшинами общины – сенаторами – своего рода сакральная связь между поколениями социальных «отцов» и «детей» /инициация вторых под руководством первых/. Целеры – своеобразный комитат /«дружина»/ «царя», его *содалы* /«товарищи»/. Трибун целеров (предводитель) обладал сакральными полномочиями и рассматривался как ритуальный преемник царя (*Коптев* 2001, с. 61).

В античной Греции выделяются основные и альтернативные структурообразующие элементы. В числе последних – «сообщества друзей», «гетерии» и т.д. – реликтовые институты возрастных классов и мужских союзов. Пережиточной формой таких союзов были, например, спартанские и критские столовые товарищества-сисситии; на Крите они так и назывались – «товарищества» или «мужские дома». У Гомера спутники знатных героев обозначаются как «товарищи». Латинским эквивалентом греческому термину является латинское *satelles* – «спутник», «соратник», «дружинник». Свиту /дружину товарищей-сателлитов/ гомеровского героя следует признать первым звеном в длинной цепи неформальных дружеских сообществ, существовавших в рамках классического общества. Следующим звеном считают группу сверстников-единомышленников, составлявших своего рода партию знатного лидера, выступавшего не на войну, а на борьбу внутри собственной общины ради достижения, вопреки праву, власти (См.: *Фролов* 2001, с. 3–24).

Здесь же отметим, что *мужские союзы* не всегда являлись исключительно мужскими; по меньшей мере в ряде архаических обществ в них входили и девушки. В этой связи исследователи отметили ошибочность отнесения археологами всех фигурок обнаженных женщин к категории «богини-матери», равно как и отнесение фольклористами всех женских мифических фигур к той же категории. И.М. Дьяконов вслед за И.Б. Янковской предложил в мифологии, культе и в быту различать функцию «резидентки» /матери, супруги/ и функцию «девы», что, конечно,

следует понимать не как «девственница», а шире – как «дева-воительница», «создававшая импульс к агрессии и преодолению препятствий». У древних индоариев, некоторых дравудских и мундских племен, описанных этнографами, *все* «девушки до замужества пользовались, по-видимому, полной сексуальной свободой, тем более, что часто они жили вместе с юношами в 'общем доме' /men's hause, common dormitory/». Только со временем у индоариев функция, выполнявшаяся прежде всем возрастным классом незамужних женщин, закрепилась «в качестве пожизненной и наследственной профессии за кастой гетер /*ganika* – этимологически *принадлежащая к гане*, т.е. сообществу неженатых юношей-воинов одного возраста/» (*Дьяконов* 1990, с. 88–89).

В Древней Греции, переднеазиатских обществах кастовый строй не получил развития и «девы-гетеры» не имели жесткого сословного статуса. Тем не менее они занимали в обществе свое особое место, охраняемое собственным божеством. Гетера совсем не обязательно являлась парией-проституткой. Само греческое *hetaira* обозначало женский род – *hetairos* «*сверстник, спутник, товарищ, соратник*» (*там же*, с. 89–90).

Древние юношеские братства совершали ритуальные, иногда балансирующие на грани подлинных военных действий, «набеги» на соседние деревни. Такие сообщества нередко составляли основную военную силу племени, опираясь на которую военный предводитель стремился «ограничить или свергнуть власть старейшин, покорить соседние деревни и даже основать некую зачаточную форму государства» (*там же*, с. 124).

Своего рода дружина, состоявшая из аланских юношей, существовала у царя Грузии V в. Вахтанга Горгасала. Очевидно, не случайно царь носил прозвище *Горгасал* – «Волчья голова». По свидетельству летописца, «Вахтанг соорудил себе шлем из золота и изобразил спереди волка» (*Джауншер* 1986. С. 81). Да и имя царя – Вахтанг – восходит к ираноязычной основе в значении «имеющий волчье тело» (*Абаев* 1949, с. 87). В результате в сочетании с прозвищем царя получается нечто несуразное – «имеющий волчье тело – волчья голова». Логичным представляется предположение Р.Г. Дзаттиаты о том, что Вахтанг возглавлял дружину «волков». Поэтому его прозвище означало не «волчья голова», а «глава волков» (*Дзаттиаты* 1995, с. 102). Здесь же отметим, что Г. Филд ошибочно связывал прозвище Вахтанга с персидским *Gorg-Aslan*, что означает «Волк-лев» (*Field* 1953, P. 26).

Возможно, молодежную дружину алан имел в виду Мовсес Хоренаци, в описании событий начала н.э. Заключая мир с Арташесом, «царь» алан «дал клятвенные обещания, чтобы отныне *юноши аланские* (курсив мой – *Ф.Г.*) не делали набегов на Армянскую страну» (*Аланика* 2000. № 2, с. 239).

На основе анализа антропологических данных 400 костяков М.А. Балабанова высказала предположение об особом статусе «поздних сарматов как этнического, так и культурного образования». По ее мнению, демографические параметры /преобладание мужской части выборки над

женской и практически полное отсутствие детей/, следы от боевых ранений и т.д. позволяют «определить социальный статус мужской части населения, как профессиональных воинов, а устройство их по типу мужских военных союзов. Признак – искусственная деформация головы – у них носил престижно-знаковую функцию» (*Балабанова* 2002, с. 38–39).

Поклоняясь волку /или собаке/, молодые воины в бою вели себя соответственно, в своем поведении подражая своим «покровителям». Весьма интересный пример по рассматриваемому вопросу привел Валерий Флакк:

«cumsaevior ecce iuventus
Sarmaticae coiere manus fremitusque vironum
semiferi; riget his molli lorica catena;
id quoque tegmen equis; at equi porrecta per armos
et caput ingentam campis hostilibus umbram
fert abies obnixa genu xaditque virum vi,»

В переводе С.М. Перевалова: «И вот примчался *с диким ревом* (курсив мой – *Ф.Г.*) ужасный отряд сарматских молодцов; крепки у них панцири из скрепленных гибких частиц, и такое же покрытие у коней; простертая за плечи и голову коня еловая пика...» (*Перевалов* 1999а, с. 70). Судя по этому описанию, речь идет об отряде /дружине?/ катафрактариев.

Аммиан Марцеллин, рассказывая о придунайских сарматах первых веков н.э., упоминал их «сильную молодежь» (*Аммиан Марцеллин* 1994, с. 138). Показательно и поведение сарматских воинов в передаче Аммиана Марцеллина: «Когда они увидели на высоком помосте императора... вдруг один из них в злобной ярости бросил сапогом[4] в трибунал и воскликнул: «марра, марра», – это у них боевой клич. Вслед за этим дикая толпа, подняв кверху свое знамя, вдруг *завыла диким воем* (курсив мой – *Ф.Г.*) и бросилась на самого императора» (*там же*, с. 181).

Вероятно, члены молодежных «волчьих» воинских отрядов и чисто внешне старались походить на своего покровителя. В этом смысле интересно описание сармата Овидием Насоном /43 г. до н.э. – 18 г. н.э./: «Грубый голос, свирепое лицо – истинный образ Марса; ни волосы, ни борода не подстрижены ничьей рукой, десница всегда готова наносить раны, вонзая нож, который всякий варвар носит на привязи у бедра» (*Аланика* 1999. № 1, с. 236). Аналогичный портрет нарисовал Помпоний Мела: «Они любят войны и резню... Во время пиршества перечисление, кто сколько перебил врагов, является любимейшим и самым частым предметом беседы» (*там же*. 1999. № 2, с. 230). Аммиан Марцеллин неоднократно описывал поведение в бою сарматских воинов, отметив характерные черты их поведения: на врага они бросались «с остервенелыми взорами и дикими криками»; в бою «проявляли страшное упорство, и те, кто падал в борьбе, *ужасным ревом* (курсив мой – *Ф.Г.*) показывали, что не такие страдания причиняет собственная смерть, как успех» римлян. Никто из раненых «среди различных ужасов не молил о пощаде, не бросал оружия, не просил скорейшей смерти; все упорно держали в руках оружие,

даже поверженные наземь, считая меньшим позором быть побежденным силой другого, чем признаться в этом» (*Аммиан Марцеллин* 1994, с. 138–139). Фавстос Бузанд в «Истории Армении» рассказал о попытке распространения христианства у алан-маскутов /массагетов/ Северо-Восточного Кавказа. Григорис, сын Вртанеса, попытался «проповедовать Христово Евангелие, говоря им: «Познайте Бога!». Поначалу аланы-массагеты «послушались, приняли и подчинились, потом же, когда они... узнали... что Богу ненавистны грабежи, хищничество, убийство, жадность, присвоение чужого, страсть к чужому имуществу», они отказались от новой религии (*Аланика* 2000. № 2, с. 236–237).

У древних германцев имя покровителя воинов – *Вотан* – восходит к *wut*, связанный с готским *woths* – «обуянный», «бешеный». У населения северного Рейна существовал аналогичный термин – *odhr*, т.е. «неистовство», «ярость», от которого произошло имя Один. «Итак, священное, божественное неистовство. Кто пал его жертвой, тот одержим Богом» (*Кардини* 2000, с. 110–111).

В качестве параллели приведем интересное свидетельство Аммиана Марцеллина о «воинах-зверях» у гуннов. Еще «при самом рождении на свет младенца ему глубоко прорезают щеки острым оружием»; взрослые воины «имеют чудовищный и страшный вид, так что их можно принять за двуногих зверей, или уподобить тем грубо отесанным наподобие человека чурбанам, которые ставятся на краях мостов. При столь диком безобразии человеческого образа они так закалены, что не нуждаются ни в огне, ни в приспособленной ко вкусу человека пище... в бой они бросаются, построившись клином, и издают при этом грозный завывающий крик... Этот подвижный и неукротимый народ, воспламененный дикой жаждой грабежа, двигаясь вперед среди грабежей и убийств, дошел до земли аланов, древних массагетов» (*Аммиан Марцеллин* 1994, с. 491–492).

Интересно, что покровитель молодежных воинских отрядов – волк /или собака/ часто встречается на изображениях аланских предметов середины – второй половины I тысячелетия. На склепах аланской знати в верховьях Кубани встречаются изображения собак (*Рудницкий* 2001. С.81). С покровителями-волками, возможно, как-то связано происхождение ногайских мурз, одним из внешних знаков отличия которых служила «одежда из шкуры волка» (*Викторин* 1999, с. 100).

В фольклоре народов Северного Кавказа мир людей существует параллельно с миром волков. Иногда они, правда, пересекаются, создавая прецеденты кровного или молочного родства между людьми и волками. Горцы, наделяя волка сверхъестественными свойствами, давали детям «волчьи» имена; считалось, что волчьи амулеты спасают от болезней. (*Калмычкова* 2001, с. 193–195).

В нартовском эпосе осетин красной нитью проходит связь между представителями военной аристократии из клана Ахсартаггатов и волками. Небесный бог-кузнец Курдалагон также дружит со знатными нар-

тами и даже принимает непосредственное участие в закалке огнем таких героев, как Сослан и Батрадз. Имя бога-кузнеца *Kurdalagon* представляет стяжение из *Kurd-Ala-Wargon* «Кузнец Аланский *Wargon*». Последняя часть составного имени, согласно В.И. Абаеву, «безупречно отвечает лат. *Volcanus*». Оба слова означают «волк». Оба термина, латинский и осетинский, «настолько точно соответствуют по форме и функции, что трудно признать эту близость случайной». К этому следует добавить, что и «германская ономастика кишит именами, содержащими *wulf, wolf* 'волк'». Сам апостол и просветитель готов носил языческое, вполне «тотемическое», имя *Vulfila* «волчонок». Возвращаясь к нартовским героям, отметим, что связь бога-кузнеца Курдалагона с Сосланом и Батрадзом, с одной стороны, и с волками – с другой, находит дополнительное обоснование в некоторых вариантах, в которых закалка Сослана происходит не в огне, а в *волчьем молоке*. Купанию в волчьем молоке приписывается то же свойство, что и закалка в кузнечном горне. Таким образом, Курдалагон оказывается связанным с волком не только своим именем, но и реально: бог-кузнец воспринял функцию бога-волка (*Абаев* 1995, с. 321–322, 375–379).

Бытование «волчьих» воинских союзов у предков осетин нашло отражение в сфере идеологических представлений и сохранилось до наших дней. Речь идет о культе Тутыра (*Field* 1953, P. 28) – владыке волков и покровителе людей, угонявших скот. Согласно В.И. Абаеву, имя святого восходит к христианской традиции, в которой Феодор Тирон «повелевал волками и имел особое отношение к воровским делам» (*Абаев* 1979, с. 322–323). Письменные источники XIV–XVIII вв. действительно фиксируют почитание аланами и осетинами святого Феодора Тирона, но, как выяснил К.К. Кочиев (1987, с. 58-65), истоки культа этого святого следует искать не в средневековом христианстве. Культ Тутыра, по предположению К.К. Кочиева, восходит к древнейшему культу волка у осетин. Совершенно верно, на наш взгляд, подчеркнута связь военной сферы жизни предков осетин со скотоводством. У алан, как и многих других скотоводческих народов, воин и погонщик скота были одними и теми же лицами и даже обозначались одним словом. Например, индейцы воина называли *gosuyudh* «бьющийся за коров», а битву *gavisti* «желание коров». Не случайно и у алан многие видные военные аристократы носили имена /или почетные прозвища/ типа Гоар /*go-ar* «добывающий скот»/, Беоргар /«имеющий много крупного рогатого скота»/ и др.

В образе владыки волков Тутыра ясно проглядывают черты военного божества. Покровитель воинов у многих народов персонифицировался в образе волка /например, Марс/ или имел волка своим атрибутом /псы Одина/. Интересно, что в осетинском языке военный отряд обозначается словом *bal* /от *bar* с исходным значением «конная военная партия»/; важный термин древнеосетинского быта, восходящий к периоду военной иерархии. Из животных этот термин применялся только к волкам *biragty bal* «стая волков». Стая волков уподоблялась конному отряду воинов!

Образ этого хищника у осетин ассоциировался с воинской доблестью. В дигорской колыбельной сила мальчика, будущего воина, сравнивается с медвежьей, отвага – с волчьей:

Арсæмдухæ – дæ тухæ,	Медвежья сила – твоя сила,
Берæгъзæрдæ – дæ зæрдæ.	Волчье сердце – твое сердце.

Особую роль играл Тутыр в юношеских инициациях. Приобщение мальчиков к культу покровителя волков начиналось уже на первом году жизни. На второй день праздника Стыр Тутыр /этот день посвящался покровителю мужчин и воинов Святому Георгию – Уастырджи/ семьи, в которых за прошедший год родились мальчики, устраивали большое застолье. Важным этапом в комплексе юношеских инициаций был пост, который они держали перед тем, как им доверяли пасти скот. Завершало цикл вступление юношей в класс взрослых, мужчин-воинов, приуроченное к празднику Стыр Тутыр (*Чочиев* 1985, с. 68; *Кочиев* 1987, с. 65).

Еще в XIX в. осетинские воины обращались к своему покровителю: «Тутыр, силосокрушающий ты еси, и /если/ нас кто одолевать будет, его силу сокрушающим ты чтобы был, чтобы никто нас не одолел» (*Карпов* 1996, с. 163).

Не менее почитаема у осетин и их предков была собака; вероятно, это также связано с тем обстоятельством, что данное животное нередко являлось патроном союзов воинов. В исторических преданиях осетин имеется сюжет об Ир-бараге, который победил полчища свирепых *кудзыхов* «собакоротых» (*Пчелина* 1946, с. 3, сл.).

Интересны кобанско-скифские бронзовые навершия из Тли. Самое интересное, не имеющее аналогий, найдено в комплексе погребения № 254. «Литое навершие штандарта имеет круглое, сквозное отверстие в центре, вокруг которого помещены три собачьи головы, направленные в одну сторону и как бы следующие одна за другой». У всех трех открытые пасти с крупными оскаленными зубами. Другое навершие с изображением собачьей головы происходит из комплекса № 217, принадлежавшего женщине. По мнению Б.В. Техова, она, возможно, являлась «знахаркой-исцелительницей», причем «не рядовой, а главной». Оба навершия не применялись в быту и «были связаны с различного рода культовыми обрядами и больше использовались при совершении различных общественно-культовых церемониалов» (*Техов* 1998, с. 465–467).

Аналогичные изображения передней части собаки имеются на двух бронзовых булавках из женских погребений Тли. Еще два навершия посохов или штандартов, являвшихся символами власти, принадлежали «рядовым старейшинам» (*там же*, с. 471).

Находки в аланских древностях VII–IX вв. свидетельствуют о распространении среди знати образа крылатой собаки. Такие изображения отмечены на импортном шелковом кафтане, на шкатулке и серебряной поясной бляшке, имеющих несомненно местное аланское происхождение (*Демаков, Фоменко* 1997, с. 15–16).

В некоторых районах Грузии сохранились следы былого значения молодежных объединений, возникших под влиянием алан. Еще на рубеже XIX–XX вв. в деревне Биа Зугдидского уезда проводился народный праздник *Alanuroba*; на нем определялся самый сильный молодой человек, получавший почетный титул *alani-kovi* «аланский человек». На празднике, отмечавшемся на церковной площади села 20–21 августа, проводился своеобразный турнир двух команд молодежи – «царей» и «рыцарей» – за символ, давший название игре: *kakvi-gala* «ношение шеста». Противников называли */m/alanuri* (*Gerhardt* 1939, S. 34).

Мобильные военные отряды состояли преимущественно из членов мужских союзов, которые со временем становились влиятельными группами местных обществ. Предводители таких отрядов обретали прерогативы экономического и социального порядка. Например, жители Рутула беками называли «своих бывших предводителей набегов». Ближайшее окружение шамхалов составляли «сотрапезники», «друзья», «любимцы» князя, «равные ему» (*Карпов* 1999а, с. 46).

Большой интерес представляет институт дружины, /военных/ лидеров, роль власти /потестарных функций/ в создании первичных классово-государственных структур (*Гуревич* 1970; *Куббель* 1980; *Горский* 1986).

В обычаях древнегерманских обществ «бросаются в глаза представления о святости войны, наличие социетарных групп инициированных воинов, их диалектическую связь с племенной структурой социума, их обособленность в качестве отдельной общественной группы, иногда вплоть до разрыва с общественной средой...» (*Кардини* 2000, с. 106). Воинское сообщество, сплоченное вокруг своего вождя, всюду следует за ним. Эта группа воинов – друзья-телохранители вождя, по-немецки *Gefolgschaft*, где акцентируется вертикальная система отношений «вождь – рядовой», латинское *comitatus*, «термин, передающий горизонтальную связанность отношений между боевыми друзьями, групповую солидарность равных друг другу товарищей». В комитатах сосуществовала иерархия и солидарность: «Вождь – это первый в обществе равных, как более благородный, авторитетный, богатый, доблестный /или даже все это вместе/, быть может, даже самый старший по возрасту». Термины *senior* «старший» и *princeps* «первый» служили «обозначению вождя в своем первоначальном этимологическом смысле» (*там же*, с. 106–107).

Основным принципом, на котором держалась структура и сама логика комитата – дружба и взаимная верность. В Киевской Руси термин «дружина» выразительно говорит о близких, дружеских отношениях ее членов. Русское слово лингвистически и семантически ближе всего исконному смыслу германскому *druhti* – «вооруженный отряд». В современном русском языке термином *друг* перекликается со словом *приятель*. «Таким образом, весь этос русской дружины находится на стыке понятий *дружба – верность*» (*там же*, с. 140).

Особая роль в утверждении социального статуса лидеров /а позже – вождей/ принадлежала походам. Общее название похода в осетинском –

балц; наиболее древнее значение – «военная экспедиция», «поездка за добычей». Восходит к древнеир. *barti* «поездка верхом». В ближайшей связи с *балц* находится слово *бал* «/военная/ партия»; так именовался отряд или группа воинов, отправлявшихся в совместное предприятие. Каждый из участников такого похода назывался *амбал* «товарищ» /первоначально «товарищ по походу»/. По составу и значению близко к русскому *соратник*. Специальный термин существовал для обозначения предводителя похода – *балхон* (*Абаев* 1958, с. 136, 232–234); его этимологическое значение – «созывающий /хон/ партию или группу /бал/» – указывает на то, что лидером отряда становился инициатор похода. Отголоски этого явления на Северном Кавказе прослеживаются по материалам XIX в. Так, в цезских селениях организатор набега обязывался или содержать отряд до начала выступления, или устраивать для его участников одноразовое угощение, после чего получал права предводителя (*Карпов* 1990, с. 14).

Из примеров более ранних эпох интересно описание Лукианом сбора «скифских» воинов для частного набега. Организатор набега приносил в жертву быка и садился на шкуру. Любой желающий брал мясо и, став ногой на шкуру, обещал доставить /по своим возможностям/: наиболее знатные – тяжеловооруженных всадников, люди состоятельные – нескольких воинов со своими припасами, бедные могли предложить лишь свои услуги[5] (*Лукиан* 1948. С. 311). В таких отрядах собирались воины из различных родов и даже племен, поэтому основным принципом организации такого войска был не родоплеменной, а принцип личных отношений предводителя и воинов. Из подобных временных объединений постепенно формировались дружины, группировавшиеся вокруг наиболее удачливых предводителей (*Хазанов* 1971, с. 67–68).

III. 2. Социальная структура горских этносов в I–III веках н.э.

Материалы по древней истории горских народов сохранились явно неравномерно. Наиболее ранняя информация содержится у Страбона. Согласно его «Географии», горы Кавказа «занимают простолюдины и воины, живущие по обычаям скифов и сарматов, соседями и родственниками которых они являются; однако они занимаются также и земледелием. В случае каких-нибудь тревожных обстоятельств они выставляют много десятков тысяч воинов как из своей среды, так и из числа скифов и сарматов» (*Страбон* 1964, с. 475).

В другом месте античный географ уточнил: «Все жители гор ведут простой образ жизни... Они едят главным образом козлиное мясо и приносят в жертву Аресу козла, а также пленников и коней... У них устраиваются состязания для легковооруженных и *тяжеловооруженных* (курсив мой – *Ф.Г.*) воинов и всадников в кулачном бою, беге, перестрелке и в сражении отрядами» (*там же*, с. 151). Среди горцев Страбон счел не-

обходимым особо выделить цанов /соанов/: «Они почти что самые воинственные и сильные из всех. Во всяком случае, они господствуют над всеми народностями вокруг них, занимая вершины Кавказа, возвышающиеся над Диоскуриадой. У них есть царь и совет из 300 человек, как говорят, они могут выставить войско до 200 000 человек. Действительно, вся народная масса представляет боеспособную, хотя и неорганизованную силу» (*там же,* с. 473). Обратим внимание на то, что у цанов все (мужское) население составляло воинство, в то время как на равнине – в Иберии – Страбон счел необходимым разделить воинов и земледельцев, хотя и причислил их к одному геносу /разряду/.

На «Второй карте Азии» Птолемея недалеко от *тусков* /вероятно, современные тушины/ фигурирует название племени *Sanaraei*; это цанары армянских и грузинских источников. Данное племя населяло верховья Терека; на карте Птолемея к северу от цанаров находится *Sarmaicae Porta* /«сарматские ворота», проход/, «который должен соответствовать Дарьяльскому ущелью – Аланским воротам античных и раннесредневековых источников – *«Дурн Аланац»* «Армянской географии» (*Еремян* 1970, с. 405).

Арриан, оспаривая свидетельство Ксенофонта, отмечал: «Тот народ, который, по его словам, отличается наибольшей воинственностью... он называет дрилами, а по моему мнению, это – санны; они до сих пор очень воинственны... живут в укрепленных местечках; народ этот не имеет царей и с давнего времени обязан платить дань римлянам, но, благодаря разбойничеству, они платят взносы неаккуратно» (*КДПАА*, с. 311).

На рубеже двух эр на территорию Дагестана проникают племена раннеаланского круга, в закавказских и античных источниках известные как маскуты/массагеты. Некоторые археологи мингечаурские и паласыртские катакомбы приписывают одним и тем же маскутским племенам. Причем, паласыртские катакомбы считают аналогичными северокавказским аланским (*Давудов* 1996, с. 241–243).

Северо-Восточный Кавказ Страбон отметил как территорию, население которой не было знакомо с международной торговлей и не знало монетного обращения. Страбон, подчеркивает в этой связи Ф. Бози, в рассказе об этнографических особенностях жителей данного региона использовал источники эпохи Александра Македонского и чуть позже. Археологические находки рубежа и начала н.э. «показывают нам, что монетное обращение было длительным, начиная с эпохи эллинизма, т.к. наличие парфянских и греко-бактрийских монет дает нам подтверждение важности Албании как ключевого пункта в торговле». Те же археологические памятники, продолжает итальянский ученый, помогают оценить проблему взаимодействия сарматов с местным населением. В частности, речь идет о могильнике Тарки, расположенном «на побережье Каспия, в области огромной стратегической важности» – возле Дербента. «В этом могильнике вместе с элементами, имевшими отношение к местным культурам, можно увидеть распространение сарматских тра-

диций в керамике, вооружении и похоронных обрядах» (*Bosi* 1994, P. 118–119).

С.Т. Еремян и Н.Н. Лысенко полагают, что Дербентский проход в I–II веках н.э. контролировался маскутами (*Лысенко* 2002, с. 101).

В социальной структуре дагестанских социумов первых веков н.э. специалисты отмечают прочные позиции тухумов /родов/. К.Ф. Смирнов и О.М. Давудов связывают с ними Карабудахентский могильник. Возможно, с тухумами связаны и мелкие поселения, в античных источниках известные под названием *кома*. Наряду с ними в Дагестане отмечены укрепленные поселения и городища с цитаделями. Археологи предполагают связь последних с общинами, состоявшими из гетерогенных родов. Наличие автономной системы обороны вокруг каждого из таких поселений рассматривается как свидетельство их значительной политической самостоятельности. В то же время считается, что свою независимость они могли реализовать только через более крупные объединения – союзы сельских общин. Свидетельством этого считаются группы поселений, сосредоточенные на естественно ограниченной территории и связанные между собой разветвленной системой коммуникаций. Именно такая система расселения зафиксирована Птолемеем, в «Географии» которого 29 поселений сконцентрированы вокруг 4 основных городов Албании, 2 из них /Гелда и Телейба/ локализованы в Дагестане. Следует также отметить, что дагестанские ученые /А.И. Абакаров, М.Г. Гаджиев, О.М. Давудов и др./ городища Левашинского плато считают поселениями городского типа. Они исходят из развитой структуры поселений, состоявших из «сильно укрепленной крепости и примыкающей к ней неукрепленной части, существования в них ремесленных производств, подчеркивающих специфику раннеклассового общества» (*Давудов* 1996, с. 303). В античных источниках городища подобного типа обозначены понятием *хориона*. Их количественным показателем является численность населения в 2000–3000 человек. Для древних месопотамских городов Г.Ф. Фракфурт предполагает плотность населения в 400 человек на 1 га, Г. Чайлд – 125–250 человек на 1 га, О.Г. Большаков для ближневосточных городов – 400–500 человек на 1 га. Левашинские городища площадью 6–7 га рассчитаны на 2400–2800 жителей, а такое крупное поселение как Таргу, площадью в 30 га, могло иметь 12–15 тысяч человек. С учетом дружины, находившейся в цитадели, администрации, прислуги и знати численность горожан будет выше. Такие количественные показатели действительно соответствуют городским. Близкими по количеству жителей были Урецки, Верхнее Лабкомахи, Дербент (*там же*, с. 303–304, 310–311).

Органы управления сельской общины Дагестана состояли из совета старейшин, ведавшего судебно-административным и военным управлением, и народного собрания, на котором обсуждались вопросы жизни и быта общины. Среди различных должностных лиц у аварцев известны *джамаатчи*, *чIухIби* «предводитель», *тулгуки*, *чильми*, *барлусес*, *даргъ-*

ахъал, чоуш «заместители»; у даргинцев – *диванчи* или *шила-хоте* «судья». О.М. Давудов (1996, с. 304) полагает, что отдельные тухумы пользовались наследственным правом на выдвижение из своей среды старшин и судей. Однако весомых аргументов в пользу этого утверждения не приводится.

Материалы Дербентского могильника II–IV вв. свидетельствуют о влиянии сарматских племен на местную культуру. Причем, речь идет не только об этническом, но и о социальном аспекте. В этом отношении особенно показательны детские погребения. Параметры их могильных ям сходны со взрослыми погребениями, немного уступая им в длине. Состав же и количество сопровождающего инвентаря представителен и не уступает взрослым погребениям. Показательно и присутствие в детских могилах гривен. Очевидно, инвентарь детских могил подчеркивал их социальный статус, определявшийся сословным рангом их родителей (*Кудрявцев, Гаджиев* 1991, с. 111–112). Находки гривен и в других погребениях могильника справедливо рассматриваются археологами как социальный маркер, как свидетельство принадлежности их собственников к группе населения с высоким общественным положением (*Гаджиев* 1997, с. 16).

Археологические свидетельства социальных различий населения Дербента подтверждаются надписью в Пайкули /не ранее 293 г./ правителя */xwaday/* Дербента (Дзора), прибывшего вместе с «царями» маскутов, Иберии, Мугана, Сикана и другими владетелями ко двору шаханшаха Нарсе (*Кудрявцев, Гаджиев* 1991, с. 111–112).

Интересные данные получены археологами в результате изучения львовских погребений. В публикации материалов могильника Львовский Первый–2 отмечалась их близость к материалам кочевых сарматских племен, в первую очередь, сарматов южных районов междуречья Волги и Дона – от Волгограда на севере до Маныча на юге. Известные в Центральном Предкавказье курганные /и грунтовые/ могильники сарматского времени, хотя и имели некоторое сходство с памятниками Нижнего Сулака /главным образом, по наличию катакомб/, тем не менее, не могут быть сопоставимы, т.к. в северокавказских могильниках отмечено господство катакомбных погребений при незначительном числе погребений в грунтовых ямах и почти полном отсутствии подбойных могил. Помимо этого, специалисты высказали предположение о том, что различия в материалах могильника Львовский Первый–2 и данных типичных сарматских погребений /практически полное отсутствие характерных для позднесарматской культуры северных ориентировок и обычая деформации черепов/, могли объясняться переселением в низовья Сулака части кочевников раньше того времени, когда оформились специфические черты позднесарматской культуры. В этом смысле могильник Львовский Первый–4 ближе к традициям сарматских племен (*Абрамова, Красильников, Пятых* 2001, с. 46–47).

В сопровождающем инвентаре погребенных в могильнике Львовс-

кий Первый – 4 часто встречается оружие – в 13 погребениях /26,5 % от всех погребений с инвентарем/. В 11 случаях – это мечи /длинных – 8, коротких – 3/ и кинжалы. Из защитного вооружения обнаружены железные панцирные пластины, найденные в полностью ограбленной могиле наиболее крупного кургана 6. Аналогичные панцирные пластины известны в памятниках Прикубанья из раскопок Н.И. Веселовского. Раскопки последних лет в Закубанье дали более 20 новых находок панцирей, но там для первых веков н.э. наиболее характерными являлись кольчатые или комбинированные кольчато-пластинчатые панцири. У сарматов Поволжья и Нижнего Дона находки панцирных пластин крайне редки. Некоторые археологи поддержали А.М. Хазанова (1971, с. 62), предположившего возможность локализации одного из центров производства панцирей в Прикубанье (*Абрамова, Красильников, Пятых* 2001, с. 51).

Большие комплексы I века до н.э. – III века н.э. обнаружены близ селения Тарки, в предгорной части Дагестана. Материалы данного могильника свидетельствуют о заметном влиянии сарматов на погребальные традиции местных племен. Сарматский характер местной культуры еще больше подчеркивает (даже в деталях) сопровождающий инвентарь. Последний можно разделить на две группы: 1) характерный для сарматов и 2) кавказского облика. Преобладают предметы первой группы: железные трехлопастные наконечники стрел, ножи серповидной формы, бронзовые зеркала с ушком, фибулы арбалетные и с подвязным приемником, удлиненные подвесные каменные оселки, алебастровые пряслица шаровидной и дисководной форм. Близость ритуала исследованных здесь погребений и инвентаря к сарматским материалам позволила К.Ф. Смирнову считать, что названный могильник оставило «смешанное население», т.е. сарматизированные аборигены. «Еще более смешанный материал получен из двух могильников у селения Карабудахкент»; они расположены в предгорьях, за передовыми хребтами, отделяющими эту территорию от приморской низменности (*Степи* 1989, с. 277–278).

Исследование 400 погребений меотского могильника у хут. Прикубанский привело краснодарских археологов к интересным выводам. Впервые на могильнике меотской культуры обнаружены деревянные гробы, скрепленные железными гвоздями и украшенные накладным орнаментом из тонких медных пластинок. Интересной чертой обряда являются захоронения собак. В одном случае собаке была положена напутственная пища. Примерно в трети воинских захоронений отмечены захоронения лошадей /от 1 до 3/ с упряжью. Около половины исследованных погребений содержат оружие. Найден доспех воина – остатки железного панциря с несколькими бронзовыми пластинами. Наличие на могильнике участков, различающихся по количеству и богатству инвентаря, свидетельствует о разнице в социальном статусе погребенных (*Марченко, Лимберпис, Бочковой* 2001, с. 91–99).

В ранний период проникновения сираков в районы Прикубанья их отношения с местными племенами, очевидно, носили далеко не мирный

характер. Такое предположение согласуется с археологическими данными о резком увеличении до (70%) погребений с оружием в меотских могильниках IV в. до н.э. О характере проникновения сарматов в Прикубанье косвенно свидетельствует и тот факт, что в начале IV в. до н.э. на поселениях кубанского правобережья возникают укрепленные городища. К сожалению, оборонительные сооружения меотов практически не исследованы. Исключением являются городище № 2 хутора им. Ленина и Старокорсунское городище № 2. Время строительства оборонительных сооружений на первом из них падает на первую половину IV в. до н.э. Установлено также, что данная оборонительная система просуществовала короткий период, т.к. в скором времени ров превратился в свалку и использовался для добывания глины. Наиболее вероятной датой уничтожения оборонительных сооружений этого городища является вторая половина или конец IV в. до н.э. (*Марченко* 1996, с. 116–117).

Ров четвертой оборонительной линии на Старокорсунском городище по верхнему краю имел ширину 10 м, а глубину более 5 м. Стратиграфические исследования заполнения показали, что в промежутке между концом IV – началом III вв. ров был засыпан грунтом вала. В целом археологи полагают, что оборонительные сооружения Старокорсунского городища просуществовали недолго. «Недокопанный ров красноречиво свидетельствует о военной угрозе, которая нависла над меотами, и поспешности, с которой возводились защитные сооружения во второй половине IV в. до н.э.» (*там же*, с. 117).

По предположению И.И. Марченко, до конца IV в. до н.э. катастрофических для меотов военных столкновений с сираками не происходило, о чем свидетельствуют меотские грунтовые могильники /например, Лебеди III/ и богатые «царские» курганы /Елизаветинские, Марьянские/. После того, как сираки в 310–309 гг. до н.э. помогли Евмелу утвердиться на боспорском престоле, сарматы активизировали военные действия в Прикубанье. А.М. Ждановский и И.И. Марченко полагают, что правящая верхушка меотского общества была уничтожена. С середины III в. до н.э. сокращаются торговые связи меотов с Боспором. Сокращение импорта в первую очередь вызвано сокращением хлебной торговли меотов. Одновременно в степях увеличивается сарматское население. Интеграция меотов в сиракский союз привела к перераспределению «зерна, часть которого теперь шла на фураж кочевников» (*там же*, с. 117–118, 120).

Признавая переход Елизаветинского /среднее Прикубанье/ и Раевского /предгорья Северо-Западного Кавказа/ поселений под контроль Боспора, А.А. Малышев несколько иначе рассматривает последствия этого события для меотов. Елизаветинское городище – древний племенной центр, расположенный на пересечении важных транспортных /водных и сухопутных/ путей. Раевское городище также находилось на пересечении торговых магистралей. «Нет сомнений в обживании территории городища задолго до появления здесь боспорян, однако следы поселения

местного автохтонного населения /керкеты, тореты/ не засвидетельствованы» (*Малышев* 2002, с. 85–86).

Элементы боспорского погребального обряда на Елизаветинском могут принадлежать не только выходцам с Боспора, «но являться, наряду с подражанием античным керамическим и стеклянным сосудам, свидетельством престижности всего, что связано с античной культурой в меотской среде». На Раевском могильнике предметы античного ремесла «очень разнообразны и многочисленны, что свидетельствует о постоянном контакте с боспорянами» (*там же*, с. 86).

На Раевском могильнике известны погребения воинов-всадников, нередко встречаются длинные мечи синдо-меотского типа, а также другие типы наступательного вооружения, что контрастирует с немногочисленным комплексом оружия на Елизаветинском могильнике. Археологические находки с последнего памятника подчеркивают «торгово-ремесленную направленность этого центра» (*там же*, с. 87).

Исследования М.П. Абрамовой позволяют считать кочевое население Центрального Предкавказья III–I вв. до н.э. не столь многочисленным, как население правобережья Кубани. Могильники этого времени не составляли курганных групп; преобладали впускные, довольно разрозненные погребения, сравнительно однородные по своему инвентарю. Единичные выделяющиеся богатством инвентаря /золотые гривны, браслеты, бляшки/ погребения датируются временем не позже III–II вв. до н.э. Характер данных украшений указывает скорее на скифское, нежели сарматское влияние. Что касается сарматских захоронений, то среди них выделяется лишь группа воинских погребений, которые более характерны для северных районов Предкавказья – Ставрополья. В захоронениях этой группы обнаружено наибольшее количество стрел /по несколько десятков – до 110 наконечников – в одной могиле/; здесь же найдены и погребения воинов-кочевников, сопровождавшиеся захоронениями коней и разнообразным набором вооружения /Китаевка/. В отличие от памятников скифского времени, свидетельствующих о резкой имущественной дифференциации, памятники III–I вв. до н.э. указывают на довольно однородный в социальном отношении состав кочевников Центрального Предкавказья (*Абрамова* 1993, с. 101).

Ряд исследователей полагает, что происходившие на Кубани в начале н.э. существенные перемены в этнополитической обстановке отражены в памятниках т.н. «Золотого кладбища». Анализируя его материалы, А.М. Ждановский (1984, с. 51, сл.) обратил внимание на следующие особенности: 1) совершение одиночных погребений под индивидуальными насыпями /порой значительных размеров/ и только несколько впущенных в более древние насыпи; 2) единый принцип планировки погребальных сооружений /камера находится с запада от входной ямы/; 3) богатый сопроводительный инвентарь /предметы из драгоценных металлов, импортные вещи – металлическая, стеклянная, керамическая посуда и ук-

рашения – чего нет в других синхронных памятниках Прикубанья/; 4) военный характер значительной части захоронений /свыше 50% содержали предметы вооружения или их обломки, конские захоронения либо конскую узду/; 5) привязанность курганов к узкой береговой полосе и расположенным здесь городищам (*Ждановский* 1984, с. 51).

Погребенные в катакомбах являлись носителями высокого социального статуса. Особенно четко это видно на фоне исследованного в 1977 г. грунтового могильника начала н.э., расположенного рядом с курганами. Более трети из исследованных 60 комплексов вообще не имели инвентаря, около трети содержали один–два предмета или несколько бусин. Лишь в двух захоронениях обнаружено оружие /копья/, в двух находились останки лошадей, а еще в двух найдены золотые украшения. Различия в микродеталях обряда погребения свидетельствуют о смешанном меото-сарматском характере раскопанной части могильника. Курганы «Золотого кладбища» и могильник характеризуют два слоя общества – «благородных» и «неблагородных». Интересно, что внутри привилегированного слоя «благородных» /алан/ незаметно существенных различий. Археологи полагают, что аланы в этой зоне Прикубанья осуществляли коллективную эксплуатацию /?/ «неблагородных».

Иначе складывались отношения алан с ядром сирако-меотского союза к западу от Лабы. Исследованные здесь могильники указывают на упрощение /по сравнению с предшествующим периодом/ обряда погребения, значительное уменьшение количества импортных предметов /так, совсем нет амфор, а на «Золотом кладбище» они есть/. Показателен закубанский Ленинохабльский могильник II–III вв. Здесь совсем нет погребений без инвентаря; в 16 /почти 50% изученных захоронений/ находилось оружие – мечи, копья; в 14 найдены от одной до трех лошадей /их останки обнаружены почти во всех погребениях с оружием/; отметим и кенотафы воинов. Заметно выделяются два парных погребения людей с высоким социальным статусом.

На основании изложенного А.М. Ждановский считает, что жившие к западу от Лабы меоты и остатки сираков находились «в значительно меньшей зависимости от алан, чем 'неблагородные' района 'Золотого кладбища'. Достаточно подчеркнуть, что они имели свою конницу. В то же время некоторое упрощение обряда, количественное уменьшение импорта, отсутствие по-настоящему богатых погребений, возможно, говорят о том, что какая-то зависимость была» (*там же*, с. 52-53).

Эпиграфические памятники Причерноморья указывают на временное подчинение синдов власти Пантикапея. В одной из надписей Левкон I назван «архонтом Боспора и Феодосии и царем *Синдов* (курсив мой – *Ф.Г.*), Торетов, Дондариев и Псессов». Перисад I называл себя «архонтом Боспора и Феодосии, царем Синдов и всех Меотов» (*Кулаковский* 2001, с. 96).

Интересные свидетельства о предках адыгов привел Николай Дамас-

ский /род. около 64 г. до н.э./. Характеризуя *керкетов*, он отметил одну из деталей их социальных представлений: «Керкеты совершивших какое-либо преступление устраняют от священнодействий». В описании западнокавказского племени *моссинов* Николай Дамасский привел интересный сюжет об их обращении с «царем»: «Моссины содержат своего царя взаперти в башне; если покажется, что какой-либо царь когда-либо дурно решил дело, то его умерщвляют голодом» (*Латышев* 1993, с. 235). Очевидно, здесь речь идет о сакрализованном «царе».

Согласно Страбону, на восточном побережье Азовского моря «живут меоты, хотя и занимающиеся земледелием, но воинственностью не уступающие номадам. Они разделяются на довольно многие племена, *из которых* ближайшие к Танаису отличаются большей дикостью, а прилегающие к Боспору – более мягкими нравами» (*там же*, с. 270). Перечислив «азиатские» меотские племена, географ добавил: «одни (из них – *Ф.Г.*) подчинялись владетелям торгового места на Танаисе, другие – боспорцам, но иногда то один, то другой народ отпадали *от них*». За страной синдов «идет вдоль моря побережье ахеев, зигов и гениохов, по большей части не имеющее гаваней и гористое, так как оно составляет уже часть Кавказа. *Обитатели его* живут морским разбоем, для чего имеют небольшие, узкие и легкие ладьи, вмещающие около двадцати пяти человек и редко могущие принять тридцать». Они живут в лесах, «обрабатывая скудную почву... бродят пешком днем и ночью с целью захвата людей в рабство; то, что удается им захватить, они охотно возвращают за выкуп... В местностях, где есть *самостоятельные* правители, обижаемые еще находят некоторую помощь со стороны своих вождей... *области* же, подчиненные римлянам, более беспомощны...» (*там же*, с. 272–273).

В последнем сюжете обращает на себя внимание «некоторая помощь» соплеменникам со стороны «правителей». Это указывает на одну из обязанностей вождей по отношению к своим соплеменникам. Страбон назвал также титулы лиц, возглавлявших отдельные социумы Северо-Западного Кавказа. «Они находятся под властью так называемых *скиптродержцев*, которые в свою очередь подчинены *тиранам* или *царям*» (курсив мой – *Ф.Г.*). Во времена Митридата у гениохов было 4 «царя» (*там же*, с. 273).

Таким образом, по Страбону, предки адыгов в начале н.э. состояли из отдельных племен во главе со «скиптродержцами»; более крупные образования возглавляли «тираны» или «цари». Часть социумов не имела собственных глав и управлялась присылаемыми Римом «правителями».

III. 3. Привилегированные слои ранних алан

Социальная структура этносов Северного Кавказа начала н.э. в источниках наиболее полно представлена на аланском материале. На их примере и рассмотрим обозначенную выше тему.

III. 3. 1. Аристократия алан в свете античных источников

На рубеже двух эр политика Рима в отношении далеких от империи варварских племен была направлена на сдерживание их враждебных поползновений путем предоставления им почетного статуса «друзей римского народа». Ситуация обострилась с появлением на Дунае новой военно-политической силы в лице сарматов. Во время Тиберия в Мезию вторглись сарматы – язиги. Они открыли путь миграции на запад империи другим племенам Северного Причерноморья. С тех пор сарматы стали одним из значительных факторов внешнеполитических пристрастий Рима (*Колосовская* 2000, с. 61–63).

Характер информации античных источников о «варварах» во многом зависел от отношений последних с Римом. Союзники и враги империи, как правило, изображались по-разному. А. Босворт полагает, что «аланы с момента своего первого появления в римской истории предстали как друзья Рима» (*Bosworth* 1971, P. 224–228). И.В. Сергацков, напротив, считает изначальные взаимоотношения алан и Рима враждебными. По его мнению, достаточно показательным в этом отношении является поход алан 135 г., остановленный только благодаря подаркам царя Парфии и действиям Арриана, римского легата в Каппадокии. Постоянная угроза восточным границам Рима заставила римскую дипломатию искать различные пути для нейтрализации алан. Дипломатические усилия всегда сопровождались «подарками» для варварских вождей. «Но, если такая практика в отношении роксалан и язигов была успешной, мы не имеем каких-либо сведений об аналогичных успешных акциях в отношении алан, – подчеркивает И.В. Сергацков. – Великое множество импортных предметов из восточных провинций Рима в сарматских могильниках Дона и Волги является в большинстве своем военными трофеями». Вместе с тем, археолог не подвергает сомнению и другие пути проникновения римских товаров к сарматам – «особенно дипломатические дары и торговлю» (*Sergackov* 1994, p. 272).

Интересным источником по рассматриваемому вопросу являются латинские эпиграфические памятники. Так, в двух надписях из Полы упоминается П. Элий Распараган, *rex Roxolanorum*, по мнению А. Алеманя, ассоциируемый «с анонимным царем роксалан», который, по свидетельству «Истории Августа», заключил мир с императором Адрианом (117–138 гг.). Упоминается и сын «царя» роксалан – П. Элий Перегрин. Эти лица, очевидно содержавшиеся в Пале как почетные пленники, заимствовали имя *П. Элий* от Адриана.

Как представляется, отношения Рима и различных группировок ранних алан знали разные периоды и не всегда совпадали. Но в принципе главная задача Рима на Кавказе и Северном Причерноморье на рубеже эр оставалась по сути неизменной – не допустить значительного усиления ни одного из социумов. Характерна в этом смысле реакция официального Рима на участие своих воинских частей на Кавказе в войне 49 г.

Хотя победа была блестящей – несколько когорт сумели расправиться с армиями двух царей – триумфа в Риме не последовало. Дело в том, что действуя совершенно правильно с военной точки зрения, командир римлян на Кавказе Юлий Аквила – офицер не очень высокого ранга, плохо разбиравшийся в тонкостях большой политики, совершил стратегическую ошибку. Заключив союз с аорсами и разгромив сираков, он нарушил равновесие сил в регионе (*Щукин* 1994, с. 206). Между тем, как мы уже отмечали, политика Рима не только в отношении «сарматов» Кавказа, но с варварским миром вообще строилась на стремлении использовать военный потенциал варваров с целью обеспечения интересов империи. «Дружба» между «царями» и Римом, предоставление «царям» или вождям каких-либо льгот и привилегий были инструментом римской внешней политики, средством влияния и удержания во власти Рима того или иного племени или народа. За свою лояльность «цари» /rex, regulus/, вожди /principes, duces/ получали богатые дары (*Колосовская* 1996, с.146–147, сл.). В отношении же последовательных врагов Рима еще Тацит предлагал уничтожать их путем внутренних раздоров между ними, а задачей политики считалось претворение в жизнь данного тезиса «при первой же возможности» (*Диснер* 2001, с. 33).

Сармато-аланские древности середины I в. – начала II в. отличает обилие античного импорта /керамика, металлическая посуда, бусы и другие украшения, в том числе из золота/. По меньшей мере часть предметов италийского производства археологи рассматривают как подарки сармато-аланской знати от Рима, поступавшие сюда для нейтрализации варваров (*Копылов, Янгулов, Кузнецов* 1990, с. 27–29; *Сергацков* 1992, с. 42–43).

Тем не менее, отдельные группировки ранних алан совершали рейды в Подунавье с целью грабежа римских провинций. Вполне вероятно, что предводители ранних алан упомянуты в элогии Плавтия Сильвана как прежде неведомые и враждебные римскому народу «цари». Названные «враги» пленили ближайших родственников предводителей бастарнов, даков и роксалан, которым Плавтий Сильван даровал свободу. Экспансия номадов в Северо-Западное Причерноморье привела к значительным подвижкам племен, о чем свидетельствует, например, переселение в Мезию из-за Дуная 100 000 человек. Этническая принадлежность переселенцев не указана: Плавтий Сильван «переселил в провинцию более 100 тыс. человек из числа задунайских племен вместе с их женами и детьми, вождями и царями для поставки налогов... Неведомых дотоле и враждебных римскому народу царей он привел на тот берег, который защищал, чтобы народы почтили римские знамена. Он возвратил сыновей царям бастарнов и роксаланов, царю даков – брата, захваченных в плен или отбитых у врагов. От некоторых из них он получил заложников, чем укрепил мир в провинции...» (*Колосовская* 2000, с. 64). Как видно из надписи, наместник Мезии вернул родственников «царям» бастарнов и роксалан, а «царю» даков – брата */regibus Bastarnarum et Rhoxolanorum filios,*

Dacorum fratrem capos aut hostibu sereptos remisit/. По той же надписи, с левого берега Дуная было переселено 100 000 человек, и от племен взяли заложников. Что касается этнической принадлежности переселенцев, то здесь среди исследователей нет единства. В любом случае, среди них находились и группы ираноязычных номадов.

«Активность кочевников в регионе серьезно беспокоила римскую администрацию, поэтому предполагаемая экспедиция Т. Плавтия Сильвана в Таврику в 63 г. н.э. преследовала цель не только помочь Херсонесу, осажденному царем скифов, но и нейтрализовать алан» (*Пуздровский* 2001, с. 103–105).

Однако ранние аланы продолжали активно вмешиваться в дела Северного Причерноморья. Например, Й. Форнасье полагает, что во II в. аланы получили доступ к важным политическим и религиозным постам в Танаисе (*Fornasier* 2001, s. 200–203). Это мнение основывается на надписи 155 года н.э. из Танаиса, в которой впервые фиксируется значительная группа лиц сарматского происхождения. Исследователи высказали предположение о возможном участии ранних алан в акции Боспора, выполнявшего поручение Антонина Пия, против вышедшего из-под римского контроля скифо-сарматского объединения. Археологическим подтверждением этого считается нанесение поверх фресок в одном из зданий Неаполя Скифского многочисленных граффито, представлявших собой жанровые сценки, сарматские тамгообразные знаки, изображения животных, «картина» взятия города при помощи осадных машин. «Подобное отношение к дорогостоящей отделке могло произойти в результате временной утраты зданием своего функционального назначения и превращения в 'казарму' для аланских воинов, захвативших Неаполь» (*Пуздровский* 2001, с. 110–111).

В 166–168 гг. среди участников кровопролитных Маркоманнских войн в качестве союзников римлян называют и алан Подонья, в погребениях которых найдена римская бронзовая посуда (*там же*, с. 113).

Контакты алан с Римом во второй половине II–IV вв. отражены в группе импортов, выявленных при изучении археологических памятников Украины (*Симоненко* 2002, с. 42).

Сведения о ранних аланах могли сохраниться и в сочинениях более поздних авторов. А.В. Подосинов справедливо подчеркивает в этой связи: «Благодаря своей консервативной и консервирующей тенденции римская литература сохранила для нас многие сведения, восходящие ко времени и сочинениям, от которых не дошло ничего или лишь жалкие фрагменты» (*Подосинов* 2002, с. 28).

Информация об аланах в Рим могла поступать не только непосредственно с европейских границ империи, но и с Кавказа. Армения и Иберия на рубеже двух эр входили в сферу политических интересов Рима. Иберию того времени А. Босворт локализовал в «сердце Кавказа»; ее центр находился на берегу Куры недалеко от современного Тбилиси, а граница проходила на юге Дарьяльского прохода. В 65 г. до н.э. Помпей

совершил походы в Иберию и Албанию, закрепив римское присутствие в Закавказье. После военной акции 36 г. до н.э. Красса, полководца Антония, кавказские «царства» остались в сфере политического влияния Рима. В 35 г. Тиберий предпринял дипломатические и военные шаги против Артабана III, царя Парфии, который незадолго до этого захватил Армению. Цари Иберии и Парфии обратились за помощью к «сарматам». Иберийцы, открыв проходы для своих союзников, не пропустили сторонников парфян. Благодаря помощи «сарматов» кавалерия парфян была наголову разбита и «Армения вернулась в политическое пространство Рима». А. Босворт задает вопрос – кем были эти «сарматы»? В слегка испорченном тексте Иосифа Флавия они названы аланами. Походы номадов в Закавказье 35[6], 72 и 135 годах А. Босворт связывает с аланами Северного Кавказа. Около 75 года н.э. римские легионеры укрепили оборонительные сооружения *Harmozica* /Мцхеты/, основной крепости иберийцев, локализуемой к югу от Дарьяльского прохода. О стратегической значимости этого укрепления писали Страбон и Плиний. Римские войска превратили его в один из важных пунктов римского контроля в регионе. Неудивительно, что иберийский царевич находился при армии Траяна под Нисибисом /Nisibis/. Он упомянут в эпитафии Амазаспа, брата царя Митридата, погибшего под Нисибисом (*Bosworth* 1971, P. 220–232).

Таким образом, античные авторы получали информацию об аланах и непосредственно с границ империи, и с Северного Причерноморья, и с Кавказа.

С самого начала знакомства античного мира с аланами, последние воспринимались как мобильные отряды воинов[7]. Еще Страбон роксалан назвал «народом воинственным» (*Страбон* 1993, с. 260). По Дионисию, в районе Меотиды жили «храбрые аланы» (*Аланика* 1999. № 2, с.229). Сенека уважительно назвал их «могущественные, подвижные аланы» (*Bachrach* 1973, P. 3). Племянник Сенеки известный римский поэт Марк Лукан в созданной в начале 60-х годов н.э. поэме «Фарсалия» упомянул «суровых и вечно воинственных аланов» /перевод В.В. Латышева/ (*Марк Лукан* 1990, с. 111). В переводе Л.Е. Остроумова Лукан в уста Помпея вложил фразу: «аланов гоня, загрубелых от вечного Марса» (*Марк Лукан* 1993, с. 178). В переводе Б. Бахраха Помпей через Каспийские ворота совершил поход против «стойких и всегда воинственных аланов», в то время как их соседи парфяне продолжали сохранять мир. Нет оснований, продолжал американский ученый, полагать, что Помпей действительно сталкивался с аланами, но их локализация рядом с парфянами и Каспийскими воротами впервые указывала на связь ранних алан с Кавказом. В другом месте «Фарсалии», подчеркивая храбрость Цезаря, Лукан назвал три могущественных народа, способных устрашить кого угодно, но не Цезаря: «Ни аланы, ни скифы, ни мавры, которые атакуют противника с копьями, не могли причинить ему вреда» (*Bachrach* 1973, p. 3–4). Приведем и версию Е. Тойблера:

si vos, o Parthi, peterem cum Caspia claustra
et sequerer duros aeterni Martis Alanos
passus Achaemeniis late decurrere campis
in tutam trepidos nunquam Babylona coegi...

Эти слова Лукан приписал парфянскому царю Дайотарусу, бежавшему от Помпея. И в данном случае спасение парфян связано с мнимым походом римского полководца против алан (*Taubler* 1909, S. 14). Эта же оценка алан, данная Луканом – *duros aeterni Martis Alanos* – приведена Э.Шарпентье (*Charpentier* 1917, S. 360).

Валерий Флакк /6. 42/ упомянул «пылких алан» Анавсия – в версии Е. Тойблера: «*miserat ardeutes mox ipse secutus Alanus*» /ср. 6. 656: *notus Alanus*/ (*Taubler* 1909, S. 15). Флакк отметил «вооруженные копьями отряды, которые ведут... не знающие убеленного сединами возраста язиги. Ибо когда уже изменяют прежние силы, знакомый лук отказывается служить и копье презирает стремление своего хозяина, – у мужественных предков создался обычай незамедлительно претерпевать смертную участь» (*Аланика* 1999, № 2, с. 235).

Показательна и характеристика алан, данная Аммианом Марцеллином (1994, с. 494): «Как для людей мирных и тихих приятно спокойствие, так они находят наслаждение в войнах и опасностях. Счастливым у них считается тот, кто умирает в бою, а те, кто доживает до старости и умирает естественной смертью, преследуются у них жестокими насмешками, как выродки и трусы». Интересную параллель данному явлению в осетинском языке нашел Ю.С. Гаглойти. У потомков алан одним из терминов, обозначающих покойника, является термин *сгухт* – «знаменитый, известный, отличившийся, доблестный, герой, подвиг». В.И. Абаев выводил это слово из иран. *sku-k* – «быть заметным», «выделяться чем-либо» и т.д. Семантика «славы», «подвига», присущая осетинскому *сгухт*, как нельзя лучше подходит для мужского имени у такого воинственного народа как скифы /саки/. Например, имя вождя саков *Скунха*, участника войны с Дарием I в 518 г. до н.э. (*Абаев* 1979, т. III, с. 119–120). Ю.С. Гаглойти обратил внимание на то, что этим словом обозначался и *любой* покойник, независимо от его заслуг перед обществом. Этот факт исследователь рассматривает как отражение «древних представлений, согласно которым нормальная смерть – это смерть в бою» (*Аланика* 1999. № 2, с. 252).

Помимо вышеназванных, военная активность алан, как и сарматов вообще, отмечена многими другими римскими авторами (*Тацит* 1968, т. II, с. 6–8, 97; *Светоний* 1990, с. 214–215; и др.). Это дало повод А.О. Наглеру считать термин «аланы» изначально не этническим, а социальным. Так, по его мнению, первоначально обозначалась военная аристократия сарматов, и лишь позднее термин стал этнонимом (*Наглер, Чипирова* 1985, с. 89–90).

Итальянский иранист Г. Ньоли полагает, что аланы в первые века

н.э. «являлись *ариями* (курсив мой – *Ф.Г.*) внешнего Ирана, отличавшимися от ариев иранского плоскогорья и великих империй, тех ариев, которые с середины I-го тысячелетия до н.э. распространили свое влияние вплоть до Окса и Яксарта» (*Ньоли* 2002, с. 33). То, что во второй половине III в. н.э. по обе стороны Кавказа находились народы, сами себя определявшие как «ариев», может показаться уникальным. Между тем, если смотреть на них с точки зрения многовековой оппозиции между внешним и внутренним Ираном, то аланское название указывает на ариев внешнего Ирана, а иранское – на ариев внутреннего Ирана, «или же на часть ариев одного и другого соответственно». С этой точки зрения «происхождение названия *алан* может трактоваться двояко: либо оно являлось скифо-сарматским названием этнической группы или племенной конфедерации, изначально называвшей себя и называемой (другими – *Ф.Г.*) *a rya-* – и в этом случае был бы очень маловероятен контакт с народом с таким же именем... – либо оно отразило присвоение частью какого-то скифо-сарматского населения раньше конца I тысячелетия до н.э. имени, употреблявшегося иранцами плоскогорья, присвоившего его имя как 'Gesamtname' /выражение *W. Geigera*/. Безусловно, речь идет о присвоении имени, а не об экспансии этнической группы, носившей его, как это доказывает тот очевидный факт, что аланские арии и иранские арии отнюдь не были тождественны друг другу» (*там же*, с 35–36).

Одно из ранних значений термина *арья* – «что-то вроде 'знатный' или 'господин'» (*Фрай* 2002, с. 19). Если исходить из того, что «аланы обязаны своим именем влиянию культуры иранских ариев» (*Ньоли* 2002, с. 43), то следует признать и другое: этноним *аланы* в определенной мере имел социальный оттенок. Вопрос лишь в том, что являлось изначальным значением термина – этническое или социальное содержание.

Примечательно, что у балкарцев Приэльбрусья обращение *алан* является синонимом слова «друг», а мегрелы всех северокавказских горцев называют *аланами*, понимая это слово как «герой», «удалец», «друг» (*Абаев* 1965, с. 47). В большинстве кавказских языков слово *алан* распространилось как социальный термин. В мегрельский и абазинский языки слово *алан* вошло как имя собственное; а в том же мегрельском и карачаевском использовалось как прилагательное со значением «мужественный, героический». Из аланского оно перешло также в чеченский */e la/* и ингушский */ala/* со значением «князь», а в бацбийский */a le/* – как «господин». Ж. Дюмезиль отметил в ингушских текстах данное заимствование со значением «принадлежащий к высшему классу общества», тогда как ингушское *ozding* или чеченское *ozdə* «дворянин, придворный» употреблялось для обозначения второго «благородного» класса, противопоставленного зависимому населению.

Г. Ньоли теоретически допускал вероятность того, что значения «князь», «господин», «член высшего класса общества» отражают в упомянутых аланских заимствованиях в кавказских языках возможное этимологическое значение *a rya* – «дворянин». «Аланский язык в таком слу-

чае должен был бы стать исключением в иранском ареале, в котором этот термин, насколько нам известно, всегда имел значение этнического наименования, как это ясно показал Эмиль Бенвенист. Очевидно, надо считать данные значения результатами вторичных развитий, отлично объясняемых в историческом и культурном отношениях, этнического значения названия алан». Итальянскому ученому эта мысль представлялась насколько важной, что он ее повторил: распространение названия алан в кавказских языках «стало заимствованием социального значения и вытекает из этнического» (*Ньоли* 2002, с. 31–32, 43).

Сказанное подтверждается и археологическими материалами. Анализ патологии, демографии и краниологии поздних сарматов привел М.А. Балабанову к следующим выводам. Кости мужских скелетов носят следы сильной физической изношенности, «зачастую не соответствующей возрастным особенностям организма», что указывает на чрезвычайные физические нагрузки. Иными словами, у поздних сарматов к 40–45 годам, а иногда и раньше, развивался синдром ускоренного старения. Специалисты объясняют это либо хроническими воспалительными заболеваниями, либо чрезмерными психоэмоциональными нагрузками, т.е. частыми стрессовыми ситуациями. В половозрастной структуре бросается в глаза резкое преобладание мужских захоронений над женскими – в 2,7 раза. Редко встречаются детские захоронения – 2,2% от общего числа умерших. Для нижневолжской группы характерно преобладание пожилых и старых мужчин над всеми другими категориями. Близкие параметры половозрастной характеристики отмечены у группы с Нижнего Дона и с территории Таврии. Очень важный признак поздних сарматов – преднамеренная искусственная деформация черепа. Перечисленные характеристики поздних сарматов, полагает М.А. Балабанова, «определяют их не как палеопопуляцию, а как узкоспециализированную группу», профессиональные занятия мужской части которой связаны «с высокой степенью агрессивности. Кроме того, резкое преобладание мужчин над женщинами и почти полное отсутствие детей являются показателями подвижного неоседлого образа жизни, что дает повод для обсуждения специфики социального статуса исследуемой группы». Автор высказала предположение об устройстве общества поздних сарматов по типу мужских военных союзов. В связи с изложенным она заключает: «Появившееся в первые века нашей эры понятие 'аланы' исследователями должно восприниматься не как этноним, и даже не как название племенного союза, а скорее как название мужского союза» (*Балабанова* 2001, с. 3–6).

Данная гипотеза основана на анализе лишь части археологического материала; не видно решающих аргументов для признания того, что *аланы* – это члены мужского союза, постоянно находившегося в походах, а их соплеменники, оставшиеся во временном или стационарном лагере – это *не аланы*.

Чуть ранее В.Е. Максименко высказал мнение, что аланы приобрели реальное военно-политическое влияние лишь к концу II в. н.э. В аланах

археолог видит не конкретный этнос, а само слово «аланы» трактует как социально-политический термин, полагая, что в Волго-Донском междуречье аланами называли «наиболее активные группы кочевников, сформировавших боевые, сильные отряды, способные перемещаться на далекие расстояния» (*Максименко* 1998, с. 182).

Более осторожно эту мысль сформулировал М.Б. Щукин. Обратив внимание на присутствие военных отрядов алан в I в. в разных местах Восточной Европы и Передней Азии, он задает вопрос: «Не имеем ли мы дело с какой-то сравнительно небольшой, но очень воинственной и постоянно передвигающейся ордой, имя которой охотно стали принимать в силу ее авторитета и другие, так или иначе подчинившиеся им группировки» (*Щукин* 1994, с. 209).

Аналогичная точка зрения бытует и среди западных исследователей. Одна из последних попыток объяснить происхождение этнонима *аланы* предпринята Г. Ньоли. Опираясь на Аммиана /«*in immensum extentas Scythiae solitudines Halani inhabitant, ex montium appellatione cjgnominati*»/, связывавшего происхождение этнонима «аланы» с названием гор, итальянский ученый предположил, что «Аланские горы» – название, принесенное в Европу аланами Хорезма, где мифические горы «Ариев» отмечены в авестийской традиции. Позднее в результате контактов с народом, имевшим самоназвание *arya*, жившим в Хорезме и вокруг него, «термин» *аланы* восприняли аорсы и другие племена (*Gnoly* 1998, P. 161–163).

Данную идею подкорректировал А.С. Скрипкин (1996, с. 165): «Аланы были, вероятно, не моноэтническим, а полиэтническим военно-политическим объединением, которое окончательно сложилось в восточноевропейских степях и в котором собственно аланы играли роль консолидирующей силы».

Последняя точка зрения представляется нам наиболее близкой к истине. Аланы были полиэтническим союзом, в жизни которого война и организация для войны занимали исключительное место (*Гутнов* 2001, с. 152–230). В структуре войска заметную роль играли тяжеловооруженные всадники – дружинники. В памятниках прошлого сохранились достаточно многочисленные следы панцирной конницы ранних алан и родственных им ираноязычных племен Евразии (*там же,* с. 219–224).

Источники сохранили не только изображения, но и описания катафрактариев. Одно из самых ранних письменных свидетельств на эту тему принадлежит Тациту. Описывая роксалан начала н.э., он отметил их военную активность на границах Рима. Зимой 67 г. роксаланы уничтожили «две кагорты и, окрыленные успехом», в 68 г. вторглись в Мезию. Характеристика воинского отряда номадов – одно из первых развернутых детальных описаний его структуры и состава; поэтому приведем его полностью. «Их конный отряд состоял из девяти тысяч человек, опьяненных недавней победой, помышлявших больше о грабеже, чем о сражении. Они двигались поэтому без определенного плана, не принимая никаких мер предосторожности, пока неожиданно не встретились со вспо-

могательными силами третьего легиона. Римляне наступали в полном боевом порядке, у сарматов же к этому времени одни разбрелись по округе в поисках добычи, другие тащили тюки с награбленным добром; лошади их ступали неуверенно, и они, будто связанные по рукам и ногам, падали под мечами солдат. Как это ни странно, сила и доблесть сарматов заключены не в них самих: нет никого хуже и слабее их в пешем бою, но *вряд ли существует войско, способное устоять перед натиском их конных орд*. В тот день, однако, шел дождь, лед таял, и они не могли пользоваться ни пиками, ни своими длиннейшими мечами, которые сарматы держат обеими руками; лошади их скользили по грязи, а тяжелые панцири не давали им сражаться. Эти *панцири, которые у них носят все вожди и знать*, делаются из пригнанных друг к другу пластин, или из самой твердой кожи; они действительно непроницаемы для стрел и камней, но если врагам удается повалить человека в таком панцире на землю, то подняться сам он уже не может. Вдобавок ко всему их лошади вязли в глубоком и рыхлом снегу, и это отнимало у них последние силы» (курсив мой – *Ф.Г.*). Римляне одержали громкую победу; «проконсул Мезии Марк Апоний был награжден триумфальной статуей, а легаты легионов Фульв Аврелий, Юлиан Теттий и Нумизий Луп – консульскими знаками отличия» (*Тацит* 1968, т. II, с. 42).

Арриан, хорошо знакомый со структурой аланского войска (*Нефедкин* 1998; *Перевалов* 2001), по защитному вооружению делит конницу на панцирную (катафрактариев) и беспанцирную; по наступательному оружию – на копьеносцев и акроболистов, т.е. метателей дротиков. Среди копьеносцев, он, в свою очередь, выделял тех, которые «сближаются с боевыми порядками противников и сражаются копьями, либо контосами, бросаясь в лобовую атаку, как аланы и савроматы». Слово «контос» С.М. Перевалов предлагает оставить без перевода /перевод Г.А. Стратановского этого термина как «древко копья» – неточен/, поскольку оно обозначает очень специфичный вид оружия. Контос – пика, предназначенная, в основном, для удара; хотя в принципе могла использоваться и для метания. Согласно Страбону, «копья имеют двойное применение – для рукопашного и для дальнего боя; также двойное назначение имеет и контос» (*Перевалов* 1999, с. 304–305). Арриан способ атаки с контосами называет «алано-сарматским» (*Перевалов* 1999 а, с. 66). В описании Тацита «сарматы, оставив луки, которыми они не могли действовать так далеко, как парфяне, бросились на них с *пиками* (курсив мой – *Ф.Г.*) и мечами...» (*Аланика* 1999. № 2, с. 237). Не случайно в первые века н.э. выражение *sarmaticus contus* стало техническим термином (*Bosworth* 1977, p. 240; *Перевалов* 1999а, с. 67). Здесь же отметим диаметрально противоположные взгляды С.М. Перевалова (1999а) и А.В. Симоненко (2001) на роль т.н. «сарматской посадки» в новой тактике тяжелой конницы – штурмовой атаки с копьями /клином или сомкнутым строем/.

Арриан в сюжете о тактике боя против алан оставил достаточно конкретное описание защитного доспеха кочевников. Римские воины из тре-

тьей и четвертой шеренги должны были выставить «для метания контосы, как придется, с тем, чтобы и коней испугать, и наездника убить, а когда в щит, в катафракту, в панцирь вонзится контос и из-за большой мягкости наконечника загнется, тогда ездок сделается бесполезным» (*Нефедкин* 1999, с. 178).

Таким образом, у алан в начале н.э. существовали катафрактарии – тяжеловооруженная панцирная конница[8], которую можно рассматривать и как дружину – постоянный отряд профессиональных воинов-всадников, живших при дворе своего вождя /«царя»?/ и существовавших за счет военной добычи и, возможно, добровольных даров соплеменников.

Помимо конницы сарматы и аланы использовали и пехоту. Некоторые исследователи полагают, что в приграничных столкновениях численность пехоты превышала число всадников /это мнение остается спорным/, в то время как в дальних набегах участвовала лишь конница. Каждый наездник имел одного или двух заводных коней /а то и больше – см. ниже/, необходимых для быстрого передвижения в набегах, в которых главную роль играла внезапность. Наиболее благоприятным временем для проведения грабительских походов, скорее всего, была зима. К.Ф. Нефедкин (1999 а, с. 266–267) обратил внимание на то, что Овидий (Trist., III, 10, 29–34, 51–54; Epist., 1, 2, 75–80, IV, 7, 9–10), Сенека (Nat. quest., VI, 7, 1), Тацит (Hist., I, 79, 1), Дион Кассий (LXXI, 7, 1) и Аммиан Марцеллин (XVII, XXIX, 6,6) «прямо указывают на проведение набегов зимой, тогда как набег осенью рассматривают как необычный».

Согласно анализу К.Ф. Нефедкина (2001, с. 202, 206), количество всадников в низовых звеньях военной организации сарматов и алан было невелико: «несколько десятков – несколько сотен всадников». Более крупные отряды формировались, очевидно, по родоплеменному принципу, во главе со своими же предводителями. Вместе с тем исследователь соглашается с В.Н. Каминским (1992, с. 19), предполагавшим наличие у алан сотенной организации войска (*Нефедкин*, 2001, с. 208). Катафрактарии в начале н.э. составляли элитную группу военной аристократии алан и были немногочисленны. Судя по погребальному инвентарю (*Симоненко* 1986, с. 11), лишь несколько процентов ранних алан имели панцирные доспехи /вспомним Тацита: «*Панцири, которые у них носят все вожди и знать*»/, соответственно, незначительным было и число катафрактариев. Около вождя или знатного воина находились его дружина – сподвижники, а также ближайшие родственники. Скорее всего такая дружина сопровождала сарматскую царицу Амагу в первой трети II в. до н.э., когда она со 120 всадниками совершила молниеносный бросок к скифам, чтобы наказать противников своего союзника Херсонеса. «Царица» Амага «выбрала 120 человек, сильнейших душой и телом, дала каждому по *три лошади* и, проскакав с ними в одни сутки 1200 стадиев, внезапно явилась ко двору царя и перебила *всех стражей*, стоявших у ворот... ворвавшись во дворец, убила *царя* и бывших с ним *родственников и друзей* (курсив мой – *Ф.Г.*)» (*КДПАА*, с. 234–235).

Античные авторы неоднократно сообщают о «царях» сарматов. У Полибия /умер около 123 г. до н.э./ среди припонтийских государств и правителей, в 179 г. до н.э. заключивших союз, назван и «Гатал, *царь* сарматский»; причем, он отнесен к европейским правителям (*Латышев* 1993, т. 2, с. 216). Некоторые исследователи /Н.Е. Берлизов, В.Е. Еременко, А.М. Ждановский, И.И. Марченко/ полагают, что территориальным ядром владений Гатала являлось Подонье, а этническая основа являлась роксаланской (*Лысенко* 2003 а, с. 43–46, 53).

Декрет начала II в. до н.э. в честь Протогена упоминает «царя» саев Сайтафарна. Его принадлежность к тому или иному ираноязычному племени остается дискуссионной (*Лысенко* 2003, с. 38–40).

Римские источники содержат сведения о социальных различиях среди аланских и родственных им ираноязычных племен юго-восточной Европы начала н.э. Сарматские племена Дона и Северного Кавказа – сираки и аорсы – в античной традиции предстают как возглавляемые «царями» этносоциальные организмы. Диодор рассказал о «царе» сираков Арифарне, принимавшем участие в междоусобной войне за боспорский престол (*Десятчиков* 1977, с. 45–48). Страбон назвал «царей» сираков и аорсов – Абеака и Спадина; Тацит знает «царей» */reges/* аорсов Эвнона и сираков Зорсина. Он же упоминает «вождей язигов» */principes Sarmatarum Iazigum/* и *скептухов* сарматов, лиц рангом ниже царского и, по Страбону, обычно подчиненных «царям» или «тиранам». Хотя скептухи сарматов у Тацита действуют как независимые правители и самостоятельно принимают решения (*Перевалов* 2000, с. 207). Термин *скептухи* (*Тацит* 1968, т. I, с. 170) буквально означает *скипетроносцы* /А.С. Бобович предпочел перевод «жезлоносцы» – *там же*, с. 420, примеч. 47/. А.П. Новосельцев полагал, что этим термином обозначался институт иного социального порядка, нежели стратеги-сатрапы и гегемоны. Последний термин, буквально означающий «предводитель», «вождь», но имевший много других оттенков в зависимости от конкретного текста, нередко встречается у античных авторов, особенно Страбона, в описании этносов Кавказа. *Гегемоны* кавказских племен у Аппиана, Плутарха и Страбона – это разные люди: вожди, военачальники, правители областей. У Аппиана там, где речь идет о племенных гегемонах иберов и албанов, назван и колхидский скептух Олтакес. А.П. Новосельцев (1980, с. 168) присоединился к трактовке Г.А. Меликишвили (1959, с. 364), считавшего *скептухов* вождями племен, находившихся на догосударственной стадии развития.

Среди алан Западной Европы источники упоминают «знатных людей» */vir illustris, nobiles/*, людей «высокого положения» (*Bachrach* 1973, P. 52–53, 94, 97), «опытных вождей» */duces exerciti/* (*Буданова* 1999, с. 163), «пилофаров», «царей» (*rex*), «царьков» (*regules*) [обычно этим термином обозначались лица, обладавшие меньшей властью по сравнению с верховным правителем, в объединение которого они входили], «незнатных» /кометов/ (*Колосовская* 2000, с. 47, 61, 81, 91).

В эпиграфических памятниках времен императора Адриана /117–138 гг./ встречается имя «царя» ранних алан Распарагана [по В.И. Абаеву от *раст* + *бараг* = «справедливый всадник»] – *Publius Aelius Rasparaganus*. В старости он принял римское гражданство и был похоронен в городе Пула. На поставленном его сыном памятнике покойный династ титулован как *rex Sarmatorum*, тогда как в еще одной эпиграфической надписи – *rex Roxolanorum*. Возможно, верна догадка А.В. Исаенко (1993, с. 178–179) о том, что при заключении мира с Домицианом Распараган представлял язигов и роксалан, поэтому и назван «царем» сарматов.

Главы социумов некоторых варварских племен Западной Европы, например квадов и маркоманнов, именуются *конунгами*. Еще в середине III в. они избирались народом, но утверждались в Риме (*Буданова* 2000, с. 29, 30).

Согласно Аммиану Марцеллину, среди знати придунайских сарматов, прибывших для подписания мира с императором Рима после кампании 357/8 гг. в Паннонии, находились: «Зизаис, тогда еще царевич, молодой человек огромного роста... привел с прочими сарматами Румона, Зинафра и Фрагиледа, царских вассалов, и многих знатных людей». Узнав о полученном ими разрешении со стороны Рима «сохранить за собою свои земли... поспешили явиться царевичи Арагарий и Узафер со всеми своими людьми. Они принадлежали к самой высокой знати и были военачальниками у своих земляков; один из них командовал частью трансюгитанов и квадов, другой – частью сарматов, – эти народы сближало между собой соседство по месту жительства и дикость нравов». Причем, Арагарий утверждал, что «условия данного ему мира должны были распространиться и на Узафера, как на подчиненного ему союзника, привыкшего повиноваться его приказаниям». Продолжая свой рассказ о сарматах, Аммиан отметил: «Могущественны и славны были некогда обитатели этого царства, но рабы составили тайный заговор и устроили восстание. И так как у варваров *право на стороне сильного* (курсив мой – *Ф.Г.*), они победили своих господ, будучи столь же храбры, как и те, но имея численный перевес». Бежавшие сарматы обратились за помощью к Риму; император «дал им в цари Зизаиса, человека вполне подходившего, как выяснилось на деле, для этого высокого сана...». В другом месте Аммиан повторил: император «поставил им царя, и это был не какой-нибудь простой человек, а избранный ими самими и выделявшийся внешними и внутренними достоинствами царевич» (*Аммиан Марцеллин* 1994, с. 135–137, 141).

Как видно, в социальной структуре сарматов выделялись «военачальники», «самая высокая знать», «знатные люди», «царские вассалы». Внутри союзов племен /или племени/ уже имели место социальные противоречия, настолько серьезные, что они разрешились войной. Интересно также то обстоятельство, что в отличие от проигравших «господ», включавших знать различных степеней, у победивших имелись только «старшины» (*там же*, с. 140).

По мнению Ю.К. Колосовской (2000, с. 91), термином *rex* у варваров, в частности у бастарнов, обозначалась именно *царская* власть. Были и цари-вассалы /*reguli*/, входившие в этот союз. Известна и знать племени /*principes*/.

Однако, на наш взгляд, свидетельства античных авторов о варварских «царях» не следует понимать буквально. Отождествление власти *римского принцепса* с властью *вождя варварского племени* некорректно (*Парфенов, Смыков* 2002, с. 209). Перевод латинского *rex* /в отношении глав варварских социумов/ как «царь» не всегда оправдан. Нам представляется верной позиция ряда исследователей /Т. Бернс, Я. Харматта, И.Е. Ермолова и др./, считающих, что в античных памятниках данный социальный термин с древних времен до падения империи римляне «употребляли для обозначения *постоянных вождей* (курсив мой – *Ф.Г.*) варварских народов» (*Еромолова* 1984, с. 234; *Гутнов* 2001, с. 197).

Несколько иной подход к данному термину был у М. Блока. При описании архаического германского общества, отмечал он, иногда некритически используют терминологию латинских авторов, в частности, речь идет о термине *rex*, примененном к вождям крупных племен; предводителей же племенных объединений меньшего масштаба именовали *principes*. Если переводить эти термины на современные языки, то получится «бессмыслица: в терминах современной социологии и *principes*, и *reges* – не кто иные, как короли, иными словами, монархи, получающие власть по наследству». Из того факта, что и те, и другие *избирались*, некоторые авторы делают вывод о том, что они являлись, «если можно так сказать, президентами республики в миниатюре». Однако, подчеркнул М. Блок, «если народ выбирает себе вождей исключительно из числа членов одного-единственного рода, которые передают свою мощь из поколения в поколение вместе с кровью, мы можем и должны говорить о наследственной власти» (*Блок* 1998, с. 657–658). С Блоком можно согласиться в тех случаях, когда речь идет действительно о выборах главы социума из членов исключительно одного рода.

Античные авторы среди сарматских союзов неоднократно выделяли т.н. «царские» племена. Например, Страбон, перечисляя народы, населявшие северное Причерноморье, отметил «язигских сарматов, страны так называемых царских сарматов». В издании В.В. Латышева 1947 г. термин «царские» прилагается к язигам (*Латышев В.В.* 1947. № 4, с. 200, примеч. 7), тогда как Г.А. Стратановский «царских сарматов» рассматривает в качестве самостоятельного племени (*Страбон* 1964, с. 280). Такого же мнения придерживался Я. Харматта. Он полагал, что среди сарматских племен определенно можно найти одно «царское племя» /*royal tribe*/. В союзах племен номадов он выделял два типа: 1) племена жили бок о бок, слабо контактируя и кооперируясь лишь в случае военной угрозы извне; 2) все племена находились под верховенством одного, власти которого они подчинялись. Эту мысль в одной из своих ранних работ он повторил несколько раз (*Harmatta* 1950, P. 4–6, 20, 22, 29).

Рассматривая историю сарматской колонизации Юго-Восточной Европы, Я. Харматта отметил, что сначала здесь появились язиги, затем – роксаланы. Затрудняясь точно определить границы расселения кочевых племен, Я. Харматта вполне определенно утверждает, что около 125 г. до н.э. возникло централизованное сарматское государство, просуществовавшее более 60 лет и распавшееся после смерти Митридата Эвпатора (*Harmatta* 1950, P. 35). Аргументация венгерского ученого показалась Р. Фраю весьма убедительной (*Фрай* 2002, с. 218). На наш взгляд, определение стадиальной ступени названного социума зависит от трактовки термина *государство* и определения критериев отличия *государства* от *союза племен*.

Ю.С. Гаглойти обратил внимание на сообщение Аппиана о «царских язигах». Опираясь на более поздние сообщения /IV в./ Евсевия Памфила и Аммиана Марцеллина, ученый восстанавливает этноним царских язигов как *армдараганта*, в основе которого лежит осетинское *армдар* «рукодержец». Отсюда и средневековый осетинский социальный термин *алдар*. «Судя по всему, именно термин *армдараганты* Страбон и Аппиан переводили как *царские*» (*Аланика* 1999. № 1, с. 232, 240).

А.В. Исаенко чуть иначе трактует данные этнонимы. В *армдарагантах* он видит «представителей старой родовой знати». Этноним воевавших с ними представителей родственных племен – *лимигантов* он выводит от осетин. *lyman* «друг», усматривая в них представителей «нарождавшегося рыцарского сословия» – катафрактариев (*Исаенко* 1993, с. 182). Однако именно в *армдарагантах* логичнее видеть катафрактариев, ибо корень данного термина – *армдар* – один из самых ранних аланских военных /сословных/ терминов, которым обозначались представители военной аристократии (*Абаев* 1958, с. 126–128). Здесь же отметим, что среди эпиграфических памятников Северного Причерноморья /в Пантикапее, Боспоре, Танаисе/ очень часто встречается имя *Ардарос*, которое Л. Згуста вслед за В. Миллером объясняли, привлекая осетинское *aldar* «старший, глава, князь» (*Zgusta* 1955, S. 68–69). Вспомним также главу западных алан VI в. Саросия, чье имя, очевидно, представляет собой почетный титул *сар-и-ос* «глава осов» (*Гутнов* 1993, с. 39–42).

III. 3. 2. Ранние аланы в древних закавказских памятниках

Наши представления о социальной структуре аланского общества в начале н.э. можно уточнить на основе анализа закавказских источников, включая социальную терминологию, применяемую в отношении алан.

Крупнейший древнеармянский историк Мовсес Хоренаци /V в./ в описании правления Хосрова поместил рассказ о набеге «жителей северной части Кавказа», подстрекаемых «в особенности просьбами Санатрука, по тайному приказанию Шапуха, царя персидского». Причем, нападавших было всего «около двух тысяч». Тем не менее, северяне прошли по-

ловину страны, «нанесли поражение нашим (армянским – *Ф.Г.*) полкам, обратили их в бегство, очутились под стенами Валаршапата». Очевидно, учитывая малочисленность отряда и в то же время его боеспособность, в данном случае имеется в виду отряд /дружина?/ катафрактариев. Это тем более вероятно, что Мовсес назвал нападавших «копейщиками», во главе которых «выступил какой-то чудовищный исполин, во всеоружии... он совершал чудеса храбрости посреди войска. Храбрейшие из армян... напали на него, но не могли причинить ему вреда; от ударов копий только вращалась его войлочная /броня/» (*Армянские...* 1985, вып. I, с. 37–38).

Сюжет о «чудовищном исполине», предводителе «копейщиков» повторил Степанос Таронский /XI в./, вероятно, позаимствовав его у Мовсеса. Первый переводчик обоих текстов на русский язык Н. Эмин отметил, что в подлиннике вместо «чудовищный исполин» стоит *анариска*. К. Патканов перевел это слово как собственное имя Анариска (*Моисей Каганкатваци* 1861, с. 22). Ю.С. Гаглойти не без основания сопоставил имя Анариска с осетин. *анарисга* – «не чувствующий боли» (*Аланика* 2000. №2, с. 251, примеч. 27).

Еще один сюжет о «мощных копьеносцах» (аланах) Мовсес привел в рассказе о правлении Валарша II /117–140 гг./ (*Армянские...* 1985, вып. I, с. 34). Агатангехос сообщает о «многочисленных и храбрых, хорошо вооруженных всадниках» алан (*там же*, с. 17-18).

В армянских памятниках агиографической литературы упоминаются некие аланы – «приближенные великой царицы» Сатиник, «прославленные и могучие мужи», принадлежавшие «к высшему сословию и первые в войне /бою/», «мужи смелые и добродетельные», «военачальник по имени Барлах», «второй сановник государства» алан (*там же,* с. 43–46).

Приведенные данные свидетельствуют о существовании у ранних алан военной аристократии.

Древнеармянские историки оставили ценную информацию о происхождении одного из знатных армянских родов – Аравелеанов. Согласно Мовсесу Хоренаци, «в его /Арташеса/ время /появились/ Аравелеаны, родом из аланов, сродники Сатиник, ее сопровождавшие, /были/ возведены в достоинство армянского нахарарства, как родственники великой царицы» (*там же*, с. 34).

Мовсес Каганкатваци /VII в./ этот же род называет *Аравегьян* [согласно А.В. Гадло (1979, с. 4) от иранского *арьяв-аг* – «геройский, сильный»]. «Княжество рода Аравегьян было даровано родственникам Сатиник. Они во время Хосрова Великого, отца Трдата, сроднились с храбрым мужем, пришедшим из страны Басилов» (*Армянские...* 1985, вып. II, с. 26). Р.А. Габриелян данный сюжет прокомментировала нейтрально: «Аравелеаны – родом из аланов. Судя по всему, пришли из Аланского царства» (*там же*, с. 54, примеч. 155). Согласно Мовсесу Хоренаци, позднее, при Хосрове Великом, Аравелеаны породнились «с одним могущественным басилом, переселившимся в Армению». А.В. Гадло полагал,

что Аравелеаны были «сравнительно молодым» родом, происходившим не от собственно алан, а от родственных им басилов. Их связь с родственниками Сатиник потребовалась для «удревнения» родословной (*Гадло* 1979, с. 43–44). Хотя, на наш взгляд, информацию Хоренаци и Каганкатваци можно принять и без поправок.

В последующие века Аравелеаны почти всегда фигурируют в различных списках нахарарских родов. В «Зоранамаке» /Воинская грамота/ – разрядной грамоте, устанавливавшей численность вооруженных сил каждого из 86 нахарарств, численность войска Аравелеанов определялась в 500 всадников. Н. Адонц (1971, с. 305) владения указанного рода локализовал «в царском стане Айрарате, на границе Ширака».

Термином *нахарар* в древней Армении обозначалась высшая и средняя знать. Иными словами, полного равенства в статусе нахараров не было, они подразделялись на старших /*аваг*/ и младших /*кртсер*/. Учреждение нахарарств традиция связывает с деятельностью царя Валаршака, возведенного на престол персидским царем Аршаком. Валаршак, согласно Мовсесу Хоренаци, «учредил нахарарства и назначил родовладыками нахарарств достойных людей». Основателю нахарарской династии Багратуни, Баграту, была пожалована честь возлагать корону на голову царя. Позиции нахараров были настолько прочными, что они смогли изгнать из страны Арташеса, последнего царя из рода Аршакуни (*Юзбашян* 2001, с. 20–24).

Этимология слова «нахарар» остается предметом дискуссии вот уже свыше ста лет. Р. Фрай в эпиграфических памятниках Восточного Ирана обратил внимание на термин *nhwdr*, бытовавший в Парфии. «Звание /или титул/ *noxodar*, буквально 'держащий первое место', представлено в армянском языке в форме *naxarar* – 'феодальный предводитель', скорее почетное звание, чем титул» (*Фрай*, 1972, с. 265; 2002, с. 265). Г. Виденгрен, напротив, считал это слово и феодальным титулом, и названием должности (*Widengren* 1960, S. 33, Bem). У А.П. Новосельцева интерес вызвала гипотеза Н.Я. Марра о связи первой части термина с сохранившимся в арабском языке словом *nahie* – «область». Если бы удалось доказать иранское происхождение арабского слова, то, учитывая наличие в армянском сходного *наханг* – «область», «округ», можно было бы толковать нахарар как «владетель», «правитель области». Пока же, после находок парфянских надписей, можно считать установленным, что нахарар – видоизмененное иранское *нахвадар* или *нахвабар*; в одном из древнеиранских памятников встречается *нах^{a}ар* в значении «командир», «начальник», «правитель» (*ПРФ*, с. 75–77).

В I в. н.э. прежние армянские стратеги, наместничества царей превратились в полусамостоятельные княжества. Владельцы последних – нахарары – имели свои замки и дружины. Видимо, они обладали и определенными судебными правами в отношении подвластных им людей. Основой их могущества являлся *тун* /буквально – «дом», здесь – «владение»/ (*там же*, с. 77; *Новосельцев* 1980, с. 164).

В 387 г. после заключенного между Византией и Ираном соглашения о разделе Армении /линия раздела тянулась от современного Эрзерума к югу/ западная часть отошла к империи. На севере контролируемых Константинополем земель правили гражданские чиновники /согласно Хоренаци, здесь «греки стали назначать комитов»/; на юге продолжали править нахарары, сохранившие свои дружины (*Юзбашян* 2001, с. 15).

В IV–V вв. нахарары находились в определенной связи с царским домом, выполняли воинские обязанности; в собственных владениях оставались полновластными владыками. Положение нахарара и его фамилии на иерархической лестнице определялось его *гахом* – местом во время торжественных собраний во дворце. Н. Адонц полагал, что решающим признаком установления места *гаха* в списке было число состоявших под началом того или иного удельного князя конных воинов. В аршакидский период нахарары исполняли при дворе царя разнообразные обязанности – от верховного военачальника до сокольничего и виночерпия (*Юзбашян* 1988, с. 10–12). На воинские обязанности нахараров обратил внимание Фавстос Бузанд. В сюжете о войне с маскутским царем Санесаном он поведал о том, что «полководец Великой Армении Вече... собрал всех храбрых нахараров и составил весьма многочисленное войско» (*Армянские...* 1985, вып. I, с. 21).

В арабской версии Агатангехоса говорится о «царе алан» и «собрании князей»; в списке крещенных Григорием Просветителем народов называются «царь аланов и все князья и главы народов и племен, и все их подвластные, и множество слуг, мужчин и женщин» (*Габриелян* 1989, с. 51, 53).

Довольно интересен фрагмент письма «царя севера», адресованного царю Армении. В передаче Иоанна Мамиконяна: «Приходи и завтра мы сразимся и увековечим этот день меж нами. Либо ты возвратишь мне *моих ишханов* (курсив мой – *Ф.Г.*) и подать за 15 лет, либо, если не согласишься, мечом и полоном разорю я твою страну, чтобы ты узнал свиное рыло свое, каким было оно перед войском твоим. Так дай соответствующий ответ» (*Армянские...* 1985, вып. II, с. 23). Возможно, требование «царя» алан «подати за 15 лет» имело под собой какую-то основу. Р.А. Габриелян (1989, с. 107) рассматриваемый поход алан относит к 316 г. Независимость от сасанидов Армения получила в 298 г.; тогда же началось правление Трдата Великого (298–330 гг.). Получается, что поход алан состоялся на 19 году правления Трдата, подать же они требовали за 15 лет. По сути, аланы требовали подать за время независимости Армении. Насколько верна информация Мамиконяна, жившего в VII в., а писавшего о событиях начала IV в. – судить трудно. Но в данном случае для нас важно другое – Иоанн свидетельствует о существовании у алан *ишханов*. Этим термином, в переводе означавшем «владетель», «князь» и обязательно связывавшимся с властью над областью, обозначался высший слой нахараров. Титул, возможно, родственен хеттскому *isha* – «господин» (*ПРФ*, с. 77).

Не менее интересен рассказ древнеармянских авторов о браке царя Трдата III (298–330 гг.) с дочерью повелителя алан. Согласно Мовсесу Хоренаци, Трдат отправил аспета Смбата «привести в жены девицу Ашхен, дочь Ашхадара, которая ростом не уступала царю, /который/ приказал записать ее в Аршакуни, облечь в пурпур, возложить на нее корону, дабы она могла быть супругой царя. От нее родился сын Хосров, который ростом не походил на своих родителей» (*Армянские*...1985, вып. I, с. 35).

Армянские исследователи (*Налбандян* 1977, с. 212; *Габриелян* 1989, с. 72–73) отмечают внутреннюю связь имен Ашхадар и Ашхен, восходящих к одному корню – *xsa* «власть». Первый антропоним разбивается на составные *xsa* «власть» + *dar* «иметь» = «владеющий властью». Ашхен сопоставляется с осетинской формой *axsin* «княжна». Учитывая время, в которое жили носители антропонимов, внесем небольшую корректировку в понимание их имен. Ашхен точнее трактовать как «госпожа» (*Абаев* 1989, с. 236), а не «княжна». Часть имени Ашхадар действительно восходит к древнеиран. *xsathra*. Если исходить из трифункциональной концепции Ж. Дюмезиля, то термин связан со второй, военной функцией и в догосударственный период означал «военную силу», «военную доблесть». По В.И. Абаеву, «эта семантика преобладает в осетинском». Своеобразие же аланского термина состоит в том, что *xsar* понимается как «высшее достоинство в бою» (*там же*, с. 224–225). Т.е. антропоним Ашхадар следует переводить как «обладатель высшей воинской доблести», очевидно – военный вождь /багатар/. Здесь же отметим, что именник предков осетин в основном состоял из т.н. «говорящих» имен. Большая их часть мотивирована, т.е. отражала различные стороны быта и окружающей среды (*Козырева* 1976, с. 243). С этой точки зрения Ашхадар и Ашхен принадлежали, очевидно, к высшему слою аланской /военной/ аристократии.

В родословной просветителя Армении святого Григория и жизни святого Нерсеса, патриарха Армении, упоминается «царь алан Урнайр» (*Аланика* 2000. № 2, с. 241). В памятниках армянской агиографической литературы V в. и у Мовсеса Хоренаци приведен сюжет о «царевне» Сатиник, несколько раз упоминаются аланские «цари». Фавстос Бузанд достаточно подробно рассказал об «аршакидском царе мазкутов (маскутов – *Ф.Г.*), имя которого было Санесан. Ибо и их цари и армянские были одного и того же происхождения и рода». В другом месте он вновь упоминает «мазкутского царя, повелителя многочисленных войск». Фавстос царей армян и алан-массагетов считал родственниками, происходившими из одного рода. Он неоднократно подчеркивал это: «Мазкутский царь Санесан, сильно разгневавшись, проникся враждой к сородичу своему, армянскому царю Хосрову... И армянский царь Хосров уклонился от встречи со своим братом, то есть мазкутским царем Санесаном... И голову великого царя Санесана принесли армянскому царю. А /он/, когда увидел, расплакался и сказал: 'Братом же он был моим, родом Аршакуни'» (*Армянские*...1985, вып. I, с. 20–22).

Согласно армянской исторической традиции, существовало четыре

основные ветви династии Аршакидов, алано-массагетской по своему происхождению – в Парфии, Армении у кушанов /Индо-Скифское царство/ и у алан-массагетов Северо-Восточного Кавказа[9]. В отдельных случаях /К. Патканов, Н. Эмин и др./ к ним добавлялись аршакидские династии Грузии и Кавказской Албании. Родиной аршакидов считалась древняя Бактрия. Мовсес Хоренаци писал по этому поводу: «Хосров отправил на родину свою – в страну кушанов –просить сродников своих придти на помощь, дабы противостоять Арташиру» (см.: *Аланика* 2000. № 2, с. 247, примеч. 3).

Здесь же добавим, что древнеармянские авторы V в. неоднократно говорили о родстве всех ветвей аршакидов. Так, Мовсес Хоренаци отмечал: «Царь Армении Аршак, обращаясь к военачальнику персов, сказал: «Ты, кровь моя и сродник, зачем с таким ожесточением преследуешь меня?» (*Армянские*... 1985, вып. 1, с. 39).

Аммиан Марцеллин в рассказе о ранних этапах истории Персии поместил сюжет о возникновении династии Аршакидов: «Это царство, некогда весьма небольшое по размерам... носившее различные имена, после того, как рок похитил в Вавилоне Александра Великого, стало достоянием парфянина Аршака. То был человек низкого происхождения. В *юности* он был *атаманом разбойников* /курсив мой – *Ф.Г.*; очевидно, вместо *атамана,* точнее *предводителем* или *вождем*/, но постепенно возвысился в своих стремлениях и составил себе славное имя рядом блестящих деяний» (*Аммиан Марцеллин* 1994, с. 290).

Большинство исследователей ключевую роль в создании царства Аршакидов отводят номадам. Более того, главной причиной успеха, быстрого «взлета» этого царства считают удачное сочетание традиций оседлого населения Парфии и традиций кочевого мира: первые Аршакиды «сумели в короткое время освоить важные элементы восточной и эллинистической культур, не прерывая в то же самое время связей» с племенами сако-массагетского круга. Главным фактором разительных перемен на политической карте Средней Азии в эпоху Александра Македонского и позднее «явились передвижения кочевых племен дахов, которые и основали Аршакидское государство» (*Пьянков* 2002, с. 220). Показательно и то, что из кризиса первой половины I в. н.э. державу Аршакидов вывел воспитанный дахами Артабан II.

Древнегрузинский историк Леонтий Мровели в разделе об Адерки /сын Картама, внук Куджи/, правившем в Картли до середины 30-х гг. I века н.э., рассказал о восстановлении «царской» власти в Иране. «Собрались тогда эриставы персидские и поставили царем Ажгалана Мудрого» (*Алано-Георгика* 1992. № 2, с. 179). Комментируя данный сюжет, Г.В. Цулая со ссылкой на М.К. Андроникашвили отмечает скифо-аланскую основу антропонима Картам, восходящего к *карзан* – «жестокий», «безжалостный». Западно-грузинская ономастика «свидетельствует о непрерывной аланской традиции в социальных верхах древней Лазики-Эгриси» (*Мровели* 1979, с. 68, примеч. 115).

Что касается Ажгалана Мудрого, то, судя по тексту, Мровели рассматривал его как родоначальника Парфянской державы Аршакидов, образовавшейся на развалинах Ахеменидского Ирана. По версии Ю.С. Гаглойти, в основе династического имени Ажгалан лежит этноним *алан*. Первая часть сложного имени представляет собой грузинскую передачу армяно-парфянского *азг*, в значении «род», «происхождение». Следовательно, заключает Ю.С. Гаглойти, Ажгалан означает Алан /аланского рода, происхождения/, а Ажгаланиани /цари Ажгаланские/ – Аланские цари /аланского рода, происхождения/. Естественно возникает вопрос – какое отношение аланы имеют к династии Аршакидов? Ю.С. Гаглойти полагает, что аланы были выходцами из той же этнической среды, что и парфянские Аршакиды. В этой связи он обратил внимание на сообщение Страбона: «От этих скифов, говорят, ведет свой род Арсак». Весьма показательно, что когда в Иране к власти пришли сасаниды, свергшие парфянских Аршакидов, аршакид Хосров в борьбе с сасанидами попытался опереться на силы кушан и алан-маскутов Северного Кавказа. Древнеармянская версия «Картлис цховреба» добавляет к ним и последнего грузинского царя из этой династии Асфагура, который, стремясь оказать сопротивление наступавшим Сасанидам, предпринял специальную поездку в Аланию для привлечения овсов в качестве союзников против своих врагов. В свете приведенных данных становится понятным, как частое упоминание этнонима *алан* в фамильных наименованиях отдельных аршакидских родов, так и неоднократное подчеркивание родства парфянских и армянских аршакидов с правящей династией алан-массагетов /маскутов/. Помимо вышеприведенных примеров на эту тему, отметим имя Аланозан командующего персидского войска второй половины VI в. Лазарь Парпеци /V в./ именем Алан назвал одного из представителей рода Арцрунидов; оно же входит в состав сложного имени *Занд-алан* «царский алан». В титулатуре известных армянских князей Мамиконянов «алан» встречается в составе двух из четырех эпитетов, характеризовавших представителей рода – «победоносный», «славный», «достойный». Дословно эти эпитеты означают: *аланазгик* – «аланского происхождения» и *аланодрафшк* – «аланское знамя несущие» (*Алано-Георгика* 1992. № 2, с. 187–192).

На родство Аршакидов и правящей династии алан смутно намекал Тацит, рассказывая о злоключениях смещенного парфянского царя Вовона, в начале н.э. сбежавшего из заточения и пытавшегося добраться «к своему родичу царю скифов» через Армению, и далее – на Северный Кавказ (*Тацит* 1968, т. I, с. 169). В рассказе о более поздних событиях Тацит упоминает «царя» аорсов Эвнона.

Комментируя данный сюжет, М. Ольбрыхт в имени «царя» аорсов видит искаженное «Вонон». По мнению польского ученого, «это указывает на династические связи и что, возможно, Аршакид Вонон был сыном 'скифской' принцессы». И.В. Пьянков (2002, с. 227) в этой связи задает вопрос: «Нет ли здесь указаний на более глубокое родство, на то,

что и парфяне и аорсы знали об общем происхождении /'единокровности'/ своих правящих родов?»

В основе арабо-персидского названия Аршакидов, как показал Ф. Лозинский, лежит этнический определитель *ас*, одно из двух распространенных обозначений аланских племен в прошлом. Наличие этнонима асов в арабо-персидском названии Аршакидов, отмечает в этой связи Ю.С. Гаглойти, еще раз подтверждает, что «основу грузинского наименования Ажгаланиани составляет этноним алан». Ученый обратил внимание еще на одно интересное обстоятельство. Общность происхождения армяно-парфянских и массагетских Аршакидов находит подтверждение в сюжете армянской версии «Картлис цховреба» о предложении картлийской знати выдать замуж дочь скончавшегося царя Асфагура за персидского царевича. При этом девушку характеризовали так: «Фамилия у нее Арщакунти и Фарнавазианти, а также Небротианти». Обычное название Аршакидов в грузинском и армянском – Аршакуни и Аршакуниани – с характерными фамильными окончаниями *-уни* и *-иани*. А вот окончание *-ти* наиболее показательно для скифов и сарматов; сохранилось оно и у современных осетин. Определенную информацию несет и имя *Арсак*, давшее название всем династиям. Антропоним восходит к осетинскому названию медведя */арс/*; у современных осетин существует фамилия *Арсагата*. В форме *Арсаком* имя скифа встречается у Лукиана Самосатского (*Алано-Георгика* 1992. № 2, с. 192–194).

Как видно, связь армянских и грузинских Аршакидов с массагетским миром представляется вероятной. «Родоначальника этой династии в Иберии, – пишет Ю.С. Гаглойти, – древнегрузинские источники называют Аланом Мудрым» (*Аланика* 1999. № 1, с. 245, примеч. 11). Однако это не превращает автоматически территорию, контролируемую «царями» алан и маскутов древних закавказских памятников, в *царства* в позднейшем значении термина. Что же следует понимать под аланскими и маскутскими «царями» отмеченных письменных источников?

Для ответа на этот вопрос необходимо сначала разобраться, что представляли из себя «цари» Армении в начале н.э. А.П. Новосельцев полагал, что в Армении царский род (*азг*) по сути еще не сформировался как собственно *царский*. *Азг* Арташесидов и Аршакидов – «обычные большие семьи»; единственным связующим звеном была общая родословная. Анализ термина *азг* показал, что роды нахараров и «царей» могли представлять обширную организацию, включая принятых в род разных лиц иного происхождения (*Новосельцев* 1980, с. 132–133).

Применительно к царю Армении использовались термины *таговор* и *аркай*; по мнению исследователей, разница между этими терминами «чисто стилистическая». В арамейских надписях армянский царь выступает как *малик*, для персов он *шах*, греки обозначали его *василевсом* или даже *василевсом василевсов* /царь царей/ (*Юзбашян* 2001, с. 21).

В социальной структуре Армении I–IV вв. существовали две основные группы-сословия: *азаты* /буквально: «свободные»/ и противостоя-

щие им *шинаканы* /юридически свободные, но несущие налоговое тягло/. Хотя, конечно, сословий и социальных групп было больше. Арабская версия Агатангехоса сообщает о ближайшем окружении Трдата, взявшего на встречу с Григорием Просветителем «жену Ашхен, свою сестру Кусарадухту, царя грузин, царя русов, царя аланов, начальников своих, князей и владетелей народов» (*Габриелян* 1989, с. 52).

О характере социального устройства Армении этого периода свидетельствует состав собраний[10]. По некоторым данным, «в часы придворных званых пиршеств... выносилось 900 подушек», на которых восседали гости (*Адонц* 1971, с. 239). Интересно, что еще в IV в. мнение шинаканов в определенной мере учитывалось при решении важнейших вопросов общегосударственного масштаба. Собираемые в таких случаях сословные соборы – отголосок древних народных собраний. А.П. Новосельцев в этой связи обратил внимание на рассказ Фавстоса Бузанда о соборе середины IV в. Царь Аршак долгие годы воевал с персами. В конце концов эти войны так истощили страну, что к католикосу собрались «все люди Армянского царства», включая «дасапетк шинаканац», т.е. главы, старейшины шинаканского сословия. Собор объявил, что «народ устал и воевать больше не хочет, предложив царю при желании воевать самому. После отказа такого авторитетного собрания Аршаку ничего не оставалось, как сдаться на милость шаха Шапура II» (*Новосельцев* 1980, с. 62–63).

Таким образом, власть «царя» Армении серьезно ограничивалась реликтами прежних социальных институтов. Очевидно, еще меньше на «царей» в собственном значении термина походили «цари» алан и маскутов. Тем более, что они нередко упоминаются во множественном числе.

С.А. Яценко, опираясь на фольклорный сюжет об аланской «царевне» Сатиник[11], предполагает наследование именно *царской* власти. Между тем, источники, которыми он оперирует, не дают оснований для такого заключения. Рассматриваемый сюжет дошел до нас в древнеармянских агиографических памятниках /двух житиях/ и в «Истории» Мовсеса Хоренаци. Специфика житий, как источника, очевидна, и буквально следовать за их текстом не следует. Сведения о Сатиник, ее роде и походе алан в Армению Мовсес Хоренаци черпал из фольклорных памятников, на что сам же указывал (*Моисей Хоренский* 1858, с. 120–121). Родственников Сатиник те же источники приравнивали к армянским нахарарам – представителям элиты, но все же не «царям». В описании тех же событий Леонтий Мровели (1979, с. 33–35) братьев Сатиник назвал «царями овскими по имени Базук и Амбазук». Т.е. в этносоциальном организме, к которому принадлежали Сатиник и ее братья, был «царь»-отец и еще два брата-«царя». По одному фрагменту труда Мовсеса, противники рода Сатиник «завладели *их землею*». Армянский полководец Смбат, придя на помощь брату Сатиник, «опустошил *землю его врагов*» (курсив мой – *Ф.Г.*). Следовательно, здесь речь идет о двух автономных ЭСО, но не о едином государстве (*Гутнов* 1992, с. 134–138; 2001, с. 234), а в аланских

«царях» древнеармянских источников следует видеть вождей позднепотестарных обществ.

Об аланских /овских/ «царях» первых веков н.э. упоминают и древнегрузинские историки. В частности, Леонтий Мровели (1979, с. 35–36) в разделе о правлении Амазаспа I /242–272 гг./ сообщает о походе «царя» овсов. Каково же содержание термина в данном случае? Для ответа на вопрос и в данном случае разберем для начала, что представляли из себя «цари» Грузии на рубеже н.э.

Довольно подробную характеристику социальной структуры Иберии привел Страбон. «Страну эту населяют 4 разряда людей. Один разряд самый главный – из него они выбирают /перевод А.П. Новосельцева иной – «ставят»/ царей, старших по родству и возрасту; следующее по значению лицо – это верховный судья и полководец. Второй разряд – это жрецы, ведающие, кроме прочего, еще тяжбами с соседями. Третий разряд состоит из воинов и земледельцев. Наконец, четвертый – простой народ: это царские рабы, которые выполняют все работы по добыванию жизненных средств» (*Аланика* 1999. № 1, с. 234).

А.П. Новосельцев термин *генос* /род, вид/, переведенный Г.А. Стратановским как «разряд», предпочел переводить как «сословие» (*ПРФ*, с. 67), хотя и отмечал многозначность термина в древнегреческом языке: происхождение, как таковое, род, семья, потомство, племя, разряд, отряд, класс, категория и т.д. (*Новосельцев* 1980, с. 107). У Страбона чаще всего это действительно «род», в смысле происхождения, либо большая родственная группа, имевшая общего прародителя. Общественный строй Иберии, по описанию Страбона, выглядит весьма архаично и отражает, скорее всего, реалии I в. до н.э. и более раннего времени. По данным «Географии», «царя» иберийцы еще выбирали /географ прямо указывает: «царей в Иберии ставят»/. Кто их «ставит», не совсем ясно, но по смыслу можно предположить бытование в Картли народного собрания, в котором участвовало все свободное население, по классификации Страбона – первые три геноса. Напомним, что в соседней Армении такие народные собрания практиковались еще в IV веке н.э. (*там же*, с. 109).

Очень интересно сообщение Страбона о бытовании в Иберии института второго по положению на сословной лестнице лица. Титул его не назван, но сказано, что этот человек возглавлял войско и ведал судопроизводством. Для объяснения этого сюжета обычно используют материалы о картлийских *питиахшах*. Информация о последних содержится в обнаруженных во время раскопок осенью 1940 г. в Армази /близ Мцхеты/ двух надписях начала н.э. Одна выполнена арамейскими письменами, другая содержит греческую надпись с параллельным арамейским текстом. По оценке В.И. Абаева (1944, с. 825), «блестящего интерпретатора нашел арамейский текст в лице... Г.В. Церетели. Его работа, посвященная билингве, может быть охарактеризована одним словом: образцовая».

До открытия армазских надписей полагали, что институт *питиахшей* – «чисто персидский», а в Грузии он появился не ранее рубежа IV–V вв.

Однако армазские надписи убедительно показали бытование питиахшей в древней Грузии. Более того, один из них – Зевах – назван «малым» или «младшим» питиахшем. Это предполагает существование «старших» питиахшей. Такая титулатура засвидетельствована в соседней Армении во времена Трдата. Что касается Грузии, то упоминание «двух одновременных царей» /Фарасмана и Хсефарнуга/ в армазских надписях «можно объяснить существованием двоецарствия в Иберии в I–II веках нашей эры, о котором сообщает грузинская хроника '*Mokcevay Kartlisay*'» (*Церетели* 1941, с. 52–54).

Этимология иранского по происхождению термина *питиахш* не совсем ясна. Его связывают с ахеменидской должностью «око царя», известной по греческим источникам, и переводят «наблюдающий». Титул «питиахш» носили первые сасанидские шахи. Встречается он и в среднеиранских надписях III в. н.э. Словари /например, *Mac Kenzi*,1971/ переводят его как «второе лицо после царя /вице-король/», а у Захария Ритора он переведен как «заместитель царя» /*хипарход*/. Аммиан Марцеллин упоминает *vitaxae*, т.е. питиахшев /начальников конницы/, которые управляли большими областями Ирана. «Важнейшие провинции Персии, которыми управляют *витаксы, т.е. командиры конницы* (курсив мой – *Ф.Г.*), цари и сатрапы...» (*Аммиан Марцеллин* 1994, с. 291). Интересно, что здесь питиахши названы прежде других правителей областей – «царей» /*reges*/ и сатрапов.

В надписи Ка'бе Зороастра среди иранских титулов упоминается *питиахш /bthsy/bitaxs/*. Его носитель, согласно Р. Фраю, «по всей вероятности, был чем-то вроде помощника царя». Еще при Ахеменидах существовал чиновник, именуемый *bitaxs*; тогда его титул имел форму *patyaxs* и «обозначал наместника, которого можно отождествлять с 'оком царя'». Отметив бытование аналогичного титула – *pitiaxsi* – в Грузии более раннего периода, «где он прилагался к очень крупному сановнику, уступавшему по значению только самому царю», американский ученый в то же время подчеркнул: «попытки интерпретации этого титула как 'второй /после царя/' вызывают сомнения» (*Фрай* 2002, с. 144, 288).

Вероятно, из парфянского Ирана институт питиахшей перешел в Армению. Н. Эмин обратил внимание на рассказ Мовсеса Хоренаци о конфликте между Аргаваном и Артаваздом. Последний, недовольный тем, что Аргаван – опытный военачальник – получил «второе место в государстве», настроил против него своего отца, царя Арташеса. Одним из аргументов царевича была «любовь царицы Сатиник к Аргавану». «Царь, мучимый ревностью, легко уступает навету, забыв великие заслуги старца-родоначальника и, отняв у него 'второе место', передает его Артаваздy. Но завистливый, честолюбивый царевич этим не довольствуется... истребил все поколение родоначальника мидийцев, в их числе и самого Аргавана» (*Эмин* 1881, с. 83).

В Грузии данный институт зафиксирован в I в. н.э. Согласно Г.А. Меликишвили, в те времена во главе государственной администрации

стоял *спаспет* /главнокомандующий/, бывший вторым после царя лицом, главой над всеми *эриставами*, а также правителем в центральной области государства – Шида Картли. Опираясь на Страбона, ученый считал, что носитель рассматриваемого титула в Иберии «творит суд и предводительствует войсками» (*Меликишвили* 1959, с. 455). В другой работе Г.А. Меликишвили вновь повторил: из людей «первого рода» страбоновской Иберии «ставили царей /выбирая ближайшего/ по родству /с прежним царем/ и старейшего по летам; второе /за ним лицо/ творит суд и предводительствует войском». В факте «большого удельного веса в царстве /да и в более позднюю эпоху, в первые века н.э./ 'второго после царя лица', как правило, брата царя», ученый усматривал примитивный характер государственной организации, когда правящая династия «смотрит на царство, как на свое коллективное, родовое владение. Не исключено, что на заре картлийской государственности царский престол на самом деле переходил в царском роде по старшинству» (*Очерки...* 1989, с. 292).

В греческом варианте армазской билингвы питиахш Иодманган назван *эпитропос*, что, помимо обычного перевода «опекун», имеет значения «наместник царя», «регент». Питиахши, чьи могилы открыты в Армази, являлись высшими должностными лицами при дворе «царя», могли заменить его в необходимых случаях, управляя социумом во время малолетства правителя, его болезни и т.д. Это, собственно, и есть второе после царя место, т.е. именно питиахши были теми вторыми после царя лицами, о которых писал Страбон (*Новосельцев* 1980, с. 106, 109–114).

Интересно сравнить функции «второго царя» у иберийцев и албанцев. По Страбону, у последних «один царь управляет всеми племенами, тогда как прежде каждое разноязычное племя управлялось собственным царем... Обязанность жреца у них исполняет самый уважаемый человек после царя; он стоит во главе большой и густонаселенной области, а также распоряжается рабами храма» (*Страбон* 1964, с. 477). «Второй царь» у албанцев происходил не из военных аристократов, а из жрецов. В отличие от обществ с военно-иерархической структурой /например, у ранних алан/, «старость у албанцев в чрезвычайном почете, и не только родителей, но и прочих людей» (*там же*).

Изучение имен, перечисленных в армазских надписях, показало, что довольно большой процент среди них составляют имена сармато-аланского /древнеосетинского/ происхождения. Это, в первую очередь, имена «царя» Хсефарнуга, питиахшей Шарагаса, Аспарука, Зеваха, дворoуправителя Иодмангана и др. (*Абаев* 1944, с. 827; 1949, с. 86–87). Имя Хсефарнуг образовано от *хшау* /сиять, блистать/ + *фарныг* /благодатный/. Причем, как подчеркнул В.И. Абаев, во второй части антропонима «мы видим *farn*, но с таким оформлением */farn-ug/*, которое из всех иранских языков встречается только в осетинском» (*Абаев* 1949, с. 86). Шарагас – осетин. «невредимый» /буквально: «с невредимой головой»/. Аспарук, как и имя аланского военного аристократа Аспара V в., восходит к корню *спар*[12] – «наступать». Зевах – «ленивый» от осетин. *зиваг* «лень». Иод-

манган – *и* /определенный артикль/ *од* (душа) + *манг* /неправдивый/; в итоге – «тщедушный» (*Абаев* 1944, с. 827; *Козырева* 1976, с. 237–239).

Наличие сармато-аланских имен среди представителей высшей знати Иберии, в том числе среди царского рода, четко указывает на тесные связи населения древней Картли с предками осетин. Происхождение какой-то части из антропонимов может быть объяснено простым заимствованием. Но наличие столь значительного количества сармато-аланской антропонимики среди имен иберийской знати скорее связано с оседанием аристократии ираноязычных кочевников в древней Грузии. Как отмечал Г.А. Меликишвили, аланы в значительном количестве привлекались «царями» Иберии для участия в их постоянных воинских отрядах. «Некоторые из них, надо думать, успешно прокладывали себе путь в знать» (*Меликишвили* 1959, с. 355–356).

Особый интерес вызывает «царь» Хсефарнуг. Г.А. Меликишвили обратил внимание на отсутствие в армазской надписи прямого упоминания имени отца Хсефарнуга. Данное обстоятельство выглядит странным на фоне того, что в остальных случаях перечисленные высокие должностные лица Иберии фигурируют вместе с именами отцов (*Церетели* 1941, с. 23–24). Исключение составляет имя «царя» Фарсмана, предшественника Хсефарнуга на престоле, имя которого в арамейском тексте билингвы тоже не приведено. Ю.С. Гаглойти вслед за Г.А. Меликишвили объясняет это сознательным нежеланием автора эпитафии упоминать имя отца Хсефарнуга, тем более, что в греческом тексте билингвы Фарсман вообще пропущен. По данным Мровели, «царя» Фарсмана отравили в результате дворцового заговора [в издании на русском языке сюжет о периоде правления Фарсмана почему-то опущен – *Мровели* 1979, с. 35]. На основании этих фактов Г.А. Меликишвили пришел к выводу о том, что отец Фарсмана царем не был, а сам он, возможно, пришел к власти в результате заговора (*Меликишвили* 1959, с. 362). К аналогичному выводу пришел Ф. де Монперэ. Рассматривая свидетельства о походе алан 135 г. в Закавказье, он писал: «Судя по тексту /Флавия/ Арриана, осетины не только заключили союз с Грузией, но и подчинили это царство своему господству». Однако анализ Ю.С. Гаглойти доступных текстов Флавия, Диона Кассия и других античных авторов показал сомнительность идеи де Монперэ (*Алано-Георгика* 1993. № 1, с. 179–181). В целом, вопрос об этнической принадлежности Фарсмана и Хсефарнуга, а также условия и обстоятельства их прихода к власти в Картли остаются дискуссионными.

А. Босворт и Ю.С. Гаглойти обратили внимание еще на один фрагмент армазской билингвы. Русский перевод греческого текста: «Серафита, дочь Зеваха, младшего питиахша, жена сына питиахша Пупликия Агриппы, Иодмангана, одержавшего много побед эпитропа /дворовладителя/ великого царя иберов Хсефарнуга. Скончалась молодая, 21 года, обладая бесподобной красотой». Параллельный текст: «Я, Серафита, дочь Зеваха, младшего питиахша царя Фарсмана, жена Иодмангана-по-

бедоносца /военачальника/ и много побед одержавшего /сделавшего/ *двороуправителя царя Хсефарнуга – сына Агриппы*, двороуправителя царя Фарсмана. Горе тебе, которая была молодая. И столь хорошая и красивая была, что никто не был ей подобен по красоте. И умерла на 21 году /жизни/» (*Алано-Георгика* 1993. № 1, с. 168).

А. Босворт также обратил внимание на эпитафию, посвященную «смерти благородной девушки, несомненно относившейся к высшим придворным кругам». Он использовал «арамейскую версию, которая слегка отличается от греческой: 'I am Serapit, daughter of Zevah the younger *pitiax* of Parsman the king, wife of Yodmangan – both victorious and having wrought many victories as chief of the court of Hsepharnug the king – son of Agrippa, chief of the court of Parsman the king'» (*Bosworth* 1971, p. 231). Здесь упоминаются два царя: Фарасман/Фарсман и Хсефарнуг. Второй по сути неизвестен, «но его предшественник, Фарасман, мог быть только Фарасманом II, современником Адриана и Арриана». А. Босворт цитирует арамейский текст, где Хсефарнуг назван наследником Фарасмана. Первый Фарасман жил в I в. во время правления Нерона, и ему наследовал сын Митридат – царь Иберии во времена Траяна, и, кажется, в этом промежутке не было времени для правления Фарасмана II и Хсефарнуга. Выбора нет. «Фарасман эпитафии может быть идентифицирован только с Фарасманом II, современником Адриана и Арриана» (*Bosworth* 1971, p. 231. F. 58).

В приведенном фрагменте эпитафии указано два поколения питиахшев. «Отец Серапиты и ее муж по имени Иодманган носили титул *питиахш*, занимая важную придворную должность, возможно, сопоставимую с ахеменидской должностью 'око царя' /*Kings Eye*/». Отец мужа Серапиты, довольно неожиданно, носил латинское имя *Publicius Agrippa*. Он являлся питиахшем Фарасмана II и настолько интегрирован в иберийское общество, как будто был природным иберийцем. Как же Агриппа достиг столь высокого положения? Отвечая на этот вопрос, А. Босворт рассмотрел два варианта.

Возможно, Агриппа был эмигрантом, но в таком случае речь должна идти об отсутствии в иберийском царстве этнических предубеждений, что выглядит насколько привлекательно, настолько же удивительно. Более вероятно, как полагает А. Босворт, что Агриппа внедрен в царский двор Аррианом, осуществлявшим контроль за границами Иберии и Албании[13]. Исследователь отметил также, что *Publicius Agrippa* – достаточно редкое имя. Оно вряд ли принадлежало иберийцу, принявшему римское подданство. Источники фиксируют всего лишь одно римское имя среди представителей царского дома Иберии – *Flavius Dades* (*Bosworth* 1971, p. 231–232).

Аргументом в пользу версии А. Босворта об Агриппе является предположение об активном участии Арриана в приведении в порядок дел Иберийского двора. Если при Траяне отношения между Римом и Иберией стали напряженными, о чем свидетельствовал сам Арриан в «*Periplus*», то в конце правления Адриана Фарасман стал более податливым. Со-

гласно «*Historia Augusta*», эти перемены были достигнуты благодаря подаркам. Уже при императоре Пие Фарасман лично появился в Риме, где ему устроили пышный прием, но в итоге Фарасман прямо и публично подчинился Риму. В этом деле римская дипломатия, несомненно, использовала рекомендации Арриана. В Картли ввели вспомогательные легионы[14] (*Bosworth* 1971, P. 228–229). Возможно, с римским присутствием связаны находки серебряных римских монет по трассе современной Военно-Грузинской дороги в районе Степанцминда и Мцхета в Грузии, а также у аула Чми Северной Осетии (*Пахомов* 1940, с. 30).

Обратим внимание еще на одно интересное обстоятельство: Г.А. Меликишвили (1959, с. 455) среди функций «второго царя» в древней Грузии отмечал и его верховенство над *эриставами*. Последний термин он трактовал как «военачальники и областеначальники». Однако, если иметь в виду Грузию эпохи Страбона, то названный термин имел иное значение. Надо согласиться с поправками А.П. Новосельцева: первое слово в составном термине – *эри* – буквально означает «народ»; им обозначалось все свободное население. Даже в памятнике VII в. «Мученичество Або Тбилели» *эри*, по-видимому, означает еще «народ», а не «войско». Среди 300 *эри* «эрисмтавари» Нерсе, спасавшихся от арабов и перешедших с ним Кавказские горы, находились и сугубо «штатские» люди. Сам термин *эрисмтавари*, как и *эристави*, «этимологически восходит к тем временам, когда эти 'главы народа' были просто вождями» (*ПРФ*, с. 65, примеч. 30). Со временем термин менял свое содержание и в различных памятниках имел то или иное значение в зависимости от контекста. А.П. Новосельцев присоединился к трактовке данного термина И. Абуладзе, *эристави* понимавшего как «главнокомандующий», «предводитель», «глава конницы», «правитель», «правитель удела» (*Новосельцев* 1980, с. 166–167).

Этимологическое значение *мтавари* – «глава», «главный», в переносном смысле – «вождь», «предводитель». Исходя из примеров грузинской лексики V–XIII вв., данное понятие имело много значений: «судья», «вождь», «предводитель», «глава», «командир», «старший», «богатый» (*там же*, с. 166).

Письменные источники дают нам свидетельства не только о продвижении аланской аристократии по сословной лестнице соседних этносов. Закавказские источники впервые знакомят нас с институтом «второго царя» у алан. В агиографических памятниках Армении в рассказе о свадьбе «царевны» Сатиник с царем Армении Арташесом повествуется об аланском сановнике *Баракаде* /видимо, «говорящее» имя: осетин. *баркад* – «изобилие»/, бывшим «вторым по престолу соцарствующим царем». В Армении Баракад и его земляки, прибывшие в свадебном поезде Сатиник, приняли христианство и стали жить отшельниками на горе Коса-Таг. Много лет спустя за ними из Алании был послан военачальник Барлах. Обращаясь к Баракаду, он предложил: возвратись домой «и вновь

удостоишься прежнего положения и возляжешь на втором месте /после царя/» (*Армянские...* 1985. Вып. I, с. 45).

Появление института «вторых царей», наряду с другими причинами, возможно, отчасти связано с сакрализацией личности «мирного» вождя. Это явление характерно для многих потестарных обществ. Так, «у славян /по крайней мере в некоторых районах/ существовал известный ряду индоевропейских народов институт сакрального вождя – главы культа, магическая деятельность которого обеспечивала племени мир и плодородие» (*Флоря* 1991, с. 192). По данным М. Блока, представления о сакральности царской власти были присущи большому числу народов. Касаясь сакрализации власти у германских племен, он обратил внимание на свидетельство Тацита: «Царей они выбирают из наиболее знатных, вождей – из наиболее доблестных» (*Тацит* 1968, т. I. с. 356)[15]. Эту фразу Тацита ученый сопоставил с тем, что говорил Григорий Турский в «Истории франков»: «И там по округам и областям избрали себе королей из своих первых, так сказать, наиболее знатных родов». Следовательно, заключает М. Блок, правители по-настоящему могущественные происходят только из родов, отмеченных свыше, «ибо только эти роды владеют тем таинственным благополучием, которое Иордан называет *quasi fortuna*; именно в этом свойстве, а вовсе не в талантах того или иного военачальника видели народы истинную причину военных побед». Считалось, что божественные правители обладают некоторой властью над природой и отвечают за порядок вещей. Порой, если урожай оказывался скверным, правителя свергали. Аммиан Марцеллин привел пример из истории бургундов, сопоставив этот случай с традициями Древнего Египта, «классической родины представлений о сакральности королевской власти». «Короли у них, – писал Аммиан о бургундах, –...по старинному обычаю теряют свою власть, если случится неудача на войне под их командованием или постигнет их землю неурожай. Точно так же и египтяне обычно возлагают вину за такие несчастья на своих правителей». И лишь переворот в области религии нанес сокрушительный удар по пониманию сакральности королевской власти; христианство лишило его естественной опоры – местного язычества (*Блок* 1998, с. 124–132).

Анонимные авторы древнеармянских фольклорных памятников («Житие Воскеанов», «Житие Сукиасянов»), Мовсес Хоренаци и др. в социальной структуре аланского общества выделяют «царей», «дворцовых и военных чинов», «нахараров». Разумеется, свидетельства анализируемых памятников как о возведении в Армении представителей аланской знати в нахарары, так и о собственно аланских нахарарах не дают оснований считать общественный строй алан первых веков н.э. феодальным. Но в совокупности с вышеприведенными фактами позволяют правящую династию алан признать не родовой верхушкой, а военной аристократией, возглавлявшей потестарное общество. Власть уже передава-

лась по наследству, т.к. после смерти отца Сатиник «царем» алан стал ее брат (*Хоренский* 1858, с. 124). Однако социальная стратификация еще не привела к четкому оформлению классов. Для обладания привилегиями все еще недостаточно было происходить из знатного рода. Привилегии по-прежнему тесно увязывались с исполнением важных общественных функций. По свидетельству Аммиана Марцеллина, «начальниками они и теперь выбирают тех, кто в течение долгого времени отличался в битвах» (*Аммиан Марцеллин* 1994, с. 494). Не случайно Баракад, хотя и принадлежал к «царскому» роду, вместе с тем являлся одним из «главных военных чинов». В Армении, приняв христианство, он 44 года не прикасался к оружию /«даровал мне Бог мирную жизнь»/. Тем не менее, присланный от «царя» алан Барлах сразу определил сословную принадлежность Баракада: «У тебя вид мужа войны» (*Житие*... с. 15).

Вскоре после свадьбы аланской «царевны» из рода Аравельянов и царя Армении, умер отец Сатиник и править должен был ее старший брат, но трон захватил его противник. Арташес послал полководца Смбата «с войском на землю Аланов на помощь брату Сатиник... Смбат опустошил землю его врагов, которых в большом множестве отвел в Арташет». Царь приказал поселить пленных в юго-восточной стороне Масиса, дав этой местности «название Артаза; потому что земля, откуда переведены пленные, до сего времени называется Артазом» (*Моисей Хоренский* 1858, с. 124).

Данный сюжет свидетельствует не о внутриплеменной борьбе за лидерство, а о межплеменных столкновениях в конфедерации алан. Противники Аравельянов «завладели *их землею*». Смбат, придя на помощь брату Сатиник, «опустошил *землю его врагов*». Следовательно, здесь речь идет о двух ЭСО, причем, один из них М. Хоренский локализовал конкретно: «Земля, откуда переведены пленные, до сего времени называется Артазом». Армянские авторы со времен Хоренаци Артаз/Ардоз считали исконной территорией аланских племен Северного Кавказа. Этимологическое значение Ардоз – «поляна», «равнина». В.Ф. Миллер местность Ардоз отождествлял с Владикавказской равниной (*Миллер* 1887, с. 109–116). Согласно уточнению А.В. Гадло: «Ардоз Кавказских гор – это весь район низменности, орошаемый Тереком до его поворота на северо-восток ниже впадения р. Сунжи» (*Гадло* 1979, с. 164–165).

Своеобразным маркером социального статуса того или иного лица являлось его отношение к торговле. Недавно мы высказали мнение о большой значимости торговли в формировании военной элиты у народов Юго-Восточной Европы (*Гутнов* 2001а, с. 86–90). В древнем и средневековом мире занятие торговлей было весьма опасным делом. Пути чаще всего находились в плачевном состоянии. Дороги, за исключением некоторых римских, были грунтовыми, разумеется, не мощеными. К тому же постоянные мосты отсутствовали, либо их было очень мало. За проезд по ним нужно было платить дорожную пошлину и «мостовые день-

ги». И наконец – никакой безопасности для маркитантов. Как видно, сами условия торговой деятельности делали практически невозможной специализированную коммерцию. Несмотря на эти трудности, купцы отправлялись в дорогу. Вся крупная торговля того времени сосредотачивалась в нескольких крупных населенных пунктах, в которых ярмарки проводились в строго определенное время. Передвигаясь по основным караванным магистралям, купец покупал все, что считал выгодным, и продавал все, что мог продать с выгодой. Заниматься столь опасным делом мог только вооруженный человек; совершенно очевидно, что в ту эпоху купец по своей сути – воин (*Февр* 2000, с. 34–39).

Вместе с тем надо отметить, что не на всем Кавказе занятие торговлей пользовалось большим почетом. Во всяком случае, армянский автор V в. Егише назвал Васака Сюни «неразумным купцом». Армянское *ватшаракан* «купец», грузинское *ватшроба* «торговля», как и осетинский термин *wacar*, обозначающий торговлю – иранского происхождения и восходят к *wacar* «рынок, торговля». От этого же корня произошли новоперсидское «базар» и венгерское *vasar* «базар, покупка» (*ПРФ*, с. 82). Осетинский термин сохранился лишь в производном *wacajrag* «пленник, раб». Такая семантика находит исчерпывающие объяснения в исторических реалиях ираноязычных предков осетин и указывает на среду, в которой рабы не составляли особой социальной группы, а были лишь предметом торговли, товаром в обменных операциях. Отмечая это, В.И. Абаев привел примеры из работ античных авторов (*Абаев* 1989, т. IV, с. 28–30). Иное положение сложилось в Согде, где в раннее средневековье торговый люд выделяется наряду со знатью (*ПРФ*, с. 82).

К сказанному следует добавить, что торговлей, как таковой, у алан занимались не военные аристократы /они контролировали торговые магистрали, обеспечивали безопасный проход караванов, взимали пошлины и т.д./, а купцы. Материалы сарматских Кировских могильников Мартыновского района Ростовской области (*Ильюков* 2000) свидетельствуют о торговых связях населения, оставившего эти памятники, с раннеаланскими поселениями Центрального Предкавказья; это направление маркируется керамикой, выполненной по кавказской технологии (*Гугуев* 2000, с. 146).

Одной из главных причин широкого участия сарматов и алан в транзитной торговле была необходимость обеспечения ее безопасности на транскавказских коммуникациях, «которую пытались монополизировать кочевники Северного Кавказа». Войны Рима с Парфией лишь подняли значимость кавказских проходов (*Кудрявцев* 2001, с. 13–14).

Данные письменных источников о роли военной аристократии в жизни ранних алан начала н.э. коррелируются данными археологии. Доступный нам материал мы проанализировали в недавней работе (*Гутнов* 2001, с. 159–167, 175–190, 193–209, 214–226), поэтому остановимся лишь на наиболее важных моментах.

III. 3. 3. Археологические материалы о социальной структуре алан в начале н.э.

В связи с рассматриваемым вопросом интерес представляют изображения катафрактариев на рельефах зала усадьбы вождя юечжей в Халчаяне на среднем течении Сурхандарьи. П. Бернар и К. Абдуллаев (1997, с. 69) полагают, что «речь идет о сцене сражения, где легкая кавалерия юечжей побеждает тяжелых катафрактариев. То, что две группы четко представлены как противники, подтверждает панно, где изображена царская фамилия. Один из юечжей держит у ног кирасу катафрактария, как бы демонстрируя трофей, завоеванный у врага». В катафрактариях Халчаяна ученые видят «других кочевников, с которыми столкнулись юечжи во время завоевания Бактрии». Это могли быть «саки» или «сакараук» (*там же*, с. 71, 73).

Катафрактарии изображены на стене дома богатого горожанина Дальверзинтепе – памятника, расположенного на среднем течении Сурхандарьи. Обращают на себя внимание изображение коня в панцирном намордник и профильное изображение воина в шлеме. Еще более показательны батальные сцены на костяных пластинах из Орлата. Примечательную особенность вооружения на пластинах представляют доспехи – панцири с высоким бронированным воротом. Из оружия наступательного боя представлены длинные мечи и штурмовые копья (там же, с. 73–84).

На пластинах из Орлата представлены две композиции: 1) сцена охоты всадников; 2) бой двух пар воинов. В верхнем ярусе второй пластины два бородатых всадника обороняются от врагов, к которым слева спешит подмога. Справа один из катафрактариев мечом насквозь пронзает пешего противника, но и сам получает удар клевцом в голову. Главный герой в центре композиции мечом рассекает лоб вместе со шлемом, в то время как противник копьем ранит его коня. Интересно, что конь основного катафрактария имеет ряд отличающих его от других изображенных лошадей деталей. На левом бедре изображена тамга; к коню приторочена отрубленная голова убитого врага; два крупных фалара упряжи декорированы.

В нижнем ярусе два бородатых всадника нападают на безбородого и его пешего напарника. К седлу главного героя приторочен штандарт в виде шеста с надувным пестрым полотнищем, схематически изображающего дракона. Главный герой сбросил своего противника с коня, раненного стрелой в холку, и уже на земле поражает врага длинным копьем в живот; рядом лежит поломанное копье. Два напарника героев стреляют друг в друга из лука (*Яценко* 2000, с. 90).

Высокая насыщенность изображений деталями превращают орлатские пластины в первоклассный исторический источник. Поэтому актуальной становится проблема их датировки. Курганный могильник, откуда происходят данные пластины, был исследован Г.А. Пугаченковой. Исходя из сведений письменных памятников о крушении Греко-Бактрии

и возникновении на ее территории пяти «домов кангюй», она дату комплекса определяла концом II–I вв. до н.э. – началом н.э. Сами же археологические материалы трактовались как свидетельство перехода к оседлости пришлых номадов, «конного народа – кангюйцев». Предлагались и другие даты; разброс мнений доходит до пяти столетий. Сарматологи /В.К. Гугуев, С.А. Яценко, М.Ю. Трейстер/ сравнивали некоторые детали орлатских пластин с деталями парадной упряжи из кургана 10 Кобяковского некрополя, с изображением на кубке из Косики (*Маслов* 1999, с. 219). Из последних работ на эту тему выделим статью П. Бернара и К. Абдуллаева (1997, с. 75–84), где орлатские пластины датируются II–I вв. до н.э., а сам могильник связывается с тохарами. В монографическом исследовании Дж.Я. Ильясова и Д.В. Русанова отстаивается кангюйская принадлежность комплекса и дата – I–II века н.э. Этот хронологический рубеж поддержал и В.Е. Маслов (1999, с. 229). Он же обратил внимание на наличие у воинов, изображенных на орлатских пластинах, индивидуальных черт доспехов /несмотря на общее сходство/. Они состоят из приталенных курток с высокими стоячими воротниками, длинными рукавами. Нижнюю часть тела воинов прикрывает длинная широкая юбка-набедренник с двумя разрезами для посадки на лошадь. Защитный доспех дополняют шлемы; у трех воинов изображены покрытые нашивными бляшками штаны. Интересно, что над головой всадника в центре композиции развивается закрепленный на древке расшитый «змеевидный» штандарт, аналогичный штандартам европейских сарматов. Отметим также признаки искусственной деформации черепа некоторых всадников. Такой обычай фиксируется на изображениях правителей на согдийских монетах, начиная с конца I в. до н.э., и особенно I–II веков н.э. Кольцевую деформацию имел череп женщины из погребения *б* I в. н.э. некрополя Тилля-тепе (*там же*, с. 220–225).

Несомненный интерес представляют изображения кочевников, найденные на городище Кампыртепа /правый берег Амударьи в 30 км к западу от Термеза/ – одном из немногих памятников правобережной Бактрии. На одеянии одной из терракотовых фигур распознается металлический диск, нашитый на кожаную или матерчатую основу. По всей видимости, это элемент панцирного защитного вооружения воина. О воинской принадлежности данного персонажа свидетельствует и изображение одеяния с длинными продольными линиями различной частоты – условная передача нашитых пластин. К.А. Абдуллаев так реконструирует доспехи персонажа: верхняя его часть – «бронированная куртка с круглой сплошной пластиной, закрывающей грудь /кираса?/ и нашитыми продольными пластинами. Нижняя часть – расширенная книзу юбка с такими же нашитыми металлическими пластинами». Аналогичные колоколовидные бронированные «юбки» многократно засвидетельствованы на пластинах из Орлата. На одной из скульптур Халчаяна панцирный доспех показан в виде длинного, расширяющегося книзу платья. Подобную форму бронированного костюма имеют изображения на мо-

нетах сако-парфянских и сако-индийских правителей. Очевидно, благодаря именно сакским племенам панцирный доспех распространился на Индийском субконтиненте (*Абдуллаев* 1998, с. 84–85, 87–89).

С начала н.э. панцирные доспехи распространяются в юго-восточной Европе, возможно, непосредственно или под влиянием ираноязычных номадов с востока. Примечательна в этом отношении сцена поединка всадников на серебряной вазе из Косики. На нижнем фризе облаченный в панцирную рубаху вооруженный копьем всадник атакует в опорном галопе. Своим длинным копьем он поражает насмерть уже раненного стрелой, упавшего с коня противника. Перед этой сценой изображен стрелок без панцирного доспеха, также мчащийся в опорном галопе. У разных сарматских всадников совершенно четко проявляется социальная дифференциация. Вооруженный копьем, мечом и луком атакующий конник облачен в роскошный чешуйчатый панцирь. Длинные волосы и наложенная на лоб повязка[16], по мнению Х. фон Галля, намекают на то, что речь идет о представителе сарматской элиты. В противоположность ему поверженный с лошади противник не покрыт панцирем. Без панциря изображен и конник, стреляющий из лука. Очевидно, противник катафрактария и лучник были представителями более низкого сословия (*фон Галль* 1997, с. 175, 177).

Сцена на сосуде из Косики перекликается с описанной Плутархом битвой при Каррах 53 г., в которой войско парфян подразделялось на незнатных, выступавших как незащищенные панцирем лучники, и на элиту – одетых в тяжелые панцири всадников с пиками. При этом на долю лучников выпала задача измотать противника длительным обстрелом из луков, тогда как катафрактарии на заключительном этапе сражались, встречая минимальное сопротивление. Так и на сцене на серебряном сосуде из Косики: поверженный противник и его конь ранены стрелами. Данная сцена изображает, вероятно, начальную фазу сражения, в которой лучники обстреляли противника, и лишь затем в дело вступили катафрактарии (*там же*, с. 179).

Несколько сцен поединков с участием катафрактариев изображены на росписях склепов Пантикапея. На Стасовском склепе /1872 г./ такая сцена нанесена на заднюю стенку погребальной камеры. Главный персонаж – мчащийся в развернутом галопе всадник с длинной пикой /контосом/, которую он держит двумя руками. Всадник облачен в чешуйчатую панцирную рубаху с короткими рукавами, на голове составленный из отдельных пластин шлем. Среди его противников выделяется такой же катафрактарий. Следующая батальная сцена встречена на склепе Ашика /1841 г./. Среди нескольких изображений катафрактариев особенно интересны два всадника в длинных панцирных кафтанах. На склепе 1873 г. изображен поединок всадников (*там же*, с.182–188).

Интересно греческое изображение аланских катафрактариев на склепе Анфестерия I в. н.э. Оба всадника в наплечной одежде – не распашной, ниже бедер кольчуге /именно так, на наш взгляд, следует интерпре-

тировать крупные кружки на «рубахах» всадников/. Кольчуга перехвачена поясным набором. Один из всадников изображен с жезлом /символом власти?/ в правой руке и мечом у левого бедра. Второй всадник держит длинное копье. Оба воина сидят на оседланных, длинноногих конях. По предположению Ю.М. Десятчикова (1972), эта порода лошадей на Боспоре появляется с I в. Сюда она попала из Средней Азии (*Горончаровский* 1993, с. 80) /вспомним «небесных» коней усуней/.

Изображение аланских катафрактариев на склепе Анфестерия совпадает с описанием Тацита сарматских катафрактариев, вооруженных «пиками» и «длиннейшими мечами», облаченных «в панцири, которые у них носят все вожди и знать»; причем панцири «делаются из пригнанных друг к другу железных пластин или самой твердой кожи» (*Тацит* 1968, т. II, с. 42). Весьма примечательно, что Тацит выделил катафрактариев не только в военном отношении, но и в социальном: они – «все вожди и знать».

Интересны курганы так называемой Зубовско-Воздвиженской группы на Средней Кубани. Выделяются несколько очень богатых захоронений; воины-катафрактарии в римских кольчужно-пластинчатых панцирях были похоронены с оружием, в парадной одежде, расшитой золотыми бляшками, и многочисленными драгоценными украшениями – гривнами, браслетами, перстнями и т.п. В 32 погребениях «Золотого кладбища» обнаружены защитные доспехи, представленные комбинированными панцирями и кольчугой. В ряде случаев находки панцирей сочетались с копьями, мечами, кинжалами и наконечниками стрел. Всего же предметы вооружения найдены в 49 погребениях. Перечисленные особенности могильника свидетельствуют о том, что он оставлен военной аристократией. Отметив целый ряд восточных элементов, археологи пришли к заключению /с разной мерой уверенности/, что мы имеем дело с первой группой алан, пришедших с востока (*Гущина, Засецкая* 1992; *Раев, Яценко* 1993; *Щукин* 1994, с.177–178).

Появление катафрактариев означало оформление специального отряда всадников-аристократов, занимавшего автономную позицию в структуре войска номадов. Его с полным основанием можно назвать дружиной. Хрестоматийный пример такого элитного отряда мы находим в сюжете Тацита с описанием вторжения 9 тысяч сарматских катафрактариев в Мезию. Причем, как у сарматов, так и у других ираноязычных племен, структура войска, выражая в военной сфере основные принципы социальной организации общества, состояла, практически, из кавалерии. Пехота, если и существовала, то не играла никакой существенной роли. Кавалерия состояла из двух частей: легковооруженных лучников из рядовых воинов, и тяжеловооруженных всадников-аристократов. Из среды дружинников постепенно складывался новый тип знати – военная аристократия, со временем потеснившая представителей старой родоплеменной верхушки и в итоге захватившая управление социумом.

Однако в изучаемое время – первые века н.э. – военная аристократия еще сосуществовала со старой родоплеменной знатью. Подтверждением

этого является подробная характеристика ранних алан, приведенная Аммианом Марцеллином. В его время аланы были «раздроблены на множество племен... Нет у них шалашей, никто из них не пашет; питаются они мясом и молоком, живут в кибитках... и перевозят их по бесконечным степям. Дойдя до богатой травой местности, они ставят свои кибитки в круг и кормятся, как звери, а когда пастбище выедено, грузят свой город на кибитки и двигаются дальше. В кибитках сходятся мужчины с женщинами, там же родятся и воспитываются дети, это – их постоянные жилища, и куда бы они не зашли, там у них свой родной дом» (*Аммиан Марцеллин* 1994, с. 493).

Я. Харматта выделил три типа экономики номадов: 1) т.н. «*camping*» *nomadism* – все население ведет кочевую жизнь в течение всего года, не имеет постоянного жилища и не остается на одном месте на длительное время; 2) все население кочует с весны до осени, но на зиму возвращается в стационарное поселение; 3) лишь часть населения ведет кочевой образ жизни, остальные живут оседло и занимаются земледелием (*Harmatta* 1994, P. 567–568). Исходя из этой классификации, экономику алан Аммиана Марцеллина следует отнести к первому типу.

При таком состоянии экономики особую роль приобретала война и организация для войны. Данное обстоятельство подмечено Марцеллином. «Все, кто по возрасту и полу не годятся для войны, держатся около кибиток и заняты домашними работами, а молодежь, с раннего детства сроднившись с верховой ездой, считает позором ходить пешком, и все они становятся вследствие многообразных упражнений великолепными воинами... Почти все аланы высоки ростом и красивого облика, волосы у них русоватые, взгляд если и не свиреп, то все-таки грозен; они очень подвижны... в разбоях и охотах доходят до Меотийского моря и Киммерийского Боспора с одной стороны, и до Армении и Мидии с другой. Как для людей мирных и тихих приятно спокойствие, так они находят наслаждение в войнах и опасностях. Счастливым у них считается тот, кто умирает в бою, а те, что доживают до старости и умирают естественной смертью, преследуются у них жестокими насмешками, как выродки и трусы. Ничем они так не гордятся, как убийством человека, и в виде славного трофея вешают на своих боевых коней содранную с черепа кожу убитых» (*Аммиан Марцеллин* 1994, с. 493–494).

Обращает на себя внимание отношение алан к немощным старцам. Прямую аналогию находим в нартовском эпосе. Самыми высшими у нартов считались воинские доблести, а смерть в походе – самой почетной. Когда один из знатнейших нартов – Урызмаг – одряхлел и перестал ходить в походы, нартовская молодежь перестала уважать его, а некоторые смеялись над ним (*Осетинское*...1961, т. 1, с. 59–60; *Сказания*... 1978, с. 108–109).

Не менее интересна параллель из обычаев массагетов, описывая которые, Геродот остановился на следующем. «Предел жизни им положен не какой-либо иной, но когда человек становится очень старым, все род-

ственники, собравшись вместе, приносят его в жертву и вместе с ним также мелкий рогатый скот; сварив мясо, они устраивают пир. Такая смерть считается у них счастливой. Умершего же от болезней не съедают, но погребают в землю, считая несчастьем, что он не дожил до приношения в жертву» (*ННСИГ*, с. 93).

Вероятно, «съедаемые» старцы у массагетов относились к особой группе /возможно, сакрализованной/, причисляемой к рангу святых. Очевидно массагеты, съедая своих старцев, полагали, что тем самым «сохраняют» их мудрость, опыт и силу. Подобный обычай Геродот описал также у исседонов, добавив, что голову /череп/ умершего «они золотят, а затем пользуются ею как чашей для возлияний при ежегодных больших жертвоприношениях» (*ННСИГ*, с.73–80).

Помпоний Мела /I в. н.э./ в описании ираноязычных номадов отметил те же черты: «Они любят войны и резню... Во время пиршества перечисление, кто сколько перебил врагов, является любимейшим и самым частым предметом беседы, причем те, которые перечисляли больше всех, пьют из двух чаш: это считается особенной почестью во время веселья. Чаши они делают из черепов злейших врагов» (*Аланика* 1999. № 2, с. 230).

Необходимо отметить, что аланы /также, как скифы и сарматы/ не охотились *специально* за черепами врагов /это особый социокультурный феномен/. Тем не менее, нередко использовали черепа врагов для изготовления кубков. По мнению Э. Тэйлора, многие племена поддерживали «лютую ненависть к врагу и воинственную гордость также при помощи трофеев, например, высушивая голову врага и вывешивая ее в виде украшения на своей хижине или превращая его череп в кубок» (*Тэйлор* 1939, с. 119).

Косвенное подтверждение эта идея находит в словах армянского историка V в. Фавстоса Бузанда. Описывая войну между родственниками - армянским царем Хосровом и царем маскутов Санесаном – он обратил внимание на то, что «*голову* (курсив мой – *Ф.Г*) великого царя Санесана принесли армянскому царю» (*Армянские*...1985, вып. I, с. 22).

Археологическим подтверждением существования у аланских воинов аналогичного обычая являются материалы кургана в Кобяково. В евразийских степях одно из самых ранних изображений лиц, украшавших конскую сбрую, происходят именно из этого кургана. На костяной пластине из погребения II века до н.э. – I века н.э. из Орлата изображен всадник, с седла которого свисает отрубленная голова. Более поздняя аналогия этому сюжету известна на кувшине из клада в Надьсентмиклош, где изображен всадник-победитель. «Приведенные примеры подтверждают сообщение Аммиана Марцеллина (XXXI. 2), который писал об аланах, гордо украшающих своих боевых коней скальпами врага» (*Иштванович, Кульчар* 1998, с. 8–9). Весьма вероятно, что перечисленные и аналогичные им изображения играли роль своеобразных «военных знаков», символизировавших отрубленные головы врагов. Если это так, то многочисленные человеческие личины на бляшках являются не «портретами»

их владельцев или изготовителей, а символами отрубленных голов противников, что объясняет факт их непохожести друг на друга (*там же*, с. 9).

Вероятно, под влиянием аланских /«маскутских»/ племен в могильнике Дербента позднеалбанского времени появились погребения только головы ребенка в сопровождении богатого инвентаря. С другой стороны, здесь же в центральных могилах отмечены захоронения черепов без инвентаря. Последнее обстоятельство дагестанские археологи трактуют как существование в социуме, оставившем данные захоронения, социально-зависимого населения /военнопленных, рабов/, а также ритуала человеческих жертвоприношений (*Кудрявцев, Гаджиев* 1991, с. 109).

Здесь же отметим, что у средневековых горцев Северного Кавказа бытовало пренебрежительное отношение к немощным старцам, которых нередко убивали. Так, в Кызбуруне /Кабардино-Балкария/ сохранилась легенда о том, как в давние времена с высокого уступа сбрасывали немощных старцев. Аналогичное место расположено и юго-восточнее Ерокко. Название горы – *Ерокъуэщхъэ* «вершина» – «ассоциируется с понятием 'злой горы', с которой также связано сбрасывание в плетеных корзинах старцев, достигших преклонного возраста» (*Мусукаев*, 1997, с. 19).

В топонимике шапсугов привлекает внимание название отвесной кручи на правом берегу р. Аше, напротив аула Красноалександровского – *Жъыгъэибг* «гора старости» /другое ее название – «Скала стариков»/. Народное предание объясняет происхождение топонима бытовавшей в древности практикой убийства одряхлевших старцев (*Коков* 2000, с. 311).

Возвращаясь к аланам, отметим, что в характеристике, данной им Аммианом Марцеллином, интересно еще одно обстоятельство. «Нет у них (алан – *Ф.Г.*) ни храмов, ни святилищ... но они втыкают в землю по варварскому обычаю обнаженный меч и благоговейно поклоняются ему, как Марсу, покровителю стран, в которых они кочуют» (*Аммиан Марцеллин* 1994, с. 494).

То же самое в отношении ираноязычных кочевников повторил Помпоний Мела: «Марс у всех главный бог; вместо изображений посвящают ему мечи и пояса, а вместо жертвенных животных убивают людей»[17] (*Аланика* 1999. № 2, с. 230).

Специалисты подметили «преемственность от скифов до алан» в преклонении «перед 'марсовым мечом' ...или *gladius nudus*, вонзенным в землю» (*Ньоли* 2002, с. 40, примеч. 140). Анализ материала «царского» погребения могильника Дачи привел Т.А. Прохорову к выводу о том, что меч в мифоритульной практике древних иранцев являлся кумиром военного божества, имя которого у скифов и сарматов было табуировано. Воткнутый в землю или в гору хвороста меч символизировал Мировое древо, мировую ось, соединяющую три части Вселенной в единое целое. «Царь в скифо-сарматских кочевых обществах, как и во всем арийском мире, считался воплощением бога войны /грозы/. Меч являлся сакрализованной инсигнией царя» (*Прохорова* 2002, с. 39–40).

Касаясь социальной структуры аланского общества, Аммиан писал:

«О рабстве они не имели понятия: все они благородного происхождения, а начальниками они и теперь выбирают тех, кто в течение долгого времени отличался в битвах» (*Аммиан Марцеллин* 1994, с. 494). В данной версии перевода речь идет о *начальниках* /вождях/, которых выбирали из наиболее «отличившихся в битвах» военных лидеров. В более ранних переводах говорится иначе: «*судьями* (курсив мой – *Ф.Г.*) они выбирают тех, которые отличаются долгое время на войне» (*Ган* 1884, с. 191). В любом случае, перед нами /поздне/потестарное общество, но не государство. Вместе с тем, ошибочной представляется оценка общественного строя алан Х.-И. Дизнера, опиравшегося на того же Аммиана Марцеллина, но пришедшего к иному выводу. По мнению немецкого ученого, указания на «благородное происхождение» всех алан, отсутствие рабов «служат показателем равенства структуры общества, которая еще только начала изменяться через форму военной демократии» (*Diesner* 1981, S. 71).

Сведения письменных источников о ранних аланах проверяются при помощи археологических материалов. Интересны в этом отношении упомянутые выше захоронения Зубовско-Воздвиженской группы на Средней Кубани. Выделяются несколько очень богатых погребений в курганах; катафрактарии в римских кольчужно-пластинчатых панцирях были похоронены с оружием, в парадной одежде и многочисленными драгоценными украшениями. Судя по составу погребального инвентаря, могильник оставлен военной аристократией (*Гущина, Засецкая* 1992; *Раев, Яценко* 1993; *Щукин* 1994, с.177–178).

Согласно анализу А.М. Ждановского (1984, с. 52), материалы «Золотого кладбища» дают основание говорить об отсутствии «внутри господствующего слоя *благородных* /алан/... существенных различий, эксплуатация *неблагородных*, видимо, осуществлялась коллективно».

Высший слой катафрактариев, располагая огромными ресурсами и средствами воздействия на соплеменников, претендовал не только на роль военных вождей, но и на исполнение иных функций. Интересный материал на эту тему дает курган 10 Кобяковского могильника у восточной окраины Ростова, в коем, по мнению археологов /Б.А. Раев, А.С. Скрипкин, В.А. Симоненко, В.К. Гугуев, И.П. Засецкая, Т.А. Прохорова и др./, похоронена представительница элиты раннеаланской аристократии.

Сопровождающий инвентарь 10 кургана Кобяково богат и разнообразен: множество золотых предметов, шкатулка, амулеты, браслеты, железный нож, серебряная ложка, китайское бронзовое зеркало, бронзовый таз, деревянный сосуд, конская сбруя и т.д. Интересно, что богато украшенный головной убор и сбруя окрашены в красный цвет – цвет воинов /если это не случайное совпадение/.

Наличие в кургане таких инсигний власти, как диадема, гривна, топор, парадная конская упряжь с родовой тамгой позволяет сделать вывод о «царском» статусе погребенной. А найденные здесь же предметы культового назначения: сосуды, курильницы, амулеты и др., Т.А. Прохорова и В.К. Гугуев объясняют совмещением «царями» управленческих

и культовых функций (*Гугуев* 1992; *Прохорова* 1993, с. 182). Как отмечает В.К. Гугуев, «кобяковская жрица занимала высокое положение в системе социальной иерархии ираноязычных кочевников. Судя по богатству и характеру погребального инвентаря, включавшего сакрализованные у иранцев инсигнии власти, она могла быть женой вождя, близкой по статусу легендарным сарматским царицам».

Вообще на Нижнем Дону отмечена концентрация элитных курганов I – начала II вв., большинством археологов связываемая с появлением здесь алан. Интересен курган у г. Азова. Среди предметов, обнаруженных в его тайничке, привлекают внимание «два стяга, богато расшитых бляшками восьми типов, штампованными из тонкого золотого листа». В тайничке обнаружены также удила с поводьями из золота и серебра, массивный золотой браслет, парадный кинжал в богато украшенных ножнах, более 15 тысяч штук /!/ золотых нашивных бляшек (*Берлизов, Каминская, Каминский* 1995, с.191).

Памятники ираноязычных военных аристократов известны на правом берегу Дона. В кургане у ст. Камышевской исследован богатый кочевнический комплекс последней трети II – первой половины III в. Одним из наиболее эффектных предметов погребения является хорошо сохранившийся длинный меч. Анализ его деталей позволил «усомниться в его южнорусской принадлежности». Данный и аналогичный ему длинные мечи /например, более скромный клинок из Сладковского могильника/ С.И. Безуглов (1998, с. 87–88) рассматривает как северо-западную группу клинкового оружия, распространенного в Средней и Центральной Азии, Переднем и Дальнем Востоке.

Интересен материал кургана II–III вв. могильника Центральный в Ростовской области. В богатом погребении находился костяк мужчины 25–30 лет. Среди сопровождающего инвентаря выделим короткий и длинный мечи. На Нижнем Дону известно всего с десяток комплексов с такими мечами (*Безуглов* 1988).

Концентрация курганов сарматской знати I–II вв. отмечена и на Иловле – левом притоке Дона. В.И. Мордвинцева и И.В. Сергацков рассматривают данные памятники как свидетельство пребывания в бассейне Иловля мощного сарматского объединения, возможно, игравшего «значительную роль среди кочевников Азиатской Сарматии» (*Мордвинцева, Сергацков* 1995, с.123).

В ходе археологических раскопок 1997–1998 гг. курганов на левобережье р. Сал в Зимовниковском районе Ростовской области исследованы погребения новой /среднесарматской/ волны ираноязычных кочевников, погребальный обряд и комплекс материальной культуры которых отличался от раннесарматских. Элитные /«княжеские» по терминологии Б.А. Раева/ захоронения Нижнего Подонья по своему обряду соотносимы с Большими Алтайскими курганами и захоронениями в Тиллятепе, хотя «генетическая связь пазырыкских курганов, некрополя Тил-

лятепе и среднесарматской культуры остается проблематичной» (*Глебов, Парусимов* 2000, с. 70–73).

В дискуссии об этнической принадлежности диагональных погребений первых веков н.э. в последнее время растет число сторонников точки зрения об их аланской принадлежности. Анализ половозрастной структуры диагональных погребений вроде бы свидетельствует об отражении в них специфики профессиональной деятельности отдельных групп ираноязычных племен: мужчин – как профессиональных воинов, женщин – как жриц (*Скрипкин* 1990; 1996; *Балабанова* 2002а).

В диагональных комплексах II-го Бережновского могильника из 22 неограбленных могил с половозрастными определениями – 17 женских, 5 – мужских. Отдельных детских могил нет; все они погребены с женщинами. Получается, что преимущественное право на захоронение по данному обряду имели женщины. Интересно погребение с кургане 18, где по диагонали лежала весьма пожилая женщина; рядом, вдоль северо-восточной стенки, обнаружены останки ребенка 2–3 лет. По трем сторонам могилы в подбоях лежали дети от 2–3 до 6–7 лет. Во всех мужских погребениях II-го Бережновского могильника находились боевое оружие: мечи, кинжалы, колчан со стрелами и др. Данные материалы, по мнению М.А. Балабановой (2002 а, с. 82–83), подтверждают «мнение археологов о воинском характере диагональных погребений».

Уникальное погребение сарматской «жрицы» начала н.э. обнаружено в дюнах рядом с поселком Комсомольский Астраханской области. Лежавшую по диагонали женщину сопровождал богатый инвентарь: золотые тисненые бляшки в виде стилизованной головы барана; золотые нити и стеклянный бисер от украшений обуви; золотые бляшки, которыми был расшит подол короткого халата /?/; бронзовый котел и литой бронзовый котелок; бронзовое зеркало с длинной клиновидной ручкой, валиком по краю и умбоном на обратной стороне; железный «жезл» с волютообразным навершием прямоугольной в сечении ручкой и секировидным окончанием; свыше 1000 золотых украшений. Часть предметов указывает на принадлежность погребенной к «жрицам», ибо часть сопровождающего инвентаря связана с отправлением каких-то ритуальных действий. По всем характеристикам данное погребение входит в число богатых женских могил I–II вв., известных в Поволжье, Подонье, Прикубанье и Причерноморье (*Дворниченко, Плахов, Сергацков* 2002, с. 229–232).

На территории терско-сунженского междуречья конца II–IV вв. н.э. археолагами отмечено распространение обширных курганных могильников с катакомбным обрядом погребения. По своему характеру эти могильники отличаются от памятников данной территории предшествующего и последующего времени. Это было совершенно новое объединение, включавшее в свой состав и переселившееся сюда оседлое население Кабардино-Пятигорья и какие-то группировки алан Предкавказья. «С традициями кочевников связан курганный обряд погребения, который,

судя по материалам, был присущ не только знати, но и рядовому населению. Характерный для этого общества быстро идущий процесс социального расслоения также, по-видимому, обусловлен традициями скотоводческого хозяйства кочевников». Связь курганных могильников с городищами и поселениями терско-сунженского междуречья представляется вероятной, но слабо аргументированной, т.к. пока прослежена на материалах лишь одного городища – Зилги в Северной Осетии (*Абрамова* 2002, с. 3–4).

Важную социальную информацию дают и материалы курганов Нижнего Поволжья. В Криволукском погребении представителя раннеаланской аристократии обнаружены сотни золотых нашивных бляшек, украшенные золотом ножны меча, золотые украшения колчана. Как знак высокого социального статуса погребенного археологи рассматривают «золотые накладки со сценами, по-видимому, из сарматского эпоса: на одной из них воин убивает копьем фантастического зверя, на другой – держит коня за повод». Из других находок обращает на себя внимание бронзовая позолоченная пластина т.н. ордосского типа, происходящая из Центральной Монголии. Вместе с такой же, но железной, найденной в кургане у с. Косика, это самые западные находки подобных вещей (*Дворниченко, Федоров* 1989, с. 5–6).

О «восточном импульсе» свидетельствует инвентарь погребения вождя у с. Косика, выше Астрахани на правом берегу Волги. Это захоронение относится к группе богатых, т.н. «царских» погребений. Типологически оно близко к царским погребениям Тиллятепе (*Дворниченко, Федоров* 1993, с.145). Особенностью погребения в Косике является то, что курган заменял естественный холм, на вершине которого вырыли могилу. На дне сохранились следы расшитой золотом ткани. Она могла быть погребальным альковом, как в Тиллятепе, либо остатками стягов, подобно найденным в кургане у г. Азова. Скептуха, захороненного в Косике, сопровождал богатейший инвентарь: два копья, железные стрелы, лук, кинжал, меч с золотым перекрестием и костяной рукоятью, железные ножны, инкрустированные золотыми бляшками, бронзовыми вставками и орнаментом из золотых полосок (кинжал и меч относятся к редким образцам парадного оружия), круглое зеркало. Здесь же найдены серебряная ложечка, несколько массивных бронзовых деталей римских сосудов: ручки котлов, рукоятка жаровни с изображениями лебединых головок на шеях. Очень интересен серебряный набор, в который входили два котла с подвижными ручками, чашка с крышкой, ваза, стаканчик, ритон; на трех сосудах рисунки, выполненные золотой наводкой с гравировкой. На высоком уровне ювелирного искусства выполнены золотые бляшки, видимо, греческой работы. В большом количестве обнаружены бляшки от дорогих одежд, тысячи золотых нитей и шнурков от тканей, множество других золотых предметов. Очень интересны два сосуда. Один из них – маленькая чашка с крышкой, на которую напаяна скульптурка орла; на рисунках изображены дельфины, морские коньки и другие рыбы.

Второй сосуд – упомянутая выше ваза с ручками в виде фигурок кабанов /вепрей/.

Высокий ранг погребенного у с. Косика подчеркивает богато украшенный пояс, в древности, вероятно, служивший символом знатности и богатства. Социальный статус катафрактария археологи определяют термином «скептух» (*Дворниченко, Федоров* 1989, с.6–10; 1993, с.155–157; *Трейстер* 1995, с. 151).

Весьма показательны в социальном плане два погребения I века у с. Пороги недалеко от Винницы (*Симоненко* 1992). В этническом плане одни исследователи относят их к сарматам, другие – к аланам. Хотя мы склоняемся ко второй точке зрения, из осторожности назовем курган протоаланским.

Один из покойников лежал в деревянном саркофаге; у левого плеча найдена золотая гривна с концами в виде лошадиных голов. У правого локтя – серебряный кубок с ручкой в виде фигурки лошади, на запястье – золотой браслет. Из сопровождающего инвентаря отметим железный кинжал, лук с костяными накладками, колчан со стрелами, дротик, парадный короткий меч, рукоять и ножны которого декорированы золотыми пластинами, и т.д. Погребенный был одет в расшитую золотом куртку и штаны. Куртка перехвачена красным кожаным поясом с железными, плакированными золотом застежками; по обе стороны две накладки, золотые с внешней стороны и серебряные внутри. На них насечены тамги.

Рядом с мужчиной погребена женщина, которую сопровождали золотые украшения, зеркало, две глиняные курильницы, кувшин и др.

Интересно, что все оружие дистанционного боя из данного кургана имеет ярко выраженный восточный характер. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что не только в аланских, но и вообще в сарматских погребениях рубежа н.э. разнятся количество стрел и способ их положения. Высказывалось мнение, что в этом проявлялась одна «из разновидностей социальной градации погребенных» (*Шевченко* 1993, с.48). Правда, бытует и другое мнение, согласно которому ограниченное число стрел в могилах служило не социальным индикатором, а лишь символом реального оружия (*Хазанов* 1971, с.42–43).

В далеком 1930 г. М.А. Миллером на территории строительства Днепрогэса исследован сарматский могильник т.н. «восточной волны». Среди найденных предметов отметим железные мечи с кольцевым навершием. Наиболее древним является погребение 4 в кургане 26 /по словам А.В. Симоненко, – одно «из самых ранних сарматских захоронений Украины/ с лепным прохоровским горшком. Остальные могилы «снабжены столь выразительным инвентарем I – первой половины II века н.э., что нет смысла тратить место на привидение многочисленных аналогий» (*Симоненко* 2000, с. 134). В другой статье археолог предположил связь между раннеаланскими памятниками Предкавказья, Дона и левобережья Днепра (*Симоненко* 2001а, с. 89).

Совершенно новым явлением в культуре сарматов Северного Причерноморья стали квадратные ямы. В неограбленных могилах скелет чаще всего лежал по диагонали, поэтому такие погребения названы «диагональными». По данным А.В. Симоненко, всего на территории региона известно 58 погребений этого типа. Все они, кроме Усть-Каменского, расположены на левобережье Днепра; в Таврии и лесостепи бассейнов Ворсклы, Псла и Суды их нет. Кроме того, данные погребения сопровождал многочисленный более или менсе богатый инвентарь, создавая впечатление «принадлежности их зажиточной части населения /хотя золотые украшения найдены лишь дважды/». Автор согласился с А.С. Скрипкиным и вслед за ним диагональные погребения рассматривает как этноопределяющий признак, «скорее всего – аланов» (*Симоненко* 2000, с. 136; *Скрипкин* 1992, с. 28). Важно и то, что названные памятники синхронны, а их дата «удивительно хорошо совпадает с датировкой данных Сенеки об аланах на Истре». Появление аналогичных левобережью Днепра памятников на Истре может иллюстрировать известное сообщение римского автора о том, что Истр «предоставлял пути к бегству аланам». Интересно еще одно наблюдение украинского археолога. Антропологические характеристики населения, оставившего впускные погребения, отличны от только что рассмотренных. Это обстоятельство является еще одним доказательством этнокультурной разницы между двумя массивами сарматского населения рассматриваемого региона: потомками роксалан и язигов – с одной стороны, и аорсами и аланами – с другой (*Симоненко* 2000, с. 138).

Археологи обратили внимание на качсство золотых изделий, сопровождавших элитные погребения. Как правило, это были предметы, изготовленные из тонкой золотой пластины. Очевидно, существовала особая группа мастеров, создавших погребальные украшения из т.н. «погребального» золота (*Гуляев* 2000, с. 44). Одним из последних примеров на эту тему может служить богатый сопровождающий инвентарь сарматского воина из Яшкульского погребения в Калмыкии. Только бляшек из золотой фольги обнаружено 3326. Золотые украшения одежды воина и обкладка его оружия производят впечатление того, что они были изготовлены только для погребальной церемонии (*Очир-Горяева, Лапа* 2002, с. 202–203).

Анализ археологичсских материалов позволил в самых общих чертах воссоздать структуру среднесарматских племен юга России. Племенная аристократия погребалась в больших квадратных и прямоугольных ямах, как правило, с мощным специально оформленным выкидом, положением костяка чаще вдоль стенок, реже – по диагонали, ритуальными «дарами» у края ямы, богатейшим, социально престижным инвентарем. Такие памятники, как Хохлач, Кобяково-10, Соколова могила и др. – являются могилами жриц или «цариц»; Садовый, Дачи, Косика и др. – погребения элиты воснной аристократии. Выдсляются захоронсния и знати «средней руки» – например, в могильнике у ст. Скосырская. Они

совершены по тому же обряду, что и элитные погребения, и содержат большое количество престижных вещей, но менее масштабны. Значительную часть рядовых среднесарматских погребений составляют подквадратные или прямоугольные ямы с положением костяка либо по диагонали, либо вдоль стенок, без оформления выкида, сопровождаемые скудным инвентарем. К этой же группе, видимо, относятся и некоторые подбои с выраженными восточными чертами /например, погребение 2 кургана 4 могильника Шаумяна; погребения 7 и 9 кургана 16 могильника Криволиманский/. «Низший социальный слой представлен частью раннесарматского населения /основные и впускные узкие прямоугольные и заплечиковые ямы, подбои/, оставшегося на месте проживания, покоренного пришельцами и интегрированного в родоплеменную структуру среднесарматского населения» (*Глебов, Парусимов* 2000, с. 77).

Приведенные материалы свидетельствуют, на наш взгляд, о позднепотестарной стадии развития аланского социума первых веков н.э.

Примечания

1. Данный обычай встречается у многих традиционных обществ. Так, характерной чертой галлов, отличавшей их «от прочих народов», римляне считали то, что они «позволяют своим детям подходить к себе при народе не раньше достижения ими совершеннолетия или воинского возраста и считают неприличным, чтобы сын в детском возрасте появлялся на публике при отце» (*Записки* 1991, т. 1, с. 113). Более близкий пример привел Дж. Лонгворт, в первой половине XIX в. побывавший на Северном Кавказе: «Я никогда не видел, чтобы черкес приласкал своего ребенка» (*Лонгворт* 1974, с. 557).

2. Важнейшее значение в воспитании детей придавалось различным упражнениям, направленным на развитие силы, ловкости, выносливости. Мальчиков с детства приучали ухаживать за лошадью, которая в дальнейшем становилась его верной спутницей. Аталык со своим воспитанником /главным образом из среды знати/ совершал походы, включая ночные, обучая его – где, когда и как можно сделать привал, как стреножить коня, как выставить охрану и т.д. В течение длительного времени ребенка обучали искусству руководства набегом, умению переносить голод и усталость. Особое развитие рассматриваемый институт получил у адыгских народов. Например, грозный хан Золотой Орды Узбек /1313–1342/ в течение 13 лет воспитывался в Черкесии и хорошо освоил адыгский язык (*Мальбахов, Эльмесов*, 1994, с. 6–9).

3. В системных связях первичного социума микрокосм женщины составляли ее собственный дом и очаг; для мужчин таким микрокосмом служила община в целом. Оппозитом женским /индивидуальным/ жилищам выступал бытовавший во многих культурах т.н. *мужской дом* – материальное воплощение корпоративности мужского населения первичного социума. На Кавказе ранней формой мужского дома служила кунацкая, первоначально являвшаяся коллективной собственностью мужчин селения. Ее архаический вариант являл собой постройку, расположенную за пределами усадьбы. Позднее она «индивидуализировалась», став принадлежностью отдельной семьи, и располагалась в границах усадьбы (*Кар-*

пов 1999а, с. 65–66; 2000, с. 156–157, 166–168). В Дагестане в качестве мужских домов выступали здания либо пустующие, либо арендуемые у одного из товарищей. У аварцев такой дом назывался *гъоркъо рук* «общий дом», у кубачинцев – *гулала-хъали* «дом неженатых» (*Карпов* 1999 а, с. 43).

4. Сам факт, что сарматский воин, имея при себе оружие /мечи и *копья*!/, бросил в императора сапог, вызывает удивление. И. Чешка, комментируя данный сюжет, высказал предположение об отсутствии у сарматов-лимигантов метательных орудий. Ю.С. Гаглойти справедливо возражает: трудно согласиться с тем, что вместо латинского *missilia* «метательное оружие, копье» в английском переводе Аммиана и в латышевском издании должно стоять «воины», как полагал чешский исследователь. Однако, если даже допустить отсутствие у сарматского воина копья, оставался короткий дротик – еще одно метательное оружие. На этом фоне эпизод с сапогом выглядит странно. Ю.С. Гаглойти предложил возможное решение вопроса. В осетинских нартовских сказаниях у Хамица, отца Батрадза /«железный» воин, фольклорная персонификация катафрактариев/ имелось какое-то чудесное оружие *цирхь /цирыхь/*, нередко смешиваемое с близким ему по звучанию *цырыхь* «сапог, башмак». Сказители, не имея представления о семантике названного оружия, заменяли его на более понятное «сапог». Возможно, нечто подобное имело место и в переводе рассматриваемого фрагмента из Марцеллина (*Аланика* 1999. № 4, с. 242–243, примеч. 9).

5. Д. Фрэзер /вслед за Робертсон-Смитом/ объяснение такому обряду видел в уверенности людей, становившихся на шкуру, в обретении связи «с жертвенным животным и друг с другом узами общей крови». По мнению ученых, данный обряд был разновидностью известного и широко распространенного обычая побратимства, когда искусственная кровная связь создавалась путем смешивания крови каждого из участников договора. Разница между двумя формами заключения договора состояла лишь в том, что во втором случае кровь животного заменялась человеческой, кровью договаривающихся лиц. С этой точки зрения становится понятным скифский обычай, когда «все наступившие правой ногой на шкуру тем самым объединяли себя в одно существо с животным и друг с другом; все они, таким образом, связывались узами общей крови, служившей залогом их взаимной верности» (*Фрэзер* 1985, с. 182, 184–185).

6. Возможно, с этим походом связана серебряная миска из уникального погребения скептуха середины I века. н.э. у сел. Косика Астраханской области. На миске – надпись; версия перевода Ю.Г. Виноградова (1994, с. 158): «Царю /скептуху или т.п./ такому-то, сыну такого-то от царя Артевасда; Ампсалак сделал». Последнее сармато-аланское имя неоднократно встречается в ольвийских и боспорских надписях. Имя *Артевазд* традиционно носили цари Армении. Ю.Г. Виноградов полагал, что сарматы, а не аланы, выступили на стороне Артевазда в его борьбе за престол в 35–42 годах н.э. Скептух сарматов получил богатые дары /включая серебряное блюдо с дарственной надписью Артевазда/, а после поражения армянской армии в 41/2 г. вдоль каспийского побережья отошел в низовья Волги (*Виноградов* 1994, с. 155–163). На наш взгляд, в походе 35 г. все-таки принимали участие ранние аланы, а не собственно сарматы (*Гутнов* 2001, с. 122–125).

7. В антропологии широко используется определение, согласно которому «войны являются организованными вооруженными столкновениями между группами» (*Война* 1994, т. 1, с. 48). В зарубежной историографии предпочтение отдается трактовке Л. Уайта, акцентирующей внимание на захвате каких-либо материальных ресурсов: охотничьих или земледельческих угодий, сырьевых ресурсов, рабов и других материальных ценностей. У политологов и военных истори-

ков получил признание военно-технический критерий. С учетом приведенных концепций, В.А. Шнирельман предлагает определение войны как «конфронтации между двумя и более автономными группами, вызывающей санкционированные обществом организованные протяженные во времени вооруженные действия, в которых участвует вся группа или, что бывает чаще, ее часть, с целью улучшить свое материальное, социальное, политическое или психологическое состояние, либо, в целом, шансы на выживаемость» (*там же*, т. 1, с. 56).

Ю.И. Семенов полагает, что в длительную эпоху перехода от первобытного общества к классовому вооруженное насилие являлось важным фактором прогресса человечества, ускоряя процесс имущественного и социального расслоения. В тот период появились такие формы эксплуатации, «которые были неразрывно связаны с войнами. Это прежде всего грабеж и взимание контрибуций. Как результат войны возник и такой метод эксплуатации, как данничество» (*там же*, т. 2, с. 115).

8. А. Босворт справедливо, на наш взгляд, отмечал, что «их (алан – *Ф.Г.*) воины являлись знаменитой панцирной кавалерией, возникшей еще в ахеменидское время среди сакских племен южного Приаралья» (*Bosworth* 1971, P. 220). Аммиан Марцеллин, рассказывая о сарматах на границах Рима, отметил, что «у этих племен больше сноровки для разбоя, чем для открытой войны; они вооружены *длинными пиками* (курсив мой – *Ф.Г.*), носят панцири из нарезанных и выглаженных кусочков рога».

9. В 1989 г. в сарматском погребении второй половины I – середины II века н.э. могильника Красногоровка в окрестностях Азова обнаружен железный нож с костяной рукояткой, вырезанной в форме мужчины, сидящего на троне. Изображение человека имеет узкое лицо, большие глаза, крючковатый нос и длинные усы. На лбу – узкая диадема, волосы прочерчены прямыми линиями. Хотя нижняя часть рукоятки повреждена, на левой половине лица видна борода. Археологи предполагают, что на рукоятке ножа «представлен, вероятно, портрет парфянского царя», скорее всего – Вологеза I, ибо аналогичный портрет изображен на парфянских монетах этого царя, чеканенных между 60 и 77 годами н.э. (*Трейстер* 2001, с. 195, 201).

Костяная ручка ножа, возможно, была изготовлена в царской парфянской мастерской. Разумеется, такой предмет вряд ли мог быть предметом торговли. Скорее он являлся царским подарком или военным трофеем. В пользу последнего предположения говорят находки в раннеаланских погребениях драгоценных предметов, изготовленных в восточных мастерских. С учетом того, что погребение в Красногоровке включало обычный инвентарь и в нем, за исключением рассматриваемого ножа, не найдено других престижных изделий, версия о трофее представляется весьма вероятной (*там же*, с. 204–206).

10. В позднепотестарных и раннеклассовых обществах, на раннем этапе бытования государства наряду с советом князей продолжали существовать и общинные собрания. Так, «Повесть временных лет» в рассказе о событиях 987 г. указывает на собрание Владимиром совета: «Созва Володимир боляры свои и старци градских... И реша боляри и старци...» В другом месте: «И созва князь боляры своя и старца». Поводом для проведения совета послужило возвращение избранных «славных и мудрых мужей» /«избраша мужи добры и смыслены»/. Обратившись к посланцам, князь «рече: Скажите перед дружиною». Запись под 1097 г. сообщает о совете князей: «Придоша Святополк и Володимер, и Давыд Игоревич, и Василко Ростиславович, и Давыд Святославович, и брат его Олег, и сняшася Любачи на устроенье мира» (*ПВЛ* 1950, ч. I, с. 74–75, 170–171).

Однако рядом с приведенными сообщениями о совете князя приводятся примеры и о народных собраниях, известных на Руси под термином *вече*. В частности, в 997 г. печенеги осадили Белгород столь плотно, что не было никакой возможности выбраться из него. В городе начался сильный голод; Владимир не смог помочь горожанам, т.к. у него не оказалось воинов /в летописи буквально: «не бе лзе Володимеру помочи, не бе бо вой у него»/. Тогда белгородцы собрали вече – «И сотвориша вече в городе и реша..»; здесь названы «старейшины градскыя» (там же, с. 87). Комментируя данный сюжет, Д.С. Лихачев отметил, что здесь, как и в 968 г., когда вече собралось в осажденном печенегами Киеве, народное собрание созывалось в отсутствие в городах князей (*ПВЛ* 1950, ч. II, с. 351). Еще одно вече собралось в Киеве в 1097 г., когда обострилась борьба за киевский престол. Святополк «созва боляр и *кыян*... И реша боляры и *людье*» (*ПВЛ*, 1950, ч. I, с. 172).

Согласно С.М. Соловьеву, в Киевской Руси при решении наиболее важных вопросов того или иного города /помимо князя/ «собираются не одни старцы, собирается целый город, является общенародное вече». В то же время многие вопросы решались без участия рядовых горожан. Ближайшими советниками князя являлись «бояре, старшие члены дружины», а при обсуждении вопросов городской жизни к ним добавлялись «городские старцы» (*Соловьев* 1988, с. 214, 219–220, 228).

Не вдаваясь в детали функционирования веча в Киевской Руси, отметим интересные наблюдения И.Я. Фроянова над их ролью в общественно-политической жизни славянских городов X – начала XIII вв. (*Фроянов* 1980, с. 150–184).

11. С.Н. Малахов недавно поставил под сомнение связь нартовской Сатаны с женой армянского царя Арташеса /85–126 гг./ Сатиник. Связь двух антропонимов признают многие исследователи, в том числе – В.Ф. Миллер, Ж. Дюмезиль, Т.А. Гуриев и т.д. Однако В.И. Абаев к этой идее относился осторожно: «*Аланское* в данном случае... не совпадает с *иранским*. Звуковой облик *Satana* абсолютно исключает возможность отнесения его к исконному иранскому фонду осетинского /наличие трех долгих *а*, в особенности конечное *а*» (*Абаев* 1990, с. 247). В связи с этим С.Н. Малахов предлагает обратиться к тюркской ономастике, тем более, что у средневековых алан и в позднейшем языке осетин тюркский пласт довольно значителен. В качестве возможных вариантов предлагаются тюрк. *Sotan* «красивый, стройный», каракалпакское *Sotan/ag/* «непоседа, озорной», киргизское *Satang* «красивый, стройный». Исследователь совершенно справедливо полагает, что «более *цепкая* этимология имени Сотан/*Саtан*, *вероятно*, имевшего хождение в среде половецкой знати, пока *проблематична*. *Не исключено*, что имя *могло быть* распространено как в мужской, так и в женской среде». Имя нартовской героини – Сатана – *могло*, как предполагает исследователь, появиться в осетинском эпосе в результате алано-половецких этнокультурных и матримониальных связей. «Вполне *возможно*, что половецкое имя Сатан *могло* (курсив мой – *Ф.Г.*) образоваться на основе иранского имени, образованного от корня *sas* – **Sasano* «прекрасная, красивая». При столь многих допущениях неожиданно следует уверенное заключение: «Таким образом, иранское имя проникло в тюркскую среду, а позднее, в половецком варианте, оказывается закрепленном в осетинском нартовском эпосе и его вариантах у других кавказских народов» (*Малахов* 2003, с. 83–84).

Как нам представляется, связь между Сатиник армянских источников и Сатаной нартовского эпоса бесспорна. Рассказ об аланской «царевне» Сатиник зафиксирован в двух древнеармянских житиях, у Мовсеса Хоренаци и еще несколь-

ких авторов X в. По словам самого Мовсеса, информацию о Сатиник он черпал из эпических песен, широко распространенных в древней Армении. Ряд интересных параллелей между Сатиник древнеармянских источников и Сатаной нартовского эпоса привели Ж. Дюмезиль и В.И. Абаев (*Дюмезиль* 1976, с. 51–55; *Абаев* 1982, с. 28–31). По мнению В.И. Абаева, аланский сюжет закавказских памятников содержит материал для более конкретного сопоставления с нартовским сказанием «Последний балц Урызмага». Причем, речь идет о сопоставлении не отдельных мотивов, а целой их комбинации. Это, подчеркивал В.И. Абаев, позволяет говорить не о случайном совпадении, а о двух версиях /аланской и армянской/ одного сюжета. Различия между ними в значительной мере объясняются проведением в каждой из версий своей национальной тенденции. Следовательно, в древнеармянских источниках переплелись сюжеты нартовского эпоса и армянских эпических сказаний, ставших фольклорным отражением реальных событий из истории отношений двух этносов (*Гутнов* 1992).

Таким образом, рассказ об аланской «царевне» Сатиник попал в армянский фольклор и труды древнеармянских историков задолго до контактов алан с половцами, что делает сомнительной версию С.Н. Малахова.

12. Согласно другой версии, бытующей со времен В.Ф. Миллера, данный антропоним, как и другой – *Аспарук* – образован от *aspa* «конь» (*Zgusta* 1955, S. 73). В.И. Абаев (1949, с. 178) Аспарук понимал как *аспа* + *раука* «имеющий светлых коней». А.В. Гадло в результате «безупречного текстологического исследования» /по оценке А.В. Найденко (2001, с. 105)/ «Именника болгарских ханов», являвшегося этногенетическим оногуро-болгарским преданием, а по сути – преданием господствующего рода, пришел к выводу о связи происхождения ханского рода Дуло с одним из подразделений алан. Род Дуло в «Именнике» назван «вихтунами»; этот термин, вероятнее всего, представляет собой искажение титула *бег-тун* – «первый из бегов, глава племени, князь» /Ф. Альтхайм рассматриваемый термин переводил как «княжеская родня»/. А.В. Гадло высказал возможность связи рода Дуло с западными аланами. В пользу этого мнения свидетельствуют аланские имена ряда колен родословной. В частности, предок Аспарука носил имя Курт /ср. осетин. *курд* – «кузнец по железу»; *gurd* – «герой»/ (*Гадло* 1979, с. 110–118).

О.Б. Бубенок присоединился к мнению И.Г. Добродомова, в имени Аспарук склонного видеть термин иранского происхождения *Aspa-ruk* «светлый конь». Данное обстоятельство оба исследователя рассматривают как свидетельство тесного переплетения болгарских и иранских элементов в восточно-европейских степях в раннее средневековье (*Бубенок* 1997, с. 19).

13. Как полагает С.М. Перевалов, «можно достаточно уверенно утверждать, что Арриан побывал в районе современного Дарьяла именно в ходе кампании против аланов в 135 г. Если верить Фемистию, Арриан пересек со своими отрядами Кавказские горы, оказавшись, таким образом, на территории нынешней Северной Осетии» (*Перевалов* 2001, с. 286).

14. В 134 г. Арриан по заданию императора Адриана посетил римские военные лагеря восточного Причерноморья, в том числе и Апсар /с. Гонио, в 8 км южнее Батуми/. Из *Periplus* Арриана следует, что в Апсаре были расквартированы 5 когорт. А. Босворт полагает, как выше уже отмечалось, что речь идет о вспомогательных когортах. Тогда как некоторые другие ученые видят в них полноценные легионы. В этом случае получается, что в Апсаре находилось 3000 легионеров /во II веке н.э. основная единица легиона -- когорта состояла из 600 солдат/.

Согласно обнаруженной в Абеле /Италия/ надписи, к концу I века н.э. в Апсаре уже располагались вспомогательные отряды */numeri/*. Во фрагменте папируса II века н.э., найденном в Фаюме (Египет), упомянут расквартированный в Апсаре *Cohors II Claudiana*. Во время раскопок 1995–1998 гг. в центральной части крепости обнаружены 2 кирпича с обозначениями этой когорты – *COH II*. Среди других находок отметим кирпич с клеймом *SAGI/ttariorum/* /когорта лучников/, и лампу с надписью *Coh/ors/ AUR/relius/ C/ivium/ R/omanorum/*. По общему заключению специалистов, когорты с подобными названиями являлись вспомогательными военными частями (*Халваши, Асланишвили* 2000, с. 101–103).

15. Здесь же римский историк добавляет: «Но и цари не обладают у них безграничным и безраздельным могуществом, и вожди начальствуют над ними, скорее увлекая примером и вызывая их восхищение, если они решительны, если выдаются достоинством, если сражаются всегда впереди, чем наделенные подлинной властью».

16. В мужских погребениях аристократов Нижнего Дона I–II вв. известны остатки головных повязок, расшитых золотой парчой (*Яценко* 2000, с. 88–89).

17. Одним из ранних археологических свидетельств существования данной традиции у ираноязычных кочевников является ритуально-поминальный комплекс V в. до н.э. могильника «Частые курганы» на Нижнем Дону. В ходе раскопок выяснилось, что могильной ямы, как таковой, не обнаружено, а все захоронение находилось в центре кургана, дно которого было немного ниже уровня древнего горизонта. Следы ограбления не прослеживаются. Несколько групп костей туш животных /лошадей, овец/ лежали в анатомическом порядке. Кости людей /не менее двух человек/ располагались в западной части захоронения. Часть из них была кальцинирована. Две берцовые кости, лежавшие у бронзового котла и жаровни, под слоем сильно перекаленной земли, следов огня не имели. Создается впечатление, что останки людей /расчлененные и обугленные?/ были разбросаны, а ритуальная пища, сосуды и большинство других вещей аккуратно складывались в других местах. Процесс сооружения данного кургана, по реконструкции археологов, выглядел следующим образом. Первоначально развели сильный костер, который поддерживался длительное время /толщина пережженной земли достигает 30 см/ путем подбрасывания в него хвороста. Следов использования толстых бревен не обнаружено. Затем середину кострища вычистили до уровня непрокаленного грунта. На этой площади в разных местах /возможно даже не одновременно/ разместили ритуальную пищу, инвентарь и кости человеческих скелетов (*Максименко* 2001, с. 43–44).

IV.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В СЕРЕДИНЕ I-ГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

IV. 1. Северный Кавказ в эпоху великого переселения народов

В 70-е годы IV в. началось массовое вторжение гуннов на Кавказ и в Восточную Европу. Первыми удар кочевых племен приняли на себя аланы. По свидетельству Аммиана Марцеллина, гунны – «этот подвижный и неукротимый народ, воспламененный дикой жаждой грабежа, двигаясь вперед среди грабежей и убийств, дошел до земли алан, древних массагетов» (перевод Ю. Кулаковского и А. Сонни – *Аммиан Марцеллин* 1994, с. 492). Орды номадов «произвели у них (алан – *Ф.Г.*) страшное истребление и опустошение, а с уцелевшими заключили союз и присоединили их к себе» (*там же*, с. 494). В 371 г. основные силы гуннов с новыми союзниками – частью алан – через низовья Дона направилась к Северному Причерноморью. Другая часть гуннов, преследуя уцелевшие группы алан, двинулась на Северный Кавказ.

Проблема общественного строя гуннов в эпоху великого переселения народов /далее – ВПН/ остается предметом дискуссии среди отечественных и зарубежных ученых. Одни полагают, что гунны в тот период находились на стадии первобытного равенства, родовая аристократия у них еще не выделилась (E.A. Thompson); другие считают, что такая оценка явно занижена и племенная организация гуннов уже вступила в стадию распада (Я. Харматта); третьи выступают против признания разделения общества гуннов на социальные группы. В частности, О. Мэнчен-Хелфен оспаривал позицию советских ученых, характеризовавших общество гуннов рубежа IV–V вв. как последнюю ступень «варварства» – «военную демократию». Возражая против этого, американский исследователь писал: «Если все народы, которые под предводительством военных вождей грабили своих соседей, жили в условиях военной демократии, то ассирийцы, скотоводы зулу, земледельцы-ацтеки и пираты-викинги должны быть похожи друг на друга. После многих попыток точнее определить военную демократию этот термин в конечном счете остается пустой фразой» (цит. по: *Ермолова* 1984, с. 230).

Долгое время оценка общественного устройства гуннов базировалась на характеристике раннеи китайской историографии: варвары «в поисках воды и травы переходят с места на место, и хотя у них нет городов, обнесенных внутренними и наружными стенами, нет постоянного места жительства и они не занимаются обработкой полей, тем не менее, каждый тоже имеет выделенный участок земли» (*Таскин* 1968, с. 34). Однако Л.Р. Кызласов, опираясь на письменные и археологические источники, пришел к иному выводу: еще предки гуннов – жуны – строили «для защиты города, укрепленные внутренними и внешними стенами»; ханьские хроники сообщают о 25 городах «варваров», взятых китайцами только в период правления Хуй-вана. Эти же хроники неоднократно сообщают о земледелии гуннов. По археологическим материалам, они «для пахоты применяли плуги с чугунными лемехами». Очевидно, какая-то часть гуннов жила оседло, занимаясь земледелием, ремеслом, строительством, скотоводством и т.д. (*Кызласов* 1999, с. 196–197).

Ханьские источники сообщают о ежегодных «больших собраниях» гуннов, проходивших «в 5-й луне» в Лунчыне («город императора», т.е. шаньюня), «где приносят жертвы предкам, небу, земле, духам людей и небесным духам. Осенью, когда лошади откормлены, съезжаются на большое собрание в Дайлине, где подсчитывают и проверяют количество лошадей и домашнего скота» (*Таскин* 1968, с. 40, 79, 81, 91, 165).

Судя по приведенным данным, гунны Дальнего Востока имели столицу – Лунчэн, которая была и религиозным центром, в то время как Дайлин выполнял экономическую функцию. Источники сообщают также о гуннском государственном хранилище в городе Чжаосиньчэн на юге Хангайского хребта Тянь-Шаня (*Кызласов* 1999, с. 197).

Структура управления хуннов в общих чертах восстановлена Л.Н. Гумилевым. Во главе дальневосточных кочевников стояли старейшины. Шаньюй («величайший») «был просто главным среди прочих и не имел никакой реальной силы, кроме личного авторитета». По сути, он являлся первым «между равными прочими старейшинами, которых было двадцать четыре». Первоначально шаньюй, вроде бы, являлся выборным (возможно, по этой причине китайцы затруднялись определить порядок наследования до Модэ). О сохранении в последующие времена выборности главы социума свидетельствует формула возведения на престол – «поставлен». Функции шаньюя были довольно обширными, включая, наряду с военными и дипломатическими, культовые. Храм для ежегодных жертвоприношений находился при его ставке. В эпоху Модэ у хуннов было три наиболее знатных рода: Хуань (тюрк. «заяц»), Лань («орхидея») и Сюйбу («край»). Представители этих родов наследовали основные государственные должности. Так, судья всегда был из рода Сюйбу. Все вельможи имели личные дружины (до 10 тысяч человек). Наряду с высшими родами у гуннов было немало и других, управлявших в «своих землях». Военная служба у гуннов считалась долгом каждого мужчины. За исключением доли добычи, он ничего не получал. Добыча служила

источником средств, расходуемых на содержание высших чинов и их дружин. Налога, как отмечал Л.Н. Гумилев, рядовые хунны не платили. Позднее у хуннов на смену народному собранию пришел съезд родовых князей и вельмож (*Гумилев* 1993, с. 58–68).

В отличие от дальневосточных, гунны эпохи ВПН предстают как типичные кочевники, с более архаическими чертами социального устройства. Если исходить из признания нелинейных или многолинейных форм социальной эволюции, то в этом нет ничего удивительного. В любом случае, гунны периода ВПН к началу вторжения на Кавказ с военной точки зрения представляли большую угрозу.

«Вторжению гуннов в Европу безусловно предшествовал период их концентрации в Азово-Каспийском междуречье в области к востоку от Танаиса» (*Гадло* 1979, с. 12). Здесь, «расселившись на дальнем берегу Меотийского озера», гунны «увеличились до размеров племени» /*populus*/, а затем стали «тревожить покой соседних племен» /*gens*/ (*Иордан* 1960, с. 90).

Аммиан, характеризуя внешний облик гуннов, отметил «чудовищный и страшный вид, так что их можно принять за двуногих зверей... При столь диком безобразии человеческого облика, они так закалены, что не нуждаются ни в огне, ни в приспособленной ко вкусу человека пище; они питаются корнями диких трав и полусырым мясом всякого скота... У них нельзя встретить даже покрытого камышом шалаша. Они кочуют по горам и лесам, с колыбели приучены переносить холод, голод и жажду... они не годятся для пешего сражения, зато они словно приросли к своим коням, выносливым, но безобразным на вид... День и ночь проводят они на коне, занимаются куплей и продажей, едят и пьют и, склонившись на крутую шею коня, засыпают...» (*Аммиан Марцеллин* 1994, с. 491).

Марцеллин отметил и характерные черты общественного строя гуннов. «Когда приходится им совещаться о серьезных делах, то и совещание они ведут, сидя на конях. Не знают они над собой строгой царской власти, но, довольствуясь случайным предводительством кого-нибудь из своих старейшин, сокрушают все, что попадает на пути... Никто у них не пашет и никогда не коснулся сохи. Без определенного места жительства, без дома, без закона или устойчивого образа жизни кочуют они, словно вечные беглецы, с кибитками, в которых проводят жизнь; там жены ткут им их жалкие одежды, соединяются с мужьями, рожают, кормят детей до возмужалости» (*там же*, с. 491–492).

Оценивая достоверность сведений Марцеллина, следует отметить его «стремление к беспристрастному рассказу о событиях, не допускающему ни малейшего искажения правды ложью или умолчанием». Эти принципы он считал «девизом своего исторического труда», написанного «на основе того, что довелось ему видеть как современнику, так и того, что можно было узнать у непосредственных свидетелей при тщательном опросе... Однако полная беспристрастность повествования оставалась, конечно, возвышенной, но призрачной иллюзией» (*Ермолова* 2003, с. 96).

Хотя Аммиан был современником вторжения гуннов в Европу, его этнографическая характеристика данной группы кочевых племен не является целиком свидетельством очевидца. В определенной мере она основана на слухах, распространяемых о гуннах обезумевшими от ужаса готами, и традиционных литературных штампах, которые в позднеантичной историографии в равной степени применялись ко всем варварам для подтверждения их отличия от цивилизации греков и римлян. Более достоверные сведения Аммиан сообщает с момента появления гуннов в низовьях Дона.

Интересным источником по данной проблеме является Иордан. Он выделил две группы гуннских племен: «А там и гунны, как плодовитейшая поросль из всех самых сильных племен, закишели надвое разветвившейся свирепостью к народам. Ибо одни у них называются альциагирами, другие – савирами, по местам их поселений разделены: альциагиры – около Херсона, куда жадный купец ввозит богатства Азии; летом они бродят по степям, раскидывая свои становища в зависимости от того, куда привлечет их корм для скота; зимой же переходят к Понтийскому морю» (*Иордан* 1960, с. 72). Савиры размещались на северо-востоке Кавказа.

Говоря о степени надежности свидетельств Иордана, В.П. Буданова акцентирует внимание на характере его труда: он не столько писал историю готов (Getarum origo), сколько создавал для знати «варварского королевства» Амалов (Amalorum nobilitas) *готский вариант всемирной истории*, посвященный virorum fortium facta. По сути, «Гетика» отразила встречу варварства и цивилизации. Хотя оппозиция «цивилизация – варвары» присутствует в тексте, но понятия «варвары», «варварский» употребляются в значении «чужой» (*Буданова* 2003, с. 32–35).

Подчеркивая могущество Эрманариха как «благороднейшего из Амалов», Иордан закат его реальной власти связал «с приходом гуннов»; «Германарих, престарелый и одряхлевший, страдал от раны и, не перенеся гуннских набегов, скончался на сто десятом году жизни». Н.А. Ганина, анализировавшая данный сюжет, пришла к выводу о том, что «рассказ о гибели Эрманариха является точкой пересечения и взаимодействия двух тенденций – апелляции к преданию /эпосу/ и ориентации на позднеантичную историческую традицию...» (*Ганина* 2003, с. 43).

Чтобы полнее представить военную мощь гуннов, напомним, что побежденный ими Эрманарих в источниках предстает как «воинственный король», правивший «воинственным народом» в «обширной плодородной стране» и «благодаря всякого рода многочисленным подвигам казался соседним народностям страшным». Эрманариха – «благороднейшего из Амалов», «некоторые древние сравнивали с Александром Великим». Последнее сравнение стало возможным потому, что «его одетые в доспехи и вооруженные копьями всадники проникли в глубь русских и прибалтийских территорий и создали великую племенную державу». Правда, дошедшую до нас информацию о границах империи Эрманариха нельзя подтвердить археологически. К тому же в отношении некото-

рых территорий /в частности, в районе Камы/ следует говорить скорее о готском протекторате, чем о непосредственном подчинении готам. Тем не менее, «великая держава» Эрманариха поражала современников своими размерами. И эта мощь потерпела поражение в столкновении с гуннами, поддержанными аланами (*Вольфрам* 2003, с. 130–134).

Часть гуннов носила выразительное имя *акациры* – «лесные люди» /тюрк. *агач-ер* «лесной человек»/. В отличие от них другая часть, очевидно, была степняками. По Иордану, «сильнейшее племя акациров, не ведающее злаков, но питающееся от скота и охоты» (*Иордан* 1960, с. 72).

Комментируя данный сюжет, Е.Ч. Скржинская отметила, что согласно Приску, писавшему на 100 лет раньше Иордана, акациры – «скифское» племя. По его же данным, Аттила попытался подчинить акациров и послал своего старшего сына управлять ими. В ту пору они жили в припонтийских областях и через кавказские проходы совершали набеги на персов. Судя по тому, что ряду акацирских «князьков» император Феодосий II, как свидетельствует все тот же Приск, регулярно посылал «дары», акациры действительно представляли серьезную силу; союз с ними был желателен для империи (*там же*, с. 221, примеч. 116).

У Иордана, со ссылкой на Приска, сохранился фрагмент тотемического предания господствовавшей на западе группы гуннов. В нем корова /телка/ открыла пастуху предназначенный для вождя Аттилы меч бога войны. Этот фрагмент указывает на принадлежность захватившего власть в западно-гуннской конфедерации рода к скотоводческой части гуннского массива. Может сложиться впечатление о «пастушеской» сущности гуннов. Но даже в экскурсе Аммиана проглядывают черты, которые позволяют говорить о гуннах не только как о кочевниках-скотоводах. Они «кочуют по горам и лесам»; носят одежду, сшитую из «шкурок лесных мышей»; они не пашут, но знают культуру льна (*Гадло* 1979, с. 15–17).

И.Е. Ермолова обратила внимание на вышеприведенный сюжет Аммиана (XXXI, 2, 7), переведя его иначе: «И при обсуждении предложенных серьезных дел они в таком положении /сидя на конях – *И.Е.*/ решают все общие вопросы. И они не подчиняются никакой царской строгости, а, довольствуясь наспех назначенным руководством кого-нибудь из знатных людей, преодолевают все, что бы ни случилось». Следовательно, наиболее важные вопросы гунны решали сообща, видимо, на народном собрании. Во всех остальных случаях они довольствовались «руководством наспех назначенных» primates /Ю. Кулаковский и А. Сонни перевели этот термин как «старейшины»/. И.Е. Ермолова справедливо заметила, что Аммиан мыслил категориями общества, в котором жил; поэтому термин *primates* в отношении гуннов он использовал, вероятно, в обычном для римлян смысле. В «Истории» этим словом обозначены люди, принадлежавшие к высшим слоям римского общества, аристократии, городской знати. На этом основании можно предположить, что у гуннов primates – наиболее знатные члены племени, своим богатством и положением выделявшиеся из массы народа (*Ермолова* 1984, с. 230–233).

Зарубежные и российские ученые отметили также, что термин *rex* в отношении «варварских» племен римляне использовали для обозначения постоянных вождей соседних социумов[1]. Например, как подметил Прокопий, предводитель готов Теодорих «продолжал /скромно/ называться и в дальнейшем именем rex /так обычно варвары называют своих начальников/» (*Прокопий* 1950, с. 80). Часто вместе с вождями в политических событиях участвовали их наследники – «царевичи» *regales*.

Евсевий Иероним, современник грандиозного похода гуннов в 395 г. в страны Закавказья и Передней Азии, отмечал: «Вот весь Восток задрожал при внезапно разнесшихся вестях, что от крайних пределов Меотиды, между ледяным Танаисом и свирепыми народами массагетов, где Александровы запоры сдерживают дикие племена скалами Кавказа, вырвались рои гуннов, которые, летая туда и сюда на быстрых конях, все наполняли резней и ужасом» (*Евсевий* 1990, с. 392).

Из «Истории» грека Олимпиодора /V в./ известны вожди гуннов, с которыми специалисты сопоставляют «предводителей больших масс народа» Приска Панийского. Материалы «Истории» указывают на сохранение у гуннов, живших в степях юга России в середине V в., родоплеменной организации. Об этом свидетельствует наличие у гуннов многих «вождей по племенам и родам», которым император Феодосий послал дары. «Но посланный с дарами раздал их не по порядку каждому из правителей, так что Куридах, старший по власти, получил дары вторым и, как обиженный и лишенный принадлежавших ему даров, призвал Аттилу против своих соправителей». Как видно, главный из вождей не обладал реальной властью над остальными; следовательно, Куридах был первым среди равных (*Ермолова* 1984, с. 236).

Вероятно, в 20–30-х гг. V в. у гуннов установился институт наследственной власти. К тому времени их главные силы из южно-русских степей ушли на запад, в Среднее Подунавье. По сообщению Приска, после смерти вождя гуннов Руа «царская власть» перешла к Аттиле и Бледе, его племянникам. Произошло это в 434 г. (*там же*, с. 237).

Г.-И. Диснер полагает, что у гуннов «под аланским и германским влиянием укрепились социальные различия... и очень скоро мы находим у гуннов несколько ‘благородных семей’; предводителей с большими свитами и стадами». Стадиально данный этап развития гуннского общества Г.-И. Диснер определяет как «переход к раннему государственному образованию с некоторыми феодальными чертами[2], даже с королем». К специфике социального устройства гуннов немецкий исследователь относит «двойное» управление братьев Бледы и Аттилы. Для этого периода характерно также усиление позиций военной аристократии (*Diesner H.-J.* 1981, S. 74–75).

На наш взгляд, рассматриваемый социум следует скорее считать вождеством, нежели ранним государством, тем более феодальным. Приведенные выше материалы свидетельствуют о наличии у гуннов нескольких племен и союзов племен. Во главе каждого из них стоял «свой» вождь.

Наряду с различными слоями военной аристократии существовала старая родоплеменная знать. Масса рядовых воинов продолжала участвовать в народных собраниях. Наиболее точным термином, отражающим стадию развития гуннских социумов периода ВПН, является, по нашему мнению, понятие «вождество». В пользу этого говорят данные античных и древних закавказских авторов.

Гуннские племена, осевшие в степях Северного Кавказа, были неоднородными. Письменные памятники середины V в. различают здесь гуннов хайландуров, угуров, сарагуров, оногуров, а с начала VI в. – гунновсавиров. Не исключено, что в это время этноним «гунны» распространялся и на попавшие в политическую зависимость местные племена[3]. Под «землей» или «страной» гуннов на Северном Кавказе армянские, сирийские и византийские авторы понимали прикаспийские степи. Эти же авторы характеризуют савиров как многочисленный гуннский народ, разделенный на множество племен. Так, Прокопий Кесарийский отмечал: «Племя это очень многочисленное, разделенное, как полагается, на много самостоятельных колен» (*Прокопий Кесарийский* 1950, с. 407).

Появление массы гуннов привело к серьезным переменам на этносоциальной карте Северного Кавказа. Армянские историки V в. единодушно указывают на влияние нашествия гуннов на социальные и этнические процессы в регионе. Одно из первых свидетельств на эту тему находим у Агафангела /Агатангехоса/ – автора труда, посвященного обращению армян в христианство в эпоху царя Трдата /298–330 гг./. Его имя в переводе с греческого означает «добрый вестник», а сам труд сохранился в двух основных версиях: армянской и пространной греческой. Причем, вторая версия сделана с армянского оригинала. К этому же варианту прямо или косвенно восходят и другие редакции на греческом, арабском, грузинском, сирийском, славянском, латинском, коптском, эфиопском и итальянском языках. Помимо этого, имелась еще одна версия, известная в науке /также на нескольких языках/ как «Житие Григория». По мнению К.Н. Юзбашян, «это не столько история, сколько средневековый роман». Поэтому «использование Агафангела и примыкающих к нему памятников в качестве исторического источника требует предельной осторожности» (*Юзбашян* 2001, с. 161, 164).

Агафангел впервые упоминает гуннов в рассказе о походе царя Армении Хосрова I Великого /217–238 гг./ в Иран, для отмщения за смерть персидского царя Артавана. В иерархии правителей государств, входивших в коалицию царя Ирана, «Хосров занимал второе место, а убитый царь принадлежал к той же фамилии, что и он» (*там же*, с. 165). В армянской версии говорится о том, что Хосров, собирая войска, «и открыв Аланские и Чорские ворота, вывел войска гуннов и напал на персидскую страну» (*Армянские...* 1985, вып. I, с. 17). Второе упоминание о гуннах содержится в эпической характеристике Трдата III, одного из главных персонажей народных сказаний: «он изгнал воинственных гуннов...» (*Гадло* 1979, с. 32).

Другого автора V в. – Фавстоса Бузанда – современник последнего Лазарь Парпеци считал «византийцем». В литературной традиции той эпохи придерживались аналогичного мнения. Как источник по политической истории Кавказа Фавстос «не так уж надежен» (*Юзбашян* 2001, с. 167–168). Поэтому к его информации также следует подходить осторожно.

Бузанд рассказал о том, как «мазкутский царь Санесан, сильно разгневавшись, проникся враждой к сородичу своему, армянскому царю Хосрову, и собрал он все войска – *гуннов* (курсив мой – *Ф.Г.*)... и несметное множество других разных кочевых племен, все множество войск, которым только повелевал» (*Армянские*...1985, вып. I, с. 20–21). Еще раз Фавстос упоминает о гуннах в описании похода армянского царя Аршака против персов. Союзниками Аршака названы гунны и аланы (*там же*, с. 22).

Упоминание обоими армянскими авторами гуннов в событиях ранее конца IV в., возможно, связано с процессом «этнополитического взаимодействия различных кочевых обществ» в степях Северного Кавказа конца IV – первой половины V в. (*Гадло* 1979, с. 36).

Ко времени правления императора Аркадия /395–408 гг./ относятся свидетельства о локализации на Кавказе белых гуннов. Житие Петра Ивера /V в./ содержит сообщение о пребывании ивера Фарсмана, который «был военачальником, находился у власти», при дворе «Аркадия, царя ромейского». После того, как раскрылась связь Фарсмана с женой Аркадия, василиссой Евдокией, иверский вельможа бежал «и быстро достиг своей земли... Когда он воцарился над иверами, он взял с собою белых гуннов, бывших соседями иверов» (*Пигулевская* 1941, с. 37–38).

Особую ценность для этносоциальной характеристики гуннов Предкавказья имеют свидетельства армянского автора Елише, описавшего события 30–50-х гг. V в. Он был «свидетелем этих событий, и его труд – не компиляция, а историческая монография, написанная по собственным впечатлениям и по рассказам других участников событий» (*Гадло* 1979, с. 28). Работа Елише «Слово о войне Армянской» является «одним из наиболее значительных» памятников средневековой армянской историографии. Она «отличается достоверностью как в общей характеристике эпохи, так и в описании отдельных фактов» (*Юзбашян* 2001, с. 150).

Елише упоминает гуннов-хайландуров, располагая их владения от побережья Каспия до Аланских ворот /Дарьяла/. Гунны через Каспийский проход совершали набеги в Закавказье. Но после постройки «крепости Чора», хайландуры лишились возможности пользоваться этим путем (*Армянские*...1985, вып. I, с. 23; *Юзбашян* 2001, с. 198). В другом месте Елише вновь упоминает «хайландуров», в землю которых «отправили огромные сокровища» (*Армянские*... 1985, вып. I, с. 29). Елише сообщает об одном «хоне» /гунне/ «по имени Бэл, который был царского рода из страны *хайландуров*» (*Юзбашян* 2001, с. 287). Итак, у хайландуров был свой «царский род», племенная аристократия, частью принявшая христианство (*Гадло* 1979, с. 29).

Под 508 г. Феофан Исповедник, кажется впервые, гуннов Северо-Восточного Кавказа называет *савирами* (*Гмыря* 1993, с. 280). Прокопий Кесарийский среди этносов рассматриваемого региона помещает «так называемых сабиров, и некоторые другие гуннские племена» (*Прокопий Кесарийский* 1950, с. 381). Агафий в сюжете об осаде Археополя рассказывает об отряде наемных гуннов, «которых называют савирами», сражавшихся на стороне римлян (*Агафий* 1953, с. 88).

Социальное устройство гуннов Северного Кавказа источники рисуют как военно-иерархическое общество. Когда персидский шах спросил гуннов о причинах их нашествия, те ответили: «Нам недостаточно того, что дает нам персидское государство, как дань людям-варварам, изгнанным подобно диким зверям богом в северо-западную сторону. Мы живем оружием, луком и мечом и подкрепляемся мясной пищей» (*Пигулевская* 1941, с. 66).

Самым авторитетным «экспертом» по гуннской проблеме обоснованно считается Приск Панийский – константинопольский ритор, в 448 г. в составе византийского посольства оказавшийся в ставке вождя гуннов Аттилы. Уцелевшие фрагменты его труда охватывают период с 433 по 471 г. и позволяют уточнить наши представления об общественном строе гуннов, а также о взаимоотношениях державы европейских гуннов и этнических групп Северного Кавказа. В ставке вождя гуннов Приск встретился с послом Западной империи Ромулом, который стал его основным информатором по названным выше вопросам.

Рассказывая о походе гуннов в Иран незадолго до 448 г., Ромул ссылался на свидетельство его предводителей – Басиха и Курсиха. Согласно собранной информации, гунны, миновав Меотиду в низовьях Дона, прошли через Дарьяльское ущелье и попали в подвластную Ирану Грузию. А.В. Гадло полагал, что во второй половине 30-х гг. V в. предкавказские степи вошли в орбиту державы Аттилы. В этот период происходит консолидация гуннских и связанных с ними этнических групп. Данный процесс сопровождался отчаянным сопротивлением родовой группе Аттилы со стороны аристократии других частей гуннского массива. По данным Приска, после заключения договора с Римом в 433 г. приближенные Аттилы и Бледы /брат и соправитель Аттилы/ приступили к покорению других этносов и начали войну с «соросгами». В последних заманчиво видеть алан-осов, усматривая в *сар-и-осаг* социальный термин /«глава, царь осов»/, Приском принятый за наименование этноса. Тот факт, что Курсих и Барсих во время похода в Иран беспрепятственно прошли Дарьял, свидетельствует о предшествовавшем успехе гуннов (*Гадло* 1979, с. 48–51).

О прочности позиций гуннов в зоне Центрального Кавказа на рубеже V–VI вв. свидетельствует контроль над Дарьяльским проходом, осуществляемый гунном Амбазуком (чье аланское имя «Равноплечий» указывает на тесные связи с элитой алан). В начале VI в. шах Кавад изгнал детей Амбазука; Кавад «настойчиво спрашивал с ромеев сумму в 5 кен-

тинариев золота»[4], которые он получал в качестве оплаты за содержание персидского гарнизона, оберегавшего «ворота от гуннов» (*Пигулевская* 1941, с. 67).

Благодаря Приску сохранилась характеристика общественного устройства акациров – одного из наиболее активных образований гуннского массива, которое Аттила пытался лишить племенной верхушки, поставив во главе него представителя своего «царского рода». В период пребывания Приска в ставке Аттилы проходил завершающий этап их покорения. Во владения «акациров был послан Онигисий, второе по значению после Аттилы лицо в гуннской державе». В результате акции «царем этого народа» должен был стать старший сын Аттилы – Эллак (*Гадло* 1979, с. 51). Но эта задача была решена лишь частично. Согласно Приску, у акациров было «много князей и родоначальников», по предположению А.В. Гадло, представлявших «молодую военную и старую авторитарную власть». Причем, каждый знал свое место и соответствующие этому месту привилегии. Так, при распределении даров императора «соначальники» строго следили за соблюдением племенной «табели о рангах». Ошибка посла Феодосия, вследствие которой Куридах – «главный между ними по власти» – получил то, что полагалось следующему за ним лицу, привела к междоусобной борьбе внутри акациров. Трениями между верхами акациров попытался воспользоваться Аттила. Однако часть конфедерации сохранила независимость. Ее возглавил Куридах – он «остался на своей земле и сохранил свои владения» (*там же*, с. 53).

Фавстос Бузанд отметил «*повелителя* (курсив мой – *Ф.Г.*) многочисленных войск гуннов» (*Габриелян* 1989, с. 54). В войске гуннов тяжеловооруженная конница имела особый статус. Правда, некоторые археологи осторожны в решении данного вопроса, полагая, что состав и вооружение гуннских воинов, в частности – в Северном Причерноморье, «еще далеко не ясен» (*Гей, Бажан* 1997, с. 24). А.М. Хазанов, ссылаясь на китайские источники и археологические данные, признавал существовавшую у гуннов «одетую в доспехи тяжеловооруженную конницу», применявшую, наряду с луками и арканами, копья и длинные мечи. «При этом гуннская конница была быстрее и подвижнее, чем римская и аланская, и славилась своими лучниками» (*Хазанов* 1971, с. 90). Однако это мнение остается дискуссионным. В частности, остался невыясненным вопрос: если конница гуннов, как и у алан, являлась панцирной, тяжеловооруженной, то за счет чего она была все-таки «быстрее и подвижнее, чем римская и аланская»?

О характере общественного строя гуннов в середине I-го тысячелетия свидетельствует и сообщение Захария Ритора: «У гуннов лет 20 тому назад или больше (в 520 или 540 г. – *Ф.Г.*) вышло писание на их языке». Одним из источников сведений Захария о гуннах являлись два жителя Амида, в первой трети VI в. проведшие более 30 лет в плену у гуннов. По их данным, из Албании в «гуннские пределы» пришел епископ с другими лицами. Они «не вошли в ворота, но были проведены через горы» (*Пигу-*

левская 1941, с. 85). Эти сообщения, по мнению некоторых исследователей, говорят о наличии у населения «страны гуннов» относительно единого общепринятого языка общения, что, в свою очередь, указывает на высокую степень консолидации (*Гмыря* 1993, с. 289).

Вызывает интерес сюжет той же хроники о деятельности среди гуннов епископа Аррана Кардоста; высоко оценивая его работу, византийский император в качестве поощрения послал 13 нагруженных продуктами мулов. Кардоста у гуннов появился в 537 г., а «писание вышло» в 544 г. Епископа Кардосту сменил клирик Макар из Армении. Он привез с собой мастеров, которые применяли неизвестную гуннам технику кладки. Примечательно и то, что Макар «посадил растения и посеял различные семена». Все это произвело впечатление на «властителей этих народов; они удивились и обрадовались мужам, почтили их и каждый звал их в свою сторону, к своему народу и просил, чтобы они были ему /народу/ учителями» (*Пигулевская* 1941, с. 85–86, 166–167).

Практика показывает, что изначально христианизация охватывала незначительные слои населения, чаще всего – высшие, дружинников. Хотя и среди элиты находились группы, и очень могущественные, противодействовавшие проникновению новой религии. О том, что распространение христианства у гуннов наталкивалось на сопротивление членов правящего клана, свидетельствует рассказ Иоанна Ефесского, отнесенного к 534 г.: «Прибыл Гордий, царь гуннов, с большим войском в столицу. От крещения его воспринял Юстиниан. Он почтил его и дал ему много подарков и /Гордий/ отправился и пошел в свою землю. Когда он прибыл в свою землю, он нашел своего брата, которого он поставил над войсками, сообщил ему о своем христианстве, показал ему дары и подношения ромейского царя и удивил его. /Гордий/ взял идолов из серебра и золота, которых они почитали... и послал их в город Боспор, чтобы их обратили в монету. Когда брат его и все войско увидели это, они вместе со жрецами этих идолов разгневались, устроили заговор и убили его и, боясь ромейского царя, ушли в другую землю» (*там же*, с. 87).

Вероятно, об этом же случае поведал Мовсес Каганкатваци. Во время одного из походов «царя» гуннов христианство приняли некий «князь», возглавлявший треть войска, два его сына, 30 военачальников и воины. После крещения князь и его сыновья получили новые имена: Теофил, Мовсес, Анерологис. Как нередко бывало у разных народов в ранний период распространения христианства, «князь» Теофил и 30 военачальников войска гуннов были замучены, сыновья и воины убиты (*Моисей Каганкатваци* 1861).

Как видно, христианизация у гуннов проходила далеко не безоблачно. Хотя следует отметить и то обстоятельство, что сюжет о наказании /как правило – убийстве/ за измену вере предков – обычное дело в античной историографии.

Результатом активных контактов гуннов с населением Северного Кавказа стала активизация социальных и этнических процессов. Вероятно,

под давлением гуннов маскуты Северо-Восточного Кавказа после 458 г. передвинулись в междуречье Самура и Бельбека, между восточной оконечностью горных хребтов и морем. В арабских источниках периода арабо-хазарских войн эта территория именуется Маскат /Маскут/. Согласно В.Ф. Минорскому, эта форма названия местности – народная этимология /«Маскат» – место, где что-то произошло/, тогда как изначально топоним должен был звучать как «Маскут/Машкут» – «от имени древних массагетов». Со ссылкой на Аммиана, В.Ф. Минорский алан считает «древними массагетами». Следовательно, аланы являлись «древними поселенцами Маската». Ученый обратил внимание и на аланские топонимы в данной местности: река к югу от Дербента «называлась *Рубас*, по-осетински «лиса» /ср. с названием текущей далее к югу реки Самур – «куница»/». До 833 г. маскуты имели самостоятельных правителей (*Минорский* 1963, с. 110–112).

Передвижение в Южный Дагестан в IV–V вв. населения с характерными признаками культуры алан надежно засвидетельствовано археологическими материалами. Огромный курган на плато Паласа-сырт /на вышеназванной р. Рубас/, дал целый ряд подкурганных катакомб, не отмеченных здесь в более раннее время. Разнообразие конструкций катакомб свидетельствует скорее о «существовании к югу от Дербента этнического конгломерата, чем о наличии здесь однородной этнической группы». Археологи /В.Г. Котович, В.А. Кузнецов, А.В. Гадло и др./ полагают, что «все связи компонентов этого конгломерата» уводят в более северные районы Кавказа, где в IV в. преобладало аланское население (*Гадло* 1979, с. 35–36).

В III–IV вв. на территории современного Азербайджана в зоне Мингечаура появляется «чисто *катакомбный обряд захоронения* (здесь и далее курсив И.А., Г.А.)». И.Г. Алиев и Г.М. Асланов убеждены, что катакомбы, как и появившиеся ранее срубы, зафиксированный в них погребальный обряд, деформированные черепа части погребенных, некоторые элементы сопровождающего инвентаря – «Все это *является новым для зоны Мингечаура, появляется здесь внезапно и не только не имеет местной традиции, но и не находит по существу никаких аналогий в местной среде*». Их поиск привел азербайджанских археологов к сарматам и аланам: «Многое из названного выше без сомнения может быть определено как *идущее именно от сармато-алан*» (*Алиев, Асланов* 1975, с. 72–73).

Пребывание алан на западном берегу Каспия нашло отражение в письменных памятниках той поры, называвших ираноязычных пришельцев маскутами/массагетами. Об этом же свидетельствует топонимическая номенклатура приморского Азербайджана: «Мушкур» /от маскут/, «Маштага» – название села на Апшеронском полуострове /от маштата, откуда, вероятно, и «массагеты»/ (*там же*, с. 75).

Маскуты/массагеты, согласно анализу письменных источников А.П. Новосельцева, жили в прибрежной полосе современного Дагестана. В V–VII вв. их потеснили гунны, хотя маскуты как самостоятельный этнос

известны к югу от Дербента и позже[5]. Кочевники гуннского объединения в первую очередь стремились взять под контроль земли, удобные для скотоводства. «Однако своих предшественников – алан, роксалан и т.д. – они не могли, да и не хотели полностью согнать с их земель и какое-то время кочевали вместе с ними или рядом. В Восточном Предкавказье были как раз такие земли, удобные для скотоводства, и сюда кочевники гуннского объединения устремились уже сразу после разгрома своих главных врагов – алан». Аланы, хотя и понесли заметные потери, тем не менее, сохранились в центральной зоне Северного Кавказа, а их ближайшие родственники маскуты/массагеты – в приморской полосе современного Дагестана и соседних районах Азербайджана. Здесь, очевидно, происходил интенсивный синтез местных иранцев /возможно, и кавказцев/ «с пришельцами, которые в этом районе довольно долго именовались гуннами, возможно и потому, что среди них гуннский элемент был очень влиятелен» (*Новосельцев* 1990, с. 80–81). Следствием этого стал культурно-религиозный синтез, о чем писал Мовсес Каганкатваци: гунны почитали старых иранских богов – Каура, Аспандиата, причем последнему дали принесенное из Азии имя Тангри (*там же*, с. 81).

Ценность Каганкатваци, как источника по внутренней жизни «царства гуннов», придает, наряду с прочим, сохраненное Мовсесом житие епископа Исраэля. Автор жития, участник албанской миссии, не поскупился на черные краски в описании «скверных дел» идолопоклонников, исповедовавших «языческую грязную религию», тем самым еще более возвеличивая подвиг Исраэля, обратившего в христианство часть гуннов во главе с Алп Илитвером. Христианский клирик не назвал главную фигуру в гуннском пантеоне, но упомянул двух особо почитаемых богов – *Куара*, бога «молний и эфирных огней», и *Тенгри-хана*, «чудовищного громадного героя», «дикого исполина». Последнего автор жития называет на иранский манер *Аспендиатом* /среднеперс. *Spendijad* – «созданный святым (духом)»/, впрочем, нигде не упоминая, что данным именем его называют и гунны (*Кляшторный* 2000, с. 122–123).

В имени другого божества – *Куар*, как считает большинство специалистов, очевидно среднеперсидское *xwar* «солнце». Этому божеству поклонялись скифы, сарматы, аланы. Унаследованный гуннами Северного Кавказа бог Куар, видимо, оставался богом местного иранского населения. В пантеоне же самих гуннов его образ слился с образом «громовержца» Тенгри-хана (*там же*, с. 123).

Гунны, особенно савиры, сыграли значительную роль в формировании хазар. Выше мы уже отмечали, что савиры впервые упоминаются Феофаном Исповедником в сюжете от 508 г. Прокопий в рассказе «О Кавказском хребте» писал: «Тут живут гунны, так называемые сабиры, и некоторые гуннские племена» (*Прокопий* 1950, с. 381). В другом месте Прокопий привел относительно развернутую характеристику савиров: «Сабиры являются гуннским племенем; живут около Кавказских гор. Племя это очень многочисленное, разделенное, как полагается, на мно-

го самостоятельных колен. Их начальники издревле вели дружбу одни с римским императором, другие с персидским царем. Из этих властителей каждый обычно посылал своим союзникам известную сумму золота, но не каждый год, а по мере надобности» (*там же*, с. 407).

Еще один сюжет, связанный с савирами, Прокопий поместил в разделе о событиях весны 553 г. Хосрой определенную сумму денег раздал «в качестве подарка гуннам-сабирам, он набрал их большое число...» Вскоре наемники вместе с небольшим отрядом персов вступили в бой с римлянами; он закончился разгромом союзников, понесших большие потери, «пал и начальник сабиров. Около его трупа закипел сильный бой...» (*там же*, с. 432).

Интересную информацию о гуннах-савирах оставил Агафий. «Были у персов также вспомогательные войска из гуннов-савиров. Этот народ, и величайший и многочисленный, весьма жаден и до войны и до грабежа, любит проживать вне дома, на чужой земле, всегда ищет чужого, ради одной только выгоды и надежды на добычу присоединяясь в качестве участника войны и опасностей то к одному, то к другому и превращаясь из друга во врага...» (*Агафий* 1953, с. 116).

«Ашхарацуйц» севернее Чора /«Каспийские ворота»/ «вплоть до моря и западнее его по Кавказу» локализует «царство Хонов /Гуннов/». Восточнее гуннов «живут Савиры до реки Атл» (*Армянские...* 1985, вып. II, с. 18). О гуннах, чьей военной помощью стремились воспользоваться вовлеченные в ирано-византийское противостояние страны, упомянул Себеос.

С этнографической карты Кавказа савиры исчезают во второй половине VI в., когда они были ассимилированы новой волной тюркских племен, в результате чего сложился хазарский этнос. Среди ассимилированных племен были и басилы /барсилии/, баладжар, часть маскутов и др. Басилы несколько раз упоминаются Мовсесом Хоренаци; однако информация о них в армянских источниках достаточно туманна. Как полагал А.П. Новосельцев, эти свидетельства говорят лишь о том, что в Армении знали о басилах. В «Ашхарацуйц» сильный народ басилов /«амранай баслац азгн»/ помещен на р. Атиль. Михаил Сириец Барсилию назвал страной алан. Исходя из этого, существует предположение, что изначально барсилы/басилы – аланское /иранское/ племя[6], «которое затем было тюркизировано, в Восточном Предкавказье слилось с хазарами, а в Западном – с булгарами» (*Новосельцев* 1990, с. 84).

Здесь же отметим, что один из могущественнейших родов хазар – Ашина – сложился еще в V в. Процесс формирования его привилегий историки связывают с освоением кланом Ашина выплавки железа. Примечательна также и этимология Ашина – «волк» (*Плетнева* 1982, с . 67).

Говоря об этносоциальной карте Северо-Восточного Кавказа в период ВПН, остановимся на ранней истории Табасарана, связанной с историей Кавказской Албании. Насколько известно, первые сведения на эту тему сохранили армянские авторы V в. В описании событий II–III вв.

Фавстос Бузанд рассказал о походе «маскутского царя Санесана» на Армению; в коалиционное войско последнего входили отряды многих этносов Северного Кавказа, в том числе «тавасарпов» (*Армянские*...1985, вып. I, с. 21). Елише /в переводе Р.А. Габриелян/ известна «/страна/ Таваспаров»; он же назвал «все войско Таваспарана горного и равнинного, и крепостной стороны гор» (*там же*, с. 27, 28). Б.М. Алимова и Р.И. Сефербеков (2001, с. 186) предпочли другой вариант перевода: «все войско Таваспарана горного и равнинного и всю крепостную неприступную страну гор». Перевод этого же сюжета академика И.А. Орбели несколько иной: «все войско Таваспарана – с гор и с равнин, и из всех горных укреплений» (*Юзбашян* 2001, с. 253). В «Географии» Анания Ширакаци среди народов, населявших Сарматию, названы «Таваспары», Хундзы /авары/, Дидойцы, Леки, Хновы /одно из племен Южного Дагестана/, Каспии /небольшое племя к югу от р. Самур/ (*Армянские*...1985, вып. II, с. 17).

Ад. Берже к «первобытным обитателям Кавказа» относил лезгин, в античных памятниках и в языках соседних народов известных как леки. Ученый обратил внимание на фрагмент труда Мовсеса Хоренаци, повествующий о битве, «случившейся в царствование армянского царя Баба /370–377 по Р.Х./, в которой был убит царь Леков по имени Шергир» (*Берже* 1858, с. 44–45).

Армянские авторы оставили разрозненные свидетельства о «царях» разных этносов региона. Так, Елише писал об «одиннадцати царях горских» (*Армянские*... 1985, вып. I, с.29). Мовсес Каганкатваци, очевидно, позаимствовав этот сюжет, повторил: «царь» агванский, соединив «с собой 11 горских царей», пошел «войной на народ арийский...» (*там же*, вып. II, с. 27).

О социальной структуре некоторых социумов Северного Кавказа можно судить на основе т.н. «Письма Тансара», отразившего нормы сасанидской номенклатурно-иерархической практики: «И никого, кто не из нашего рода, шахом называть не должно, кроме тех, которые являются правителями пограничных областей и аланов, и областей Запада и Хорезма» (*Гаджиев* 2003, с. 118). В этом смысле показательны сведения арабских авторов /Масуди, Балазури, Ибн Хордадбеха, Ибн ал-Факиха/ о пожаловании Хосровом I /531–579/ титула «шах» владетелям /араб. ед. ч. *малик*/ и предводителям /араб. ед. ч. *каид*/ различных областей Северо-Восточного Кавказа – Ширван-шах, Филан-шах, Табасаран-шах, Лиран-шах, Вахрарзан-шах, Джурджан-шах и др. (*там же*, с. 118–119).

Существует мнение, что на Восточном Кавказе уже в IV в. родовая община уступила место территориальной (*Шихсаидов* 1969, с. 46). Не оспаривая в принципе эту идею, отметим, что веских аргументов для ее признания не приведено.

Вторжение гуннов привело к переменам в этносоциальных процессах населения Дагестана. Захват гуннами Прикаспия резко ограничил жизненно необходимые для горцев контакты и взаимосвязи с равнинной

частью Дагестана. Отстаивая свою независимость, горцы в IV–V вв. соорудили многочисленные укрепленные пункты /Охлинское, Аккентское, Урминское и др./, зачастую прикрывавшие важнейшие пути во внутренний Дагестан /городища Сигитминское, Шамшахар и др./ (*История народов Северного Кавказа...* 1988, с. 96).

Равнины Прикаспийского Дагестана контролировали савиры. Выше мы приводили свидетельство Прокопия о социальной структуре савиров, многочисленного племени, разделявшегося «на множество самостоятельных колен», каждое со своим «начальником» (*Прокопий* 1950, с. 407). Как общество военной иерархии характеризовал савиров Агафий (1953, с. 116–117). В начале VI в. савирами правила могущественная Боарикс – «вдова, под властью которой находились сто тысяч гуннов», союзница Византии. Когда шах Кавад склонил на свою сторону «двух царей других гуннских племен», «царица» Боарикс напала на них, одного – Глениса – убила в сражении, другого – Стирака – захватила в плен и отослала в Константинополь (*История народов Северного Кавказа* 1988, с. 98). Из этого сюжета видно, что у гуннов, в том числе у савиров» было несколько «царей» – скорее всего, вождей отдельных племен или конфедераций.

«Нашествие гуннов существенно перекроило политическую и этническую карту Северного Кавказа. Было уничтожено Боспорское царство, разрушены многие античные города Крыма и Северо-Восточного Причерноморья... Восточное Приазовье стало ареной безраздельного господства кочевников» (*там же*, с. 95). Встречающиеся здесь единичные памятники /Елизаветинский 2-й, Пашковский 1-й могильники/, связываемые с меотами, свидетельствуют об обратном переселении части протоадыгского этноса. Положение адыгских племен еще больше ухудшилось после миграции в конце IV или в начале V вв. из Крыма на Черноморское побережье Тамани готов-тетракситов, вытеснивших керкетов на восток.

В результате в IV–V вв. политическая роль меотов на Северо-Западном Кавказе была настолько подорвана, что их этническое имя в письменных источниках той поры практически не встречается (*там же*).

Под натиском многочисленного врага /гуннов/ аланы, избежавшие истребления или не вовлеченные в ВПН, отступили на юг, главным образом, на правобережье Терека, в верховья Кубани. О резком увеличении плотности населения, связанного с миграцией алан, «свидетельствуют большое число бытовых и погребальных памятников» середины I-го тысячелетия «и увеличение размеров городищ Нижне-Джулатского, Терекского, Хамадиевского, Алханкалинского и др.» (*там же*).

Существенным прорывом в интерпретации соотносимых с аланами археологических памятников может стать их сплошная обработка. В зарубежной археологии разработаны различные методики обработки данных погребальных памятников; с их помощью получены разной степени достоверности результаты по социальной и этнической истории ранних социумов (обзор мнений по данным проблемам см.: *Харке, Савенко* 2000. № 1, 2).

В последнее время аналогичная работа ведется и в отечественной науке. В исследования погребальных объектов активно внедряются компьютерные методы обработки накопившихся данных (*Афанасьев* 1996; *Коробов* 1996, 2003). Применение новых методов анализа археологических материалов приносит определенные результаты при реконструкции этнических и социальных процессов не только у алан, но и у древних и средневековых обществ вообще (*Афанасьев* 1993; *Гуляев* 1993, 1995; *Плетнева* 1993; *Кызласов* 1995; *Статистическая обработка*...1994; 1997 и др.). Один из последних удачных опытов в данной области представляет собой монография Д.С. Коробова (2003). Главным объектом анализа стали параметры погребений и похоронные обряды. На основе новых методик ученый проанализировал материалы более 1000 погребальных комплексов и предложил свое видение эволюции социальных процессов у алан IV–IX вв. Нижняя хронологическая граница совпадает с проникновением в регион новой (гуннской) волны кочевников.

Результатом перемен этнической карты региона в период ВПН можно считать приток ираноязычного населения в район Кисловодска, а также к востоку от Сунжи (*Абрамова* 1997, с. 139). Первый культурно-хронологический этап Мокрой Балки /вторая половина V – первая половина VI вв./ хорошо синхронизируется с гепидскими комплексами (*Афанасьев, Рунич* 2001, с. 38).

Д.С. Коробов на всем Северном Кавказе выделил группу катакомбных погребений III–IV вв. Из 39 выявленных комплексов 25 происходят с территории Кисловодской котловины. По три расположены в Карачаево-Черкесии и Осетии; 5 – в центральной Чечне. Детальный анализ сопровождающего инвентаря мужских погребений Клин-Яра и Мокрой Балки показал их деление по данному параметру на две подгруппы. Предметы вооружения и конского снаряжения в составе мужского набора отмечены в 36% и 27% соответственно. В «элитных» могилах Клин-Яра 3 обращает на себя внимание наличие жертвенной пищи (кости овцы/козы), «что может являться дополнительным аргументом в пользу их более высокого статуса». Кроме этого, для данной группы характерны большие, чем у второй группы, параметры погребений: большая длина и ширина как дромоса, так и камеры. Мужские захоронения первой группы чаще были одиночными; входное отверстие, как правило, закладывалось плитой, затем плотно замазывалось зеленоватой глиной (*Коробов* 2003, с. 182–184).

Женские погребения тех же могильников имели «свою иерархию по представительности состава инвентаря в целом, но специфические наборы, характерные для разных групп женских погребений, не выделяются» (*там же*, с. 184–185).

Из парных погребений /мужчины и женщины/ выделяется катакомба 361 могильника Клин Яр 3, по инвентарю «отнесенная к более высокому рангу». Хотя в целом для каких-либо обоснованных выводов материала недостаточно (*там же*, с. 185).

В то же время отмечены серьезные различия между подкурганными и грунтовыми захоронениями алан III–IV вв. по площади камеры и количеству погребенных: подавляющее большинство погребений в подкурганных катакомбах с очень большими по размеру усыпальницами являются индивидуальными. В случаях, когда удалось установить, погребенные укладывались по центру камеры, имевшей «избыточную» площадь, превышавшую рационально необходимый минимум для погребения /по подсчетам С.Н. Савенко – 0,74–0,86 м²/ в 3–7 раз. Очевидно, одиночные захоронения в подкурганных катакомбах, подготовка которых требовала больших трудовых затрат, принадлежали людям с высоким социальным статусом. Примечательно, что синхронные с подкурганными погребениями одиночные грунтовые захоронения значительно скромнее по размерам усыпальниц – 1–1,5 м². Коллективные захоронения осуществлялись в камерах, площадь которых в расчете на одного человека значительно меньше необходимого минимума – 0,31–0,56 м² (*там же*, с. 177).

Обнаруженные в ходе раскопок на Северном Кавказе монеты позволяют уточнить датировку времени, непосредственно предшествующего появлению аланских комплексов, характерных для первого хронологического этапа (*Афанасьев, Рунич* 2001, с. 38).

Речь идет о материалах Зарагижского II катакомбного могильника в Черекском районе Кабардино-Балкарии, расположенного недалеко от одноименного городища аланского времени. Достаточно большое расстояние /до 25 м/ между отдельными группами катакомб позволили руководителю раскопок – Б.Х. Атабиеву – выделить несколько родовых участков. Центральное место на них занимали катакомбы, камеры которых находились на глубине до 6,5 м; катакомбы отличаются тщательностью отделки стен и сводов камер. Абсолютное большинство могил ограблено /если это не результат обряда обезвреживания/ еще в древности, кости и часть инвентаря выброшены в дромос и устье камер. «Сравнительно богат и разнообразен набор изделий из бронзы, серебра, золота и иных материалов: зеркала, поясные пряжки, фибулы, бляшки, лунницы, подвески-четырнадцатигранники, серьги, бусы и т.д. Оружие представляет комплекс из катакомбы 118, в дромосе которой был выявлен полный костяк коня». Здесь обнаружены фрагменты тонкостенного стеклянного сосуда, короткий меч в ножнах и ножны от второго меча. Деревянная основа обоих ножен украшена золотой фольгой с орнаментом, а наконечники представляют собой массивные фигурные золотые пластины, лицевая поверхность которых украшена перегородчатой инкрустацией в полихромном стиле. С наибольшей долей вероятности могильник может быть связан с сармато-аланским этническим массивом. Предварительная датировка установлена в пределах II–III вв. для подкурганных катакомб и IV–VI вв. для катакомб без наземных признаков (*Атабиев* 1996, с. 16–17).

Аланы, согласно исследованию А.В. Гадло, в конце IV – начале V вв. подразделялись на три группировки: маскуты приморской части Дагес-

тана; аланы-овсы Центрального Кавказа, идентифицируемые с «сорсгами» Приска; басилы /басиани грузинских источников/, жившие в области Басиани на территории современной Балкарии, к западу от Дигории. Исследователь отмечал, что в дальнейшем эта группа населения частично влилась в дигорскую часть осетин, а частично была ассимилирована тюркоязычными предками балкарцев (*Гадло* 1979, с. 50-51, 67–68).

Аланы-маскуты Прикаспийского Дагестана в археологических памятниках представлены катакомбными погребениями IV–V вв. могильника Паласа-сырт. Л.Б. Гмыря (1993, с. 225–228) возникновение этого могильника связывает с появлением в регионе гуннов. Поскольку существует и аланская версия принадлежности могильника, его данные мы используем с долей условности.

Подкурганный могильник Паласа-сырт из памятников катакомбного типа выделяется наличием «большого числа катакомб с параллельным расположением дромоса и камеры, преобладанием одиночных захоронений и другими деталями погребального обряда» (*Коробов* 2003, с. 186). Помимо 58 катакомб здесь же раскопаны 12 подбоев, 6 ям и 14 погребальных сооружений неустановленного типа (*Гмыря* 1993, с. 158).

Детские погребения сопровождались относительно малым количеством инвентаря. Погребения взрослых, напротив, сопровождал относительно многочисленный инвентарь, включая предметы вооружения. Сопоставление мужских и женских могил выявило существенные различия в объеме сопровождаемого инвентаря. Причем мужской набор относительно беден. По данному признаку мужские погребения не дают четкого представления об иерархии индивидуумов. Некоторую информацию дает распределение других деталей погребального обряда. Из трех выделенных групп мужских захоронений первые две отличают большие трудовые затраты, «приложенные к погребальным сооружениям, более представительным по инвентарю» (*Коробов* 2003, с. 188). Не удается четко выделить ранги женщин, похороненных в этом могильнике. В целом, очевидная «бедность» сопровождающего инвентаря не позволяет по данному признаку четко разделить на какие-либо ранги ни мужские, ни женские погребения (*там же*, с. 188).

Интересным памятником алан первой половины I-го тысячелетия является Зильгинское городище, по своим масштабам сопоставимое с городом. Расположенное на равнине недалеко от Владикавказа, оно имело сложную структуру. Вокруг цитадели центрическими полукольцами располагались отделенные друг от друга глубокими рвами части города, имевшие значительный культурный слой. Ближайшими аналогиями данному памятнику являются соседние городища Эльхотово, Брут, Заманкул. «Все это большие поселения с несколькими рвами, мощным слоем, состоящие из нескольких укрепленных частей... они могут быть материальными следами какой-то конфедерации больших родов. Тогда совокупность таких крепостей, скорее всего, была в состоянии контролировать определенную земледельческую территорию и прилегающие к ней

пути». Все городища практически одновременно /в V в./ прекращают свое существование (*Аржанцева, Деопик* 1990, с.66–68).

В 1989 г. около с. Брут раскопан курган V в. с погребением аланского воина эпохи ВПН. Эта находка тем более значима, что по данному периоду археологи располагают ограниченным материалом. Археологических комплексов, характеризующих культуру кочевников середины I-го тысячелетия, мало. Поэтому каждый новый комплекс того времени имеет большое значение. В связи с этим становится очевидной значимость раскопанных у с. Брут Северной Осетии нескольких аланских комплексов. Наибольший интерес вызывает курган 2.

Под насыпью кургана, на уровне древнего горизонта, археологи нашли скопление драгоценных предметов. Катакомба была ограблена в древности. По мнению автора раскопок Т. Габуева (1994, с. 33), «грабители не знали о скоплении драгоценных вещей». Возможно и другое объяснение: рассматриваемое захоронение связано с обрядом обезвреживания погребенных. Данный ритуал обусловлен стремлением соплеменников нейтрализовать «попытки» умершего навредить кому-либо из членов социума. С этой целью последние вскоре после похорон вскрывали могилы, перемещали костяки и сопровождающий инвентарь. К разрушению скелетов «толкал глубоко укоренившийся в течение многих поколений в сознании людей страх перед ушедшими в неизвестный и уже потому вызывающий опасение потусторонний мир» (*Флеров* 2000, с. 12). Конечно, обезвреживанию подвергались не только усопшие, при жизни являвшиеся «носителями исключительно отрицательных качеств». В.С. Флеров присоединился к мнению израильского ученого А. Голана, который на обширном разнообразном материале Азии, Африки, Океании и Сибири пришел к следующему выводу: погребальные обряды «свидетельствуют, что страх перед умершим был сильнее любви к нему. Тем более, что любили покойного ближайшие родичи, а погребальные обычаи вырабатывались не по их воле, но по воле остальных членов общины» (*там же*, с. 15).

Учитывая сказанное, проникновение древних в курган 2 около с. Брут в Северной Осетии скорее связано с обрядом обезвреживания, нежели с грабежом. Среди сопровождающего инвентаря центральное место занимает меч, вокруг которого группировались остальные предметы комплекса – кинжал, рукоять нагайки, распределители ремней, подвеска от меча и др.

Почти все предметы данного комплекса сделаны из тонкого золотого листа (что подтверждает гипотезу о существовании особых мастерских по изготовлению погребального инвентаря) и инкрустированы гранатовыми вставками. Интересен меч с золотыми обкладками ножен /115 см/. Уникальной находкой является кинжал; лицевая сторона ножен и рукояти сделана из золотой фольги, обратная – из серебра. Нагайка представляет собой трубку из серебряной фольги, закрытую золотыми наконечниками с ромбовидными гранатовыми вставками и треугольниками

из зерни. В целом, весь набор предметов указывает на его принадлежность представителю воинского сословия (*там же*, с. 33–34).

Из других археологических данных выделим материалы Мокрой Балки начала второй половины I-го тысячелетия; они указывают на социальное неравенство населения, оставившего данный памятник. Наряду с богатыми захоронениями /1, 10, 15, 17, 18, 20, 28, 39, 40 и др./ встречаются и бедные (*Рунич* 1975, с. 148–149).

Некоторые археологи полагают, что в военной организации алан в период IV–VI вв. произошли важные изменения, главное из которых – «исчезновение тяжеловооруженных всадников – катафрактариев». Перемены в военной организации алан, по мнению ряда археологов, связаны с качественно новым составом войска их противников; если прежде катафрактариям противостояла, в основном, пехота, то с начала ВПН – легковооруженные кочевники. В борьбе с последними атака контосами /длинными копьями/ была, по сути, неэффективной. Схватка с маневренной степной конницей делала абсолютно бесперспективным метод «копейной атаки плотным строем: противник попросту уклонялся от нее и засыпал катафрактариев стрелами – оружием куда более действенным» (*Сланов* 2002, с. 229–230).

На наш взгляд, аргументы в пользу данной точки зрения не выглядят настолько убедительными, чтобы принять ее безоговорочно. Во-первых, в начале н.э. панцирную конницу у алан составляла военная аристократия. Вспомним, например, Тацита, отметившего, что панцири у алан «носят *все вожди и знать*». Приведенное свидетельство указывает на то, что помимо катафрактариев /вождей и знати/, военная организация алан включала в себя и другие подразделения, в том числе и легкую кавалерию. Во-вторых, и в начале н.э., и в середине I-го тысячелетия аланам приходилось сражаться и с конницей, и с пехотой. Так что «качественно новый состав войска противников» не мог стать причиной для изменения структуры войска алан. Катафрактарии относились к элите военной аристократии алан, составляли дружину вождей и какая-то часть панцирной конницы вместе с ними ушла на запад, в Европу и Византию. Тем не менее, в структуре войска оставшихся на Кавказе алан катафрактарии сохранились. Панцирная конница этносов Кавказа упоминается византийскими авторами в описании хода войны с Ираном.

В то же время письменные и археологические памятники указывают на наличие в структуре всего войска той или иной конфедерации алан легковооруженных всадников. Тактика боя последних, конечно, отличалась от тактики катафрактариев. Прокопий в «Истории войн с готами» рассказал о тактике боя «массагетов» /алан/: «Массагеты, бывшие отличными стрелками, посылая свои стрелы в большую толпу врагов, попадали ими почти каждый раз то в одного, то в другого неприятеля... готы, заметив, что у них погибло больше половины, на закате солнца, не зная, что им делать, устремились в бегство. Массагеты, преследуя их, так как они прекрасно умели стрелять из лука даже на полном скаку, все так

же искусно поражали их во время бегства в спину» (*Прокопий* 1950, с. 169). В другом сюжете Прокопий, рассказывая об обстоятельствах гибели «начальника персов Хориана», отметил паническое бегство его подчиненных. «Но тут один из алан, выдающийся смелостью духа и силою тела и исключительно искусно умеющий посылать стрелы той и другой рукой, стал в самом узком месте прохода в лагерь и оказался, сверх ожидания, непреодолимой преградой для наступающих» (*там же*, с. 399).

Социальная структура кавказских алан IV–V вв., помимо археологических данных, реконструируется при помощи античных памятников, свидетельств древнеармянских авторов, грузинских летописей и хроник.

Прокопий повествует об аланском знатном воине по имени Хорсамант, представляя его как одного «из *славнейших* (курсив мой – *Ф.Г.*) телохранителей Велизария, массагет/а/ родом» (*Аланика* 2000, № 1, с. 235). Хорсамант проявил завидную отвагу в одном эпизоде войны римлян с готами. Вскоре после битвы на Нероновом поле римляне, в числе коих находился бесстрашный алан /«с другими семьюдесятью воинами»/, небольшими отрядами преследовали врагов по нескольким направлениям. «Когда они продвинулись далеко по равнине, остальные римляне повернули назад, но Хорсамант один продолжал преследовать их. Увидев это, готы, повернув коней, бросились на него. Он же, ворвавшись в середину и убив копьем одного из лучших воинов, кинулся на других; тогда они, повернув в тыл, вновь бросились бежать». Устыдившись своего неблаговидного, с точки зрения менталитета воинов той поры, поступка, готы перед своим лагерем «вновь решились обратиться против него. Но, испытав то же, что и раньше, потеряв *одного из лучших своих воинов* (курсив мой – *Ф.Г.*), они все также обратились в бегство и остановились не раньше, чем Хорсамант, загнав их в укрепление, не повернул, оставшись один, назад» (*там же*, с. 235–236).

Комментируя данный сюжет, Ю.С. Гаглойти (*там же*, с. 250–251, примеч. 2) высказал предположение об идентичности Хорсаманта упоминаемому в той же работе Хорсоману, одному из «щитоносцев и копьеносцев» Велизария. Обе формы имени имеют надежную осетинскую этимологию (*Абаев* 1949, с. 168).

Прокопий оставил свидетельства о коннице алан, вооруженных «панцирями и другим оружием». Римские военачальники опасались, что не смогут «выдержать наступление аланской конницы» (*Аланика* 2000, № 1, с. 237–238).

Возможно, какое-то влияние на структуру войска алан оказали гунны. Согласно Аммиану Марцеллину, «в бой они бросаются, построившись клином, и издают при этом грозный, завывающий крик. Легкие и подвижные, они вдруг специально рассеиваются и, не выстраиваясь в боевую линию, нападают то там, то здесь, производя страшное убийство. Вследствие их чрезвычайной быстроты никогда не приходилось видеть, чтобы они штурмовали укрепление или грабили вражеский лагерь. Они заслуживают того, чтобы признать их отменными воителями,

потому что издали ведут бой стрелами, снабженными искусно сработанными наконечниками из кости...» (*Аммиан Марцеллин* 1994, с. 492). Аналогичное описание оставил Зосим: «Они совсем не могли и не умели вступать в правильную битву, но, делая объезды, вылазки и в нужном случае отступления, выстрелами из луков с лошадей перебили бесчисленное множество врагов».

Археологические данные о социальной структуре кавказских алан IV–V вв. недостаточно информативны. Античных памятников по проблеме социальной структуры кавказских алан периода ВПН мало. В большей степени сведения по данной проблеме сохранились у древнеармянских авторов, а также в грузинских летописях и хрониках. Самые ранние из последних – труды Джуаншера и Леонтия Мровели – созданы в X и XI вв., что делает их менее ценными по сравнению с армянскими памятниками, созданными в V–VII вв.

Широко известный свод «Картлис цховреба» /буквально: «Жизнь Иберии»; далее – КЦ/ существует в нескольких списках; все они начинаются работой Леонтия «Жизнь картлийских царей», освещавшей древние периоды истории до VIII в. Джуаншер в качестве источников для своей работы «Жизнь Вахтанга Горгасала» использовал местные хроники и некоторые персидские предания. Наряду с явными преувеличениями и даже фантастическими сообщениями, призванными возвеличить деяния своего героя – царя Грузии – летописный свод приводит интересные сведения по истории Кавказа раннего средневековья.

Ранние сюжеты КЦ получили крайне негативную оценку как дореволюционных, так и советских ученых. Например, по убеждению К.П. Патканова, начальная часть свода «вымышлена одним лицом с предвзятою целью». «На каждом шагу чудовищные анахронизмы следуют за не менее чудовищными противоречиями до такой степени, что в первом отделении хроники едва ли можно встретить хоть один факт, имеющий действительно историческое значение» (*Патканов* 1883, с. 205, 215). В.Ф. Миллер назвал свод «весьма смутным источником», а фрагмент о столкновении Вахтанга Горгасала с «овсами» /аланами/ назвал «пространным повествованием», в котором «на долю исторической истины придется лишь несколько ничтожных крупиц» (*Миллер* 1887, с. 31). В советское время недоверие к начальной части КЦ из-за ее мифологического характера сохранилось. Как отметил академик А.П. Новосельцев, даже грузинская классическая историография признала, что древнегрузинские памятники до VII в. почти не имеют источниковедческой ценности. Сам же академик «за редкими исключениями», воздерживался «от обращения к материалам 'Картлис цховреба' до VII–VIII вв.» (*Новосельцев* 1980, с. 39–40).

Армянские источники V–VIII вв. в описании политической истории Кавказа приводят множество свидетельств о тесных контактах гуннских племен с различными группировками алан. Агафангел сообщает об участии алан и гуннов в походе армянского царя Хосрова против персов.

Фавстос Бузанд «царя» маскутов Санесана назвал «повелителем многочисленных войск гуннов». Фавстос неоднократно причислял к коалиции Санесана «войска гуннов». То же самое отметил и Елише (*Армянские*... 1985, вып. I, с.17, 20, 21, 22, 29). Позднее о союзе алан и гуннов писали Мовсес Каганкатваци, Ананий Ширакаци и др. (*там же*, вып. II, с. 17, 27).

Приведенные данные древнеармянских авторов позволяют считать объективной реальностью существование военно-политических и этнокультурных контактов алан с гуннами (*Гадло* 1979, с. 32–37).

Закавказские памятники применяют в отношении алан различные термины, характеризующие социальную структуру северного соседа в середине I-го тысячелетия. Для того, чтобы определить степень достоверности этих сведений, для начала определим, какое содержание имели привлекаемые термины на исходной почве, т.е. применительно к характеристике общественного строя грузин и армян.

Реальные исторические события середины V в., участниками которых оказались аланы совместно с гуннами, нашли отражение как в армянских, так и в грузинских памятниках раннего средневековья. Речь идет о событиях времени правления в Грузии Вахтанга Горгасала. Исключительно этому периоду грузинской истории посвящен труд Джуаншера. Наряду с целым рядом фантастических и вымышленных сюжетов, этот ранний цикл свода КЦ содержит и рациональное зерно. В частности, Джуаншер описал характерный для всех горцев Кавказа институт *аталычества* – воспитания ребенка из знатной фамилии на стороне, как правило – знатным вассалом. На празднике в честь рождения Вахтанга *спаспет*[7] «Саурмаг с великой мольбой выпросил Вахтанга на воспитание. И царь поручил *спаспету* /курсив *Г.Ц.*/ Саурмагу воспитание Вахтанга и отдал ему своего сына. Ибо был обычай, по которому дети царские росли в домах вельмож» (*Джуаншер* 1986, с. 59). В 7 лет, по хронике, Вахтанг остался без отца, а вскоре умер и его воспитатель – Саурмаг. Новым спаспетом стал Джуаншер.

Еще через три года овсы /аланы/ совершили опустошительный набег, «полонили Картли», с богатой добычей и трехлетней сестрой царя – Мирандухтой – возвратились домой. Последующие 5 лет юный царь воспитывался под присмотром епископа Микаэла.

Когда же юному царю исполнилось 15 лет, он созвал «знатных картлийцев... устроившись в одном из зданий, воссел на высоком престоле. На престоле же восседал *спаспет* Джуаншер и оба епископа, а все прочие *эриставы* /курсив Г.Ц./ расселись по креслам, а тысячники и сотники и прочие воины тут же стояли навытяжку» (*Джуаншер* 1986, с. 61).

Перед нами – описание совета, в котором на престоле, помимо царя, сидели спаспет и два /!/ епископа, что указывает на степень реальной власти Вахтанга. И если *спаспет* /«второй» царь/ в социальной структуре древней Грузии давно /по всей вероятности, с начала н.э./ играл весьма важную роль, то присутствие рядом с царем двух епископов свидетельствует о возросшем влиянии духовенства на внутреннюю жизнь сопле-

менников. Исследования грузинских историков показали, что «у Вахтанга была значительная оппозиция и в церковных кругах». Более того, шатбердская редакция хроники «Обращение Картли» приводит весьма красноречивый пример об отношениях царя с церковными владыками: «архиепископом был *Микаэл*, и он *ударил ногой в лицо Вахтанга* (курсив мой – *Ф.Г.*)» (*Очерки*...1988, т. II, с. 64). В «Жизни Вахтанга Горгасала» этот случай передан иначе: «Прибыл царь и спешился, чтобы приложиться к стопам епископа, но тот брыкнул ногой и каблуком обуви ударил государю в уста и выбил ему зуб» (*Джуаншер* 1988, с. 90). И это при том, что в детские годы «Вахтанг рос и научался у епископа Микаэла всей премудрости божией» (*там же*, с. 61). Микаэл «проклял царя вместе со всем его войском» (*Очерки*...1988, т. II, с.64).

Возвращаясь к совету, проводимому Вахтангом перед походом на овсов, обратим внимание на участие в нем военной знати разных степеней /тысячников и сотников/. Но особенно примечательно присутствие в зале рядовых воинов. В целом нарисованная Джуаншером картина заседания скорее напоминает собрание общества эпохи военно-иерархических структур, нежели «царства» в полном смысле этого термина. Об этом же свидетельствует ремарка самого Вахтанга: «От предков моих вы познали великие милости, вы – *стоящие на вершине правления*. Но коль господь пошлет нам жизнь, *я одарю вас добром и знатностью, каких не ведали вы от предков моих* (курсив мой – *Ф.Г.*)» (*Джуаншер* 1986, с. 61–62).

Последний сюжет Г.В. Цулая ранее перевел иначе: «Я одарю вас благодеяниями и знатностью, каких не знали от отца моего» (*Мровели* 1979, с. 81).

Не менее показательна речь спаспета Джуаншера. Обращаясь к царю, он сказал: «Ты был юн и не по силам тебе было воевать и предводительствовать воинством и наводить порядок в царстве твоем. Ныне же, государь... недостает тебе покуда полноты лет для дел ратных... ты уже в силах править царством; время же для дел ратных и предводительства воинством тебе не приспело. Таково мнение мое... избери из нас предводителя войска нашего и вручи нас тому, кому да будем мы послушны... Ты же будь в доме твоем и правь царством... Так говорил спаспет Джуаншер и *все знатные эриставы поддержали его* (курсив мой – *Ф.Г.*)» (Джуаншер, 1986, с. 62–63).

Тот же ответ в другой версии перевода Г.В. Цулая: «Государь... не полон в тебе покуда опыт воинства. Но вижу я премудрость твою: несмотря на свои юные лета, ты в силах править царством, но время для дел ратных и предводительства воинством тебе не приспело... избери из нас предводителя войска нашего... Ты же будь дома и правь царством» (*Мровели* 1979, с. 81–82)

В приведенном коротком отрывке речи, приписываемой древнегрузинским историком *спаспету* /«второму царю»!/, бросается в глаза настойчивое предложение /граничащее с завуалированным требованием/ Вахтангу функции военного руководства предоставить военным арис-

тократам, т.к. царь был еще слишком «юн и не по силам /ему/ воевать и предводительствовать воинством»; тут же вновь: «Недостаст тебе покуда полноты лет для дел ратных»; следом вновь та же мысль: «Время для дел ратных и предводительства воинством тебе не приспело». Закономерно предложение Вахтангу: «Избери из нас предводителя войска нашего». Интересно, что «*все знатные эриставы*» поддержали спаспета. Формальным основанием для такого шага военной элиты была юность царя. На этом фоне неожиданной представляется другая мысль спаспета: «Государь, исполнен ты мудрости, силы, отваги и стати... вижу я премудрость твою: пусть юн ты летами, ты уже в силах править царством». Получается, что несмотря на наличие «*мудрости, силы, отваги и стати*», царь слишком юн и неопытен для военных дел, но той же мудрости и тех лет ему хватает для управления государством.

Независимо от желания одного из первых авторов средневековой грузинской литературы, перед нами очевидный конфликт между царем и военной аристократией. Ко времени жизни историка Джуаншера термин *спаспет* уже исчез из социальной терминологии грузин. Из слов самого автора разбираемого источника следует, что он не понимал сути термина и принял его за почетное звание царского воспитателя (*Джуаншер* 1986, с. 111, примеч. 20). Точно так же Джуаншер, не ведая об институте «второго царя» в древней Грузии, невольно привел данные, свидетельствующие о его наличии в Грузии времен Вахтанга.

В связи с рассматриваемым вопросом интересно существование у Вахтанга своего рода дружины из аланских юношей. Очевидно, не случайно он носил прозвище *Горгасал* – «Волчья голова». По свидетельству летописца, «Вахтанг соорудил себе шлем из золота и изобразил спереди волка» (*Джауншер* 1986. С. 81). Да и имя царя – Вахтанг – восходит к ираноязычной основе в значении «имеющий волчье тело» (*Абаев* 1949, с. 87). В результате в сочетании с прозвищем царя получается нечто несуразное – «имеющий волчье тело – волчья голова». Логичным представляется предположение Р.Г. Дзаттиаты о том, что Вахтанг возглавлял дружину «волков». Поэтому его прозвище означало не «волчья голова», а «глава волков» (*Дзаттиаты* 1995, с. 102).

Если данное предположение верно, то наличие аланской дружины у Вахтанга можно объяснить борьбой между царем и военной аристократией.

В речи спаспета обратим внимание еще на один социальный термин – *мквидри*, Г.В. Цулая условно переведенный как «подлинные картлийцы» (*Джауншер* 1986, с. 115, примеч. 39). Этим словом обозначали «коренного жителя, точнее, очевидно, полноправного крестьянина, члена общины». Как показал А.П. Новосельцев, в библейских текстах на грузинском языке данный термин «весьма част, с ним связано право на определенное достояние, наследование имущества». В грузинской версии Евангелия от Матфея «*мквидри* передает греческое «клэрономос» /в армянском стоит «жаранг» – «наследник», «владелец имущества, перешедшего

по наследству»/. Это слово «используется и в ранних оригинальных памятниках». В «Мокцевай Картлисай» данным термином назывались свободные жители Тбилиси. «Получается, что даже в Картли VIII–IX вв. мквидри – это свободное население, хотя у нас нет сведений о его численности и социальной роли». В ранних памятниках носители термина противостоят разным категориям зависимого населения. «В общем, вряд ли есть основание отрицать, что в Картли даже в IX в. мог существовать еще довольно обширный слой свободного населения...» (*Новосельцев* 1990, с. 190).

И, наконец, о термине «царь». Его содержание в какой-то мере раскрывается в речи самого Вахтанга: «Над *царями* (курсив мой – *Ф.Г.*) и людом нашим нависла беда...» (*Джуаншер* 1986, с. 61). Комментируя данный сюжет, Г.В. Цулая отметил: «Так в оригинале». Объясняется это тем, что грузинское *мепе* – «царь» – при всей его определенности, «термин многозначный. В условиях политической раздробленности, исторические реалии которой пережиточно сохранились и впоследствии, каждая феодальная единица могла считаться царством» (*там же*, с. 114–115, примеч. 37). Но, если источник одним и тем же термином *мепе* называет и владельцев отдельных уделов и главу Грузии, то почему и в чем Вахтанг отличался от удельных «царей»? Четкого ответа на этот вопрос пока нет.

В описании столкновения грузинских и аланских войск упоминаются «все цари кавкасионов », «цари /во множественном числе/ овсетские», *бумберазы* и *голиафы* – эпитеты в отношении богатырей, один из которых, алан по происхождению, назван Тарханом / восходит к одноименному скифскому со значением «судья», «лицо, свободное от налогов»/, *исполин Бакатар* (*Джуаншер* 1986, с. 63, 64, 65, 67). Г.В. Цулая не без основания полагает, что в данном случае «Бакатар, вероятно, лицо историческое». Следует отметить, что термин Бакатар не является, строго говоря, антропонимом, скорее всего – это «нарицательное прозвище /типа «кесарь», «эмир» и т.п./». Об этом свидетельствует «сообщение арабского историка Кудамы /ум. 948 г./, что 'царь Алланов называется *багаир*. Имя это принадлежит всякому, кто у них царем'» (*Джуаншер* 1986, с. 116–117, примеч. 53).

Приведенный выше эпизод из работы Джуаншера изложен и в труде Леонтия Мровели. Леонтием названы «бумберазы», «голиафы», «всадники, одетые в панцири и железные шлемы», «избранные», «знатные» и «тяжеловооруженные всадники». Интересно и то, что Вахтанг «оседлал облаченного в панцирь коня» (*Мровели* 1979, с. 84–85).

Из приведенных данных можно признать наличие у алан различных групп /сословий?/ военной знати. А за «царями» овскими скорее всего скрывались главы племен, союзов племен /«мирные» вожди/ и военные вожди.

Что касается войны овсов с Вахтангом Горгасалом, то, как показали Г.В. Цулая (*Мровели* 1979, с. 88–89) и А.В. Гадло (1979, с. 45–48), этот

сюжет отражает реальный поход не овсов /хотя участие какого-то отряда алан представляется вполне вероятным/, а гуннов.

Социальная структура аланских социумов гораздо полнее представлена в работах армянских историков V в. Так, в памятнике агиографической литературы «Мученичество Воскянов» повествуется о принятии христианства частью высшей знати алан, отправившейся в Армению в свадебном поезде Сатиник, вышедшей замуж за Арташеса. Через 44 года все они были перебиты «сородичами», прибывшими из Аланского царства. Из того же источника следует, что позднее Григорий Просветитель на месте погребения алан построил часовню. «Это говорит о признании этих мучеников истинными христианами и о том уважении, которого удостаивались аланские мученики армянской церковью» (*Габриелян* 1989, с. 50).

В анализируемом и других источниках /«Мученичество Сукиасянов», «История Армении» Мовсеса Хоренаци и др./ упоминаются «цари» алан начала н.э. Однако аланские «цари» упоминаются во множественном числе даже в описаниях одного и того же социума, что свидетельствует о довольно широком спектре содержания данного социального термина.

Конечно, часть материалов, помещенных армянскими авторами в описании событий первых веков н.э., навеяна реалиями более позднего времени, в частности – эпохи ВПН. В источнике того же V в. – арабской версии Агафангела – приводится письмо «царя Трдата» царю абхазов, «царю грузин, письма царю алан», в которых он призвал их прийти к нему поскорее. «И как только прибыли письма, пришли к нему три царя: царь абхазский, царь грузинский и царь аланский и вместе с ними собрание князей» (*там же*, с. 50–51).

В другом фрагменте памятника говорится о том, что Трдат взял свою жену – аланку Ашхен – «свою сестру Кусарадухту, царя грузин, царя русов, царя аланов, начальников своих, князей и властителей народов и они вышли навстречу святому Григорию и приветствовали его и святого Петра» (*там же*, с. 52). В данном случае источник в один ряд ставит «царей» армян, грузин, русов /?/ и алан, располагая их выше «начальников своих, князей и владетелей народов».

В еще одном сюжете описан процесс крещения кавказских народов: «Число их было триста семьдесят тысяч, царь Тирдат, царь абхазов, царь алан и все князья, и главы народов и племен, и все их подвластные и множество слуг, мужчины, женщины». Святой Григорий, ставший католикосом всей Армении, рассылал епископов «по всей Армянской земле, и в Грузию, и в страну 'Д-р-з-к-й-т', и к аланам». Армянские исследователи полагают, что миссионеры были направлены именно к аланам, располагавшимся на Центральном Кавказе, в районе Дарьяла, рядом с «дурдзуками», предками вайнахов (*там же*, с. 53).

Сравнивая характер общественного строя дарьяльских алан начала н.э. и периода ВПН, можно заметить определенную разницу. Если в начале н.э. аланы Ардоза /Владикавказской равнины/ состояли из отдельных племен /см. предыдущую главу/, то к середине I тысячелетия восточ-

ные аланы стали относительно консолидированной общностью, во главе которой стоял один «царь» /скорее всего, вождь конфедерации восточных алан/. Именно поэтому главу дарьяльских алан армянские источники ставят в один ряд с собственным царем, царями абхазов, грузин; и выше «начальников своих, князей и владетелей народов».

В V в. армяне в борьбе с иранской агрессией неоднократно получали помощь от алан и гуннов. В то же время другие отряды алан и гуннов воевали против Византии. Это вынудило Иран, а также Византию, заняться строительством укреплений в районе Дербента и в районе Дарьяла. Опираясь на Табари, Н.В. Пигулевская отметила в этой связи: Пероз в области «Сул и алан» воздвиг «каменное крепостное сооружение, Хосров еще укрепил его, причем воздвигаемые им укрепления он строил из камня, которые были выломаны в области Гурган». Пероз от Византии требовал «помощи как для защиты кавказской границы, так и для войны с кидаритами, которые были угрозой не только иранским землям, но и азиатским провинциям Византии» (*Пигулевская* 1941, с. 44, 54).

Об этих же событиях сообщается в «Истории халифов» Гевонда, одного из видных представителей армянской историографии VIII в. М. Абегян, которого поддержала Р. Габриелян, полагал, что свой труд Гевонд «написал по велению князя Шапуха Багратуни. Кто был этот князь – неизвестно». В «Истории халифов» заметны следы работ Агафангела, ранних житий; Гевонд использовал и «немного письменных источников» (*Армянские...* 1985, вып. II, с. 12).

Строительство Ираном и Византией укреплений у проходов в Дербенте и Дарьяле Гевонд связывает со временем Иездигерда II /438–457 гг./. Причем, одно укрепление будто бы возвели римские мастера и на нем сохранилась надпись императора Маркиана /450–457 гг./. «При разрушении крепостных стен, – отмечал Гевонд, – они нашли огромный камень, лежавший на основании их, на котором начертана была надпись следующего содержания: «Маркиан, самодержавный император, выстроил город и твердыню, истратив на то множество талантов из сокровищ своих» (*Габриелян* 1989, с. 80–81).

На наш взгляд, столь серьезное участие Византии связано не только со стратегическими целями. Маркиан, как мы постараемся показать ниже, был ставленником аланского клана, занимавшего высшие посты в восточной империи. Пик их могущества приходится на 421–471 гг., а Маркиан, до того как фактически аланы возвели его на престол в 450 г., служил у них офицером. Возможно, византийские аристократы аланского происхождения решили оказать помощь своим кавказским соплеменникам. Отметим в этой связи, что некоторые источники эпохи ВПН связывают появившихся в Западной Европе алан с Кавказом. В частности, Аполлинарий Сидоний /ок. 400–470/ в панегирике в честь Майориана /457–461/ упоминает «алан» и «сарматов», которые «идут за твоими /Майориана – *Ф.Г.*/ орлами; весь Кавказ и тот, кто пьет скифскую воду Танаиса, сражаются за тебя» (*Алеманъ* 2003, с. 115).

Б. Бахрах (1973, P. 33. F. 19) полагал, что в армии Майориана, состоявшей в основном из варваров, находился и аланский контингент. Основанием для этой гипотезы послужило упоминание Сидонием Кавказа и Дона; причем, алан, по мнению американского ученого, возглавлял Беоргар. А. Алемань (2003, с. 115) характеризует эту версию как «необоснованное предположение, хотя такой возможности и нельзя полностью исключать». Интересно и то, что в панегирике Антемию /467–472/ упоминается «вандальское королевство в Африке, которое подняло 'ярость Кавказа'». В датированном 470/1 г. письме Сидония к Пробу, мужу его кузины Евлалии, аланы вновь упоминаются как «сыны Кавказа» (*там же*, с. 116, 117).

Напомним, что античных памятников, рассказывающих о кавказских аланах второй половины IV–V вв., мало. В то же время в трудах римских авторов содержится несравненно большая информация об аланах, в ходе ВПН оказавшихся на Западе и в Византии. Эти материалы в какой-то мере показывают возможные варианты эволюции социальной структуры аланского общества.

В панегирике в честь Феодосия в римском сенате в 379 г. Латин Пакат Дрепаний упомянул алан, охранявших границы Паннонии. А. Алемань предположил, что названные аланы, возможно, «и есть тот самый народ с 'грозного Кавказа', который упоминается» в этом же источнике (*Алемань* 2003, с. 107).

Последний из великих поэтов языческого Рима – александриец Клавдий Клавдиан, в период между 396 и 404 гг. написал множество эпико-исторических сочинений, панегириков и т.д. В некоторых из них аланы представлены как враги Рима /«немирные аланы»/. В стихотворной инвективе против Флавия Руфина, убитого в ноябре 395 г., Клавдиан обвиняет его в сговоре с варварами: «Смешавшись с даками, спускается сармат, и смелый массагет, который ранит скакуна, чтобы наполнить чашу [его кровью], и алан, изрубленную пьющий Меотиду» (*там же*, с. 83).

В других произведениях Клавдиана аланы предстают как союзники римлян. В поэме, посвященной битве Флавия Стилихона, «верховного главнокомандующего Запада», Клавдиан отвел «выдающуюся роль» аланским войскам [«быстрым всадникам»]: «Повинуясь нашей власти, шел алан... обученный славным [вождем] аланского племени, которому природа дала малый рост, но великую отвагу, и окрасила глаза страшным гневом. Все его тело было покрыто ранами, и слава сияла еще более гордо на обезображенном копьями лице» (*там же*, с. 85).

Павлин Пеллейский (ок. 376–460 гг.) в своем «Благодарении Богу» рассказал об одном из «аланских царей». В результате вторжения варваров Павлин, потеряв собственность в Аквитании, вынужден был со своей семьей искать убежища в родном городе – Вазате. Когда город осадили визиготы, Павлин заключил соглашение со своим давним другом – аланским царем /по словам Павлина, он искал «помощи царя, прежде мне дружественного»/, оказавшимся среди осаждавших. Алан, «муж бла-

горазумный», в свою очередь, попросил предоставить убежище для своих соплеменников, «ибо он давно уже стремился освободиться из-под готского владычества». Ночью аланы перешли на сторону римлян: «Сбегается со всех сторон все множество аланских женщин вместе с вооруженными мужьями. Первой выдается заложницей римлянам жена царя, а за ней вслед также любимый сын царя» (*там же*, с. 110–111).

Трудно точно назвать численность алан, в ходе великого переселения народов оказавшихся в Западной Европе. Учитывая наличие среди убитых «варваров» женских трупов, можно предположить, что «происходило переселение целых племен» (*Колосовская* 2000, с. 106). Напомним, что Павлин из Пелле в сюжете об осаде Вазата гото-аланским войском прямо указал: «толпа *аланок* вместе с вооруженными *мужьями*» /turba Alanorum armatis sociata maritis/ (*Перевалов* 2000а, с. 18; *см. также* Лебединский, 2003, с. 111–13). По предположению Г.-И. Диснера, «вандало-аланские воины должны были также обеспечивать безопасность собственного обоза, то есть экскортировать по меньшей мере 60 000 женщин, детей, рабов и перебежчиков вместе со скотом и транспортными средствами» (*Диснер* 2002, с. 61). В зарубежной историографии количество алан, вандалов и свебов, перешедших в Испанию в 409 г., определяется «по меньшей мере, в 200 000». В 411 г. только в Лузитании насчитывалось 30 000 алан. От 70 до 300 тысяч «варваров было у Athaulf'a, по крайней мере, один контингент из которых был аланским» (*Littleton, Malkor* 2000, P. 228, F. 61).

Катафрактарии алан на долгие годы стали образцом военной мощи. Отмечая это, Ф. Кардини пишет по этому поводу: «На протяжении нескольких столетий человек Запада будет испытывать восхищение и страх при виде князей войны, восседающих на крупных и сильных животных». Отношение к средневековому рыцарю формировалось на признании конного воина символом героико-сакральных ценностей, прежде всего связанных с победой над силами зла. В итоге рыцарь воспринимался как «воин, обладающий авторитетом, который он снискал себе благодаря отличной воинской выучке и тому, что принадлежал к группе избранных» (*Кардини* 2000, с. 35, 37).

Военный талант и мастерство аланской знати привлекли внимание римских и византийских императоров, вождей германских и других «варварских» племен, стремившихся использовать их профессиональные качества в своих интересах. Аланские дружины оказали настолько большое впечатление на императора Грациана, что он «предпочитал старому римскому войску небольшие отряды аланов, которых привлекал на свою службу за очень большие деньги, и настолько увлекался общением с варварами и чуть ли не дружбой с ними, что иногда даже выступал /в народе/ в варварском одеянии» (*Секст Аврелий Виктор* 1997 а, с. 160).

Появление катафрактариев в римской армии относится ко II в. н.э. Правда, контингент римских катафрактариев даже в IV в. оставался небольшим. *Notitia dignitatum* /«Табель достоинств»/ говорит о *catafractarii*

и *lanciarii*, очевидно являвшихся *contarii*, т.е. воинами, вооруженными тяжелыми копьями, у греков называвшихся *kontos*, а в латинском – *contus*. Недостатки тяжелой панцирной конницы являлись продолжением ее достоинств. Наибольший эффект атака катафрактариев имела при мгновенном, сокрушительном ударе в глубину расположения пехотных войск. Под тяжестью закованного в латы всадника, имевшего к тому же тяжелое оружие, никакая лошадь не выдержала бы марш-броска более 200–250 метров. Катафрактарий представлял опасность, пока он в седле. Как показали исследования западных историков, римские военные теоретики не понимали /за, пожалуй, единственным исключением анонимного автора *De rebus bellicis*, сочинения конца IV в./, что эффективность тяжелой кавалерии не в вооружении, как таковом, а в тактике ее применения. Не следует исключать и чисто психологический эффект, вызванный у противника самим фактом появления бронированного «чудовища». Атака всего нескольких катафрактариев вызывала панику в стане неприятеля (*Кардини* 2000, с. 155–157, 159).

Аланская аристократия достаточно легко приспосабливалась к новым обстоятельствам и внедрялась в чуждые этносоциальные организмы.

Евтропий в «Краткой истории от основания Города» рассказал о первом римском императоре – Максимине /235–238 гг./, «вступившим на престол исключительно по желанию воинов и без позволения сената» (*Евтропий* 1997, с. 59). Ему вторил Секст Аврелий Виктор (1997, с. 100–101): «Гай Юлий Максимин, начальник рекрутских наборов, первым из простых солдат и совсем почти необразованный, получил власть по выбору легионов». Его сын – Гай Юлий Максимин – «был сделан цезарем». Юлий Капитолин в одном из фрагментов «Истории Августов» указал на происхождение матери Максимина – «из племени алан» */ex Alanis genitus/*, а имя ее – Габаба. Интересно и указание Капитолина на то, что Максимин «приобрел себе земельные владения во Фракии, в том поселке, откуда он был родом...» (см.: *Буданова* 1999, с. 100–101).

О.В. Кудрявцеву рассказ о гото-аланском происхождении Максимина Фракийца представлялся вольной композицией, хотя он отмечал принадлежность родителей Максимина «к какому-то чуждому собственно фракийцам этническому элементу». Возражая, Ю.К. Колосовская подчеркнула интересную деталь рассказа биографа императора, не назвавшего отца Максимина готом, а лишь указавшего, что он был родом из страны готов /e Gothia genitus/, «в то время как о матери он прямо сказал, что она происходит из племени аланов /ex Alanis/». Иордан отца Максимина прямо называет готом /in Thracia natus, a patre Gotho/. «Происхождение матери Максимина Фракийца из племени алан вполне возможно, так как этот союз племен, выступивший из Закавказья и причерноморских степей, назван в числе народов, нападавших на дунайский лимес» (*Колосовская* 2000, с. 133–134).

Аммиан Марцеллин в рассказе о событиях 363 г. сообщает о сармате Викторе, вместе с Дагалайфом командовавшем арьергардом Юлиана. В

другом месте сармат назван «командиром по имени Виктор». Он же отличился в одном из сражений с персами. «Смешавшись с рядами бегущих (персов – *Ф.Г.*), наши (римляне – *Ф.Г.*) солдаты могли бы пройти через вход в крепость, но командир Виктор удержал их, подняв руки и возвышая голос. Сам он был ранен стрелой в плечо и опасался, что если, вырвавшись вперед, наши люди в беспорядке ворвутся внутрь стен и окажутся отрезанными от своих, то множество неприятелей легко сможет их подавить». Возможно, об этом же военном аристократе идет речь и в следующем фрагменте: «император Валент... отправил в Персию магистра конницы Виктора»; на сей раз он представлен в роли дипломата, который должен был заключить «соглашение относительно Армении» (*Аммиан Марцеллин* 1994, с. 304, 314, 321, 502).

Не менее впечатляюща карьера аланского семейства в Византии во второй трети V в. Восточно-римские историки Кандид Исавр, Приск, Прокопий Кесарийский, Феофан и другие неоднократно приводят сведения об аланских предводителях гото-аланских дружин, в ходе великого переселения народов оказавшихся в Византии и на протяжении полувека определявших ход ее истории.

Ардабур (*ард* «божество», «клятва» + *бира* «много» – *Абаев* 1949, с.155–156) благодаря незаурядным личным качествам, военному таланту и стечению обстоятельств – борьбе за престол в Константинополе между сыном Феодосия I Аркадием и галло-римским военачальником Руфином – стал одним из командующих римской армии. Нанятый Руфином для защиты столицы Ардабур быстро дослужился до *магистра*; этим термином обозначался высший византийский военный чин. На берегах Евфрата Ардабур одержал блестящую победу, уничтожив персидскую гвардию, чьи воины громко именовались «бессмертными». Военный успех был настолько значим, что по этому поводу 3 сентября 421 г. в Константинополе устроили пышные торжества. К этому времени уже подрос и возмужал *Аспар* – сын Ардабура от брака с дочерью знатного гота Плинты. В 427 г. за успешно проведенную кампанию против узурпатора Рима Иоанна Ардабур произведен в консулы (*Гутнов* 1995, с. 53–54). Здесь же отметим, что Аспар стремился к укреплению своих позиций и через брачные союзы. Одной из его жен стала родственница Триария – представителя правящего рода готов Амалов. Она родила Аспару сына, носившего имя Эрманарих /Германарих/ – «самый благородный из Амалов» (*Вольфрам* 2003, с. 56).

Образованное в 429 г. в Северной Африке вандало-аланское королевство доставляло немало неприятностей Риму. 15-тысячная армия «варваров» совершила стремительные походы в Испанию, Грецию, Сардинию, Сицилию, Венецию и другие владения империи. Для устранения этой опасности в 432 г. был послан Аспар. Константин Багрянородный (1989, с. 94, 95) позднее так описывал эти события: «Когда умер Готфарий, самодержцем вандалов стал Гизерих, Бонифаций же, получив послание, выступил против вандалов, после того, как к нему прибыло боль-

шое войско из Рима и Византии во главе с Аспаром. В состоявшемся сражении с Гизерихом войско римлян было наголову разбито... Тогда Маркиан, бывший воином на службе у Аспара, а впоследствии василевсом, был живым взят в плен Гизерихом».

Евагрий Схоластик уточнил: «Маркиан, родом фракиец, был сыном военного мужа... когда он вместе с Аспаром пошел войной против вандалов и когда он был взят на копье со многими другими после жестокого поражения Аспара от вандалов», его привели к Гизериху, который, будто бы, стал невольным свидетелем странного события: «Орел, спустившийся из поднебесья и совершая полет вертикально солнцу, стал искусно создавать /для Маркиана/ зонт наподобие облака и тем самым прохладу; удивившись, Гизерих прозорливо истолковал будущее и, призвав Маркиана, освободил его из плена». Во время этого похода Маркиан был секретарем и доверенным лицом (*domesticus*) Аспара (*Евагрий* 1999, с. 180–181). Этот же рассказ повторил Прокопий Кесарийский (1993, с.185–186).

Аспар, между тем, продолжал продвигаться по служебной лестнице; в 434 г. он стал консулом. В 447 г. в консулы произведен сын Аспара Ардабур, названный в честь деда. В 450 г. после смерти Феодосия II сенат Константинополя предложил Аспару императорский престол. Но он отказался, предложив своего близкого человека, офицера Маркиана. Непомерная власть Аспара еще более возросла в последние годы правления Маркиана. Благодарный император наградил Аспара и его сына Ардабура саном *патриция* и назначил *магистром* армии.

После смерти Маркиана 26 января 457 г. реальная власть оказалась в руках Аспара. Однако, учитывая свое происхождение и религию, он не отважился на захват престола и посадил на трон другого своего офицера – Льва (457–474 гг.). Могущество аланского клана было серьезно подорвано в 471 г., когда по приказу Льва были убиты Аспар и Ардабур (*Иордан* 1960, с. 113). Раненому Патрицию и Германариху, младшим сыновьям Аспара, удалось бежать. Тем не менее, потомки Аспара продолжали играть заметную роль в политической жизни Византии. В период правления Анастасия (491–518 гг.) в войне с персами отличились сразу трое представителей аланского рода: внук Аспара Патрикиол с сыном Виталианом и правнук Аспара Арсобинд. Последний в 506 г. избран консулом (*Гутнов* 1995, с. 57–58). Отметим также, что в греческих документах из Египта V–VI вв. встречается антропоним *Ардабур* и его варианты; некоторые западные специалисты сопоставляют вторую часть имени с древнеперсидским термином *shpwhry /Sabur/* «сын царя» (*Алеманъ* 2003, с. 164).

Заметна роль военной аристократии алан и в других социумах Запада (*Bleichsteiner* 1918). В последний день 406 г. огромная орда вандалов, свебов и алан форсировала Рейн в районе Майнца и вторглась в римскую Галлию. Здесь они встретили племена франков, занимавших поселения на левом берегу Рейна. По мнению Ф. Тордарсона, имеются основания считать, что появившиеся здесь аланы, ведомые Гоаром и Респенди-

алом, прежде занимали большей частью пространство между Каспием и Понтом, а также дунайские земли. На Западе аланы, возглавляемые Респендиалом, стали союзниками вандалов и свебов; тогда как другие аланы во главе с вождем Гоаром стали союзниками Рима. Спустя несколько лет, в 412 г., Гоар вмешался в политические процессы римской Галлии, приняв участие в широко известной истории с Иовином. В 440 г. источники называют Гоара «королем алан» /kings of the Alans/. В 550 г. его наследник Сангибан, другой аланский вождь, со своими воинами сражался на стороне римлян в битве на Каталаунских полях 451 г. Аланы внесли свою лепту в разгром гуннов и спасли Римскую империю от нависшей угрозы. Однако около 460 г. «королевство алан» с центром в Орлеане было разгромлено франками и исчезло со страниц истории как отдельная этническая группа и политическая сила (*Thordarson* 1998, P. 484–485; *см. также* Лебединский, 2003, с. 109–120).

В гото-аланском союзе[8] знать последних играла важную роль. Однако в этом союзе на «королевский» престол они не претендовали. После того, как Эрманарих покончил жизнь самоубийством из-за поражения от гуннов /поступок «короля» носил, очевидно, ритуальный характер/, и гибели его преемника, часть остроготов подчинилась победителям. Другая часть во главе с дуксом некоролевского происхождения – Алатеем – объединилась в конфедерацию племен вместе с аланскими и гуннскими контингентами. Причем дукс опекал законного наследника «королевской» власти – маленького ребенка из рода Амалов. Интересно, что ни Алатей, ни «его аланский союзник Сафрак не стали королями, несмотря на спасение короля, на их решительные действия при Адрианополе, на занятие Паннонии» (*Вольфрам* 2003, с. 169). Согласно Иордану, Алатей, Сафрак и Фритигерн – дуксы одного уровня, которые вместо «королей» правили готами (*там же*, с. 174, примеч. 8).

Римские памятники под 439 г. помещают сообщение о предоставлении Аэцием «аланам с их вождем Самбидой места для поселения в Норбоннской Галлии, а в 441 и 442 годах земли во 'внутренней' Галлии». Называя в этом случае предводителя алан «вождем», в другом месте источники упоминают алан «с их царем Эохаром во главе» (*Кулаковский* 2000, с. 106–107). Интересна характеристика, данная римлянами Эохару – «свирепейшему царю алан; тот загорелся страстью и свойственной варварам алчностью»; «царь-идолопоклонник» находился во главе «воинственнейшего племени» /«Eochari ferocissimo Alanorum regi, loca illa inclinanda pro rebellions praesumptione permiserat; quae ille aviditate barbaricae cupiditatis inhiaverat. Itaque genti bellicosissemae, regique idolorum ministro objicitur sentx unus»/. В его войске выделяется «железная конница»; сам он – «облаченный в доспехи вождь», окруженный «своей дружиной», «свирепейший царь», вместе с тем уважавший /до «восхищения»/, в том числе и в противнике, «стойкость», «величие», «твердость духа». В поэтическом изложении жития святого Германа Осерского Эохар назван «belua crudelior omni /жестокосерднее любого зверя/» (*там же*, с. 108–110).

Констанций, автор жизнеописания св. Германа, в другом сюжете вновь упоминает «облаченного в доспехи вождя, окруженного своей дружиной». Во время переговоров со священником Эохар пользовался переводчиком /*interpres*/; очевидно, алан не знал латинского. Интересно и то, что «свирепейший король», потрясенный мужеством старца, «вместо ярости чувствует восхищение, поражается стойкости, почитает величие, тронут твердостью духа» (*Алеманъ* 2003, с. 87, 89).

Античные источники сообщают о вандало-аланском королевстве. В хронике «*Continuato chronicurum Hieronymianorum*» епископа Гидация сообщается, что «аланы, вандалы и свевы вторглись в Испанию в 447 г. эры /испанской, т.е. в 409 н.э. – А.А./. Одни называют 4-й день до коленд, другие – 3-й день до октябрьских ид, во вторник, в восьмое консульство Гонория и третье Феодосия, сына Аркадия». В другом фрагменте говорится, что в 411 г., «когда испанские провинции были опустошены... чумой, варвары, милостью божьей придя к соглашению, разделили по жребию территории этих провинций...Аланы получили по жребию Лузитанию и Карфагенскую провинцию». Интересен и другой сюжет данной хроники. В 418 г. «аланы, которые властвовали над вандалами и свевами, до такой степени были порублены готами, что после гибели своего царя Аддака те немногие, что уцелели, ввиду того, что имя их царства было уничтожено, отдались под покровительство вандальского царя Гундериха, который обосновался в Галлеции». Алан Аддак упоминается также в описании войны с Валлией. А. Алеманъ полагает, что владения алан «состояли из центральных районов Пиренейского полуострова, между реками Дуэро и Гвадалквивир... и были обширнее владений других варваров, над которыми они имели несомненное превосходство; только они, реально занимая две римские провинции, вероятно, могли стать, если бы не визиготы, стабильным царством» (*там же*, с. 93–94, 96).

Самое раннее упоминание титула «короля/царя» вандалов и алан /«rex Wandalorum et Alanorum»/ содержится в добавлении к *codex Alkobaciensis* в конце Проспероной хроники. Этот труд африканского книжника датируется 455 г. и вместе с сочинением Проспера составляет т.н. *Chronicon integrum*. В кратком сообщении под тем же годом упоминается Гейзерих /428–477/ «rex Wandalorum et Alanorum», правивший «еще в течение 21 года после смерти императора Валентиана» (*там же*, с. 65).

Некоторые европейские ученые полагают, что «король» вандалов и алан «обладал высшей властью над обоими племенами, которые и являлись действительными носителями государственного суверенитета. В соответствии с античной мыслью, государство и представляющие государство слои неразделимы, по крайней мере, в теории». Однако в реальной практике «римские представления постоянно сталкивались с германским образом мышления». Различия отмечены, например, во внешних атрибутах власти. Король вандалов «носил нагрудный панцирь и военный плащ, а также – как знак суверенитета – диадему. О знаках царского до-

стоинства вроде жезла и короны до сих пор ничего не известно... Особенной характеристикой королевской власти и княжеского почета являлись все же свита, телохранители и вообще двор /omus regia, aula, palatium/» (*Диснер* 2002, с. 134–135).

Верховная власть клана Хасдингов в вандало-аланском королевстве еще в период африканского вторжения подвергалась определенным ограничениям со стороны родовой знати. Но «после подавления восстания знати в 442 г. она превратилась в абсолютную деспотию»[9]. Наряду с материальной опорой – войском, флотом, служилой знатью и государственной бюрократией – Гейзерих заложил идеологические основы этого государства: во-первых, принцип наследования по старшинству, во-вторых, арианскую церковь. Бытует мнение, что, по крайней мере начиная с 442 г., свободные соплеменники в качестве подданных /«subiecti»/ сравнялись с римским провинциальным населением, вследствие чего король получил право наказывать их, «руководствуясь исключительно своей волей». Тем не менее, «эта деспотическая власть, прямо зафиксированная в законодательстве, не наталкивалась ни на какие принципиальные возражения со стороны германцев» (*там же*, с. 136).

В то же время рядовые вандалы и аланы получили определенные привилегии: «Их земельные наделы – в противоположность остготам Теодориха – не облагались налогами, а вследствие частых военных походов они получали достаточно возможностей отличиться и обогатиться за счет захваченной добычи» (*там же*, с. 137).

Несколько иначе выглядит структура верховной власти и ее «идеологическое обеспечение» у готов в изложении Иордана. У него конунги готов отличаются доблестью и благородством происхождения. Конунги выступают знаком высшей «харизматической» справедливости. Многие из них почитаемы не потому, что справедливы, а справедливы потому, что почитаемы. У Иордана образ вождя-лидера включает не только право на хранение родовых традиций, но и «присвоенное» право на генеалогию, что лишало «происхождения» остальных (*Буданова* 2003, с. 34). Примечательно сообщение Иордана о гибели Эрманариха, «короля готов... победителя многих племен». Напомним: незадолго до нашествия гуннов Эрманарих был ранен, став жертвой кровной мести. «Мучимый этой раной, король влачил жизнь больного». В обществе, благополучие которого населением непосредственно связывалось с деятельностью главы социума, это серьезная причина для «замены» главы, утратившего свою магическую потенцию. Необходимость «замены» главы готов стала еще болес актуальной в ходе нашествия гуннов. «Германарих, престарелый и одряхлевший, страдал от раны и, не перенося гуннских набегов, скончался на сто десятом году жизни» (*Ганина* 2003, с.43). По другой, не менее распространенной версии, Германарих покончил жизнь самоубийством, что похоже на ритуальный акт.

Самостоятельную группу римских источников составляют т.н. «консульские фасты» */fasti consulares/* – списки эпонимных магистратов, в ко-

торых, помимо прочего, содержатся описания наиболее значимых событий. В одной из фаст из Вены сообщается: «в консульство Рустика и Олибрия /464 г./, Бсоргар, царь (версия перевода А. Алеманя – *Ф.Г.*) алан */Beorgar rex Alanorm/*, был убит в Бергамо, у подножья горы, за восемь дней до февральских ид /6 февраля/» (*Алеманъ* 2003, с. 91). Кассиодор /ок. 485–580 гг./ повторил ту же информацию, уточнив, что «Беоргар, царь алан, был убит патрицием Рицимером» (*там же*, с. 171).

Итак, источники эпохи великого переселения народов называют «королей» алан Западной Европы – Бевку, Бабая (*Иордан* 1960, с. 113, 122–124), Гоара */rex idolorum minister* – король-идолопоклонник/ (*Перевалов* 2000а, с. 19), Респендиала */Respendial rex/*, Эохара */Eochari ferocissimo Alanorum regi,* свирепейший царь алан, в другом месте – царь-идолопоклонник/, Сангибана, Беоргара */Beorgar rex Alanorum/*, Аддака */Addaco rege/* и др. (*Кулаковский* 2000, с. 100–115)[10]. Как правило, эти «короли» являлись военными вождями, «царями» позднепотестарных социумов.

Среди алан Западной Европы источники упоминают также «знатных людей» */vir illustris/*, людей «высокого положения» (*Bachrach* 1973, P. 52–53, 94, 97), «опытных вождей» */duces exerciti/* (*Буданова* 1999, с. 163).

В заключение остановимся на влиянии, оказанном аланами на культуру народов Западной Европы. Эта тема уже поднималась в отечественной и зарубежной историографии (см., например: *Bachrach* 1973; *Ковалевская* 1992; *Вернадский* 1996, 1996а; и др.). Поэтому рассмотрим лишь два сюжета: 1) о влиянии алан на формирование английских сказаний о короле Артуре и рыцарях круглого стола, 2) возможная связь между аланами и религиозными представлениями викингов.

Интересную параллель между аланом Аспаром и персонажами английских легенд о короле Артуре привели К. Литтлтон и Л. Малкор. Отметив связь между записанными в Британии легендами о Граале и аланской культурой, они обратили внимание на сюжет одной из ранних работ, в которой упоминается Грааль, – «*Lai du Cor*» (1150 г.) Бикета: Мангон послал Артуру рог для питья. Славный рыцарь перед тем, как выпить из чаши, назвал страну *Еспарлот* (*Esparlot*). Данный топоним авторы разбивают на составные части и первый слог *Esp* связывают с родственным скифским словом *asp* «конь», присутствующий во многих аланских именах. В таком случае *Esparlot* может означать «Страна Аспара» (*Littleton, Malkor* 2000, P. 248).

В 2002 г. вышла книга Г. Рейда, согласно анализу которого возникшие в постримское время легенды о короле Артуре, королеве Гинерве, волшебнике Мерлине, рыцарях «круглого стола» восходят к истории сарматов, «варварских союзов племен, проживавших в степях (юга) России». В тезисном изложении выводы Г. Рейда сводятся к следующему.

После завоевания Азии и Африки сарматы достигли Дуная, где, наконец, встретились с римлянами. Согласно свидетельству античных авторов, император Марк Аврелий принял на службу 8000 опытных всад-

ников (по данным Я. Харматты – речь идет о 30 000 сарматов – *Harmatta* 1970, P. 50), 5500 из которых были посланы на т.н. *стену Адриана* в Бретани в помощь передовым заставам. По словам Г. Рейда, в 175 г. после Р. Хр. первые отряды высоких, прекрасных всадников, защищенных металлическими доспехами, достигли Бретани. Они представляли собой известное звено воинственных племен и, в определенной мере, основу легенд об Артуре. Эти профессиональные воины-всадники сражались под знаменами в виде драконов и поклонялись богу войны – обнаженному мечу, воткнутому в землю. Г. Рейд обратил внимание на хранящиеся в петербургском Эрмитаже предметы с изображениями драконов; они найдены в могилах воинов-кочевников Сибири и датируются 500 г. до Р. Хр. Аналогичные мотивы отмечены в иллюстрированной книге, написанной ирландскими монахами в 800 г. после Р. Хр. Сарматские шаманы, как полагает Г. Рейд, в английском фольклоре трансформировались в образ волшебника Мерлина; а чаша шаманов стала прообразом священного кубка Грааля. Имя одного из героев английского фольклора – *Pendragon* – происходит от азиатского слова и означает «князь» /*lord*/, а *tarkhan* означает «вождь» /*leader*/. Жизнь сарматов и сегодня сохранилась в мифах о Камелоте; легенды этого цикла возвращают нас к образу знаменитого воина /из нартовского цикла/ Батрадза, чья жизнь связана с волшебным мечом. Хотя азиатская теория происхождения английских легенд о рыцарях «Круглого стола» не нова, Г. Рейд своим тщательным анализом существенно укрепил версию о сарматском /аланском/ влиянии на формование фольклорного образа короля Артура (см.: *Гутнов* 2003, с. 88–89).

Конечно, не все идеи Г. Рейда будут приняты в научном мире. Например, такой широко известный эксперт как Гоффри Эш /Geoffrey Ashe/ уже выступил с критикой некоторых положений концепции Г. Рейда. В частности, отметив широкое распространение мотива дракона (от мифологии Уэльса и Беовульфа до Ветхого завета), Г. Эш в резкой форме выступил против признания сарматских корней данного мотива: «Удручает то, что подобная ерунда /hogwash/ распространилась в научных кругах». Вместе с тем, было отмечено, что «Говард имел беспрецедентный доступ к архивным материалам, на основании которых версия о влиянии сарматских легенд на формирование мифов о Камелоте получила новое обоснование».

Идея о возможной связи английских легенд о короле Артуре с историей и фольклором сарматов/алан – не нова. Она уже поднималась как российскими, так и западными учеными (*Rhys* 1891; *Barber* 1973; *Ashe, et al.*1982; *Ковалевская* 1998) Одним из последних исследований по данной проблеме является книга *C.S. Littleton, L.A. Malkor.* From Scythia to Camelot. New York, London. 2000. Авторы названной работы приводят параллели между священной чашей Грааля и священной чашей нартов – *Nartamonga*; причем, как они полагают, мотив священного кубка в английский фольклор попал через алан Галлии и Бретани. Немало общих черт сближают, по мнению ученых, короля Артура и нарта Батрадза.

Связь между двумя фольклорными героями в свое время детально проследили Ж. Дюмезиль и Ж. Грисвар. Артура и Батрадза особенно сближает «великолепный мотив меча, брошенного в озеро: смерть Артура и смерть Батрадза». Несколько точных соответствий обнаружено между героем осетинского нартовского эпоса Сосланом и ирландцем Кухулином (*Дюмезиль* 1990, с. 66–70; *см. также* работу Ж. Грисвара: *Эпос* 2003, с. 16–21, 46, 69). В частности, в жизни второго часто фигурирует колесо; колесо же обрывает жизни первого. Если речь идет о заимствовании, то где, когда и через каких посредников оно произошло?

Практически все ученые сходятся во мнении, что речь должна идти об аланах, в V в. контролировавших Галлию с центром в Орлеане. Отсюда они продвинулись на запад, в бретонские районы. В.Б. Ковалевская отмечает «интересную связь легенд о короле Артуре и его рыцарях с историческими событиями V в., происходившими в Арморике»; причем целый ряд черт короля Артура свидетельствует о том, что его прототипом являлся вождь алан /*rex alanorum*/ Гоар, во второй четверти V в. возглавлявший мощную группировку алан в Орлеане (*Ковалевская* 1998, с. 247–251). Данную идею поддерживают и некоторые западные историки, в частности, Б. Бахрах (*Bachrach* 1973, P. 109–111). Артура с аланами сближают культ меча /согласно Аммиану Марцеллину, аланы особо почитают бога войны и поклоняются мечу, воткнутому в землю/, защитное вооружение коней, а рыцари короля Артура напоминают аланских катафрактариев. Описания всадников в бретонских песнях больше всего напоминают описания сармато-алан, их оружия и внешнего облика, экстерьера и резвости их крупных коней. Именно такого типа крупная лошадь изображена на крепостной стене Йорка, находящегося чуть южнее *Hadrian Wall*. Об этом сразу вспоминаешь, читая про короля Артура: «Arthur brought from the Great Wall Creamy horses used to saddle». О лошадях для тяжеловооруженных рыцарей сказано: «big spirited horses in fine conditions» (*Dent, Goodall* 1988, P. 47). Интересно, что Прокопий Кесарийский в середине VI в. отметил отсутствие лошадей в Бретани, следовательно, бретонцы тогда еще не имели представления о верховой езде. Однако в XII в. арморикaнские всадники пользовались заслуженной репутацией опытных конников (*Bachrach* 1973, P. 85–86).

В. Абаев и С. Кулланда обратили внимание на то, что первое упоминание Артура в средневековом письменном источнике /*Ненний*, История бриттов, 56/ расходится с более поздней литературной традицией в определении статуса героя. У Ненния Артур, хотя и сражался с королями бриттов, сам был *военным вождем* /«Arthur pugnabat... cum regibus Brittonum, sed ipse erat dux bellorum»/. Российские ученые солидарны с Р. Коллингвудом, в свое время выдвинувшим гипотезу о том, что «Артур командовал мобильным отрядом, сражавшимся не на стороне какого-то одного кельтского королевства /поскольку он сражался вместе с разными королями бриттов/, а всюду, где была необходима его помощь».

В.И. Абаев имя Артур выводил из аланского *Artxuron* – буквально

«огонь солнечный», «Огонь Солнцевич». Отбросив суффиксальное – *on*, получаем *Artxur* – буквально «огонь Солнце». В.И. Абаев полагал, что «войско исторического Артура состояло, по крайней мере частично, из осевших в Британии сармато-алан. Потомком алан был, судя по его имени, и сам Артур» (*Абаев, Кулланда*, с. 4).

В целом, аланы были хорошо известны в средневековой Англии. Они упоминаются в *«King Alfred's Orosius»* /конец IX в./; *«De Proprietatibus Rerum»* Бартоломея Английского /первая половина XIII в./ содержит специальные разделы о скифах, сарматах и аланах; тогда же упоминаются аланы в *«Chronica majora»* Матфея, *«Opus majus»* Роджера Бэкона. О популярности алан в Западной Европе свидетельствует тот факт, что автор хроники *«Historia Brittonum»* родоначальника Европы назвал Аланом (*Ковалевская* 1992, с. 71).

Не менее интересна проблема алано-скандинавских связей. Весной 2001 г. 87-летний путешественник и исследователь Тур Хейердал возглавил российско-норвежскую археологическую экспедицию в составе 40 человек. В устье Дона у стен древнего Азова /город Асгард скандинавских саг/ он искал доказательства своей очередной потрясающей гипотезы – о том, что часть древней норвежской аристократии составили аланы, выходцы с Дона. «Мигрантов», дошедших до северных фиордов, возглавлял легендарный вождь – Один. Впоследствии он стал самым почитаемым божеством викингов, норвежским Зевсом.

Аргументы в пользу данной идеи Хейердал нашел в сагах, в которых первым норвежским королем был именно Один. И прибыл он во главе *асов*[11] из города, стоявшего в устье реки Тана /древнее название Дона/. Асы, как считал Тур Хейердал, являлись одним из аланских племен – предками современных осетин. Их «королевство», судя по летописям, называлось Асгард, а столица – Азхов /Азов ?/.

Данная идея также не нова. По предположению известного американского ученого русского происхождения Г.В. Вернадского, викинги были хорошо знакомы с аланами. В начале VIII в. аланы испытывали сильное давление со стороны арабов. В поисках новых союзников аланы нижнего Дона и Приазовья обратили свои взоры на варягов, появившихся в районе верхнего Донца и освободивших к тому времени донецких асов. Ученый допускает возможность обращения алан к викингам за помощью где-то около 739 г. Весьма вероятным считал Г.В. Вернадский установление скандинавскими дружинами контроля над районами низовьев Дона и Приазовья. «Отряд шведов, контролировавших местные племена асов и рухс-асов /русь/, не был многочисленным, и постепенно шведы... приняли их название и сами стали известны сначала как асы, а затем как русь».

Ученый обратил также внимание на то, что скандинавские саги полны легенд об асах; они представляли собой часть скандинавской мифологии и входили в число богов под властью Одина. В «саге об Инглингах» земля к востоку от Дона «называлась Асландом или Асхеймом, а

главный город в этой земле назывался Асгард /Асград, т.е. Город асов/». Среди скандинавов получили распространение мужские и женские личные имена *Ас* /ср.: *Ас*мунд, *Ас*кольд и т.д./ и *Аса*. Несколько норвежских княгинь IX в. и позднее носили имя *Аса*.

Еще в начале XIX в. П.И. Шафарик в своих «Славянских древностях» отмечал: скандинавские саги «много говорят баснословного о народе Алан или Аланах... От этих Алан происходил Один, знаменитый герой Скандинавских повестей, которого после Готы и Свеоны прич/исли/ ли к лику богов». Анализируя Эдду, П.И. Шафарик пришел к выводу, что «Скандинавы заимствовали многие религиозные обряды у Алан... Собственное /домашнее, родное/ название Алан именно Асы еще в глубокой древности принесено было в Скандинавию скитавшимися Норманнами...» (*Шафарик* 1837, т. 1, кн. 2, с. 294–312; кн. 3, с. 114).

Современный итальянский исследователь Ф. Кардини (1987), опираясь на «Деяния данов» Саксона Граматика и «Эдду» Снорри Стурлусона – древнескандинавские памятники, приходит к выводу, что Один обитал на юге России, вблизи Кавказа, откуда он перебрался на север Европы.

В свою очередь, сам Тур Хейердал по древним сагам и документам проследил маршрут движения викингов Одина с низовьев Дона вверх по течению Дона и Волги. После долгих скитаний они достигли Скандинавии. Последним пунктом скитаний вождя Одина стала Швеция, где он умер и был возведен в ранг святых. Обнаружена еще одна интересная деталь: после смерти Одина кремировали. По словам Хейердала, «это первый в Европе случай ритуального сожжения умершего». Древние норвежцы называли себя *асами*. Хейердал пришел к выводу, что название Азов восходит к древнескандинавскому *Асхов* – «храм асов». Здесь же отметим, что древние рукописи еще в 1964 г. привели путешественника на Донскую землю. Познакомившись с результатами раскопок и исследований местных ученых, он был поражен «сходством культуры своего народа и донских алан». Его потрясли найденные доказательства того, что «у берегов Дона существовала одна из древнейших цивилизаций».

Тур Хейердал в ходе анализа полученного материала археологических раскопок в низовьях Дона надеялся найти новые аргументы в пользу гипотезы об аланском происхождении *Одина* и *асов* скандинавских саг.

Подведем итоги. Наиболее полные сведения о социальной структуре этносов Северного Кавказа сохранились об аланах и гуннах.

Гунны в начальный период ВПН в источниках предстают как типичные кочевники, не знавшие «над собой строгой царской власти»; наиболее важные вопросы решали сообща, «сидя на конях». Во всех остальных случаях они довольствовались «руководством наспех назначенных» *primates* (*Аммиан Марцеллин*). Под последним термином скорее всего имелись в виду наиболее знатные члены племени, выделявшиеся своим богатством и положением. В первой половине V в. у гуннов сохранялись много «вождей по племенам и родам». Аттила пытался объединить гун-

нские племена под своей властью. В частности, к акацирам был послан «Онигисий, второе по значению после Аттилы лицо в гуннской державе». Онигисий предпринял попытку поставить во главе акациров Эллака – сына Аттилы. Но эта задача была решена лишь частично. Некоторым племенам и союзам племен, входившим в конфедерацию, удалось сохранить свою независимость. Ее возглавил Куридах; он остался на своей земле и сохранил свои владения» (*Приск*).

В начале VI в. савирами правила могущественная Боарикс – «вдова, под властью которой находилось сто тысяч гуннов», союзница Византии. Стоило шаху Каваду склонить на свою сторону «двух царей других гуннских племен», как Боарикс одного из них убила в сражении, а другого пленила и отправила в Константинополь. Как видно, у гуннов было несколько «царей» – скорее всего, вождей отдельных племен и конфедераций.

Аланы в период нашествия гуннов на Кавказ составляли три автономных союза: маскуты/массагеты северо-восточного Кавказа; аланы Центрального Кавказа во главе с *сар-и-осом* /социальный термин – «глава осов»/; ираноязычные племена, жившие к западу от «саросгов». Интересна информация «Письма Тансара», отразившего нормы сасанидской номенклатурно-иерархической практики: «И никого, кто не из нашего рода, шахом называть не должно, кроме тех, которые являются правителями пограничных областей и *аланов*, и областей Запада и Хорезма».

Разнообразная социальная терминология, применявшаяся древнеармянскими и древнегрузинскими авторами в отношении алан, свидетельствует о различных слоях военной аристократии у последних /«бумберазы», «голиафы», «всадники, одетые в панцири и железные шлемы», «избранные», «знатные» и «тяжеловооруженные всадники»/. Нередки сообщения о «царях» алан, за которыми скорее всего скрывались военные вожди, главы племен и союзов племен. Упоминаются также «князья, главы народов и племен, все их подвластные и множество слуг».

На примере «осов» местности Ардоз /Владикавказской равнины/ начала н.э. и периода ВПН видна разница в общественном устройстве алан. Если в начале н.э. они состояли из отдельных племен, то к середине I тысячелетия аланы стали относительно консолидированной общностью, во главе с «царем» /«сар-и-осаг», скорее всего вождь конфедерации дарьяльских алан/. Поэтому главу местных алан армянские источники ставят в один ряд с собственным царем, царями абхазов, грузин, и выше «начальников своих, князей и властителей народов».

К рассматриваемому времени у алан на основе родного языка возникло несколько социальных терминов. В числе таковых – *afsin* «хозяйка», «госпожа». В эпосе осетин так называлась самая уважаемая из нартовских женщин – Шатана, жена главы нартов Урызмага. Имя последнего Г. Бейли выводил от *ava-rasmaka* «господин». В поисках этимологии *afsin* В.И. Абаев остановился на одноименном титуле среднеазиатских правителей Усрушана /последний *al-Afsin* – Хайдар, умер в 841 г./ и

Согда /например, Гурек – «ихшид[12] Согда, *афшин* Самарканда» в 737/8 г. заключил договор с арабским военачальником Муслимом/. Здесь явно выступает нарицательное значение слова *afsin* «правитель». По убеждению лингвистов, весьма возможно, что данный термин «восходит к массагетскому матриархату и служил первоначально наименованием массагетских правительниц типа знаменитой Томирис» (*Абаев* 1958, с. 110–111). Версию о социальном значении термина *afsin* разделяет и Р. Бильмайер (*Bielmeier* 1993, S. 7–8, 13–14).

Аналогичных взглядов придерживается Р. Фрай. В одной из недавних работ он писал по этому поводу: «Насколько я знаю, полиандрия не характерна для алан, но женщина играла важную роль в раннем осетинском обществе», о чем свидетельствует термин *axsin*, который В.И. Абаев соотносит с корнем «править»; «не следует забывать о легендах об амазонках и важной роли Шатаны в нартовском эпосе» (*Frye* 1998, P. 81).

Вместе с тем, обратим внимание на находку археологов в столице *афсинов* «/царей/ древней Уструшаны в Средней Азии фрески с изображением волчицы, кормящей двух младенцев» (*Абаев* 1995, с. 379). Возможно, данное изображение отражает связь «афсинов» с тотемом – волком.

Здесь же добавим, что в осетинском эпосе функции военных вождей фольклорная традиция приписывает роду Ахсартаггатов. Имя родоначальника – Ахсар, означает «силу», «храбрость», «героизм» – в осетинском языке представляет закономерное фонетическое развитие индоиранского *ksathra* «мощь», «принцип военной функции» (*Дюмезиль* 1976, с. 168; 1986, с. 34–35).

Древнегрузинские и древнеармянские памятники сохранили аланский термин *багатар*, применявшийся в отношении элиты военной аристократии алан (*Гадло* 1983, с. 8). Напомним и говорящее имя *Баракад* «Изобилие» – родственника аланской «царевны Сатиник», согласно армянским источникам V в. вышедшей замуж за царя Арташеса. Те же источники характеризуют Баракада как военачальника, занимавшего «второе место после царя алан». Уговаривая Баракада вернуться на родину, военачальник Барлах, посланный «царем» алан, сразу определил сословную принадлежность Баракада – «у тебя вид мужа войны». Барлах уговаривал аланского отшельника: «Согласись со мной и вновь удостоишься прежнего положения и возляжешь на втором месте /после царя/» (*Армянские...* 1985, в. I, с. 45).

Следующий слой военной знати алан обозначался одним из ранних полувоенных-полусословных терминов – *алдар*. Он восходит к периоду военной иерархии и первоначально имел значение «военный предводитель». Л. Згуста в надписях Пантикапея, Боспора и Танаиса отметил весьма часто встречаемое имя *Ардарос*. По его мнению, имя *Ардар* «очень хорошо объяснил» В.Ф. Миллер, исходивший из осетинского *aldar* «старший», «глава», «князь» (*Zgusta* 1959, S. 68–69). Это слово в качестве антропонима встречалось в форме *Ардарос*, образованного от *арм* «рука» +

дарын «держать», в итоге «рукодержец» (*Козырева* 1976, с. 238). Р. Фрай, ссылаясь на неопубликованные материалы Э. Ртвеладзе, обратил внимание на слово *aldar* в значении «вождь» на гемме из Центральной Азии (*Frye* 1998, P. 81). Интересно, что в венгерском это заимствованное у алан слово получило значение «начальник охраны», что «ясно указывает на военное происхождение этого слова, получившего впоследствии широкую социальную значимость». В калмыцком имеем полное совпадение значения *aldar* «господин». В монгольских языках это слово имеет значение «слава» (*Абаев* 1958, с. 126–127).

Возможно, хотя и не обязательно, уже в тот период у алан появился термин *xumatag* – «простой», «незнатный». По мнению лингвистов, это слово заимствовано из славян. *kumet/i/* – «с наращением обычного форманта *-ag*». Сравни с древнерусским *къмет* – «крестьянин», «воин», «ратник» (*Абаев* 1995, с. 315).

В трудах античных авторов эпохи ВПН в отношении глав социумов гуннов и алан часто употребляются термины *rex*, в коих следует усматривать вождей /«мирных» и «военных»/, но не «царей» в непосредственном значении термина. Наиболее точной характеристикой социального строя алан и гуннов эпохи ВПН представляется стадия развития древних обществ, в последнее время все чаще обозначаемая понятием *чифдом*.

IV. 2. Социальные процессы у этносов Северного Кавказа в период ирано-византийских войн

Середина I-го тысячелетия н.э. ознаменовалась активизацией политики на Кавказе двух крупнейших, постоянно соперничавших между собой держав – Византии и Ирана. Регион привлекал их богатыми источниками сельскохозяйственных продуктов, неисчерпаемыми людскими резервами для бесконечных войн, дополнительными возможностями расширения транзитной торговли с Восточной Европой. Для достижения своих целей как император Византии, так и шах Ирана, помимо прямых военных акций на Северном Кавказе, использовали целый арсенал других средств – подкуп местных вождей и военачальников, стравливание племенных объединений и т.д.

Противоборствующие стороны достаточно хорошо были осведомлены о ситуации на Кавказе, о чем свидетельствуют, например, работы римских авторов. Наиболее обстоятельная характеристика этносов региона дана Прокопием Кесарийским. Его основной труд, посвященный войнам императора Юстиниана I /527–565 гг./ с персами, вандалами и готами, создавался между 534/5 и 554 гг., трактат «О постройках» – в 560 г., а памфлет «Тайная история» – в 550 г. В этих работах неоднократно встречаются хорографические экскурсы о странах и населении между Каспийским и Черным морями. Как подметил А.В. Гадло (1979, с. 73), «трудно избежать впечатления, что на протяжении всего времени состав-

ления своих трудов он пользовался одной географической картой или итинерарием, настолько его сведения о Кавказе и Таврике оказываются стабильными и относительно целостными».

В характеристике этногеографии Северного Кавказа основным ориентиром для Прокопия являлись «Каспийские ворота», под которыми следует понимать Дарьяльский проход. «Живущие в Азии ивиры поселились у самых Каспийских ворот, расположенных к северу от них. Налево от них, к западу, находится Лазика, направо, к востоку – племена, подвластные персам» (*Прокопий Кесарийский* 1993, с. 35). В другом месте Прокопий подробно описывает этот проход, вероятно, повторяя рассказ очевидца. «Кто пройдет через пределы ивиров, встретит среди теснин узкую тропу, простирающуюся на пятьдесят стадий. Эта тропа упирается в круто поднимающееся и совершенно непроходимое место». Именно здесь находились «сотворенные природой» Каспийские /Дарьяльские/ ворота. «Далее идут равнины, удобные для езды верхом и орошаемые обильными водами, страна большая, ровная и удобная для разведения лошадей» (*там же*, с. 30). Очевидно, имеется в виду Владикавказская равнина – «земля Ардоз» армянских источников. О том, что речь идет именно об этой территории, свидетельствует сюжет Прокопия о контроле над ней гуннов. Когда последние «нападают на земли персов или римлян, то они едут на свежих лошадях через эти ворота... не делая никаких объездов и не встречая никаких крутых подъемов, кроме тех пятидесяти стадий, которые, как сказано, ведут в пределы Иверии». Какое-то время проходом владел гунн Амбазук, «друг римлян и василевса Анастасия». После смерти Амбазука проходом завладел шах Кавад (*там же*, с. 30–31).

Прокопию был хорошо знаком и собственно Каспийский проход. Он назвал его армянским термином Тзур/Чор. «Всю эту страну, которая простирается от пределов Кавказа до Каспийских ворот, занимают аланы; это – племя независимое» (*Прокопий* 1950, с. 381). Далее на запад находились племена брухов и абасгов. «По берегу же Понта Эвксинского утвердились зехи» – очевидно, предки адыгов. В разных местах Северного Кавказа располагались группировки гуннов (см.: *Гадло* 1979, с. 76–97).

На Северо-Восточном Кавказе гунны вступили в тесный контакт с аланами-маскутами. Древнеармянские авторы /Агафангел, Фавстос Бузанд, Елише, Мовсес Каганкатваци, Ананий Ширакаци, Гевонд/ приводят немало примеров о военно-политических и этнокультурных связях гуннов с маскутами. Отражением этих контактов стало заимствование гуннами некоторых элементов культуры алан-маскутов. Одним из центральных элементов религиозной системы «царства гуннов» считается «вера в бога Куара, имя которого основательно сопоставляется с иранским словом *хуар* – солнце». Правда, в представлениях гуннов Куар был не только солнцем, но и богом-громовержцем. В «Житии епископа Израиля» говорится, что данное божество у персов называется Аспандиат, а у гуннов – Тенгри-Хан. Ему приносились в жертву лошади, в чем А.В.

Гадло усматривал свидетельство такой функции божества, как покровительство коневодам и всадникам. Отметим и «говорящее» имя божества Аспандиат /одна из форм иранского имени Спандиат (Испендиар)/ – «святой, священный» (*там же*, с. 146).

Прокопий оставил ценную информацию о социальном устройстве этносов Кавказа. Описывая эфталитов-хионитов, ираноязычное племя, жившее на юго-восточном побережье Каспия, у границ Персии, он ошибочно принял их за подразделение гуннов. В то же время Прокопий отметил, что эфталиты «не смешиваются и не общаются с теми гуннами, о которых мы знаем... Они не кочевники, как другие гуннские племена, но издавна живут оседло на плодоносной земле». Характеризуя общественный строй эфталитов, Прокопий отметил: «Образ жизни их не похож на скотский, как у тех (гуннов – *Ф.Г.*). Ими правит один царь и обладают они основанным на законе государственным устройством... Но богатые из них приобретают себе дружину, порой до двадцати человек, а то и больше, члены которых всегда становятся их сотрапезниками, разделяя и все их богатство, так как в этом случае имущество у них становится общим. Когда же тот, у кого они являлись дружинниками, умирает, эти мужи, по существующему у них обычаю, живыми ложатся с ним в могилу» (*Прокопий Кесарийский* 1993, с. 10).

За исключением последнего сюжета, Прокопий в целом верно подметил взаимоотношения дружинников со своим вождем. В структуре войска гуннов дружина того или иного вождя не играла решающую роль, т.к. была еще малочисленной. Основную силу кочевников все еще представляли рядовые воины. Источники рисуют гуннов как «воинственное племя». В частности, об этом идет речь в рассказе Прокопия о событиях на Кавказе в первой трети VI в. Находившаяся под властью Ирана Грузия в период правления царя Гургена /Бакура 514–528 гг./ попыталась добиться независимости. Византийский император послал в Лазику «военачальника Петра с небольшим количеством гуннов, чтобы он, насколько возможно, помог Гургену». Однако этих сил оказалось явно недостаточно, и «Гурген со всеми знатными ивирами бежал в Лазику, захватив с собой жену и всех своих сыновей и братьев» (*Прокопий* 1993, с. 36).

В версии перевода К. Гана, «Гурген решился передаться императору Юстиниану... Тот с большой готовностью согласился на это, и послал патриция Проба, внука императора Анастасия, в Босфор со значительной суммой денег, чтобы отвести к Иберам вспомогательные войска Гуннов» (*Ган* 1890, с. 16).

В другом месте Прокопий сообщает об отправке Кавадом войска «в подвластную римлянам Армению. Оно состояло из персоармян и суннитов, соседей алан. С ними были три тысячи гуннов, так называемых савиров, воинственнейшего племени» (*Прокопий* 1993, с. 46).

Ю.С. Гаглойти отметил спорный момент в этнической принадлежности *савиров/сабиров* Прокопия. Последний в одном из сюжетов писал: «В древности великое множество гуннов, которых тогда называли ким-

мерийцами... и один царь стоял во главе их всех» (*Прокопий из Кесарии* 1950, с. 385). Исходя из этого, Ю.С. Гаглойти полагает, что отнесение Прокопием савиров «к гуннам еще не решает проблему их этнической принадлежности. По мнению некоторых исследователей, в основе этнонима сабиров /савиров/ лежит осет. *сау ир* /черные иры/, т.е. осетины». В связи с этим ученый акцентирует внимание на обозначение сванами осетин термином «савиры», а страну – «Сауети»; со временем это название было перенесено на тюркоязычных карачасвцев (*Аланика* 2000. № 1, с. 251–252, примеч. 10). Однако трудно игнорировать тот факт, что савиры в источниках середины I-го тысячелетия относятся к гуннским племенам.

Особую позицию в этнической принадлежности савиров занимал А.П. Новосельцев. По его мнению, савиры первоначально являлись уграми, значительным племенным объединением юга Западной Сибири. Отсюда они «вместе с гуннами или позже, под нажимом каких-то врагов, перешли в Восточную Европу» (*Новосельцев* 1990, с. 81–82).

Часть савиров, непосредственных соседей алан, в качестве их союзников пользовалась контролируемыми аланами проходами в Закавказье. А.В. Гадло допускал «возможность переселения части савиров с плоскости в долины притоков Терека и Верхней Кубани под натиском аваров и их последующего закрепления в этих районах по соседству с осами-аланами» (*Гадло* 1979, с. 90). Ученый обратил также внимание на гуннский след в топонимике современной Осетии. В частности, по данным А.Дз. Цагаевой, Дигорское ущелье в прежнее время называлось Сафариком /»ущелье савиров»/. Под этим названием отмечено пахотное место вблизи с. Тменикау (*Цагаева* 1971, с. 148, 188).

Контакты алан с гуннами нашли отражение в нартовском эпосе осетин. В одной из версий сказания о последнем походе главы нартов Урузмага говорится, что он пошел на «город гундов», владелец которого носил титул «правитель гундов». В других сказаниях встречается форма *gwynta* «гунны»; правитель гуннов *Gwynty malikk* является зятем «героя Маргуза, а его владения носят название *Gwyntybasta* ‘страна гуннов»». В другом сюжете гунны, соединившись с *чинтами* /фольклорное отражение синдов/, напали на нартов (*Дзиццойты* 1992, с. 194).

Прокопий в рассказе о событиях 549–550 гг. оставил свидетельство проникновения каких-то групп гуннов в горные районы Западного Кавказа. «Правитель абасгов Опсит с небольшим отрядом сумел бежать и удалился к жившим поблизости гуннам, в пределы Кавказского хребта» (*Прокопий из Кесарии* 1950, с. 402).

В описании одного эпизода ирано-византийского противоборства на Кавказе Прокопий рассказал о гибели «начальника сабиров», союзника персов. «Около его трупа закипел сильный бой; к сумеркам персы одолели противников и обратили их в бегство...» (*там же*, с. 423). В данном сюжете отражен воинский обычай т.н. «варваров», согласно которому члены дружины или отряда не могли покинуть поле боя без своего пред-

водителя, даже погибшего. Показательно, что савиры не оставили тело своего вождя; в другом случае, когда «погиб начальник персов Хориан», варвары «быстро бежали в укрепление» (*Аланика* 2000, № 1, с. 238).

Если в приведенных сюжетах савиры предстают как союзники персов, то в другом фрагменте они причислены к союзникам Рима. В войске последнего «было несколько варваров из племени сабиров; находились они здесь по следующей причине. Сабиры являются гуннским племенем; живут они около Кавказских гор. Племя это очень многочисленное, разделенное, как полагается, на много самостоятельных колен. Их *начальники* (курсив мой – *Ф.Г.*) издревле вели дружбу одни с римским императором, другие с персидским царем». Савиры скорее являлись наемниками, чем действительно союзниками. Как император, так и шах посылали савирам «известное количество золота, но не каждый год, а по мере надобности». Юстиниан, «призывая своих сторонников из сабиров на войну и прося прислать союзные отряды, отправил к ним человека с деньгами» (*там же*, с. 239). Та же практика существовала и у персов. Хосров раздал деньги «в качестве подарка гуннам-сабирам, он набрал их большое число...» (*Прокопий из Кесарии* 1950, с. 431–432).

Наемниками, сражавшимися на стороне тех, кто им платит, предстают савиры и в работе Агафия. «Этот народ, и величайший и многочисленный, весьма жаден до войны и грабежа... ради одной только выгоды и надежды на добычу, присоединяясь в качестве участника войны и опасностей то к одному, то к другому и превращаясь из друга во врага». Наглядным примером является их участие на стороне римлян против персов, когда в одном ночном бою савиры разбили крупный отряд дилимнитов, союзников шаха. «Когда же военные действия были закончены, они были отпущены римлянами, получили условленную плату, и перешли на сторону тех, кто немного раньше были их ожесточенными врагами, те ли самые или другие, но, во всяком случае, из этого народа, посланные в качестве союзного войска» (*Агафий* 1953, с. 116–117).

Аналогичную информацию сохранил Феофан. Его «Хронография» – «один из значительнейших памятников византийский историографии» – является важным источником сведений о савирах (*Чичуров* 1980, с. 18). Гунны-савиры совершали набеги на территории, принадлежавшие или контролируемые Византией и Ираном. Феофан рассказал о том, что «василевс ромеев выплачивал ежегодно пятьсот литр /греческое соответствие латинскому *libra* в VI–VII вв., весила около 322 г., а позднее – 320 г. – *Ф.Г.*/ золота, чтобы персы охраняли принадлежащие этим местам крепости, дабы вторгающиеся племена не причиняли ущерба обоим государствам. Крепости эти охранялись на общие расходы» (*там же*, с. 54).

Гунны могли выставить многочисленное воинство. Прокопий сообщает о приходе к персам союзных гуннов-савиров «в количестве двенадцати тысяч. Но Мермероес, боясь, чтобы при такой численности эти варвары не только не перестали по доброй воле повиноваться его приказаниям, но не совершили какого-либо насилия над самим персидским вой-

ском, позволил четырем тысячам из них идти вместе с ним походом, остальных же, богато одарив деньгами, отпустил на родину» (*Прокопий из Кесарии* 1950, с. 416–417).

Интересно и описание полевого военного лагеря савиров. Он представлял собой огороженное кольями небольшое пространство земли, внутри которого из кольев и шкур сооружались походные хижины. Стены ограждения лагеря «были не очень высоки, так что можно было видеть лицо стоящего внутри всадника» (*Агафий* 1953, с. 117). Такой прием организации обороны характерен для номадов и в ходе боя. В битве под Адрианополем, как известно, решающую роль в разгроме римлян сыграла конница готов и алан, мощной волной налетевших на противника, «подобно грому, грянувшему с горных вершин», все круша на своем пути. Однако в ходе сражения «в какой-то момент, левый фланг римлян, казалось, возьмет верх и прорвется в самую сердцевину неприятельских войск – *поставленные в круг колесницы* (курсив мой – *Ф.Г.*) – традиционное укрепление степняков» (*Кардини* 2000, с. 28).

К 527 г. относится «самое яркое» /по определению А.В. Гадло/ свидетельство источников о савирах. В это время одним из этносоциальных объединений гуннов /«часть Гуннии»/ управляла женщина – Боа, вдова предводителя Балаха, имевшая двух малолетних детей. Боа, «склоненная многими своими сторонниками», открыто присоединилась к союзникам Византии. Более того, она выступила против предводителей гуннских племенных групп, стремившихся оказать поддержку шаху. Боа истребила 20-тысячное войско сторонников Ирана, когда оно продвигалось в Закавказье. Один из предводителей этого войска – Глом – был убит, другого – Тиранкса – она отправила в Константинополь, где его публично казнили (*Гадло* 1979, с. 87–88).

Рассматриваемый сюжет из истории савиров сохранился и в передаче Феофана. Описывая ход военных действий между Византией и Ираном в 527 г., он отметил: «Пришла к ромеям некая женщина из гуннов, именуемых савир, варвар, по имени Боарикс, вдова, имея при себе сто тысяч гуннов. Она стала править в гуннских землях после смерти своего мужа Валаха. Эта /Боарикс/ захватила двух царей другого племени внутренних гуннов, по имени Стирак и Глона, склоненных Кавадом, императором персов, оказать ему военную помощь против ромеев и проходящих по ее землям в /пределы/ Персии с двадцатью тысячами. Их-то она и разбила: одного царя из них, именуемого Стиракс, схватив, она отослала в Константинополь императору, Глону же убила в сражении. Таким образом она стала союзницей и /была/ в мире с императором Юстинианом» (*Чичуров* 1980, с. 50).

История с Боа свидетельствует о тенденции к установлению наследственной верховной власти у гуннов. Возможно, этим объясняется поиск внешних союзников различными группировками внутри гуннских социумов. Обратим внимание и на то, что 20-тысячный отряд союзных персам гуннов имел, по меньшей мере, двух вождей – Блома и Тиранкса.

Каждый из них, видимо, возглавлял свой отряд. Возможно, что число предводителей в 20-тысячном отряде союзников персов было больше. Вполне вероятно наличие в войске гуннов подразделений разной величины. Так, Агафий в описании кампании 556 г. ирано-византийской войны отметил отряд, состоявший из «около пятисот савиров»; причем, они действовали автономно (*Агафий* 1953, с. 117).

Источники указывают на существование у вождей гуннов личных дружин. Тот же Агафий отметил союзников римлян из числа савиров – «около двух тысяч *тяжело вооруженных*, которыми предводительствовали Баимах, Кутилзис и Илагер, *знаменитейшие* (курсив мой – *Ф.Г.*) у них люди» (*там же*, с. 88). Как видно из данного сюжета, савиры для войны в Закавказье использовали относительно небольшие отряды тяжеловооруженных всадников, которые возглавляли опытные и «знаменитейшие» военачальники (*там же*, с. 90). Отряды панцирной конницы савиров сопоставимы с катафрактариями. В этом смысле интересно имя одного из «царей» гуннов – Стирак. Согласно одной из версий, данный антропоним восходит к греческому термину со значением «копье». Правда, существует и другая версия, по которой имя Стирак своей основой имеет осетин. *stur* «большой» (*Чичуров* 1980, с. 78, примеч. 66).

Феофан, опираясь на Малалу и какой-то неизвестный источник, пишет о приходе к императору «царя гуннов, /живущих/ поблизости от Босфора, по имени Горда». Знатный гунн «стал христианином и был просветлен. Император принял его и, дав много даров, отослал в его страну охранять ромейское государство и город Боспор. А назван он был так из-за того, что выплачивал ромеям ежегодно налог вместо денег быками – дань быками[13]. Император назначил туда арифм ромейских стратиотов[14] и трибуна охранять город от гуннов и взимать налог быками». В Боспоре, согласно Феофану, «происходила оживленная торговля между ромеями и гуннами» (*там же*, с. 51).

Принятие Гордой христианства и попытка уничтожить идолов прежней религии привели к кризису внутри гуннского социума. Согласно Феофану, «царь гуннов, став христианином и отправившись в *свою* страну, *нашел* (курсив мой – *Ф.Г.*) своего брата и рассказал ему о расположении и щедрости императора и о том, что он стал христианином. Взяв статуи, которые гунны почитали, он переплавил их, а были они из серебра и электрона (сплав золота и серебра – *Ф.Г.*). Гунны, разъярившись, сговорились с его братом и убили Горду, царем же сделали его брата Маугериса» (*там же*).

Источник прямо говорит о том, что Горда после крещения отправился в «*свою* страну»; очевидно, здесь имеется в виду территория вблизи Боспора. Но неясно, почему «царь» Горда искал своего брата и где он его «нашел». Конфликт, скорее всего, спровоцировали жрецы, пытавшиеся тем самым сохранить свои позиции в структуре управления одного из гуннских социумов. Судя по тексту, именно по этой причине Горду сменил его брат Маугерис. Правда, замена, возможно, не полностью

достигла цели: по Иоанну Никиусскому, Маугерис крестился вслед за своим братом (*там же*, с. 80, примеч. 79). Феофан приводит данные о крещении и других вождей гуннов. Так, в борьбе с «двумя царями булгар» Константинополь опирался на помощь Акума, гунна, «которого император воспринял от купели. Окружив булгар, они разгромили их и уничтожили огромное множество /булгар/, отняли всю добычу и одержали большую победу, убив двух их царей» (*там же*).

В рассматриваемый период у савиров утвердился высший слой военной аристократии, ее элита. Возможно, таким крупным военным вождем являлся Зилгиби, в 521 г. во главе 20 тысяч своих соплеменников принявший участие сначала на стороне Византии, а затем Ирана в их войне на территории Малой Азии (*Агафий* 1953, с. 88).

Феофан данный сюжет изложил более подробно. В самом начале ирано-византийских войн «Юстин направил послов и дары Зилгивину, царю гуннов. Отеческими клятвами скрепил /Зилгивин/ договор об оказании военной помощи императору против персов. Послал и Кавад к нему /послов/ и с ним заключил /Зилгивин/ договор. Узнав об этом, Юстин разгневался. А Зилгивин отправился к персам с двадцатью тысячами, чтобы воевать против ромеев». Император Византии отправил послов к Каваду и в письме поведал, как бы между прочим, «о Зилгивине, что он дал клятву воевать на стороне ромеев, что получил богатые дары и собирается предать персов». Юстин предложил решение возникшей проблемы: «Следует нам, братьям, заключить дружественный /союз/ и не подвергаться насмешкам этих псов». Кавад наедине «допросил Зилгивина» и тот признался, что принял дары императора. Взбешенный Кавад «убил его, а ночью послал множество персов, уничтожил его войско, заподозрив, что они с хитростью пришли к нему» (*Чичуров* 1980, с. 50).

В реконструкции истории савиров определенные результаты дает анализ материалов археологии. Некоторые дагестанские исследователи столицу «царства гуннов-савиров» город Варачан отождествляют с расположенным в предгорьях, в 15–16 км от мыса Бойнак, городищем IV–VIII вв. Урцеки. Хорошо укрепленное для своего времени, это поселение занимало важное стратегическое положение на пути, связывавшем древнюю караванную магистраль вдоль побережья Каспия с предгорьями, земледельческими районами. На вершине холма археологи обнаружили руины мощной цитадели, защищенной стенами и несколькими башнями; в пределах цитадели находились довольно обширные кладовые для припасов, емкости для воды, помещения для гарнизона, святилище. Под стенами кое-где прослеживались остатки рва. На Я.А. и Г.С. Федоровых-Давыдовых цитадель произвела «впечатление феодального замка». Вблизи него сохранились следы посада, второй линии обороны – мощные каменные блоки, вероятно прикрывавшие подходы к цитадели; внизу – городское кладбище. «Город был не только феодальным гнездом, не только ремесленным центром: вокруг него прослеживаются остатки террасовых полей». Возведение архитектурного комплекса Урецки, по ка-

тегоричному заявлению археологов, могло иметь место «только в условиях раннефеодального государства» (*Федоров-Давыдов Я.А., Федоров-Давыдов Г.С.* 1978, с. 148, 189–191).

В данном случае характеристика общественного устройства социума, оставившего рассмотренный архитектурный памятник, как *раннефеодального*, ничем не аргументирована. Наличие сложных комплексов само по себе не является маркером феодализма. Однако это не помешало Я.А. и Г.С. Федоровым-Давыдовым к «замкам феодалов» отнести и ряд других раннесредневековых городищ и поселений. Среди них – Кака-Махинский комплекс, расположенный в 17 км от современного селения Карабудахкент. Цитадель городища находилась на вершине утеса; кругом – следы обширного посада, окруженного валом и рвом. К аналогичным памятникам отнесено поселение Агач-кала /«Лесная крепость»/ в Буйнакском районе. Рядом – склеповый могильник «с очень богатыми погребениями». Археологи присоединились к мнению К.Ф. Смирнова, отнесшего склепы к семейным усыпальницам знати. «Захоронения коней перед склепами и большое количество конского снаряжения и оружия характеризуют эту знать как конных воинов, боевую дружину раннефеодального облика». В целом, как полагали Я.А. и Г.С. Федоровы-Давыдовы, население Агач-калы могло быть «гнездом одного из феодалов-сепаратистов, с которыми вела борьбу владетельница Варачана, 'царица' Сувара Боарикс» (*там же*, с. 192).

И в данном случае отнесение владельцев савиров к феодалам представляется нам ошибочным. Во времена Боарикс даже в социуме, к которому принадлежала она сама, источники называют нескольких владельцев; характер их взаимоотношений и отношений с соплеменниками не дают сколько-нибудь веских оснований для характеристики ступени развития данного социума как феодального.

В другом месте вышеназванные авторы писали: «В «царстве гуннов», или Суваре, развивались раннефеодальные отношения и на их основе зарождалась государственность» (*там же*, с. 194). На наш взгляд, сначала возникает государство, а затем – не без влияния государства – утверждается феодализм (*Гутнов* 2000, с. 27).

Для Я.А. и Г.С. Федоровых-Давыдовых социологической основой отнесения общества савиров середины I-го тысячелетия к раннефеодальным служила модель Л.П. Лащука. Согласно его концепции, в обществе ранних кочевников первый этап генезиса феодализма заключался в быстром завоевании больших территорий и насильственном обращении населения в подданство. Этот этап закладывал основу «для установления 'прафеодальных', даннических отношений между поработителями и порабощенными». Следующий шаг – укрепление «сложившегося положения вплоть до превращения политической гегемонии господствующей части населения в обычай, санкционированный в твердый закон, обязательный для всех». Так «появлялся стимул к развитию феодального строя» (*Лащук* 1977, вып. II, с. 119).

Как представляется, гегемония кочевников над захваченными территориями и населением отнюдь не равнозначна процессу становления феодализма, генезис которого связан с развитием в раннеклассовом обществе непосредственных форм зависимости и эксплуатации между отдельными представителями знати и крестьянскими домохозяйствами, что так или иначе санкционируется верховной властью. Таким образом формировалась уже собственно феодальная система эксплуатации. Обнаружить ее следы на Северном Кавказе в середине I-го тысячелетия не удается.

Среди археологических памятников Дагестана раннего средневековья внимание специалистов привлекла большая группа курганов в 3 км к востоку от Верхнего Чирюрта. Размеры насыпей были различными; высота многих достигала 7–8 м, диаметр – 50 м. Все исследованные в 1969 г. 12 курганов содержали катакомбные погребения; дромосы оказались заложенными камнями. Как полагали археологи, «закладка производилась после совершения погребальной церемонии и должна была предотвратить ограбление катакомбы». В качестве аналогии приведено впускное погребение Учтепинского кургана в Азербайджане, где, по мнению А.А. Иессена, был похоронен «хазарский» военачальник. Ход, проложенный через толщу насыпи, был засыпан камнями, как и в Верхнечирюртовских катакомбах. Последние «ограблены, кости перемешаны». Сводчатый вход в катакомбу закрывался камнями, выложенными в несколько рядов или одним большим камнем. В одном случае использован жернов. Археологи считали, «что все катакомбы оказались ограбленными» (*Федоров-Давыдов Я.А., Федоров-Давыдов Г.С.* 1978, с. 100–101). Однако более вероятно, что здесь имело место т.н. «обезвреживание» покойников, отмеченное у алан середины I-го тысячелетия (*Флеров* 2000). В пользу этого говорят особенности погребений Верхнего Чирюрта: кости перемешаны, в катакомбах обнаружены остатки седла с костяными орнаментированными накладками, массивные черешковые трехгранные наконечники стрел, фрагменты меча, ножи, остатки кольчуги, золотые серьги. Все катакомбы датируются находками золотых византийских монет VII в. Керамика практически отсутствует; несколько обнаруженных фрагментов схожи с керамикой «дагестанского варианта салтово-маяцкой культуры». Высказано предположение о том, что «в катакомбах погребены... хазарские вожди архаической эпохи истории Хазарского каганата» (*там же*, с. 101).

Можно согласиться с тем, что в названных катакомбах погребены представители военной знати кочевников, что касается определения их этнической принадлежности, то здесь возможна иная интерпретация. Территориально и по конструкции катакомб верхнечирюртовский могильник близок к Кисловодскому памятнику. В обоих обнаружены индикации с гексограммами императоров Ираклия и Константина II, занимавших византийский престол в первой половине VII в.: первый – с 610 г., второй – с 641 г. Некоторые археологи связывают эти находки с участи-

ем представителей обоих этносоциальных организмов в контроле над важными участками торговых путей. Хотя возможно и другое объяснение: «Находки относятся к эпохе византийско-персидских войн», в которых принимали участие воины многих этносов региона (*там же*, с. 109). Следовательно, находки византийских монет можно рассматривать и как плату наемникам.

Сопоставив данные рассматриваемого могильника Дагестана с аланскими памятниками Северного Кавказа и Дона, Я.А. и Г.С. Федоровы-Давыдовы все же признали, что их совпадение «вряд ли случайно» (*там же*, с. 109–111).

Мовсес Каганкатваци в предгорной долине Дагестана поместил «страну гуннов». Считается, что данный этносоциальный организм известен лишь древнеармянским памятникам. Однако Феофан в описании ирано-византийских войн поместил рассказ о том, как весной 624 г. император Ираклий, избегая столкновения с превосходящим его армию войском персов, отступил в «страну гуннов» (*Чичуров* 1980, с. 96–97). Комментаторы данного сюжета – академик Я.А. Манандян и И.С. Чичуров – не нашли решения загадочного упоминания «страны гуннов».

С.Г. Кляшторный обратил внимание на информацию Анания Ширакаци о гуннах, утвердившихся в Северном Дагестане еще в VI в. Они и создали жизнестойкое объединение, которое в «Армянской географии» именуется «царством». Не без влияния местного ираноязычного сельского и городского населения, «часть гуннов перешла от 'жизни в шатрах' к оседлому и даже городскому быту». В то же время значительная часть гуннов, включая знать, продолжала жить «в лагерях», т.е. сохраняла кочевой быт (*Кляшторный* 2000, с. 120–121).

Как выше уже отмечалось, в Приморском Дагестане гунны вступили в контакт с аланами-маскутами. В V–VII вв. гунны потеснили маскутов, но к югу от Дербента массагеты известны и позднее. Прокопий несколько раз упоминает их как союзников персов в войне с Византией (*Прокопий* 1993, с. 67).

На Северо-Восточном Кавказе кочевники гуннского объединения в первую очередь занимали земли, удобные для скотоводства. «Однако своих предшественников – алан, роксалан и т.д. – они не могли, да и не хотели полностью согнать с этих земель и какое-то время кочевали вместе с ними или рядом». В приморской полосе современного Дагестана и пограничных районах Азербайджана «происходил интенсивный синтез местных иранцев /а возможно, и кавказцев/ с пришельцами». Следствием этого явился культурно-религиозный синтез, отмеченный древнеармянскими авторами: гунны почитали старых иранских богов – Куара и Аспандиата. Причем последний, наряду с иранским именем, имел и тюркское – Тангрихан (*Новосельцев* 1990, с. 80–81).

Среди социумов Дагестана начала второй половины I-го тысячелетия особое место занимали Ширван и Дербент. Между ними вынужден был лавировать правитель Табасарана. Своего правителя /малика/ име-

ла страна лезгин. Согласно ал-Куфи, малик лезгин признал власть арабов в 643/644 г., но позднее, во времена Джарраха, сотрудничал с хазарами (*там же*, с. 104).

Одним из значительных обществ Дагестана рассматриваемого периода являлся Серир. С.Т. Еремян название данного социума выводил от *sar* «гора» и сопоставлял с грузинским *мтиулети* – «страна гор» или «горная страна». Разделявшие эту точку зрения исследователи (*Гаджиев* 1979, с. 165) позднее изменили свою позицию (см.: *Атаев* 1989, с. 12).

Как полагают некоторые дагестанские ученые, в период ирано-византийских войн Серир объединял территории с разноязычным населением. Этот факт, несколько неожиданно, послужил поводом для вывода: «Это – полиэтническое *государство* (курсив мой – *Ф.Г.*), объединявшее в себе ряд обществ, стоящих на различных ступенях развития». Еще более ошеломляет следующее утверждение: «Созданию такой значительной *государственной* территории, возможно, способствовало распространение *феодальной дани* (курсив мой – *Ф.Г.*) и повинностей в пользу верховной власти, о которой упоминают авторы VI в.» (*Атаев* 1989, с. 13).

Ссылка на «авторов» VI в. некорректна, т.к. речь идет об авторах, писавших о событиях VI в., но живших в X в. и позднее. Неясно также, что имел в виду М.М. Атаев, называя социум VI в. «государством»; непонятно и сочетание терминов *феодальная дань*, как неясно и понимание автором *феодализма* как стадии социального развития. Перечисленное оставляет дискуссионными /если не сомнительными/ и выводы ученого: «К VI в. сформировалась надобщинная общность в виде господства одного лица с деспотическим характером власти. Государственная территория Серира-царства охватила значительную территорию нагорного, предгорного и плоскостного Дагестана. Вероятно, Серир – государство, объединявшее в себе ряд княжеств и племен, стоявших на разных ступенях общественного развития» (*там же*, с. 20). На этом фоне заключительный пассаж явно противоречит вышесказанному: «В Серире – *раннефеодальном* владении сложились только *элементы государственности*, ибо конкретные условия *не позволили сложиться* (курсив мой – *Ф.Г.*) всем характеристикам государства, на которые указывали основоположники марксизма-ленинизма /письменность, правовые памятники/» (*там же*, с. 21).

В дагестанской историографии бытует мнение о связи возникновения государственных земель с деятельностью сасанидов в VI в. Например, Ш. Ахмедов к этому времени относил возникновение первых «раннефеодальных государств» на Северо-Восточном Кавказе. Согласно его утверждению, еще до арабских завоеваний «во всех землях Дагестана» существовала не только государственная, но и частная собственность на землю. В Южном Дагестане «доля частновладельческих земель могла быть несколько большей», чем в горных районах. С середины VII в., с момента появления в регионе арабов, это различие становится особенно заметным: в Южном Дагестане государственная собственность /«дива-

ни»/ значительно укрепилась. В самом халифате феодальная рента /«харадж»/ собиралась чиновниками /«диван алхарадж»/, а затем через государственную администрацию распределялась среди феодалов. Как полагал Ш. Ахмедов, в VII–VIII вв. такая форма эксплуатации характерна и для захваченных арабами районов Дагестана (*Ахмедов* 1969, с. 41–43).

В другой статье того же автора утверждается, что поляризация социальных слоев дагестанских обществ в IV–VI вв. привела к появлению на Северо-Восточном Кавказе ряда «раннефеодальных государств с царями во главе». Роль катализатора социальных процессов исследователь отвел кочевникам. Другая форма синтеза отмечена в восточном Дагестане, где «формирование государственности происходило на основе синтеза местных форм общественных отношений и разлагающихся рабовладельческих отношений Кавказской Албании, в состав которой входила эта часть Дагестана». Укреплению «государственности и стабилизации власти царствующих родов способствовала политика сасанидов в Дагестане». В горных районах Северо-Восточного Кавказа «разложение патриархально-родовых отношений и становление классового общества произошло на чисто местной основе, без заметного влияния извне» (*Ахмедов* 1975, с.89).

Как видно, Ш. Ахмедов для характеристики социумов Дагестана начала второй половины I-го тысячелетия использует термины «феодализм» и «государство». Хотя не видно надежных данных о наличии феодальных черт в общественных организациях того времени. Отметим и противоречие в определении последовательности возникновения частной и государственной земельной собственности. С одной стороны, Ш. Ахмедов утверждает, что обе формы собственности в Дагестане существовали еще до арабских завоеваний. Однако тут же следует другое утверждение: «Появление раннефеодальных государств в Дагестане стимулировало, видимо, становление государственной формы земельной собственности в качестве ведущей» (*Ахмедов* 1969, с. 42).

Возникновение в Дагестане феодальных образований, вроде бы, связывалось с деятельностью шаха Ирана. Так, Ш. Ахмедов ссылался на Баладзори: «И выбрал Ануширван царей и назначил их, предоставив каждому из них шахство над отдельной областью... утвердив в их владениях и заключив с ними мир, обязав платить ему подать» (*Баладзори* 1927, с. 7). Этот сюжет привел исследователя к неожиданному заключению: «Дагестанские *цари еще до прихода иранских войск* (курсив мой – *Ф.Г.*) управляли определенными территориями, где собирали «подати». Сбор же «податей» мог «иметь место только при наличии в Дагестане государственной собственности на землю... Государство является здесь единственным получателем ренты» (*Ахмедов* 1969, с. 42).

На наш взгляд, в данном случае имеет место смешение понятий «рента» и «налог». Теоретическим обоснованием отнесения податей не к налогу, который являлся лишь средством поддержания аппарата управления[15], а к ренте, взимаемой земельным собственником с зависимых кре-

стьян, служила концепция академика Л.В. Черепнина. В ее основе лежало признание бытования в Киевской Руси т.н. «верховной собственности на землю», вследствие чего налог и рента совпадали. Однако у этой точки зрения были и оппоненты. Оспаривая позицию Л.В. Черепнина, И.Я. Фроянов отмечал: «Мы не считаем киевских князей X в. ни феодальными монархами, ни верховными земельными собственниками. По нашему глубокому убеждению, князья наделяли своих вассалов не территориальными владениями, а правом сбора даней, никак не связанных с поземельной собственностью. В этом вассалитете *нет и грана феодализма*» (курсив мой – *Ф.Г.*). Позднее на смену вассалитету, основанному на пожаловании даней, пришел вассалитет, основанный на пожаловании кормлений. Но и в этом случае передавалась не территория, а право сбора доходов с жившего на ней населения. Лишенный земельной основы, вассалитет в виде кормлений не имел феодального содержания (*Фроянов* 1980, с. 87–89).

В еще меньшей степени концепция монопольной собственности на землю применима к Дагестану середины I-го тысячелетия. Взимаемые владельцами «подати» – налог. Помимо этого, могли иметь место т.н. «добровольные приношения» вождям, а не «царям» в позднейшем значении этого слова.

Группа кавказоведов осторожно подходит к сообщениям источников о «царях» горских обществ IV–V вв. В упоминаемом Елише «царе леков» Шергире исследователи видят правителя «сравнительно большой территории», в то время как 11 «царей» горских, выступивших против Ирана, рассматриваются как вожди «отдельных племен или их союзов» (*Гаджиев, Давудов, Шихсаидов* 1996, с. 177). Эти авторы, отмечая ускорение темпов социального развития в период ирано-византийских и арабо-хазарских войн, *начало* формирования феодальных отношений в социумах Дагестана связывают с синтезом социальных систем «стран, ставших на путь раннефеодального общества» /Иран, Арабский халифат/, с догосударственными структурами дагестанских обществ.

Вместе с тем, широко распространена точка зрения о существовании /не о *генезисе*, а о *существовании/ государств* и *феодализма* в Дагестане второй половины I-го тысячелетия. Какие же аргументы приводятся для обоснования этой точки зрения?

Наличие на политической карте Дагестана V–X вв. незначительных по территории государств признавал А.Р. Шихсаидов. К их числу относились: Баб ал-абваб /Дербент/, Лакз /Южный Дагестан/, Табасаран, Хайдак /Кайтаг/, Гумик /Кумух/, Зирихгеран /Кубачи/, Серир /Авария/, Карах /Уркарах/, Филан (*Шихсаидов* 1975, с. 10).

Аргументы в пользу отнесения перечисленных дагестанских социумов к государствам искали в закавказских памятниках раннего средневековья. Так, Елише упомянул об «одиннадцати царях горцев» (*Юзбашян* 2001, с. 326). Мовсес Хоренаци в описании более ранних событий

рассказал о встрече армянского военачальника с отрядом, в котором находился «храбрый Шэргир, царь леков».

В «*VI в.* (курсив мой – *Ф.Г.*) сообщения о дагестанских правителях более подробны» (*Шихсаидов* 1975, с. 111). К этому же времени М.М. Атаев относил появление в Серире «феодальной дани и повинностей в пользу верховной власти, о которой упоминают *авторы VI в.* (курсив мой – *Ф.Г.*)» (*Атаев* 1989, с. 13). При этом ученые ссылаются на свидетельства Баладзори, завершившего свой труд в IX в., и более поздних восточных авторов. Следовательно, речь может идти лишь о сообщении арабского источника более позднего времени, включившего в свое повествование сюжет о событиях трехвековой давности. Что послужило источником для рассказа о давних событиях – неясно.

Как известно, арабская историография возникла в VIII в.[16] на основе устной традиции арабов, среднеперсидской, греческой и сирийской литературы. Ее изначальные образцы – т.н. «книги походов», к коим относится и труд Баладзори, повествовали об арабских завоеваниях. К достоинствам работ данной группы авторов следует отнести использование ими договоров арабов с местными правителями об условиях подчинения, уплате податей и т.д. С IX в. появляются сочинения группы «Всемирной истории». В их число входили как сравнительно небольшие труды /Исфахани и др./, так и огромные, многотомные фундаментальные произведения. Специфическая черта данной группы памятников заключалась в изображении прошлого немусульманских народов лишь в связи с их взаимоотношениями со странами халифата. Наглядный пример – работа Табари /ум. в 923 г./ – многотомная «История пророков и царей», легшая в основу всех позднейших мусульманских «всеобщих историй». До наших дней дошла лишь ее краткая редакция в 13 томах. Иранец по происхождению, Табари свой труд, написанный на арабском, начал с сотворения человека по Библии, затем изложил библейские и традиционные, сохраненные в устной передаче, семитские предания, иранский эпос и др.

Среди географических и исторических работ X в. /«золотого века» арабской историографии/ описания Кавказа включали работы Хордадбеха /первоначальный текст до нас не дошел; судя по отзывам пользовавшихся им географов X в., труд Хордадбеха был большим по объему/, Мукаддаси /крупнейший арабский географ того времени, автор своеобразной 6-томной энциклопедии/, Ибн Хаукаля, Якуби, Масуди, Ибн Рустэ. К этому же ряду следует добавить персидскую хронику «Худуд ал-алам», автор которой имел в своем распоряжении какой-то источник кавказского происхождения (*Новосельцев* 1980, 41–42; 2000, с. 280–284, 283–284, 289; *Szymanski* 1988, P. 298–308). Последняя группа памятников отличается более полной информацией о географической и этносоциальной характеристике Кавказа.

Учитывая приведенные в кратком изложении особенности арабской и персидской литературы раннего средневековья, вернемся к реконст-

рукции социальной карты Дагестана начала второй половины I-го тысячелетия.

Все исследователи данного периода истории Северо-Восточного Кавказа обращаются к следующему сюжету Баладзори. Перевод А.Р. Шихсаидова (1975, с. 111; 1980, с. 69): Хосров Ануширван /531–579 гг./ «пригласил... царей (Дагестана – *Ф.Г.*), назначил их, предоставив каждому из них шахство /над отдельной областью/. Среди них хакан горы, а он сахиб ас-Серир, и называется он вахрарзаншах, царь /малик/ Филана, а он филаншах, табасараншах, царь ал-Лакза с титулом джуршаншах и царь Маската, царство которого /в настоящее время уже/ не существует, и царь Лирана, с титулом лираншах. И назначил он владетелем /сахиб/ Бухха над Буххом, владетеля Зирикерана над Зирикераном. И утвердил он маликов горы ал-Кабк в их владениях и заключил с ними мир, на условиях внесения подати /итав/». Перевод П.К. Жузе: «И *выбрал* (курсив мой – *Ф.Г.*) Ануширван царей и назначил их, предоставив каждому из них шахство над отдельной областью. Из них были: хакан Горы, т.е. владетель Сарира /трона/, с титулом Вахрарзаншах, и царь Филана, он же Филаншах, и Табасараншах, и царь ал-Лакзов с титулом Джуржаншах, и царь Маската, царство которого уже не существует, и царь Лирана, с титулом Лираншах, и царь Ширвана, именующийся Ширваншахом... и утвердил он царей горы Кабк в их владениях и заключил с ними мир, обязав платить ему подати» (*Баладзори* 1927, с. 7).

Начало рассматриваемого сюжета в переводах отличается. Если в первом варианте Хосров Ануширван *пригласил* дагестанских *«царей»* и лишь затем «назначил их, предоставив каждому из них шахство», то во втором случае Хосров *выбрал* «царей». Разница, на наш взгляд, принципиальная. В первом варианте иранский царь не «дал» правителей и государственную власть отдельным дагестанским землям, а «застал в Дагестане местных правителей, власть которых он сохранил и утвердил» (Шихсаидов, Атаев и др.). Во втором же случае Хосров *выбрал* «царей», что можно понимать и как свидетельство наличия в отдельных социумах вождей разных уровней, из которых владыка Ирана *выбрал* угодных себе «царей». Здесь же отметим, что в коллективной монографии (*Гаджиев, Давудов, Шихсаидов* 1996, с. 177) А.Р. Шихсаидов предпочел иной перевод: «*выбрал...правителей* /мулук, ед.ч. малик/», вместо прежнего перевода: «*пригласил... царей, назначил их*, предоставив каждому из них шахство /над отдельной областью/» (курсив мой – *Ф.Г.*).

Арабский источник сообщает о традиционной церемонии одаривания зависимых правителей дорогими халатами: «Нуширван, сын Кубада... обосновал в каждой стране /*тараф*/ предводителя /*каид*/. Выделив ему войско, отдав *сук* /земельный участок/ в качестве *дийа*, определив его вакфом их потомкам. Их потомки стали с того времени охраной пределов страны /Дербентского оборонительного комплекса/. Он одарил каждого из каидов в день его назначения на охрану определенного ему *сагра* /пограничной области/ халатом /*каба*/, разрисованным различного

рода рисунками. Предводитель носил титул по названию рисунка, что на халате. Так появились имена: *баграншах* 'шах кабанов', *ширваншах* 'шах львов', *филаншах* 'шах слонов'. Один из них имел в своем распоряжении серебряный трон, /потому/ его называли *сериршахом*, а по арабски 'владетель трона', а 'серир' не арабское имя, а персидское» (курсив мой – *Ф.Г.*) (*там же*, с. 177).

Строительство «городов» и крепостей сасаниды сочетали с переселением в опорные пункты персидских воинов и «обеспечением предводителей земельными участками, дийа, с правом их наследования. Условное наследственное землевладение, налоговая система были...в раннем Арабском халифате». Правда, как признают ученые, «нет документальных данных о налоговой политике сасанидов в Дагестане». Более того, высказано предположение о различной степени власти сасанидов в регионе: она «более всего ощутима в Дербенте и его округе, и была практически номинальной во внутренних районах Дагестана» (*там же*, с. 178).

Баладзори, напомним, в отношении владельцев дагестанских социумов применяет различные термины: Сериом правит «хакан горы», Филаном, Табасараном, Маскатом, Лакзом, Лираном – «малики» /«цари»/, Буххом и Зирихгераном – «владетели» /«сахибы»/. Считается, что это связано с различной степенью развития социальных отношений в отдельных районах раннесредневекового Дагестана. «Наиболее сильным был Серир, и правитель его назван хаканом по аналогии с хазарским хаканом. Далее идут малики – термин, который в первые века ислама арабские авторы прилагали преимущественно к немусульманским государям». Правители же небольших социумов – Бухха и Зарихгерана – «названы сахибами /букв. «владельцы»/» (*Шихсаидов* 1975, с. 12).

Говоря о титулах глав различных дагестанских социумов середины I-го тысячелетия, не следует забывать два момента. Во-первых, «указанные термины не всегда означали именно государя, главу государства как такового», порой они обозначали «просто главу племени или племенных объединений» (*Новосельцев* 1985, с. 99). Во-вторых, приведенная выше титулатура различных социальных групп в обществах Дагестана IV–VI вв., содержится в работах, созданных в иноэтнической среде и отстоящих от описываемых событий на несколько столетий. И уже поэтому возможен вариант перенесения на более архаичное время исторических реалий рубежа I–II тысячелетий. Однако это не смущает некоторых кавказоведов, по убеждению которых «термины, которыми пользуется... Балазури, действительно относятся к правителям дагестанских государственных образований, а не к племенным вождям». Появление на политической карте Дагестана IV–VI вв. «первых самостоятельных государственных образований во главе с правителями /малик, шах, сахиб, хакан/ – свидетельство перехода Дагестана в стадию раннеклассового общества». Появление городов со сложной структурой /цитадель, собственно город и рабат/, укрепленных поселений – «это факторы, сопро-

вождающие процессы социального развития» (*Гаджиев, Давудов, Шихсаидов* 1996, с. 178).

Весь приведенный сюжет из коллективной работы дагестанских ученых базируется на шатком основании. Веских аргументов в пользу признания владельцев Северо-Восточного Кавказа, упоминаемых Баладзори, «правителями *государственных* образований» не приведено. Тем не менее, эта, по меньшей мере спорная, идея послужила основой другого, не менее спорного, утверждения: появление в Дагестане IV–VI вв. «самостоятельных *государственных* образований во главе с правителями /малик, шах, сахиб, хакан/ – свидетельство перехода Дагестана в стадию раннеклассового общества». Использование арабскими авторами титулов, характерных для арабского общества рубежа I–II тысячелетий, для обозначения носителей властных функций в этносоциальных организмах Северного Кавказа более раннего периода чревато перенесением на горцев не свойственных им социальных представлений.

Что касается появления укрепленных поселений и городов – это, действительно «фактор *социального* развития»; но определить *стадию* развития того или иного общества по структуре поселений не всегда удается. Поселения, как правило, созданы очень рано; установить их изначальные функции не всегда возможно. Небольшой обзор начнем с крепости Тенг-кала в низовьях р. Сулак. Валы крепости даже спустя тысячу лет достигают 4–5-метровой высоты. Округлая планировка крепости занимает площадь 115х85 м. Раскопки выявили остатки оборонительных стен толщиной 6–7 м, возведенных из чередующихся слоев глинобита и сырцового кирпича размерами 40х20х10 см. Основным типом жилища древних обитателей Тенг-калы являлись легкие, плетенные, обмазанные глиной турлучные постройки и юрты. Это указывает на принадлежность древних жителей к кочевникам. Ранние пласты крепости относятся к первым векам н.э., заключительные – к VI–VIII вв.

Крупное Некрасовское городище /400х290 м/ располагалось на берегу Терека в 5 км к юго-востоку от одноименного села Кизлярского района. По мнению Л.Н. Гумилева, здесь некогда аланы укрылись от гуннов. Это поселение также было защищено мощным рвом и оборонительной стеной 6-метровой толщины.

Самый впечатляющий памятник Терско-Сулакского междуречья – Андрейаульское городище, расположенное на левом берегу р. Акташ в 2-х км от одноименного селения Хасавюртовского района. Городище тянется вдоль берега почти на 1,5 км и достигает 450 м в ширину. С напольной стороны оно защищалось мощной системой валов и рвов. Основная часть, площадью 500х450 м, была укреплена системой валов в 8–10 м высоты и глубокими рвами. Над рекой возвышалась тщательно укрепленная цитадель, протяженностью около 150 м. В 1 км к северу от городища обнаружены остатки обособленной части; по мнению М.Г. Магомедова, – это посадская часть поселения. Хотя удаленность от самого городища данного поселения делает сомнительной его определе-

нис как посада. Находки в культурном слое указывают на неоднократные пожары и разрушения – свидетельство постоянных военных столкновений. С южной стороны Андрейаульского городища в древнем овраге обнаружен целый производственный комплекс двухъярусных гончарных обжигательных печей. В целом, сложная планировка и обширные размеры городища, укрепленного системой оборонительных валов и рвов, следы ремесленного производства придают ему облик важного раннесредневекового торгово-экономического центра Прикаспия. Археологи в состоявшей из трех частей структуре городища видят «показатель сложного классового состава его обитателей, отделенных друг от друга оборонительными сооружениями» (*Магомедов* 1990, с. 27–32).

Среди других поселений I-го тысячелетия отметим Верхнечирюртовское городище, расположенное в проломе Приморских хребтов, на месте выхода Сулака на Прикаспийскую низменность. Точные размеры городища установить невозможно из-за затопления значительной его части при сооружении здесь ГЭС. Скорее всего, в древности городище имело форму квадрата 1x1 км. Огромный для своего времени город, раскинувшийся по обоим берегам Сулака, был укреплен массивными оборонительными сооружениями. Северо-восточные подступы к городищу и Сулакской долине прикрывала мощная заградительная стена длиной около 1 км. Крепостные стены сохранили следы трех строительных периодов. Первоначально стены и четырехугольные башни, имевшие толщину 4 м, были сооружены из рваного камня на глиняном растворе. На втором этапе разрушенные прежде стены были восстановлены. И, наконец, на третьем этапе стены утолщены до 10 м при помощи пристроенных массивных наружных панцирей. Четырехугольные башни перестроили в массивные округлые диаметром 14–16 м. Причем, они расположены через каждые 24 м. В систему обороны городища входили и выносные башни. Как строительная техника, так и антисейсмические пояса из камышовых прокладок свидетельствуют о высоком профессиональном мастерстве их создателей. Важная роль крепостных сооружений данного городища видна из его названия: тюркское *чир* – «стена», «ограда», «забор»; *юрт* – «селение», «дом». В итоге *Чирюрт* – «селение у стены /или за стеной/» (*там же*, с. 34–35).

У восточной окраины города находился «целый комплекс обжигательных гончарных двухкамерных печей» (*там же*, с. 36).

К городищу примыкает несколько могильников с погребениями различных типов. Основной могильник с захоронениями в подкурганных катакомбах расположен к востоку от городища. Здесь сосредоточены наиболее значительные /более 50 м в диаметре/ насыпи курганов. Под ними сооружены обширные погребальные камеры – катакомбы, по форме напоминающие кибитки кочевников. Здесь же находились четыре церкви VI–VII вв. Разнообразный и богатый сопровождающий инвентарь указывает на принадлежность этого могильника привилегированной части древнего населения Верхнего Чирюрта. В то же время могильники рядо-

вых горожан с бедными захоронениями в простых грунтовых ямах и бескурганных катакомбах располагались к югу от городища, на обширных пойменных террасах правого берега Сулака (*там же*).

Материалы первых веков н.э. курганного могильника Верхнего Чирюрта свидетельствуют о появлении в этом районе кочевников, видимо, алан-массагетов – *маскутов* древних закавказских источников. Сопровождающий материал VII–VIII вв. указывает на принадлежность кладбища военной знати.

Перемены, наметившиеся в структуре социумов Дагестана в период ирано-византийских войн, получили развитие в ходе арабо-хазарских войн. Согласно Баладзори, в Дагестане «выбрал Ануширван царей и назначил их, предоставив каждому из них шахство над отдельной областью... и заключил с ними мир, обязав платить ему подати» (*Баладзори* 1927, с. 7). Некоторые историки /как показано выше/ полагали, что это свидетельство «возникновения феодального государства». На наш взгляд, в данном случае речь скорее идет о существовании в Дагестане VI в. налога /для уплаты дани завоевателям/, но не ренты; во главе дагестанских ЭСО того времени стояли «правители» (*Шихсаидов* 1975, с. 63–64; *Магомедов* 1988, с. 41), а не «цари» в позднейшем значении термина. Позднее арабы также обложили покоренное население данью. В Румянцевском списке «Дербент-наме» в описании событий той эпохи говорится: «/Абу Муслим/ приказал, чтобы Кайтак и правитель Табасарана Мухаммед Мусум платили ежегодно /налог/. Этот установленный налог использовать не /лично/ для себя, а на исполнение службы. Сами же они /лично/ не должны вмешиваться в харадж». Мерван, захватив Дербент, «с окружающих сторон... назначил харадж: ...ежегодно Кумук должен давать сто рабов и рабынь и двадцать тысяч мер пшеницы. От Гюбечи назначил пятьдесят рабов. От Кайтака назначил пятьсот рабов, двадцать тысяч мер пшеницы. От Табасарана назначил пятьсот рабов, двадцать тысяч мер пшеницы. /От Кюре, Кураха и Ахти назначил двадцать тысяч мер пшеницы/ и сорок тысяч дирхемов наличными. А улицы Дербента /от нечистот и грязи/ должны были очищать люди Табасарана» (*Шихсаидов, Айтберов, Оразаев* 1993, с. 34, 36).

Аналогичные сведения привел Баладзори (1927, с. 18–19): Мерван обложил жителей Табасарана ежегодной данью в 10 тысяч мер зерна; правитель Зирехгерана /в «Дербент-наме» – Гюбечи/ обязался «доставлять ежегодно 50 юношей и 10 тысяч мер в зернохранилище». Дагестанские исторические сочинения приводят интересные данные о социальной структуре дагестанских социумов VI в., выделяя правителей отдельных сел и местностей. Например, в «Ахты-наме» говорится, что в 560 г. «раисы этих местностей, собравшись... посовещались и обратились» к персам. Согласно «Тарих Дагестан», жители региона в ту пору были «неверными... людьми /из населения/ области войны. Они поклонялись идолам, были наделены мужеством и богатством... В каждом селении находились правители» (*Шихсаидов, Айтберов, Оразаев* 1993, с. 68, 97). Существует

мнение, что в VI–VII вв. в Северном Дагестане архаические институты управления перерождаются в единоличную власть военно-политического вождя конфедерации (*Гадло* 1986, с. 16–17).

Ценные сведения содержит социальная терминология, применяемая различными авторами той поры в отношении хазар. В событиях VI в. сасанидские памятники «Хвадай-намак» рассказывают о тюркском каганате, расцвет которого связан с хаканом /маликом, царем/ Сенджибу /Сенджиу/. Правитель хазар назван *маликом* /«царем»/. Союзника императора Ираклия Михаил Сириец называет *хакан-хазар* (*Новосельцев* 1990, с. 85–87). Но другие, более ранние источники, предводителя хазар так не называют. Мовсесу Каганкатваци известен «наместник северного царя, именем Джебухакан, второй в царстве его». Отвечая на обращение Ираклия, Джебухакан отправил к нему на помощь «1000 всадников, отборных, мужественных и искусных стрелков». Учитывая малочисленность отправленного отряда, а также его состав – 1000 «отборных всадников» – можно предположить, что речь идет о дружине Джебухакана. Во всяком случае, отборный отряд хазар разбил персов, охранявших проход Чора, и успешно прошел по странам Закавказья. Немного позднее «царь севера» /хакан?/ «отправил обещанное воинственное войско под предводительством племянника своего, которого в честь его княжеской власти называли Шад». В другом месте Каганкатваци вновь обратился к этому эпизоду: «Выступил хищный зверь /т.е. хазары/ северный с кровожадным орленком своим Шатом». Не встретив серьезного сопротивления в Иверии и Тифлисе /«никого не нашел в нем из прежних храбрых мужей»/, «царь севера» с богатой добычей «отправился восвояси, оставив воинственное войско с сыном своим Шатом, которому дал в руководители мужей храбрых» (*Армянские*... вып. II, с. 34–35).

Феофан в сюжете о событиях 625/6 г. рассказывает о хазарах, напавших на северо-западную провинцию Ирана. Во главе нападавших стоял «предводитель» Зиевил, бывший «*вторым человеком по достоинству* (курсив мой – *Ф.Г.*) после хагана» (*Чичуров* 1980, с. 59).

Вопрос об идентификации Зиевила решается неоднозначно. Одни исследователи видели в Зиевиле Джебухагана, предводителя хазар, отказываясь отождествлять его с Тунг-ягбу[17], хаганом западных тюрок, хотя и признавали их современниками, косвенно причастными к смерти Хосрова II Парвеза. Другие считают его полководцем хазар, приводя в качестве параллели армянские и древнегрузинские варианты имени /«эристав Джибго», соответствующий Джебухагану Мовсеса Каганкатваци/. Третьи выступают против сопоставления Зисвила с хазарским ябгу-хаганом, полагая, что в иерархии хазар вторым после хагана лицом являлся *бек*. В частности, этой позиции придерживался Д. Данлоп, опиравшийся скорее на древнеармянские, нежели византийские источники. Но и это сопоставление наталкивается на возражение со стороны фактического материала. Бек, согласно более поздним арабским памятникам, должен происходить из другого /нежели хаган/ рода. А это противоре-

чит сообщениям армянских авторов /Джебухаган – брат «царя севера»/. Кроме того, Д. Данлоп считал ошибочным совмещение высшего титула /Джебухаган/ и подчиненного ему /второй после хагана/ в одном лице. В итоге ученый пришел к выводу о том, что Зиевил не являлся хаганом Хазарии, как и не являлся носителем хазарского титула /«бег» или «ябгу»/. Д. Данлоп в качестве гипотезы отождествлял Зиевила с хаганом западных тюрков, резиденция которого находилась к северу от Ташкента. Г. Хауссиг рассматриваемый антропоним выводил из тюркских слов, в переводе означавших «ябгу» + «царь». Соединение данных слов встречается в титуле хагана Бактрии. Китайские источники верхушку иерархической лестницы восточных тюрков выстраивали следующим образом: ябгу, шад, тегин, се-ли и тудун; все должности, делившиеся на 28 классов, были наследственными. В целом верховная иерархия большого древнетюркского союза /т.е. восточных и западных тюрков/ состояла из 6 человек, а малых союзов – из 3-х: хагана, ябгу и шада. И.С. Чичуров модифицировал отождествления, предложенные Э. Шаванном, Д. Данлопом и Г. Хауссигом: «В большой федерации тюркских племен ябгу не был, строго говоря, вторым человеком после хагана /даже если не принимать во внимание малого хагана/, поскольку в ней было два ябгу /левый и правый/; тем самым отпадает сопоставление Зиевила с хаганом западных тюрков. На втором месте ябгу мог стоять в малом союзе тюрков, что, думается, дает основание видеть в Зиевиле ябгу-хагана западных тюрков» (*там же*, с. 101–102, примеч. 218).

А.П. Новосельцев предположил, что хазарский социум «постепенно, к 90-м годам VI в., выдвигается на первый план в Восточном Предкавказье». Глава хазар уже в то время носил титул *малик* /«царь»/. В описании событий 626–628 гг. армянские источники упоминают «царя севера» */аркай тюсисой/*, но главным действующим лицом становится джебу-хакан. Мовсес Каганкатваци называет его термином *йаджорд*, добавляя, что он – второе лицо в государстве. Наиболее точным переводом названного термина А.П. Новосельцев считал «следующий /по чину/», очевидно, после «царя севера». Следовательно, продолжал ученый, правитель хазар формально признавал верховную власть хакана тюрок. В то же время владыка хазар назывался не просто *джебу*, но *джебу-хакан*. Видимо, такой двойной титул – свидетельство самостоятельности хазарского правителя, и присоединение к титулу 'джебу' титула 'хакан' «это демонстрировало». Войсками командовал Шат, который в источниках назван племянником «царя севера» и сыном джебу-хакана, женатого на сестре «царя севера» – тюркского хакана. В то же время Шат назван и *тагаворди*, т.е. «сыном царя», следовательно, к его отцу применим титул *таговор*[18] – «царь». Все это свидетельство по сути номинальной власти хакана тюрок над хазарами во второй половине 20-х гг. VII в. (*Новосельцев* 1990, с. 86–87).

Письменные источники сохранили интересные свидетельства о социальной структуре горских племен, например – санов. Подробную ха-

рактеристику этого племени, обитавшего в высокогорных районах Центрального Кавказа, привел Прокопий Кесарийский. «Издревле тзаны жили независимо и не знали над собой никакой власти, ведя звериный образ жизни, считая и почитая богами рощи, птиц и всяких других животных. Они всю свою жизнь проводили в горах, поднимающихся до неба и покрытых лесами; земли они не возделывали, но жили всегда грабежами, воровством и разбоями. Но поднимающиеся здесь холмы – не обычные возвышенности, не земляные, не такие, на которых могут расти посевы и плодоносные растения, если кто приложит здесь свой труд и старание, но они исключительно каменисты, с крайне твердой почвой и бесплодны, не принося никакой плодоносной растительности. Пахать эту землю нельзя, нет тут нив, чтобы их жать, не встретить тут и зеленого луга... тзаны искони жили независимо».

В середине VI в. они приняли христианство, «стали вести более кроткий образ жизни; отказавшись от всякого разбоя, они служили в римских войсках и ходили с ними на врагов». Юстиниан построил у санов храм, проложил дороги, «по всей стране построил крепости и поместил там сильные гарнизоны из римских воинов». На стыке владений «римлян, персоармян и самих тзанов» Юстиниан «выстроил очень сильную, прежде не существовавшую крепость, по имени Горонон... здесь император поместил начальника войск, которого называют 'дукою' /вождь, dux/. В местечке, отстоящем от Горонон на расстоянии двух дней пути, в пределах так называемых тзанов-окенитов /так как тзаны делятся на много племен/, в этом месте еще древними людьми было сооружено укрепление, уже давно пришедшее в разрушение вследствие отсутствия заботы о его поддержании; имя ему – Хартон. Император Юстиниан восстановил его и добился того, что оно было заселено большим количеством жителей, служа охраной порядка в стране». К востоку от Хартона византийцы возвели еще одно укрепление – Бархон. «По сю сторону оврага у подошвы гор выстроены стойла, где находятся быки /и коровы/ тзанов-океанитов... они держат этот скот, чтобы постоянно доить молоко и питаться их мясом». К северо-западу от санов-океанитов располагались саны-кокслионы. «Ныне здесь императором сооружены два укрепления: так называемое Схималинхион и то, которому дают имя Тзанакон; здесь он приказал находиться другому военачальнику» (*Прокопий* 1939, с. 247–248).

В «Войне с персами» Прокопий также рассказал об этом горском племени. Цаны, в прежние времена называемые санами, «издревле жили ... как независимое племя. Они никому не были подвластны и занимались грабежом живших по соседству римлян; жизнь они вели самую суровую и питались только тем, что награбят, ибо их земля ничего не давала для их пропитания. Поэтому василевс римлян ежегодно посылал им определенное количество золота с тем, чтобы они не грабили больше тамошние места. При этом они давали свои старинные клятвы, однако потом, презрев то, чем они клялись, совершали неожиданные набеги, причиняя

огромные опустошения не только армянам, но и соседним с ними римлянам, вплоть до моря; затем, после кратковременного набега, они быстро возвращались домой». Сталкиваясь с римскими войсками, они «терпели поражения в битве, но вследствие неприступности их местности окончательно покорить их было невозможно». Римлянам все же удалось «привлечь их на свою сторону. Переменив образ жизни на более культурный, они стали записываться в римские отряды и в дальнейшем ходили с римским войском на врагов. Переменили они и свою веру на более благочестивую, став христианами» (*Прокопий Кесарийский* 1993, с. 48).

Масуди «царство *Санария* /Ц'анар/» локализовал «между пограничной областью Тифлис и... замком алан». Царь санаров называется *koriskus* /«*chorepiskopus*»/, что является обычным титулом этих «царей». «Они христиане, но претендуют на происхождение от арабов, а именно от Низара б. Ма'адда б. Мудара, а затем от ветви /*фахз*/ Укайл, поселившейся здесь с давних времен. В этом районе они господствуют над многими /местными/ народами» (*Minorsky* 1958, P. 162). А. Алемань перевел данный фрагмент чуть иначе: «Между Тифлисским пограничьем /*tagr Tiflis*/ и Дарьяльским замком /*gal»at Bab al-Lan*/ – находится царство *al-Sanariyah*» (*Алемань* 2003, с. 351 /*g*/).

А.А. Чекалова присоединилась к мнению Н. Адонца, локализовавшего санов «в нагорной области, образуемой Пархарским хребтом, между Чорохом и берегом Черного моря до Трапезунда» (*там же*, с. 472, примеч. 125). Г. Филд вслед за В. Миллером санаров /*Tsanarki*/ считал племенем, «жившим вблизи Дарьяльского прохода» (*Field* 1953, P. 53).

Предметом оживленной дискуссии остается этническая принадлежность и географическое расположение санов. Для решения второго вопроса ученые обращаются к сведениям т.н. «Армянской географии», чье авторство и время создания также дискутируются. Недавно этим вопросам посвятил фундаментальный труд Р. Хьюсен. Его подробные комментарии содержат справки практически по всей предшествующей античной, средневековой, а иногда и последующей исторической географии и этнографии Армении и сопредельных с ней стран. В результате анализа всех версий Р. Хьюсен присоединился к сторонникам версии о принадлежности «Ашхарацуйц» Ананию Ширакаци, написавшего свой труд в VII в. (см.: *Муравьев С.Н.* 1997, с. 224–234).

В настоящее время существует несколько переводов «Армянской географии». В варианте перевода С.Т. Еремяна *цанары* /саны/, «у которых аланские ворота», локализуются в кавказских горах, «после народа Ардоз» в соседстве с племенами «Рачан /Пиндж/, Двалов /Хонов/, Цхумов, Овсуров». Р.А. Габриелян рачанов и цхумов относит к картвельским племенам; двалов и овсуров – к компонентам «алано-осетинского этноса». Причем, по этнониму овсуры «осетины были названы в грузинской историографии осами». Цанары же «локализуются у истоков р. Терек» (*Армянские*... 1985, вып. II, с. 16, 47 примеч. 47–52).

С.Т. Еремян обратил внимание на наличие на «Второй карте Азии»

Птолемея названия племени *Sanaraei*; «это цанары армянских и грузинских источников. Данное племя населяло верховья реки Терек». К северу от цанаров находился «*Sarmaicae Portae*, который должен соответствовать Дарьяльскому ущелью – Аланским воротам античных и раннесредневековых источников – 'Дурн Аланац' «Армянской географии» (*Еремян* 1970, с. 405).

А.Алемань, опираясь на реконструкцию С.Т. Еремяна первоначального армянского текста «Географии», рассматриваемый сюжет изложил в следующей редакции: «И в тех же горах, за народом Ардоза, живут... и цанары, в земле которых находятся Аланские ворота» /*Ew i noun lerinn yet Ardozian azgin bnaken... Canarrk', yorowm Alanac' dowrn*»/ (*Алемань* 2003, с. 369).

Ю.С. Гаглойти воспользовался переводом А. Сукри: «В тех же горах (Кавказа – *Ф.Г.*) за ардозцами живут дачаны, двалы, цехои, овсуры, тцанары, в земле которых находятся Ворота аланские и еще другие – Кцекен, названные по имени народа» (*Аланика* 2000, № 2, с. 242). Согласно Ю.С. Гаглойти, двалы /осетин. *туал*/ – «одна из этнографических групп алано-осетинского этноса», населявшая Центральную Осетию. «Цехои – **х /к** – показатель множественности в армянском/ интересно сопоставить с осетинским... Чехойта» – фамилии, относившейся к знатному аланскому роду Царазонов. «Овсуры, надо полагать, идентичны 'овсам' грузинских источников». Тцанары, идентичные санарам или санареям Птолемея, «населяли верховья р. Терека». Хотя этническая принадлежность санов остается дискуссионной, ученый не исключил возможность их принадлежности к какой-либо части аланского этноса (*там же*, с. 253, прмеч. 40).

В 1970 г. в осетинском селении Коби, расположенном вблизи Военно-Грузинской дороги, «удалось записать древнее название горы Казбек *Сана*. Осетинам других районов Северной Осетии имя *Сана* неизвестно». Возможно, с этим же топонимом связан этноним *сонэ* – кабардинское название сванов, а иногда и всего населения южнее Крестового перевала. «Вполне возможно, что сохранившиеся в настоящее время в осетинском и кабардинском языках названия *сана, сонэ* сопоставимы с античным и раннесредневековым сан/ар/ – цан/ар/» (*Волкова* 1973, с. 126–127).

Ю.А. Дзиццойты предположил связь между осетинским названием горы Казбек – *Sana* с древнеиндийским *sanu* «вершина», «гребень горы», «горный хребет». С этим же осетинским названием сопоставлен этноним народа, жившего вблизи Дарьяльского ущелья – санар/цанар. «Если верна наша этимология, – пишет Ю.А. Дзиццойты, – то санары – *горцы*. Следовательно, в санарах можно видеть осевшее в горах Кавказа индоарийское племя» (*Дзиццойты* 1992, с. 252–253).

В. Минорский *ц'анар* переводил с грузинского как «мужественные горцы», жившие у Кавказского перевала (*Minorsky* 1958, P. 162, F. 1).

Здесь же отметим, что Ю. Клапрот во время своей экспедиции на Кав-

каз в 1807–1808 гг. выяснил, что осетины называли мохевцев *цона*, а весь район от Дарьяла до Коби – Сона (*Klaprot* 1812, S. 676).

Последнюю по времени попытку определить этническую принадлежность санов/цанаров предпринял М.К. Джиоев. Разброс мнений по этому поводу исследователь объясняет спецификой информации сохранившихся письменных памятников – античных, древнеармянских, древнегрузинских, арабских и др. В них часто встречаются различные вариации этнонима: цанары, санары, саны, цаны. Как правило, сведения названных источников ограничиваются либо простым упоминанием названия народа, либо их участием в политических событиях на Кавказе. По мнению ученого, источники, главным образом «Армянская география» VII в., «позволяют отнести цанаров, как и кудетов, двалов, овсуров, к одному этническому миру с аланами». Важным аргументом считается «сохранение в осетинской номенклатуре этнотопонима Сана, обозначающего население и территорию Дарьяльского ущелья до Крестового перевала, а также наличие здесь осетинского населения, имеющего глубокие исторические корни. Часть его со временем огрузинилась, составив этнографическую группу горных грузин – мохевцев». В статейных списках российских послов в Грузию в XVI–XVII вв. рассматриваемый этноним сохранился в форме «Сони», «Сонские люди», причем, применялся он «для обозначения осетин, или вообще жителей Дарьяльского ущелья» (*Джиоев* 2001, с. 278–279).

На основании кратких тезисов доклада трудно судить о степени надежности аргументов позиции М.К. Джиоева. Но можно согласиться с автором в другом: «Тезис о принадлежности цанаров к скифо-сарматоалано-осетинскому этносу имеет право на существование и представляется не менее аргументированным, чем любые другие точки зрения» (*там же*, с. 279).

Участие в ирано-византийских войнах на стороне империи способствовало сохранению информации о социальном устройстве санов. Напомним, что согласно Прокопию, цаны «назывались в прежние времена санами и не были никому подвластны. Они грабили соседственных римлян, вели жизнь самую суровую и занимались разбоем; земля их не производит ничего потребного к их продовольствию. Царь римский посылал им ежегодно определенное количество золота для удержания их от грабежа» (*Прокопий* 1862, с. 78).

В описании атаки персов на отряд римлян и санов, защищавших узкий горный проход, Прокопий еще раз подчеркнул отвагу санов. Последние, в отличие от покинувших лагерь персов, «бросились бегом к лагерю и безо всякого труда обратили врагов в бегство, убив многих из них» (*Прокопий Кесарийский* 1993, с. 172).

Агафий в разделе о событиях 554 г. оставил интересную характеристику элиты военной аристократии санов. «В числе *виднейших военачальников* (курсив мой – *Ф.Г.*) был некто по имени Феодор, происходивший из племени цанов, но воспитанный у римлян, отказавшийся от варварс-

ких, хотя и отечественных, нравов и приобщившийся к их более высокой культуре. Итак, этот Феодор со своей дружиной /за ним следовало не менее 500 его соотечественников/ еще оставался у Телефиса, так как ему было приказано Мартином уходить оттуда не раньше, чем увидит всех наступающих неприятелей... Он же смелый и на все способный...» (*Агафий* 1953, с. 55).

Отвагу и высокие воинские навыки предводитель цанов продемонстрировал в ночной атаке скального укрепления мисимиян, союзников персов. Вместе с сотней «отважных византийских воинов» в этом бою участвовал «Феодор, таксиарх цанов» (*Свод* 1991, с. 297, 306–307, ком. 6. 1. 10. 1, 10. 2).

Рассказывая о событиях 556 г., Агафий вновь повествует о том же предводителе отряда санов. Весной по решению римских военачальников «послано было против неприятеля около четырех тысяч пехоты и конницы, среди которой были мужи, пользующиеся величайшей известностью, и среди них – Максенций и Феодор, вождь отряда цанов, оба воинственные и таксиархи». Римский военачальник и вождь санов обнаружили «около пятисот савиров», расположившихся «на каком-то возвышенном пункте, далеко отстоящем от остального войска». Воспользовавшись беспечностью противника, Максенций и Феодор отправили 300 всадников, которые уничтожили почти всех савиров (*Агафий* 1953, с. 55–56, 116–117).

В 557 г. часть санов, бывших союзников римлян, «оставив прежний образ жизни, начали жить по подобию разбойников и предпринимали вражеские набеги на местности, прилегающие к Понту, опустошали поля, нападали на путешественников и даже, совершая набеги на Армению, уносили оттуда, какую могли, добычу и вели себя не иначе, как если бы они были открытыми врагами. Против них посылается Феодор, их соотечественник, считавшийся одним из первых римских токсиархов». Возведя полевой укрепленный лагерь около города Фердориада, пригласил санов, «которые были еще спокойны и дружественны и еще не отпали. Он одаряет их подарками, восхваляет их благоразумие и умеренность». Вскоре вокруг лагеря разгорелся бой; Феодор отправил большую часть своего отряда в тыл наступавших (*там же*, с. 137–138). Одержав бесспорную победу, Феодор еще более упрочил свое положение и авторитет как среди соплеменников, так и среди римлян.

Забегая вперед, отметим рассказ Масуди о «царстве Санария» /Sanariya, Ts'anar/, находившемся «между пограничной крепостью Тифлис и упомянутой уже крепостью 'Ворота алан'». В грузинском языке *ц'анар* – «мужественные горцы», проживавшие у центрального кавказского перевала. Их царь назывался *корискус* /«хорэпископос»/, что «является обычным титулом их царей» (*Minorsky* 1958. P. 161–162).

Вторая половина I-го тысячелетия отмечена переменами у адыгских племен. В это время на черноморском побережье сооружаются укрепленные городища и крепости. Например, в Туапсинском районе возле

поселка Новомихайловский Н.В. Анфимов исследовал две раннесредневековые крепости. Археологический материал с территории Туапсе и Сочи свидетельствует о существовании у местного населения мотыжного и плужного земледелия. Из ремесел особое развитие получило керамическое производство. О его масштабах можно судить по обломкам керамики, буквально устилавших, по словам Ю. Воронова, поверхность почвы на поселениях и склонах вокруг них, а также входивших в состав сопровождающего инвентаря погребений. О немалом количестве гончарных мастерских свидетельствуют обнаруженные в большом количестве керамические шлаки. Местные мастера освоили производство кирпичей и черепицы (см.: *Половинкина* 1999, с. 22).

Нашествие гуннов существенно перекроило этнополитическую карту. Было уничтожено Боспорское царство, разрушены многие античные города Крыма и Северо-Восточного Причерноморья. Единичные памятники V–VI вв. (Елизаветинский 2-й, Пашковский 1-й могильники), связываемые с меотами, говорят о возвращении незначительной части протоадыгского этноса, что, вероятно, стало возможным в условиях относительной стабилизации обстановки после первых гуннских погромов. Положение адыгских племен усугубило появление на черноморском побережье Тамани готов, вытеснивших оттуда керкетов. В результате этого к середине I-го тысячелетия политическая роль меотских племен на Северо-Западном Кавказе была подорвана настолько, что их этническое название практически исчезло со страниц источников того времени (*История народов Северного Кавказа* 1988, с. 95).

Великое переселение народов скорректировало локализацию аланских племен. Из степных районов они отступили на юг, преимущественно на правобережье Терека и в верховья Кубани. О резком увеличении плотности населения в названных районах свидетельствуют большое число бытовых и погребальных памятников середины I-го тысячелетия, а также увеличение размеров городищ – Нижнего Джулата, Терекского, Хамадиевского, Алханкалинского и др. Судя по катакомбным могильникам алан, они, главным образом, продвинулись в места с удобными перевальными путями, ведущими в Закавказье: Дарьяльский проход в верховьях Терека, Клухорский перевал в верховьях Кубани (*там же*).

Д.С. Коробов, рассматривая могильники алан Северного Кавказа, отметил достаточно многочисленную группу катакомб V–VIII вв. в восточной Кабардино-Балкарии и Осетии. Здесь найдено 67 катакомб из 7 могильников, два из них происходят с территории Кабардино-Балкарии /Балым и Нижний Джулат/, остальные – из Осетии /Архон, Галиат, Камунта, Садон, Хазнидон/. Отметим, что отнесение археологических памятников Архона и Садона к *западной* Осетии более чем условно, ибо названные села географически относятся к центральным районам Осетии. К IV–V вв. относятся грунтовые катакомбы Брута, а некоторые комплексы Чми-1 и Чми-Суаргома – к V–VIII вв. (*Коробов* 2003, с. 101–104, сл.).

Аланские памятники второй половины V – первой половины VI в. в Кисловодской котловине представлены 18 мужскими и 13 женскими погребениями. Для первых характерно наличие предметов вооружения и конского снаряжения, обувных накладок и наконечников, альчиков, кремневых отщепов, кувшинов в дромосе, клепаных бронзовых котлов и стеклянных сосудов. Кластерный анализ позволил разделить мужские захоронения на три группы. В первую вошли наиболее богатые погребения, вероятно – «знатных воинов» /кат. 123 могильника Мокрая Балка I и погребения из кат. 10 и 11 могильника Лермонтовская скала 2/. Из находок выделим мечи, ножны мечей, ножи, бронзовые котлы, стеклянные сосуды и т.д. Значительно больше погребений, отнесенных к рядовым, составили вторую группу. Наконец, третью группу, скорее всего – «рядовых воинов», составили наиболее богатые погребения рядовых общинников (*там же*, с. 220–226).

Определенные перемены у восточных алан зафиксировали письменные памяники. По свидетельству Прокопия, аланы в начале VI в. не контролировали важный стратегический Дарьяльский проход. Владевший им гунн Амбазук, имя которого /«амбазук» – по-осетин. «равноплечий»/ выдает его связь с аланской элитой, предлагал византийскому императору за деньги уступить проход вместе с крепостью. Однако, не имея вблизи Дарьяла союзников, император отказался от этой сделки. Вскоре царь персов Кавад «завладел вратами, изгнав оттуда детей Амбазука» (*Прокопий* 1862, с. 46–47).

Согласно Захарию Ритору, Кавад настойчиво спрашивал с римлян 5 кентинариев золота, которые он получал в качестве платы за содержание персидского гарнизона, оберегавшего проход от гуннов (*Пигулевская* 1941, с. 67). Однако вскоре ситуация изменилась и аланы вернули контроль над проходом.

На рубеже 40–50-х гг. VI в. социальный переворот произошел у западных алан; в результате старая родоплеменная знать («соцарствующие» архонты) была отстранена от управления. Византийские источники неоднократно упоминают независимого правителя («главу», «повелителя») Саросия. Впервые он упоминается при описании событий на Кавказе в 558 г. Последний раз о нем говорит Феофан в рассказе о военных действиях в регионе в 571–572 гг. Исследователи обоснованно видят в нем главу западно-аланской конфедерации, а в имени – титул *сар-и-ос* «глава осов» (*Кулаковский* 1899, с. 17, 48; *Ковалевская* 1984, с. 133–135). В VI в., очевидно, именно здесь проходил северокавказский участок Великого шелкового пути. В районах, подконтрольных Саросию, археологи обнаружили обилие дорогой шелковой одежды. По всей видимости, глава западно-аланского ЭСО не только взимал пошлины натурой за проход караванов по его территории, но и предоставлял купцам места стоянок и отдыха, охрану, проводников, вьючных животных, продукты питания. Вполне вероятно, что аланские купцы сами принимали участие в торговле шелком. Во всяком случае, чуть позднее аланы уверяли Льва Исавря-

нина, что их «купцы всегда ходят» в Абхазию. Среди шелковых тканей, обнаруженных во время раскопок на Северном Кавказе, около 50% – согдийского производства, около 25% – византийского и около 18–20% – китайского (*История народов...* 1988, с. 102). Функционирование аланских маршрутов Великого шелкового пути через перевалы Северо-Западного Кавказа включало Западную Аланию в систему мировой торговли (*Савченко* 1999, с. 125–139). Предполагаемый контроль Саросия над внешней торговлей возглавляемого им социума является одной из характерных черт стадии развития, обозначаемой термином «чифдом» /«вождество»/.

Примечания

1. На примере вестготских «королей» Х. Вольфрам рассмотрел титулатуру высшего слоя варварских обществ. Ни одного подлинного титула вестготских королей ранее 507 г. пока не известно. Ближе всего к такому титулу надпись *Alaricus rex Gothorum* по краю венской геммы, принадлежавшей, видимо, Алариху II. Все остальные обозначения титулатуры подражали императорскому стилю, не достигая его уровня, либо по рангу соответствовали обращению, подобавшему патрицию Запада как вице-императору. Эврих и Аларих в официальных документах сами называли себя *принцепсами*. «Не позднее 506 г. готские войска впервые праздновали победу по имперскому образцу или, точнее, подражая 'провинциальным императорам'. После подавления тортосского восстания они прошли торжественным маршем через Сарагосу, неся впереди голову убитого вождя восставших. К тому же, вестготы еще говорили по-готски, они не делали различия между латинским *rex* /читается: «рикс»/ и своим традиционным *reiks* /тоже читается: «рикс»/, поскольку оба слова не только одинаково произносились, но еще и приобрели одинаковое значение» (*Вольфрам* 2003, с. 301).

Аммиан Марцеллин в сюжете об осаде г. Амиды войсками Шапура в 359 г. обратил внимание на следующую деталь: слева от шахиншаха персов «ехал Грумбат, новый царь хионитов /Grumbates, Chionitarum rex njvus/, человек средних лет, уже покрытый морщинами, правитель выдающегося ума и прославленный множеством побед. С правой стороны ехал царь /rex/ албан, равный с первым по месту и почету, а позади – различные командиры, выделяющиеся по уважению и власти, за ними следовали в огромном количестве отобранные люди из отборных сил соседних народов, приученные продолжительными упражнениями переносить всякие тяготы войны» (*Аммиан Марцеллин* 1994, с. 157).

В приведенном фрагменте, помимо изображения иерархии социальных групп, построенной на «авторитете и власти», интересно содержание термина *rex* в отношении Грумбата – главы хионитов, и в отношении «царя албан». Социум хионитов Аммиан относил к «племенам, отличавшимся особой воинственностью» (*там же*, с. 124), у которых статус главы социума определялся «авторитетом» и воинской доблестью. Грумбат возглавлял собственную дружину – «отборный отряд телохранителей» (*там же*, с. 166). Расположение «царя албан» – равного с Грумбатом по *месту* и *почету* – справа от Шапура – свидетельствует, хотя и о небольшом, но все-таки превосходстве «царя албан» над Грумбатом, ибо в «табели о рангах» Шапура не было мелочей; место в иерархической таблице каждо-

го лица обуславливалось не только почетом и местом, но и «подушкой» /на которой располагалось то или иное лицо во время пиров и других публичных мероприятий/, а также «повязкой». Эти «детали» определяли порядковый номер в «Разрядной грамоте» (*Гаджиев* 2003, с. 116).

2. В одной из недавних работ Г.И. Диснер уточнил свое понимание феодализма. Рассматривая администрацию вандальского королевства, он отметил ее сложную структуру. Во главе администрации стоял «препозит империи» /*praepositus regni*/, которому подчинялись министериалы /*referendarius, notarius* и *primiscrinarius*/. В рамках военной карьеры наибольшей значимостью обладали *millenarii* /тысячники/, «которым также были доверены задачи управления поселениями, соответствующие тысячам». При королевском дворе находились функционеры с названием должностей: *baiuli, ministri reges* /королевские чиновники/, *domestici* /служители/ или *comites* /комиты/. При этом последние, подобно графам каролингской эпохи, очевидно, занимали очень высокое положение. Особенно существенным немецкому ученому показалось «часто высказывавшееся предположение, что служилая знать во многом демонстрирует зачатки дофеодальной и феодальной системы. Для такой системы характерны тесные личные отношения подчинения и верности королю и принцам», за что последние «наделяли леном», оказывали покровительство и содержали служилых людей. Нередко служилая знать не наделялась «земельными ленами», но в таких случаях она обеспечивалась денежным и натуральным вознаграждением. «Эти формы натурального хозяйства также напоминают феодализм; правда, невозможно определить, насколько феодальным стал и способ производства» (*Диснер* 2002, с. 144–145).

3. Такие термины, как *gens, genus-genos, geniologia, natio,* содержат представления о едином происхождения. Вместе с тем, источники, по мнению Х. Вольфрома, «подтверждают принципиальную полиэтничность *gentes*». Они всегда были смешанными, не являлись «целыми» народами и никогда не охватывают всех возможных членов рода; «их возникновение – вопрос не кровного родства, а внутреннего устройства. Поначалу это означает не больше чем объединение и поддержание единства разнородных групп, составляющих варварское войско». Вожди и представители «известных» родов, ведущие свои родословные от богов и способные соответствующими успехами подтвердить свою харизму, образовывали «традиционные центры притяжения», вокруг которых формируются новые племена: благодаря им этнические общности дробятся и изменяют свой состав. Все, кто относился к этой традиции, по рождению либо в результате испытаний, тот был частью *gens*, т.е. членом общности, единство происхождения которой определялось не по крови, а по преданию.

Формированию именно такого подхода к пониманию gens опосредованно способствовало перманентное пребывание племенного общества в состоянии войны. В таких условиях история воспринималась как рассказ о делах «храбрых мужей»; в расчет принимался только воин, господин. Племя и войско едины, gens – это «вооруженный народ». Так, в «королевство» Эрманариха, кроме гревтунгских остроготов, входили финны, славяне, анты, эрулы-росомоны, аланы, гунны, сарматы.

В конечном счете австрийский ученый под gens понимает как большую группу, так и род; как часть племени, так и конфедерацию нескольких этнических общностей. «Gens времен великого переселения народов не была сформировавшимся территориально-политическим единством, она представляла собой не сложившуюся национальную идентичность, не состояние, а подвижный процесс. Gens в стадии формирования /Origo-Stadium/ – 'всегда в пути', *in peregrinatione*, цель

которого заключается в том, чтобы посредством королевской власти и истинной веры /что, вероятно, всегда означало одно и то же/ превратиться в народ /populus/» (*Вольфрам* 2003, с. 17, 20, 24–25, 133).

4. Настойчивое требование Кавадом золота за сдерживание агрессии со стороны гуннов, возможно, связано с тяжелой ситуацией в экономике Ирана. В 491 г. страну постигли засуха и налет саранчи, что привело к серьезным потерям в сборе зерновых. Шах открыл государственные амбары с зерном, но это не предотвратило народные волнения (*Гумилев* 2002, с. 100–101). В такой ситуации поиск денег /для закупки хлеба/ на стороне представляется мотивированным.

5. По арабским источникам, владение Маскат/Маскут сохраняло суверенитет еще в начале IX в. «Маскат /Маскут/ – страна, состоящая из ряда укрепленных пунктов, поселений и полей»; ее границы проходили по р. Самур, побережью моря, владениям Лакз и Шабаран. «В прежнее время она имела независимого правителя */hukkam/*, чья власть прервалась в 833 г., когда эмир Баб ал-Абаб оккупировал страну» (*Minorsky* 1958. P. 41).

6. Краткий обзор мнений по поводу этнической принадлежности барсилов и локализации их территории см. *Бубенок* 2002, с. 34.

7. Напомним, что *спаспет* – «главнокомандующий», термин, заимствованный из персидского. Г.А. Меликишвили полагал, что в те времена во главе государственной администрации стоял *спаспет*, бывший вторым после царя лицом, главой над всеми *эриставами*, а также правителем в центральной области Грузии – Шида Картли (*Меликишвили* 1959, с. 455). Ко времени жизни Джуаншера данный термин уже исчез из социальной терминологии грузин. Из слов самого автора разбираемого источника следует, что он не понимал сути термина и принял его за почетное звание царского воспитателя (*Джуаншер* 1986, с. 111, примеч. 20).

8. «Контакты скифо-сарматских племен с германскими, – писал В.И. Абаев, – были продолжительными и тесными». Даже после гуннского погрома в Крыму часть алан предпочла разделить судьбу своих соседей готов и прошла с ними огромный путь от Западной Европы до Северной Африки. Длительные контакты «в условиях сходного общественного строя сопровождались, видимо, взаимной ассимиляцией в быту и нравах, мифах и верованиях» (*Абаев* 1995, с. 385). Убеждение в близости германских и ираноязычных племен получило довольно широкое распространение среди немецких ученых еще в XIX в. В частности, эту идею отстаивал А. Гакстгаузен (ч. II, с. 115.). М.М. Ковалевский опроверг данную точку зрения, опираясь на аргументы своего ученого друга: «Всеволоду Миллеру окончательно удалось обосновать тот взгляд, что осетинский язык принадлежит к иранской ветви арийских языков» (*Ковалевский* 1886, с. 11–12).

В.И. Абаев (1995, с. 385) признал необоснованной позицию другого немецкого ученого, в конце XIX в. писавшего: «Alanen, nomad. Reitervolk, aus Sarmaten und Germanen gemischt» (*Meyers*...1883, S. 36).

9. Окончательно порядок наследования престола по старшинству установлен, возможно, в 447 году т.н. завещанием Гейзериха. Власть, отныне считавшаяся родовой собственностью королевской династии /«strips regia»/, должна была переходить к старшему на данный момент потомку Гейзериха мужского пола, чтобы избежать междоусобицы (*Диснер* 2002, с. 139–140). Опасения относительно возможной жестокой борьбы за верховенство имело под собой реальное основание. Передача власти в кочевых обществах нередко сопровождалась физическим устранением «возможных конкурентов, т.е. в первую очередь – своих братьев» (*Лысенко* 2002, с. 214).

10. Антропонимы аланской знати относятся к т.н. «говорящим» именам. *Гоар* –

go + ar «добывающий скот», *Беоргар* – «имеющий много крупного скота» (*Абаев* 1949, с. 159, 166). Объяснение последнего имени поддержано многими лингвистами (М. Фасмер и др.), хотя оно имеет и другие этимологии. В частности, еще В.Ф. Миллер (1887, с. 96) в качестве основы предлагал осетин. /дигор./ *bewra* «много» + *korun* «просить». Сангибан – *сонг* «рука» + *бон* «сила», «мощь» = «имеющий мощь в руке». *Базук – базу* «рука», «плечо». *Амбазук* – «равноплечий». *Еохар – йеу* «просо» + *хар* «есть» = «просоед». *Саурмаг – сау* «черный» + *арм* «рука» = «смуглорукий». Аланским является и имя царя Грузии Вахтанга – *уарх* «волк» + *тан* «тело» = «волчье тело» (*Козырева* 1976, с. 238–239). Имя аланского аристократа – Аудак, возможно, связано с латинским *audacia* «дерзость», «неустрашимость» (*Кардини* 2000, с. 110). В форме *Аддак* в 418 г. упоминается «царь» алан в Испании. В.И. Абаев данный антропоним сопоставлял с именами аланской знати, сохранившимися в китайских хрониках: *Адачи/Атачи*. Этимология остается дискуссионной. В. Радлов выводил антропоним из тюрк. *atak* «слава»; Г. Вернадский – из осетин. *addak* «внешний»; А. Алемань в качестве основы предлагает форму *at/t/aka* «папа, тятя» (*Алемань* 2003, с. 121).

11. Происхождение термина *as* все еще не имеет однозначного решения. Опираясь на труды лингвистов /В.И. Абаева, М. Фасмера/, А. Алемань предполагает возможность единого происхождения грузинского *os-* и встречаемой в древнегреческих, арабских, средневековых западноевропейских и славянских памятниках формы *as*, хотя грузинская форма восходит к *ovs*. В то же время, ученый обращает внимание на абхазское *waps* «осетин». Что касается возможных этимологий, то испанский ученый обычное обращение к авест. *asu-* «быстрый» называет едва ли убедительным. «Еще менее убедительна связь с *Aesir*, ед. ч. *Ass* скандинавской мифологии /возможно, народная этимология Снорри Стурлусона/» (*Алемань* 2003, с. 32–36).

12. В осетинском языке сохранилось слово *xsid* «заря», «зарево». Восходит к иран. *xsaita* «сияющий», «блестящий». Аналогичный термин применялся в отношении героя золотого века иранской мифологии *Yama-xsaita* «Яма блистательный». Иранский корень *xsay* совмещал два значения: «сиять» и «властвовать». С семантической стороны сопоставим с русск. «Ваше превосходительство», нем. *Durchlaucht* – «обращение к персонам княжеского ранга», лат. *illustris* «сияющий», «знатный». У арабских и персидских авторов – титул правителей Ферганы и Согда. Интересна параллель с согд. *xsid*, «в свою очередь, этимологически и по значению неотделимо от вед. *ksaita – царь*» (*Абаев* 1989, с. 232–233).

13. Этимология имени не ясна. Предлагались различные толкования этого антропонима. Д. Моравчик выводил его из венгерского *Qyurda* – «друг огуров» и тюркскую *Qurt* – «волк». Не отвергая трактовку Д. Моравчика, Ф. Альтхайм в качестве еще одного возможного варианта привел среднеперсидскую этимологию от *gurd* – «герой». Китайское *Juan-Juan* соответствовало в древнетюркском *Qurt*, которое имело и значение «волк»; волк являлся тотемным животным у тюркитов; *Qurt* встречается в именах алтайских князей (*Чичуров* 1980, с. 79, примеч.72).

14. Армия Византии состояла из провинциального ополчения и императорского войска. Последние делились на 4 корпуса /*тагмы*/: 1) схола; 2) экскувиторы; 3) вигла /или арифм/; 4) гианаты. В IV в. трибун командовал сколой, но уже в 441 г. он стал комитом схол; трибуны находились в подчинении у доместика числ (*там же*, с. 80, примеч. 74, 75).

15. «Налоги – это экономическая основа правительственной машины, и ничего другого» (*Маркс и Энгельс* т. 19, с. 29).

16. Возросший интерес арабов к научным знаниям о Кавказе Э. Шиманский

связывал с халифом Абд ал-Маликом /685–705 гг./ и его ближайшими наследниками (*Szymanski* 1988, P. 299).

17. И.С. Чичуров со ссылкой на М.А. Сеидова *yabyu* объясняет как «великий строитель», «творец», «творящий», «повелитель» (*Чичуров* 1980, с. 102, примеч. 219).

18. В разделе о правлении Аршака II (350–368 гг.) Мовсес Хоренаци рассказал о попытке Шапуха «схватить» армянского царя. «Но он скрылся от них в странах Кавказских при содействии иверийцев» (*Армянские*...1985, вып. I, с. 38). Р. Габриелян связывает это событие с бытующим у осетинского народа преданием «О происхождении алдарских фамилий Тагаурии», выводивших свои родословные от армянского царя /или царевича/ (*Габриелян* 1985, с. 78). В генеалогических преданиях феодалов восточной Осетии, алдаров, родословные восходят к фольклорному герою – армянскому царевичу *Тага*. Данным термином обозначалась одна из непременных инсигний армянских царей конца I-го тысячелетия – корона, именуемая словом «*таг*». Например, корона Смбата I Багратуни изготовлена из золота, а специальные завязки для волос украшал жемчуг. Здесь же отметим, что одним из основных терминов для обозначения царского титула (наряду с *аркай*) был *тагавор*; оба термина древнего происхождения, засвидетельствованные в наиболее ранних памятниках армянской письменности. Этимология термина *тагавор* прозрачна – слово восходит к *таг* – «венец», «корона» (*Юзбашян* 1988, с. 70–72). По мнению Н.Д. Миклухо-Маклая (1954, с. 204, примеч. 10), арм. *тагавор /таговер/* «венценосец», «царь» заимствовано из персидского – «довольно обычное наименование у мусульманских авторов восточных христианских государей вплоть до византийских императоров включительно».

V.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ I-ГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

V. 1. Усиление роли военной аристократии в социумах Северного Кавказа VII – середины VIII вв.

В рассматриваемый период произошли определенные перемены в социально-экономическом развитии горских народов. Для выявления структуры хозяйства интересные данные, наряду с письменными источниками, дают комплексные исследования природных, географических условий; а для определения общественного устройства, помимо прочего, важно изучение историко-архитектурных комплексов древнего населения Северного Кавказа.

Такая работа проделана при изучении аланской крепости Горное Эхо в Кисловодской котловине. Раскопки на самой крепости выявили «наличие нескольких /как минимум двух/ строительных периодов». Хронологические рамки существования памятника – VI–X вв. Многолетняя работа по реконструкции ландшафтно-почвенных особенностей вокруг крепости позволила установить: «Природные условия исследованного региона /Кисловодская котловина/ были стабильно благоприятны для развития пастбищного скотоводства и земледелия». Аналогичное исследование на сопредельных территориях Западного Кавказа показало принципиальные различия ландшафтной динамики этих регионов, в рассматриваемый период населенных родственными племенами. «Изучение антропогенных террас показало высокий уровень технологий, применявшихся аланами для их создания». В целом, изучение аланских поселений и сельскохозяйственных угодий вокруг них, особенностей строительной техники и систем землепользования показывает, что «аланы хорошо адаптировались к особенностям предгорного ландшафта» (*Аржанцева и др.* 2004, с. 7–8).

По материалам закубанских могильников раннего средневековья /Сопино, Борисовского, Абрау-Дюрсо, Агойского, Молдаванского и др./,

угольная засыпка, игравшая очистительную роль, обнаружена в 23 погребениях /2%/ . Причем 43% являлись детскими, 39% – женскими, 8% – мужскими, еще в 10% не удалось определить половой признак усопших. Анализ сопровождающего инвентаря мужских погребений показал, что общество, оставившее данные памятники, являлось военизированным. Оружие обнаружено в 89% могил. В IV–VII вв. наиболее распространенными видами оружия были кинжалы, мечи, копья, стрелы, гораздо реже – боевые топоры. Щитов не обнаружено вовсе. Кинжалы /1 или 2/ располагались у головы, а мечи и копья – вдоль тела. Конская упряжь, найденная в ногах костяков, представлена удилами, псалиями, подпружными пряжками, седлами, от коих сохранились пластины обивки. В ряде мужских могил обнаружены компактные группы женских украшений и предметов туалета (*Джигунова* 2004, с. 67–68).

В тех же археологических памятниках VIII–IX вв. оружие составляли сабли, копья, боевые топоры, стрелы; крайне редко встречаются кинжалы и щиты. Орудия труда наиболее часто представлены серпами и мотыгами. Мужские комплексы Ф.К. Джигунова разделяет на 4 группы. Первую составляют могилы с оружием и элементами конской упряжи. Во вторую входят погребения с оружием, но без сбруи. Третью, напротив, составляют погребения с упряжью, но без оружия. Четвертая, *элитная*, небольшая группа из 9 погребений всадников /4%/, отличается сопровождающим инвентарем, в котором выделим богатый сбруйный убор из начельников и крупных ременных блях. Все детали изготовлены из позолоченного серебра. Захоронения данной группы отмечены во всех могильниках, датированных VIII–IX вв. Представляется оправданной позиция Ф.К. Джигуновой, связавшей погребения четвертой группы с воинами высокого социального статуса (*там же*, с. 68).

По мнению археологов, социумы рассматриваемого региона характеризовались особым отношением к умершим детям. Это видно по деталям погребального обряда и обилию сопровождающего инвентаря.

В целом общества, оставившие могильники Закубанья, в имущественном отношении были достаточно однородными. Однако небольшая группа /около 10%/ погребений принадлежит лицам с относительно высоким социальным статусом. Среди захоронений всадников отчетливо выделяется элитная группа – «всадническая аристократия /военачальники/» (*там же*, с. 68–69).

К третьей четверти I-го тысячелетия относится часть аланских катакомб Северного Кавказа. Могильник Байтал-Чапкан, находящийся вблизи Кисловодской котловины, исследовала Т.М. Минаева. Из 34 изученных ею катакомб 6 содержали мужские и столько же женские захоронения. Остальные погребения либо не удалось определить по половому признаку, либо они относятся к детскому возрасту. В этом могильнике отмечено достаточно устойчивое деление погребального инвентаря на мужской и женский наборы. Среди мужских захоронений по богатству сопровождающего инвентаря выделяется катакомба 29,

содержавшая предметы конской упряжи, пряжку, нож, шило, кости козы/овцы, керамику, бронзовый котел. Эта же катакомба отличается от остальных своими размерами и некоторыми чертами погребального обряда. Среди женских захоронений погребение в катакомбе 24 выделяется наиболее представительным инвентарем и не типичными для данного могильника особенностями. В целом же археологи отмечают однородность основной части населения, оставившего данный могильник (*Коробов* 2003, с. 190–194).

В Кисловодской котловине к настоящему времени обнаружено более 300 аланских погребений V–VIII вв. Сравнение погребального инвентаря 248 взрослых и 61 детских могил выявило серьезные различия в его составе в зависимости от возраста усопшего. Только для взрослых захоронений характерно наличие предметов конской упряжи, оружия, элементов защитного снаряжения /кроме остатков панциря, найденных лишь в одном детском погребении/, некоторых категорий украшений /перстни/, туалетных принадлежностей, раковин каури, амулетов в виде птиц. 13% детей и 32% взрослых были похоронены в скорченной позе, 78% детей и 63% взрослых уложены вытянуто на спине.

Для определения наборов сопровождающего инвентаря было выделено 56 мужских и 70 женских погребений из катакомб с одиночными и парными захоронениями. Погребения мужчин характеризует наличие конского снаряжения, оружия /кроме единственной находки лука в дромосе катакомбы с парным захоронением мужчины и женщины/, специфически мужских амулетов /кремень или альчик/ и бронзовых котлов в дромосе или камере. Некоторые категории инвентаря, найденные в мужских и женских погребениях, имели разное расположение. Так, единственный обнаруженный в женском погребении кинжал находился у пояса погребенной. В то время как в мужских погребениях кинжалы зафиксированы у головы или у правой/левой руки (*там же*, с. 194–196).

Анализ аланских памятников Кисловодской котловины /мужская выборка составила 80 погребений, женская – 121/ позволил Д.С. Коробову выделить 4 группы погребений. Первая из них, состоящая из 6 погребений [123/3 Мокрой Балки I, 10/1 и 11/1 Лермонтовской Скалы I и 352/1-б, 357/1-б и 360/1-б из Клин-Яра], является самой представительной по составу инвентаря. Во всех могилах присутствовали бронзовые котлы, в 83% – сабля или меч, в 67% – импортные стеклянные сосуды. Для данных захоронений характерно наличие деталей конского снаряжения, луков и стрел, пряжек или поясов. «Очевидно, перед нами та часть мужского населения Кисловодской котловины, которая составляла воинскую элиту» (*там же*, с. 196–198).

В целом в мужских захоронениях Кисловодской котловины V–VIII вв. отмечено наличие конского снаряжения /11%/, наступательного оружия – сабля или меч /14%/, луки, колчаны или меч /9%/. Наиболее типичной находкой являются ножи – 65%, пряжки или поясной набор – 33% и 36% соответственно. *Элитные* воинские погребения региона составляют

8% от общего числа рассмотренных мужских захоронений. К «воинским» отнесено 38%, «рядовым» – около 25%, «бедным» – около 30% мужских погребений. Важным представляется вывод Д.С. Коробова: результаты анализа «показывают принципиальное деление мужских погребений по наличию или отсутствию предметов вооружения и конского снаряжения, демонстрируя размытость границ между этими группами» (*там же*, с.199–203).

Анализ данных о погребальном обряде тех же памятников подтвердил основное деление мужских захоронений на две неравные группы: элитные погребения знатных воинов с присущим им набором сопровождающего инвентаря /наступательное вооружение, бронзовые котлы, предметы конского снаряжения, импортные стеклянные сосуды/ и отличительными чертами обряда /большие размеры усыпальниц, наличие ниш и углублений в камере, захоронений в дромосе/. Остальные могилы не имеют четко разделяемых особенностей погребального обряда и размеров погребальных сооружений.

Изучение 121 женских погребений V–VIII вв. Кисловодской котловины не дало повода для их разделения на группы по набору сопровождающего инвентаря. Лишь использование укрупненного списка признаков позволило обозначить деление женских захоронений на группы. К первой относятся женские могилы, содержавшие специфические аксессуары костюма, амулеты, зеркала и туалетные принадлежности; вторую, промежуточную по «богатству», группу составили погребения с поясами, ножами, амулетами, туалетными принадлежностями и монетами. Наконец, еще одна группа захоронений характеризуется наличием ножей, поясных пряжек и предметов культа. В целом для женских погребений Кисловодской котловины присуща однородность, условность их деления на некие ранги (*там же*, с.205–219).

Д.С. Коробов подразделил аланские захоронения Кисловодской котловины /19 мужских и 30 женских/ на отдельные хронологические этапы. Мужские погребения второй половины VI – первой четверти VII в. Д.С. Коробов разделил на 4 группы. Первую составили 3 погребения из могильника Клин-Яр 3 /кат. 352/1-б, 357/1-б, 360/1-б/. Для всех характерно наличие бронзовых котлов, кинжалов, панцирей, ножей, кружек; в двух обнаружены мечи с ножнами и портупеями, луки с колчанами и стрелами, предметы конской упряжи, стеклянные сосуды, поясные наборы, обувные пряжи и накладки, кувшины в дромосе и камере. В дромосе третьего погребения найдены останки лошади. Согласно Д.С. Коробову, «как и в предыдущий хронологический период /вторая половина V – первая половина VI в. – Ф.Г./, эти погребения составляют элитную группу. Однако представляется интересным, что все они происходят из одного могильника и даже с одного его раскопанного участка» (*там же*, с. 231–232).

Следующую группу составили 6 погребений из Мокрой Балки I, Замковый, Острый мыс I. Третий кластер также формируется 6 погребения-

ми /кат. 1/1, 94/2 и 100 Мокрая Балка; кат. 4/1 Мирный 2; 6/1 Кугульский; 16/2 Лермонтовская скала 2/. Второй и третий кластеры практически не отличаются по составу инвентаря, главными элементами которого служат поясные наборы, ножи и керамика. Названные памятники оставлены рядовыми общинниками.

Наконец, в четвертую группу попали 4 погребения из Мокрой Балки I и Клин-Яра 3. Они составляли своеобразную промежуточную группу между элитными памятниками первого кластера и рядовыми мужскими захоронениями второго и третьего.

Таким образом, в рассматриваемый период мужские погребения Кисловодской котловины разделялись на две основные группы: с одной стороны – «знатных воинов» [16%] с оружием и бронзовыми котлами, и рядовых общинников – с другой [63%]. Причем, как и на предыдущем этапе /второй половине V – первой половине VI в./, выделяется прослойка более богатых погребений с предметами вооружения, конской упряжи, бронзовыми котлами и т.д. Здесь же отметим, что «элитные» захоронения отличались от остальных и деталями похоронного обряда. Интересно еще одно наблюдение Д.С. Коробова: элитные мужские погребения сопровождаются «наиболее богатыми женскими захоронениями, причем все эти случаи относятся к могильнику Клин-Яр 3. Рядовые погребения мужчин из катакомб с парными захоронениями сопровождаются рядовыми погребениями женщин» (*там же*, с. 232–236, 242).

Следующий этап /вторая четверть VI – рубеж VII–VIII вв./ представлен 15 мужскими и 35 женскими могилами. В первых найдены украшения /фибулы, бусины, браслеты, перстни, серьги/, по мнению археологов, являющиеся скорее исключением; украшения зачастую находятся рядом с левой или правой рукой усопших, «что может говорить о ритуальном значении этих предметов, не связанных с погребальным костюмом усопших» (*там же*, с. 242–243).

Мужские погребения рассматриваемого этапа разделяются на три основные группы. Наиболее представительные по составу инвентаря включали в себя сабли, поясные наборы, амулеты, колокольчики, монеты; к этой же группе отнесены захоронения с предметами вооружения, конского снаряжения, поясными наборами, обувными пряжками и накладками. В первом случае памятники происходят из могильника Мокрая Балка I, а во втором – из могильника Клин-Яр 3. «Налицо локальные различия в погребальном обряде между общинами, оставившими эти могильники». Еще одна группа объединяла мужские захоронения с пряжкой и ножом, а также малоинвентарные и безынвентарные погребения. Интересно, что среди этой группы встречаются предметы вооружения и конского снаряжения. В целом мужские захоронения Кисловодской котловины рассматриваемого периода условно делятся на погребения «знатных» и «рядовых» воинов /по 13%/, «рядовых» /27%/ и «бедных» /47%/ общинников. Несмотря на условность данного деления, можно присоединиться к предположению Д.С. Коробова: «Подобная структура может

отражать постепенное углубление процесса социальной дифференциации, происходящее в аланском обществе с течением времени» (*там же*, с. 245–246).

В другом месте археолог еще раз подчеркнул эту мысль. «Основной массив данных... относится к V–VIII вв. и происходит с территории Кисловодской котловины... практически на всем протяжении этой эпохи выделяются две группы мужских погребений по сопровождающему их инвентарю и некоторым деталям погребального обряда». Одну группу составляли «знатные воины», вторую – «рядовое население», в свою очередь, подразделенную на «рядовых воинов» и «рядовых общинников» (*там же*, с. 276).

Для интерпретации данных археологии Д.С. Коробов обратился к осетинской этнографии. В традиционной культуре осетин сохранились следы аланских похоронных обрядов. В приписываемой А.М. Шегрену статье, опубликованной в журнале «Маяк» в 1843 г., приведен обряд погребения у осетин. Во всех горных районах Осетии «покойника одевают во все новое платье и *в полное вооружение* (курсив мой – *Ф.Г.*); надевают ему на голову шапку и покрывают буркою, а возле кладут в яме три чурека /просяной сухой хлеб/ и штоф араки, чтобы покойник дорогою в небо ни в чем не нуждался... Потом к могиле подводят коня в полном убранстве и конец дают в руки покойного. Если бы он не имел своей лошади, то ее ссужают на время обряда лишь одни искренние друзья умершего, полагая, что на том свете каждый будет жить полным своим хозяйством» (*Шегрен* 1998, с. 59; *Тменов, Бесолова, Гонобоблев* 2000, с. 436). После того, как коня трижды обведут вокруг могилы, один из старших соседей объявлял к усопшему: «тебе дается все платье, *оружие и лошадь* (курсив мой – *Ф.Г.*)» (*Шегрен* 1998, с. 62).

Через сорок лет после А.М. Шегрена в горах Осетии с научной экспедицией побывал другой академик – В.Ф. Миллер. Собранные материалы по похоронной обрядности позволили ученому определить их цель как стремление «проводить душу покойника в путь в загробный мир и снабдить его всем необходимым для этого пути». Поэтому усопшего одевали «в лучшее, вновь сшитое, платье». Вместе с тем, В.Ф. Миллер подметил изменения в структуре сопровождающего инвентаря. «Если осетины *теперь уже не хоронят с покойником его оружия* (курсив мой – *Ф.Г.*) и вещи, то память об этом обычае сохраняется в изображении таких вещей на могильном столбе. Нам нередко приходилось видеть памятники, расписанные красками: на них изображаются ряд патронов, носимых на черкеске, пороховница, нож, ружье, пистолет, плеть; ниже – лошадь, кувшин и чашка. Без сомнения, эти изображения представляют практическую замену обычая класть все эти предметы в могилу покойного. Впрочем, у осетин до сих пор сохранился один обряд, как отголосок обычая класть коня с покойником. Это так называемое *бахфалдисын*, посвящение коня» (*Миллер* 1998, с. 420, 434; подробнее об обряде посвящения коня у осетин см.: *Калоев* 1999, с. 181–217).

О том, что оружие играло роль своеобразного социального маркера, свидетельствуют сюжеты нартовских сказаний. В одной из версий сказаний цикла о Сослане, нартовский герой спрашивает Челахсартага: «Отчего ты, нартов алдар, идешь без оружия?» (*Чочиев* 1996, с. 97). Как видно, в народных представлениях принадлежность к высшему сословию ассоциировалась с оружием.

Приведенные этнографические параллели из погребальной обрядности позднесредневековых осетин, сопоставленные с обрядностью и сопровождающим инвентарем некоторых аланских могил Кисловодской котловины V–VIII вв. /например, погребения кат. 113 и 123 могильника Мокрая Балка I, кат. 352-б, 357-б, 360-б из Клин-Яра, 10 и 11 Лермонтовской Скалы 2 и др./, подтверждают заключение археологов о принадлежности усопших к аланской аристократии. Об этом красноречиво свидетельствуют параметры могил, наборы инвентаря, материалы, из которых сделаны многие вещи и т.д. Все это – свидетельства неординарности указанных мужских захоронений (*Коробов* 2003, с. 277).

Несколько погребений V–VII вв. из Кисловодской котловины А.П. Рунич условно назвал «княжескими» /погребение из могильника Острый Мыс 2, из катакомбы 10 могильника Лермонтовская Скала 2, кат. 113 из Мокрой Балки/ (*Рунич* 1975–1977).

Маркером социального статуса погребенных какое-то время считали поясной набор. В частности, С.А. Плетнева в одной из своих ранних монографий археологическим индикатором элитного класса хазарского общества считала наличие в погребении поясного набора (*Плетнева* 1967, с. 168–170). В.С. Флеров оспорил эту точку зрения; на материалах Маяцкого могильника он пришел к выводу о несостоятельности тезиса о связи между социальным статусом погребенного и поясным набором. Наличие или отсутствие таковых в могилах объясняется исключительно возрастом погребенных (*Флеров* 1990, с. 84–87).

Согласно периодизации Г.Е. Афанасьева, 4-й этап развития аланской культуры Центрального Предкавказья датируется первой половиной VIII в. В это время наиболее яркие вещевые наборы Мокрой Балки содержат монеты Ираклия /614–630 гг./, Константа II /641–668 гг./, Константа II и Константина /659–668 гг./, Тиберия III /698–705 гг./. Участие алан в арабо-хазарских войнах 721–738 гг. привело их к определенной изоляции, «что обусловило на этом хронологическом этапе особый импульс именно для внутреннего развития аланской культуры, без существенных влияний на нее извне» (*Афанасьев, Рунич* 2001, с. 237).

Объектом специального исследования недавно стал Клин-Ярский археологический комплекс, частью которого является средневековый катакомбный могильник V – начала VIII вв. В.С. Флеров предложил разделить погребения на два основных этапа: 1) V–VI вв.; 2) VI – начало VIII вв. В целом граница между ними близка к предложенной Г.Е. Афанасьевым для размежевания второго и третьего этапов хронологии могильника Мокрая Балка.

Анализ данных могильника Клин-Яр 3 показал, что обряд обезвреживания погребенного на данном памятнике, в отличие от Маяцкого, не сопровождался изъятием каких-то вещей. Археологи предполагают, что «вещи умерших, помещенные вместе с ними в могилы, были просто табуированы. Неудивительно, что в погребальных камерах оставались ценные и привлекательные во всех отношениях золотые серьги, позолоченные украшения, монеты». Поврежденный котел из медных листов и сломанный лук в катакомбе № 29 явно указывают на то, что какие-то вещи подлежали разрушению. Наиболее подверженной перемещениям и разрушению оказывалась керамическая посуда. Обращают на себя внимание беспорядочно разбросанные вещи всадника в той же катакомбе № 29, особенно это относится к вооружению, упряжи, стременам и удилам.

Как на интересный факт, укажем на скромное облачение погребенных. Очевидно, при них оставались лишь вещи, бывшие при них в момент смерти. Парадные одеяния отсутствуют. На женщинах оставались только те украшения, которые они постоянно носили. Прочее просто клали в могилу. Еще проще поступали с мужчинами, которых чаще всего сопровождали ножи. На умершего не надевали ни повседневного, ни парадного пояса (*Флеров* 2000, с. 84).

На Клин-Ярском могильнике захоронения воинов так же редки, как и на Маяцком. Среди десятков катакомб последнего, раскопанных В.С. Флеровым, всадникам принадлежали лишь катакомбы № 3 и 30. В катакомбе № 3 находились полностью разрушенное парное погребение и разрушенный скелет лошади. Значительная часть костей вообще была удалена, «но при этом остались золотые (!) серьги и две позолоченные пуговицы, а также покрытые серебряной фольгой большие бляхи упряжи. В катакомбе № 30 воин погребен без жены. Его скелет основательно разрушен; при нем бляшки поясного набора, сломанный лук, остатки седла. В камере – череп собаки. В дромосе захоронена лошадь с полным набором упряжи. Аналогичен инвентарь катакомбы № 29 Клин-Ярского могильника, содержавший и скелет собаки. Совпадает и такая деталь, как золоченые серьги у жен всадников (*там же*).

Сравнение данных по двум столь удаленным друг от друга могильникам указывает на строгую регламентацию обращения с вещами в ходе обряда обезвреживания как у алан Северного Кавказа V – начала VIII вв., так и у более поздних донских. Что касается несколько выделявшейся на общем фоне группы наиболее отличившихся воинов-всадников, то именно в их среде в большей степени сохранились старые обычаи отношения к вещам (*там же*, с. 84–85).

В целом мужские погребения Кисловодской котловины подразделяются на небольшую группу богатых захоронений «знатных воинов» /кат. 113, 114, 123 Мокрой Балки I; кат. 352, 357, 360 Клин-Яра 3; кат. 10, 11 Лермонтовской Скалы 2/ и основную, многочисленную группу погребений более низкого ранга – *афсад* «войско». Причем, внутри последней

прослеживается определенная иерархия. Она заключается в выделении особой подгруппы мужских захоронений, совершавшихся в одиночных усыпальницах и отличавшихся более «престижным» сопровождающим инвентарем. Это подтверждает идею Г.Е. Афанасьева о начавшемся процессе дифференциации внутри ранга *афсад* (*Афанасьев* 1993, с. 50; *Коробов* 2003, с. 278–280).

Признавая тенденцию выделения знатных воинов-вождей, *алдаров* /к коим, помимо отмеченных выше катакомб Кисловодской котловины, относятся погребение 7 могильника Хазнидон, 9 могильника Тарский в Северной Осетии и др./, некоторые археологи полагают, что социальный статус этих людей, видимо, не передавался по наследству. Так, С.Н. Савенко высказал мнение о том, что закрепление участков на кладбище за социально значимыми или зажиточными группами родственников методами археологии не прослеживаются не только в могильниках V–VIII вв., но и в более поздних (*Савенко* 1986, с. 91).

В.С. Флеров, исследовавший сословную структуру алан, оставивших Маяцкий могильник, пришел к выводу об их социальной однородности. Население данного социума не знало, будто бы, заметной имущественной и социальной разобщенности.

Целая группа раннесредневековых катакомбных могильников находится в горной полосе Северной Осетии – Архон, Верхний Садон, Галиат, Камунта, Кумбулта, Ход. Они расположены на высоте свыше 1300 м над уровнем моря. Окрестности Садона богаты месторождениями полиметаллических руд. В 1928 г. Е.Г. Пчелина в ходе историко-этнографической экспедиции в Алагирском ущелье доследовала ранее обнаруженную местными жителями катакомбу. Недавно З.П. Кадзаева здесь же на площади около 600 кв. м раскопала 50 комплексов, состоявших из 43 грунтовых катакомб, 6 захоронений коней и одного погребения во входной яме катакомбы. Погребенные, обнаруженные на глубине до 4 м, были уложены на слое пережженного древесного угля головами налево по отношению ко входу в камеру. Мужские захоронения за исключением одного, лежавшего на левом боку с подогнутыми ногами, совершены вытянуто на спине. Женские погребения совершены в слабо скорченном положении на правом боку с подогнутыми ногами. В катакомбе № 28 отмечен деформированный череп.

В камерах зафиксированы отдельные кости жертвенных животных; в редких случаях здесь же обнаружены керамические кружки. Сопровождающий инвентарь богат и разнообразен: оружие; детали конского снаряжения; поясная гарнитура геральдического стиля; кавказские фибулы шарнирной конструкции; зеркала; каменные, стеклянные и полихромные бусины; серьги, перстни, браслеты, туалетные принадлежности и т.д. Обращает на себя внимание наличие большого количества золотых и серебряных предметов. По мнению руководителя раскопок, стабильность погребального обряда и конструкции катакомб свидетельствуют, вероятно, об однородном этническом составе «населения раннесредневеко-

вого Садона и указывает на узкие хронологические рамки исследованной серии катакомб» (*Кадзаева* 2004, с. 87–88).

На наш взгляд, материалы могильника дают основание и для их социальной интерпретации. Верхний Садон расположен на Военно-Осетинской дороге /современное название – Транскам/, эксплуатировавшейся с древних времен. Начинаясь у входа в Алагирское ущелье, дорога через перевал вела в Закавказье. В аланский период на относительно небольшом ее участке располагалось несколько таможенных застав, подконтрольных аланам.

Напротив с. Биз, на правом берегу р. Ардон, расположены «Ворота Чырамад» /«Известковые ворота»/ – остатки древней таможенной заставы. Ее возведение одни предания связывают с генуэзцами, другие – с местным родом Цахиловых, которые несли здесь неусыпную караульную службу и взимали плату за проезд. Недалеко от этих мест найден серебряный сасанидский кубок, по предположению археологов, в VII в. взятый в качестве платы за проезд через «Ворота Чырамад» (*Пчелина* 1974 с. 257; *Кузнецов* 1974, с. 63–65; *Тменов* 1984, с. 200–201).

Выше по течению, также на правом берегу Ардона, расположена Нузальская наскальная крепость, состоящая из нескольких труднодоступных башен. По стойкой народной традиции, здесь, будто бы, существовал монастырь с кельями, укрытыми в толще горного склона. В кельях, якобы, хранились древние церковные книги и другие исторические реликвии, в начале XIX в. вывезенные грузинским священником И. Русишвили и затем бесследно исчезнувшие. Местные предания, основанные на конкретных реальных событиях, гласят, что в Нузальской крепости некогда жил аланский царь Ос-Багатар со своими сыновьями, от которых, будто бы, происходят почти все фамилии ущелья (*Кузнецов* 1990, с. 50–104; *Гутнов* 1993, с. 70–94).

В 2–3 км к югу от пос. Бурон, на левом берегу Ардона, расположена таможенная застава *Зылын дуар* «Кривые ворота». Она представляла собой комплекс из заградительных сооружений, подпорных стен и боевой башни, перекрывавших древнюю дорогу. Свое название застава получила из-за кривого, невысокого прохода, в случае нападения становившегося непроходимым препятствием для противника (*Тменов* 1996, с. 62–63). Перед заставой сохранился относительно большой участок мощенной камнем древней дороги. Подробное описание «Зылын дуар» в XIX в. оставил В.Б. Пфаф: «Версты две выше урочища св. Николая ущелье было прежде заперто древнею стеною, называемой Зылын дуар 'Кривые ворота'. Стена идет через всю ширину ущелья почти до берега реки Ардон, на котором выстроена другая стена, образующая правый угол и заслоняющая с северной стороны узкий проход». Между стенами дорога идет изогнутой линией, вследствие чего ворота эти получили название кривых. «Осетины приписывают сооружение этих ворот то Ос-Багатару, то царице Тамаре». Первое невозможно, ибо по устройству эти ворота служили защитой не с юга, а с севера. «Но и второе предположение не имеет

основания, потому что постройка эта новее XII или XIII столетия. Главная поперечная стена подымается на некоторое расстояние по крутому склону горы и на конце стоит будка, очевидно, служившая жилищем сторожа или сборщика пошлин, так как все это сооружение не что иное, как таможенная застава» (*Пфаф* 1871, с.143).

В 4 км к северу от с. Нижний Зарамаг на правом берегу р. Ардон зафиксированы руины Касарского оборонительного комплекса, состоявшего из внушительной башни и мощной заградительной стены 12-метровой толщины. По словам К. Коха /1837 г./, этот комплекс отделял «округ Нижнего Ардона ... от округа Верхний Ардон» (*ОГРИП*, с. 248). В «Географии Грузии» /1755 г./ царевича Вахушти описаны «скалистые врата, устроенные из камня на извести, с большим сводом над рекою... И ущелье это очень крепкое и недоступное» (*Вахушти* 1914, с. 145). Эту заставу неоднократно упоминали путешественники и ученые, побывавшие здесь. В.В. Маркович, например, писал: «Место это замечательно тем, что дорогу здесь пересекала очень высокая и капитальная /в несколько сажен ширины/ построенная стена... Теперь видны только остатки этой стены и бывшей здесь крепости, а наверху выше дороги видны остатки башни... Она очень древняя, это не подлежит никакому сомнению, и даже в воспоминаниях народа ничего не осталось о ней. Она гораздо древнее Зылын дуар... Особенно поражает колоссальность этой постройки». Стена была очень массивной; не случайно в народе ее называли «Китайской» (*Маркович* 1906, с. 78).

В 1986 г. экспедиция во главе с В.А. Кузнецовым исследовала остатки Касарского оборонительного комплекса, выделив три последовательных строительных периода. Выяснено, что после завершения всех работ итоговая толщина монолитной оборонительной стены составляла 11,8 м! Сохранившаяся высота комплекса доходила до 5 м. Ничего подобного в практике фортификационного строительства на Кавказе не было. Касарская оборонительная стена вдвое мощнее могучих стен таких крепостей, как Дербент и Хумара. Наличием нескольких строительных периодов Касарской заставы объясняются, очевидно, полученные специалистами различные даты ее возведения. Анализ Н.А. Голодковской древесного угля, взятого у стены на глубине 4 м, дал дату I в. н.э. Образцы известкового раствора, взятые из стены и исследованные А.О. Наглером, дали дату 651 г. (См.: *Кузнецов* 1990, с. 121–126). Комплекс существовал и позже. Подъемный материал дает массу предметов, датируемых временем до XIV в. (*Тменов* 1984, с. 165).

Буквально рядом с комплексом, в 50 метрах к югу от него расположен склеповый могильник *Галфандаг* – буквально «Бычья дорога». Из случайных находок отметим две серебряные монеты с арабскими надписями, чеканенные в 800-808 гг. в Закавказье в городах Заранг и Баджанис. Здесь же обнаружены стеклянные перстни, относящиеся к VIII-IX вв. В непосредственной близости от башни находится культовый комплекс *Мыкалгабырта* – святилище в честь покровителей воинов – святых

Михаила и Гавриила. Возможно, найденные здесь две арабские монеты являлись частью пошлины, взимаемой на Касарском укреплении (*Кузнецов* 1990, с. 91–92, 121–126).

На правой стороне реки, в ущелье Архонъдон, на древнем кладбище Е.Г. Пчелина вскрыла множество катакомб VII в. К этому же времени относятся и предметы из нижнесадонского могильника; среди них обнаружена золотая византийская монета императора Фоки (602–610 гг.). Предметы аланской культуры найдены и в верховьях Ардона (См.: *Кузнецов* 1962, с. 20; *Калоев* 1971, с. 24–25).

Памятники той поры на Ардоне еще очень плохо исследованы, и новые экспедиции могут дать гораздо больший материал. Так, в горах у Алагира случайно обнаружен, но так и не исследован могильник VIII–IX вв. (*Кузнецов* 1980, с. 78–90).

С учетом изложенного можно предположить, что какая-то часть богатых погребений раннесредневекового аланского катакомбного могильника возле с. Верхний Садон как-то связана с аланской знатью разных рангов, осуществлявших контроль над таможенными заставами на важнейшей в военном и торговом отношениях дороге. Подтверждает это и наличие в садонском могильнике византийского импорта и монет. Интересно, что рассматриваемый археологический памятник датируется второй половиной VII – первой четвертью VIII вв. Как видно, датировка могильника частично совпадает со временем функционирования таможенных постов на Военно-Осетинской дороге.

Показательно и наличие в могилах большого количества серебряных предметов местного изготовления – свидетельство разработки садонских серебряно-свинцовых руд в раннем средневековье (*Кадзаева* 2004, с. 88). О разработке полиметаллических руд в Алагирском ущелье Северной Осетии сохранились скупые сведения письменных и фольклорных памятников. В преданиях упоминаются богатые серебром горные владения алан в период царствования в Грузии Вахтанга Горгасала /V в./ и богатых дарах серебром Давида Сослана, второго мужа царицы Тамары /XII в./ (*Ковалевская* 2003, с. 60–61; 2004, с. 94).

Анализ восточных источников /Масуди, Ибн Рустэ, «Худу ал-Алам»/, привел E. Szymanski к выводу о расположении золотых и медных рудных источников недалеко от мощной горной крепости, которую каждый день охраняют 1000 воинов (*Szymanski* 1988, P. 305, F. 6).

В эпитафии начала XIV в., написанной на стене часовни, расположенной чуть выше рудника по течению Ардона, говорится: «Руды золота и серебра имею в таком изобилии, как вода» (*Гутнов* 1993, с. 72).

Свидетельства разработки свинцово-серебряных руд Садона в раннем средневековье сохранились в ряде дагестанских хроник. «Дербентнаме» упоминает подконтрольное «хакану» хазар владение /или город/ Ихран. Это владение наряду с Малыми и Большими Маджарами, Джуладом и другими городами «были владениями /*худуд*/ Хакана. Залежи золотой руды, которые были на той границе, и залежи серебряной руды,

имевшиеся на Тереке, Хакан передал сепахсалару этой пограничной линии – правителю Ихрана. После этого примирения между Кубадом и Хаканом не было больше нарушения /мира/» (*Дербент-наме* 1993, с. 18–19). *Сепахсалар* – персидский термин, обозначавший «/главно/командующий».

В «Дербент-наме» владение Ихран упоминается еще несколько раз. «Ихран является троном /*maxm*/ эмира Гелбаха». Г.М.-Р. Оразаев, комментируя данный сюжет, термин *эмир* предложил понимать в значении «повелитель, военачальник»; «князь» (*там же*, с. 20, 48 примеч. 60). «В крепости Ихран восседал сепахсалар Исфандийара, сделав [золотой] трон. Поэтому [правителя] Ихрана называют Владельцем трона /сахиб-и серир/. Арабы, однако, называют его Хатем ал-Джибали». Последний термин буквально означает «печать гор». В арабских источниках – Хакан ал-Джибали «*хакан гор*» (*там же*, с. 48 примеч. 66). «Через Ирхан, – продолжает рассказ источник, – протекает большая река» (*там же*, с. 20).

Интересен и следующий сюжет: Пашенек, «сын Хакана» потерпел поражение от арабов в крепости, «правителем» которой был «Батрас» (*там же*, с. 30). Данный антропоним явно аланского происхождения и означает «Батыр /багатар/ асов»; напомним, что *багатарами* назывался высший слой военной аристократии алан, из среды которых позднее сформировался царский род. Пашенек приказал правителям ряда крепостей подчиняться приказам «правителя Ихрана. Если тот сильный враг /т.е. мусульманское войско/ придет в эту сторону, собирайтесь все в Ихране и, объединившись, ведите бой [с врагом]. Но запрещается [идти туда] правителям Большого Маджара /Маджар-и Бозорг/ и Шехр-и-Татара. Другая помощь прибудет к вам, и [вы] в Ихране ведите войну с мусульманами» (*там же*, с. 30).

Свидетельства хроники «Дербент-наме» о социуме Ихран стали предметом специального исследования А.В. Гадло. В итоге ученый пришел к выводу, что речь идет об аланском владении на Центральном Кавказе – «стране *Ирхан*», последний термин понимая как «владения *иров* /т.е. иронов/» (см.: *Гадло* 1984а). Эту идею поддержал А.В. Кузнецов: «Не углубляясь в аргументацию А.В. Гадло, укажем, что страна Ихран-Ирхан им вполне убедительно сопоставлена с территорией обитания иров, т. е. иронцев – восточной группы осетин...» (*Кузнецов В.А.* 2003, с. 15).

Возвращаясь к рудным месторождениям Садона, отметим, что в осетинском языке *avzist* «серебро» относится, согласно В.И. Абаеву, к исконно осетинским словам. Тогда как общеарийское название серебра *arzat* в осетинском получило значение «руда». Возможно, «на осетинской почве оно применялось первоначально именно к серебряной руде, а потом к руде вообще» (*Абаев* 1958, т. I, с. 187–188, 212–213).

Социальным индикатором могут служить золотые изделия из аланских погребений раннего средневековья. В Эрмитаже долгие годы хранится «громадная коллекция золотых вещей» этого периода – свыше 450 предметов. А.А. Иерусалимская присоединилась к мнению А.А. Иессе-

на: «Такого количества золота не находилось в быту местного населения ни в какую другую эпоху его исторического развития» (*Иерусалимская* 2004, с. 83). Основная часть этого уникального по своему изобилию собрания все еще остается не опубликованной; специалистам известна едва ли десятая доля коллекции. Основную массу составляют материалы владикавказского краеведа К.И. Ольшевского, приобретенные Эрмитажем через Императорскую археологическую комиссию в 1887 г. Данная коллекция большей частью сформировалась из покупок краеведа у населения Северной Осетии; предметы происходили из аланских могильников Дигорского, Куртатинского и Тагаурского обществ. Главный, существенный недостаток этой, да и многих других групп памятников, заключается в отсутствии паспортных данных.

Большинство предметов собрания К.И. Ольшевского датируются VII–VIII вв., в редких случаях – VIII–IX вв. Небольшой пласт относится к эпохе переселения народов V–VI вв., с единичными более древними украшениями, обычно импортными. Менее обильны количественно, но более разнообразны серии уникальных золотых изделий /многие с инкрустацией/, две коллекции конца XIX в. с территории Кабардино-Балкарии.

Предварительный анализ «аланских» золотых изделий, хранящихся в Эрмитаже, позволил А.А. Иерусалимской высказать «сугубо гипотетическое предположение»: аланские мастера «работали, в основном, с привозным золотом, которое к ним могло поступать» из Иберии, Колхиды и Сванетии. Одной из причин называется отсутствие «сколько-нибудь значительных золотоносных ресурсов на Северном Кавказе» (*там же*, с. 85). Однако с этим можно поспорить; по крайней мере, один район с наличием золотой руды мы назвали выше – Садон в Северной Осетии. В качестве другой причины названа «необъяснимость изобилия золота именно в раннесредневековых аланских могильниках – с почти полным его исчезновением впоследствии». Единственно возможное объяснение А.А. Иерусалимская видит «в активном участии аланских наемников во всех военных событиях в Закавказье; при отсутствии у них денежного обращения плата за наемничество могла производиться в *слитках золота* /напомню находку в Чубурисхиджи мерных слитков с зарубинами/. Разумеется, это – только гипотеза» (*там же*). Здесь согласимся – это действительно только гипотеза.

Сплошной анализ аланских памятников Центрального Кавказа привел Д.С. Коробова к заключению о социальной неоднородности «аланского общества на протяжении IV–IX вв. По данным погребального обряда, – отмечает он далее, – мы можем проследить две основные неравноценные группы мужского населения». Первую составляют погребения с богатым сопровождающим инвентарем: предметами вооружения, конским снаряжением, бронзовыми котлами, стеклянными сосудами и др. Вслед за Г.Е. Афанасьевым Д.С. Коробов относит эти погребения к рангу *алдаров* – военачальников, «знатных воинов». Большинство осталь-

ных мужских погребений выглядят достаточно однородно и составляют группу, относимую к *афсад* «войско». Вместе с тем, Д.С. Коробов в материалах V–VIII вв. Кисловодской котловины выделил немногочисленную подгруппу воинов, сопровождающий инвентарь которых включал поясные наборы, предметы вооружения, конского снаряжения, металлические украшения на обуви. Большинство из них погребено в одиночных усыпальницах; возможно, это связано с тем обстоятельством, что они составляли разряд молодых воинов, погибших до того, как успели обзавестись семьями (*Коробов* 2003, с. 287–288).

В третьей четверти I-го тысячелетия н.э. военная по происхождению знать алан активно оттесняла от реального управления старую родоплеменную верхушку. Объективные причины для обострения конфликта между слоями знати были. В тот период особенности понимания «царской» власти отражали скорее ритуально-магическую, нежели административно-политическую функцию первых «царей». Они «обеспечивали» процветание коллектива, не столько управляя им, сколько выполняя строго регламентированные традицией ритуальные акты. Жизнь их превращалась в цепь тяжелых запретов; они все более отстранялись от управления и реальная власть сосредоточивалась в других руках. В связи с этим привлекает внимание рассказ Феофана об аланском владыке-полководце начала VIII в. Итаксисе.

Речь идет о сюжете с отправкой Юстинианом спафария Льва «в Аланию с деньгами, чтобы поднять аланов против абазгов». Прибыв в Лазику, Лев деньги оставил на хранение в Фасисе. Взяв с собой «немного местных жителей, он отправился в Апсилию и, преодолев Кавказские горы, пришел в Аланию». Тем временем Юстиниан, желая погубить Льва, забрал деньги из Фасиса. «Аланы же, приняв спафария со всяческими почестями и послушавшись его речей, напали на Абасгию и полонили ее» (*Чичуров* 1980, с. 65). Это выглядит несколько странно: аланы в тот период находились в дружественных отношениях с абазгами. «Властитель абазгов» прямо указал на это: «Да не иссякнет *наша старинная друг к другу любовь*» (курсив мой – *Ф.Г.*). На наш взгляд, поход алан на абазгов стал возможным по трем причинам.

Во-первых, аланы «уважили» просьбу своего могучего союзника. В ответе князю абазгов специально подчеркнуто: «Не ради денег послушались мы спафария, но из любви к василевсу». Второй причиной явилось присутствие в Закавказье большой группы арабов. Феофан четко говорит об этом: «В то время в Абасгии, Лазике и Иверии господствовали сарацины». Возможно, поход на абасгов аланы совершили, прикрываясь борьбой с арабами. Наконец, в-третьих, аланы не упустили случая поживиться за чужой счет. Глава западных алан Итаксис «двинулся против Абасгии и, напав неожиданно на ущелья, захватил большую добычу и опустошил их страну» (*там же*, с. 65–66). Последняя причина представляется весьма вероятной, ибо аланы нередко совершали грабительские набеги на пограничные и отдаленные территории. Причем, целью

походов являлись не только материальные ценности, но и пленные, которых возвращали родным за выкуп, либо продавали в рабство. Показательно, что абасги предлагали аланам «три тысячи номисм» /золотых/ за спафария Льва. Затем цена за Льва была удвоена. На этот раз шесть тысяч номисм перевесили «любовь к василевсу». Когда послы алан прибыли в Абасгию (Авасгию) «они получили от абасгов *много подарков* (курсив мой – *Ф.Г.*), в ответ же /абасги/ посылают еще больше послов с золотом, чтобы забрать спафария» (*там же*, с. 66).

Обратим внимание и на первый набег алан на Авасгию, совершенный по просьбе Льва, представителя императора. В переводе И.С. Чичурова: «Аланы же, приняв спафария со всяческими почестями и послушавшись его речей, напали на Авасгию и *полонили* (курсив мой – *Ф.Г.*) ее» (там же, с. 65). В версии А. Алеманя этот же фрагмент переведен иначе: «аланы... вступили в Авасгию и взяли *пленных* (курсив мой – *Ф.Г.*)» (*Алеманъ* 2003, с. 271).

Второй набег, согласно переводу И.С. Чичурова, возглавил властитель алан Итаксис, который «захватил большую добычу и опустошил их (абасгов – *Ф.Г.*) страну» (*Чичуров* 1980, с. 66). Перевод А. Алеманя: Итаксис «захватил *множество пленных* (курсив мой – *Ф.Г.*) и произвел сильное опустошение среди авасгов» (*Алеманъ* 2003, с. 271).

Пленные у алан не использовались в качестве рабочей силы: они являлись ценным «товаром», который либо возвращали родным за выкуп, либо продавали. Осетинский термин для обозначения раба – *wacajrag* – переводится как «пленник», буквально «предмет торговли», «предназначенный для купли-продажи». Он восходит к *wacar* – «торговля» (*Абаев* 1989, с. 30). Не удивительно, что аланы в истории со спафарием Львом не удовлетворились «подарками» и деньгами, полученными от авасгов, а захватили *множество пленных*. Пленные являлись ценным товаром. Интересно, что аланы и авасги поддерживали торговые связи. Аланы (у Феофана именно *аланы*, а не их владетель Итаксий) сообщили Льву: «поскольку мы соседи им (авасгам – *Ф.Г.*), отправятся к ним и купцы» (*Чичуров* 1980, с. 66). По другой версии перевода: «Поскольку мы находимся рядом с ними, всегда есть купцы, которые то и дело ходят в их страну» (*Алеманъ* 2003, с. 271).

Необходимо остановиться еще на одном обстоятельстве. В переговорах с авасгами и спафарием принимали участие «безликие» аланы, а их «владетель Итаксий» упоминается лишь как военный вождь, возглавивший поход в Закавказье. Очевидно, переговоры с соседями и посланцем императора Византии вели «мирный» вождь и /учитывая множественное число – *аланы*/ члены совета /?/, тогда как военные операции возглавлял «военный» вождь. В этой связи отметим, что Итаксиса специалисты относят к т.н. «вторым царям», питиахшам, к сфере функций которых относились военное руководство и, как правило, судопроизводство.

Существенным источником укрепления элитного слоя аристократии алан являлся сбор пошлин и контроль над важнейшими транспортными

коммуникациями, проходившими через их территорию. В аланских памятниках второй половины I-го тысячелетия обнаружены предметы импорта, среди них такие социально значимые, как шелковые ткани из Китая /примерно 20% от всего от общего объема/, Византии /25%/, Согда /50%/ (*Иерусалимская* 1972, с. 5–9).

Как на интересную находку укажем на обнаруженную В.Н. Каминским и прокомментированную А.А. Иерусалимской шелковую именную ленту с греческой надписью. Перевод ее сохранившейся части гласит: «Слава тебе /да здравствуй/ достопочтенный /прославленный/ господин Иване протоспафарий, процветанием и молодостью /своим ты/ радуешься... о про/тоспафарий/». А.А. Иерусалимская датирует ленту VIII в. и считает ее первым свидетельством практики изготовления специальных именных лент для награждения высоких чиновников и особ, вероятно, сопровождавшихся ценными дарами. Очевидно, каждая лента предназначалась конкретному лицу. В таком случае резонной представляется гипотеза, высказанная археологами: находка именной ленты в аланских древностях Северного Кавказа документирует его пребывание в данном регионе. Протоспафарий /«первый меченосец»/ – высокий византийский титул; после 718 г. практически исключительно воинский, как правило, употреблялся в сочетании с должностью стратига. Возможны два варианта объяснения появления данного знака отличия на Северном Кавказе. Лента могла принадлежать византийскому военачальнику /одному или с войском/, посланному императором Львом III на помощь своим союзникам на Северном Кавказе в момент усиления арабской экспансии. А.А. Иерусалимская предполагает даже, что награда протоспафария могла последовать после какой-то победы. А наиболее вероятным местом его пребывания в регионе «представляется Хумаринская крепость». Вторая возможность – вручение памятного знака отличия какому-то из вождей Северного Кавказа, получившему титул протоспафария. «Хотя эта версия выглядит менее вероятной: вряд ли, кроме вручения обычных даров, к нему обратились бы по-гречески» (*Иерусалимская* 1996, с. 80–81).

События арабо-хазарской войны на кавказском театре достаточно хорошо представлены в письменных памятниках. Одним из последних введенных в научный оборот источников по данной теме является *Тарих* /«История»/ Халифы ибн Хаййата, впервые изданная в 1967 г. Акрамом Дийа ал-Умари. С тех пор это сочинение привлекалось преимущественно для сопоставления с данными хорошо известных источников по истории арабских завоеваний. Автор перевода извлечений из книги Халифы ибн Хаййата, В.М. Бейлис, полагал, что краткие, порою отрывочные свидетельства Халифы позднее использовали такие авторы, как Табари и Ибн ал-Асир. Значимость перевода на русский язык «Истории» состоит в том, что книга «содержит самые ранние из дошедших до нас сообщения о походах арабских войск на Кавказе и в Предкавказье». Заключительный сюжет сочинения Халифы датируется 232/846–7 г. Во второй сохранившейся его книге, «Табакат», приведены заметки о лицах, скон-

чавшихся в 236/850–1 г. Некоторые пассажи содержат ссылки на участников событий 104/722–3 г. и 112/730–1 г. В сообщениях об арабо-хазарских войнах 709–730 гг. Халифа ибн Хаййат опирался на рассказы Абу Халида, который, в свою очередь, постоянно ссылался на Абу Бара'а Нимайри. Последний, вероятно, специально собирал данные о военных действиях на Кавказе. Информаторами Халифы являлись также Абу-л-Хаттаб ас Асади и известный знаток генеалогии и преданий Ибн ал-Калби (*Бейлис* 2000, с. 32–33).

Отметим свидетельства Халифы о походах арабов на алан. Со ссылкой на Ибн ал-Калби, сообщается о походе Джарраха в 105/723–4 г. В 106/724–5 г. Джаррах «прошел в глубь земли хазар. С ним заключили мир аланы, отдав ему джизйу и харадж. Он был первым, кто запер ворота ал-Лана». В перечне важных событий 110/728-9 г. помещено сообщение, источником которого являлся все тот же ал-Калби: «Поистине, Маслама запер ворота ал-Лан. Хазары встретил его, вступили в схватку с ним и /сражались/, пока ночь не стала преградой между ними. Маслама сохранил /ворота/ в неприкосновенности». Под 117/735 г. приведено свидетельство Абу Халида «со слов Абу Бара'а»: один из арабских отрядов, посланных Марваном на Северный Кавказ, «завоевал три крепости аланов». В 119/737 г. Марван «проник в ворота алан */Баб ал-Лан/*, прошел землю ал-Лан» (там же, с. 38–40, 42–43). Судя по этим свидетельствам, арабы лишь короткий период контролировали Дарьяльский проход, коль скоро Марвану пришлось «проникать» к воротам алан.

Участие алан в локальных и региональных войнах способствовало обособлению военной аристократии. Профессиональные конные воины второй половины I-го тысячелетия имели особый социальный статус. На территории Северной Осетии погребения воинов открыты в Чми, Балте, Кобани, Лаце, Карца, Санибе, Нижней Рутхе, Галиате и др. Оружие обнаружено не во всех мужских погребениях. Многие или лишены его, или оно представлено только ножом. Сабли, копье, панцирь, костяки лошадей, конский убор – находки редкие и неизменно связанные с богатством остального инвентаря. По мнению археологов, топорики, ножи, наконечники стрел сопровождали захоронения рядовых воинов. Сабли, очевидно, принадлежали имущим лицам, составлявшим конную дружину (*Куссаева* 1953, с. 254–255; *Кузнецов* 1970, с. 143–144).

Среди аланских дружинников третьей четверти I-го тысячелетия уже существовала определенная иерархия. Так, наиболее богатые погребения аланских воинов-аристократов отличаются многообразием форм украшений, предметов вооружения, изделий из золота и серебра, стеклянной посуды, костей домашних животных и т.д. Например, в могильнике Чми катакомба № 11 особо выделяется наличием двух ниш и черепа лошади, богатством сопровождающего инвентаря: украшенный золотом меч, стеклянная и деревянная посуда, другие социально маркирующие предметы. Все эти отличия С.С. Куссаева справедливо относила «за счет

имущественного или социального неравенства» (*Куссаева* 1953, с. 169) в социуме, оставившем данный могильник.

Высший слой аланской военной аристократии /аналогичный хазарским тарханам/ назывался *багатарами*. Данный термин в значении «храбрый», «богатырь» В.И. Абаев выводил из тюрко-монгольского *bagadur*, *bagadur*. Причем осетинская форма «идет, во всяком случае, не из персидского, а из монголо-турецкого... на монголо-турецкой почве широко распространена стяженная форма *baatur*, *batur*, *batyr*, которая также известна осетинам; она отложилась в имени эпического героя *Batraz*» (*Абаев* 1958, с. 245–246; см. также *Sikojew* 1985, S. 147–222). Г. Бейли титул *pakat'ar* Зеленчукской надписи сопоставил с титулом алан *ba'yr* из *bayatar*, приведенного ал-Масуди, и отмеченным в грузинской хронике аланским именем *Os-bagata'ar*. По мнению английского ученого, корень термина может быть интерпретирован как *baka* «верный» (*Bailey* 1980, P. 238; 2003, P. 9).

Специальную статью аланскому титулу «багатар» посвятил А. Алемань. Он собрал практически все источники, содержащие хоть какую-то информацию о данном термине: древнегрузинские, арабские, китайские и венгерские письменные памятники, а также Зеленчукскую эпиграфическую надпись.

Цитируя Ибн-Рустэ, А. Алемань пишет: «Царь алан именуется *B.gay.r* – имя, которым обозначается каждый из их царей». В этом сюжете, продолжает испанский исследователь, «*Bagatar* более точная форма (cf. Oss.D. *bayatar*), чем ошибочное чтение *B.gay.r*» (*Alemany* 2002. P. 78). А. Алемань оспорил версию перевода части /6–10 строки/ Зеленчукской надписи, предложенную Л. Згустой. Центральная часть данного эпиграфического памятника в версии перевода венгерского ученого изложена так: «6) Сахири фурт Ховс, 7) Истури фурт Багатар, 8) Багатари фурт Амбалан, 9) Амбалани фурт Лаг, 10) ани цирта (*Zgusta* 1987, P. 59–60).

А. Алемань не согласился с тем, что интерпретацию перевода Л. Згусты можно считать практически окончательной /по мнению В.А. Кузнецова/, т.к. она основана на смешении дигорских и иронских форм, из-за чего возникают проблемы при чтении 6–10 строк. К тому же Л. Згуста реконструируя форму *Bagatar*, использовал современные формы осетинского словаря.

Из других примеров к аланскому титулу «багатар» выделим упоминание египетскими хрониками знаменитого аланского мамелюка по имени *Sayf al-Din Bahadur As*, умершего 12 декабря 1329 г. Он являлся главой провинции Сафад в Сирии и амиром /*Amir*/ Дамаска. Разбираемый аланский титул дважды упоминается в венгерском памятнике середины XVI в.: *Bogator Orban* и *Bagatyr Sebesken* (*Alemany* 2002. P. 78–79).

Следующая прослойка военной аристократии алан обозначалась одним из ранних аланских полувоенных, полусословных терминов – *алдар*. Напомним, что он восходит к периоду военной иерархии и первоначально обозначал не более как «военный предводитель». Причем, имелся в

виду военный предводитель средней руки. Не случайно в венгерском заимствованное у алан слово означает «начальник охраны», «начальник сотни». А у монголов, также воспринявших его у алан, получило значение «/военная/ слава» (*Абаев* 1958, с. 127–128.).

Ф. Корнилат (*Cornillat Fr.*) полагает, что появление термина, «по-видимому, уходит в более отдаленные времена». В нартовском эпосе *алдар* используется либо в отношении божественных или сверхъестественных сил, либо в отношении людей. «Первым среди божественных носителей титула следует упомянуть *Afsati*, название которого происходит от древнеиранского термина *Wispati* 'Господь'». Вторым божественным носителем рассматриваемого титула является отец Сослана – *Sosag aldar* «вождь Сосаг» (*Cornillat Fr.* 2003. P. 84).

Другой персонаж эпоса – покровитель злаковых культур и фруктов – назван *Хорадар*. Вторую часть антропонима Г. Бейли перевел как «*lord, owner*» (*Bailey* 2003, P. 11, 12). Английский ученый выделил также имя верховного покровителя нартов (Narta lord) – *xusauti xusau* «глава всех глав». Он являлся «главой голубого неба» (*Bailey* 2003, P. 27).

Интересен еще один социальный термин – *афсин*. Это статус Шатаны, жены Урызмага – главы и вождя нартов, имя которого Г. Бейли выводил из *ava-razmaka* «господин», что соответствует положению Урызмага в обществе нартов. Имя жены Урызмага – *Satana* – восходит к древнему *satar-*, «правитель» ((*Bailey* 1980, P. 239; 2003, P. 10). Правда, армянские исследователи дают иную этимологию. Так, Гр. Ачарян связал Сатеник с арм. *cam* «янтарь». Эту версию поддержал Т. Далалян, обратив внимание на отсутствие ясной этимологии «на основе кавказских и осетинского языков». Сатеник-Сатана «представляется как языческая богиня любви и плодородия» (*Далалян* 2002, с. 212).

Напомним позицию В.И. Абаева, который обратил внимание на зафиксированный у арабских авторов VIII–IX вв. среднеазиатский титул *afsin*. «Афсинами» назывались правители Усрушана. Последний из них, Хайдар, в арабских источниках назывался *al-Afshin*. Он получил известность как полководец халифов Мамуны и Мутасима, умер в 841 г. Якуби повествует об отправке Матусимом *афшина* Хайдара на борьбу с Бабеком, назначив его «правителем всех областей, через которые он проедет». Афшин Хайдар «повез с собой большие средства и громадное количество оружия» (*Якуби* 1927, с. 17). Правитель Согда Гурек в договоре с арабским военачальником Кутейбой ибн Муслимом назвал себя «ихшид Согда, афшин Самарканда». Здесь явно выступает нарицательное значение термина *afsin* «правитель». Считая данное слово скифским по происхождению, В.И. Абаев допускал возможность его связи с массагетским матриархатом; термин первоначально служил наименованием массагетских правительниц типа знаменитой Томирис. Затем из массагетского «заимствован в соседние области Средней Азии уже применительно к правителям мужчинам» (*Абаев* 1958, с. 110–111).

Рассматриваемый термин стал предметом анализа Р. Бильмайера в

его статье о т.н. «аланских фразах Цеца». Вкратце остановившись на истории изучения вопроса, немецкий ученый детально рассмотрел сам текст. Дважды он обращался к этимологии титула *афсин*, разделяя точку зрения В.И. Абаева. Р. Бильмайер в числе примеров привел венгерское слово *achcin* (*Bielmeier* 1993, S. 7–8, 13–14).

Этнографические детали из быта традиционного осетинского общества указывают на достаточно авторитетное место в структуре семьи *афсин* «хозяйки», или, как ее чаще называли, *хистар ус* «старшая женщина». На женской половине афсин обладала теми же привилегиями, каковыми на мужской половине пользовался глава семьи – *хистар* /«старший», «глава»/. Симптоматична одна деталь этикета: никто, кроме хистара, не имел права корректировать поступки афсин. В кладовую /«кабиц»/ вела дверь из главной комнаты. При этом кладовая находилась «в исключительном заведовании хозяйки». В некоторых случаях на старшую женщину возлагались и жреческие функции. Правила этикета символически обозначают исключительное положение афсин среди других женщин семьи. Конкретно это выражается в полагающейся ей традиционной доле с мужского пира – т.н. «афсины хай» /доля старшей хозяйки/. В ряде сюжетов нартовского эпоса упоминается доля афсин. Этнографы полагают, что отмеченная традиция восходит к архаическим временам, когда женщина принимала участие в походах, «а значит, и в воинских пирах... Впоследствии память об этом сохранялась в форме символического приобщения женщин к пиру воинов, но только *старшей*, т.е. избранной, лидирующей» (подробнее см.: *Хадикова* 2003, с. 35–44).

Структуру управления социумов Северного Кавказа рассматриваемого периода фиксируют арабские письменные источники. Они важны не только описанием тех или иных особенностей общественного строя народов Северного Кавказа, но и специальной терминологией, применяемой в отношении различных социальных групп населения региона. Правда, напомним, что термины, созданные в иноэтнической среде для характеристики различных классов и сословий общества арабов, не всегда адекватно отражали сословную лестницу горских обществ. Р.М. Магомедов обращал внимание на одну из самых значительных трудностей, возникающих при работе с источниками на арабском языке: «наличие неадекватности в передаче социальной терминологии». Практически вся социальная терминология на арабском /и фарси/ возникла как отражение характерных черт восточных обществ и несла соответствующее социальное содержание. В стремлении осмыслить и передать состояние общественного устройства и структуру этносоциальных организмов Северного Кавказа, в том числе и в первую очередь – Дагестана, при помощи привычных терминов, восточные авторы могли неадекватно отразить реальную картину. «К сожалению, – подчеркивал Р.М. Магомедов, – опасность механического переноса чуждого социального содержания в историю Дагестана и невольное искажение последней... не всегда учитывается нашими историками» (*Магомедов* 1971, с. 45).

Помимо этого, следует принимать в расчет и в какой-то мере заинтересованную позицию арабских и персидских авторов, обусловленную их сословной, религиозной и национальной принадлежностью. С учетом этих факторов обратимся к информации арабских письменных памятников.

Халифа ибн Хаййат со слов различных информаторов приводит титулы и социальные термины в отношении различного уровня знати Кавказа: владетель */сахиб/* Баланджара; хакан хазар; «Мартик, сын хакана», возглавивший поход в Азербайджан и осаду города Варсан; «хазарский тиран», под предводительством которого «большое сборище» /воинов/ потерпело поражение от Масламы в многодневном сражении «поблизости от ал-Баба»; «многочисленное сборище /во главе/ с сыном хакана» вторглось в Армению и осадили Ардабил, где сошлись с арабами, «в упорной битве ал-Джаррах был убит»; «владетель» Ширвана; «туманшах» и т.д. (*Бейлис* 2000, с. 38–42).

Халифа приводит титулатуру глав различных обществ Дагестана VII – середины VIII вв. В 121/738–9 г. Марван захватил крепость «дома Трона» */байт ас-Серир/*, затем он «вступил в Гумик-крепость», где находился «дом владения» – «местопребывание 'владыки трона' */малик ас-Серир/*». Далее рассматриваемый источник называет крепость Хунзах, где находился «золотой трон» */серир аз-захаб/*. После годичной осады Марван заключил мир «с /маликом/ на условиях /дани/ – тысячу голов /скота/ и ста тысяч мудд». Арабы столкнулись с *маликами* Тумана, Зарикрана /современное сел. Кубачи/, Хамрина (*там же*, с. 43).

Арабские источники в описании страны лезгин выделяют их правителя */малика/*. Согласно ал-Куфи, этот правитель в 643/4 г. признал власть арабов, но позднее, во времена Джарраха, перешел на сторону хазар. Мервану же пришлось воевать с «царем» лакзов Арбисом /или Басбасом/. В течение года арабы совершали набеги на его владения. Только после гибели «царя» подданные Арбиса покорились Мервану (*Новосельцев* 1990, с. 104).

Арабо-хазарские войны имели разные последствия для социумов Дагестана. В середине VII в. состоялось два похода, которые принято связывать с Дагестаном; в первой половине VIII в. – не менее четырех (*Котович* 1986, с. 199). С одной стороны, многочисленные походы арабов, как на прикаспийские, так и в горные районы Дагестана, привели к нарушению хозяйственных систем. А.Р. Шихсаидов отметил по этому поводу: «Хазарские набеги привели к разрушению производительных сил в массовом масштабе» (*Шихсаидов* 1969, с. 103). Но, с другой стороны, подъему тех же производительных сил способствовала арабская колонизация завоеванных районов Северо-Восточного Кавказа. Особый размах она приобрела в середине VIII в. Развитию социальных процессов способствовала политика арабов в данном регионе: опора на «местных феодальных правителей, на их материальную и военную поддержку, по-

ощрение их – в этом и заключалась политика арабов в Дагестане» (*там же*, с. 110).

В покоренных арабами областях устанавливались особые формы землевладения. Первую категорию составляли «земли, завоеванные оружием». Вторую – оставленные «неверующими» и перешедшие к мусульманам. Третью – «земли, приобретенные вследствие капитуляции или посредством договора» (*Шихсаидов* 1986, с. 12–13).

Земли первой категории подлежали дележу среди воинов /по шафиитскому толку/, становились государственным достоянием /по маликитскому толку/, или распределялись по усмотрению халифа /по Абу Ханифе/. Вторая категория становилась собственностью государства либо переходила в разряд угодий вакфа. Наконец, третья категория земель сохранялась за прежними владельцами, но при обязательном условии – уплаты хараджа и джизьи (*там же*, с. 13).

В период первых арабских походов жители Байлакана вышли навстречу войску противника, возглавляемого Салманом б. Рабиа, и попросили безопасности */аман/*. В обмен горожане предложили жилье для размещения воинов Салмана и «внесение податей */мал/*». Военачальник арабов отправил послов «к владельцам гор». К нему пришли «малик Лакза, малик Филана, малик Табасарана, которые преподнесли ему провизию и подарки, заключили с ним договор о ежегодном внесении ему определенной контрибуции». Позднее аналогичные соглашения заключили арабский военачальник Джаррах и жители Хасина и Таргу. Завоеванные социумы Дагестана, например – Сарир и Туман, вынуждены были принять более тяжелые условия победителей, в частности – Марвана (*там же*, с. 13–15).

Бытует мнение, что в отношении глав завоеванных территорий Северо-Восточного Кавказа арабы проводили более или менее взвешенную политику: под свой контроль они брали военные и финансовые функции, а местным династиям оставляли управленческие функции. Специалисты отмечают по этому поводу: «Ни при ранних походах, ни при наиболее интенсивном вторжении Марвана в глубь дагестанских гор – нигде нет сообщения о замене одного владетеля другим, все местные правители остаются на своих местах, принимают условия завоевателей» (*там же*, с. 22).

Как представляется, вести речь о сохранении власти *всеми* местными владельцами не совсем корректно. Г. Алкадари придерживался диаметрально противоположной точки зрения. Более того, он полагал, что Абу-Муслим в середине VIII в., приступив к своего рода реформе управления в отдельных социумах Дагестана, «остерегся дать» кому-нибудь из коренных владельцев «большую должность вроде правителя». В Кайтаге Абу-Муслим «назначил из своего племени Амир-Гамзу старшим правителем... а при нем поставил других лиц и отряд из арабов» (*Алкадари* 1929, с. 23).

Еще раньше А.В. Комаров правящий в Кайтаге род выводил «из рода

Корейшитов; он... принял титул *Исмий* /что значит по-арабски *именитый*/, превратившийся впоследствии в *Уцми, Уцмий*». В Табасаране «правителем был назначен (арабами – *Ф.Г.*) Магомет-Масум /безгрешный/ и в помощь к нему для наставления народа в вере придан кадий» (*Комаров* 1868, с. 77).

В походе 722 г. Джаррах с 6000 войском подошел к Дербенту и разбил лагерь на берегу р. Рубас. Здесь «созвал он табасаранских и кайтагских эмиров, не принявших еще ислам, и сказал им: я пришел из Аравии воевать с хазарами и желаю, чтобы вы мне помогали». Артаныш, один из лезгинских предводителей, «тайком уведомил об этом сына кагана». Узнав об этом, Джаррах послал два отряда по 2000 воинов каждый на Табасаран и Кайтаг. За ночь отряды арабов разгромили названные дагестанские владения, захватили 2700 пленных и с большой добычей вернулись в лагерь (*Бакиханов* 1926, с. 40).

В 734 г. Абу-Муслим отправился в Кайтаг, жители которого после ожесточенного сражения и больших потерь подчинились арабам и приняли ислам. Абу-Муслим правителем Кайтага назначил своего родственника Эмир-Гамзу. Затем арабы двинулись на Табасаран, населенный «евреями и идолопоклонниками». После гибели «предводителя», потеряв множество воинов, «оставшиеся в живых приняли учение ислама». Абу-Муслим правителем Табасарана назначил Мухаммед-Маасума, кроме того, оставил двух кадиев (*там же*, с. 42–43).

Объясняя возникновение династии шамхалов, одна из версий исходит из «неместных» ее истоков. Нет полной ясности и с владением /*mulk*/ Гумик. Его жители – христиане, «не подчиняются никакому царю /*king*/, но имеют вождя /*ru'asa*/ и живут в мире с царством алан» (*Minorsky* 1958. P. 155). В.Г. Гаджиев полагает, что «во второй половине VIII в. правителем в Кумухе и его округе был арабский ставленник» (*Гаджиев* 1989, с. 26).

Дагестанские ученые провели анализ социальной терминологии, применяемой арабскими авторами в отношении местных владельцев. Чаще всего встречается термин *малик*; по содержанию близки к нему *вали* /«правитель»/, *хакан*, *сахиб*. Вторую ступень иерархической лестницы составляли *асхабы хакана*, *раисы гор*, *хазарские тарханы*, *тарханы* и *влиятельные люди* из подчиненных народов, *абиа ат-тархана*, *слуги сахиба*. Термин *малик* на раннем этапе истории арабов часто прменялся для обозначения немусульманских правителей. Арабские авторы в сюжетах о Дагестане маликами называли правителей всех социумов. Исключение составил лишь глава Серира, названный *сахибом*. Баладзори главу Серира обозначил терминами *хакан горы, сахиб ас-Серир*. Филаном, Табасараном и Лакзом управляют *малики*, Буххом и Зирихгераном – *сахибы* «владельцы». Табари в отношении почти всех правителей Дагестана употреблял титул *малики гор*, и лишь главу Серира называл *сахибом* (*Шихсаидов* 1986, с. 22–23). Ниже мы еще вернемся к социальной терминологии арабских источников, применяемой к различного ранга горским владельцам. Здесь

же отметим пока, что на общем фоне своим титулом выделялся глава Серира.

Крупнейшим владетелем горного Дагестана А.П. Новосельцев считал *сахиб ас-серира* «владетеля трона», подконтрольная территория которого именовалась *мамлакат сахиб ас-серир*. Столь громкое название связано с легендами о передаче Сасанидами названному правителю золотого трона. Социальный статус и влияние в регионе «владельца трона» иногда подчеркивался титулом *хакан ал-джабал* «хакан гор». Источники ничего не сообщают о роли владельца Серира в военно-политических событиях VII – начала VIII вв., из чего «можно заключить, что страна последнего оставалась в целом в стороне от арабо-хазарских конфликтов». Лишь Мерван в конце своего наместничества совершил поход в глубь территории *сахиб ас-серир аз-захаб* «владетеля золотого трона», захватил его крепость и разорил землю. Случилось это в 738/9 г. Согласно Табари и ал-Куфи, побежденный отдал заложников и обязался платить джизью в виде тысячи рабов /500 мужчин и 500 «белокурых, с длинными ресницами, чувственных наложниц-девственниц»/, а также 10 тысяч динаров и провизию. Смуты в Халифате в 40–50-х гг. VIII в., несомненно, способствовали укреплению независимости «сахиб ас-сарир» (*там же*, с. 104–105).

Здесь же напомним, что название социума, Серир, по мнению ряда авторов, восходит к иранскому языку. В.Г. Гаджиев обратил внимание на отсутствие названия Серир в местных источниках. «Удивляет и то, что такие знатоки арабоязычной литературы, как А.-К. Бакиханов, Г.Э. Алкадари, также не говорят об этом государственном образовании». Это навело В.Г. Гаджиева на мысль, что «само название (Серир – *Ф.Г.*) произошло не от арабского *серир* /трон/, а от иранского *sar*, т.е. гора, и означает, так же, как грузинское *мтиулете* – 'страна гор' или 'страна горцев'» (*Гаджиев* 1979, с. 165).

Вместе с тем, ученые полагают, что Серир не является названием народа, а, в одних случаях, означает титул *сахиб-ас-серир* – «владелец трона», а в других – *ард-ас-Серир* – «страна». Некоторые восточные авторы название Серир считали названием «государства… не города и народа» (*там же*, с. 166).

Дискуссионными остаются время происхождения и этимология титула *шамхал*. Одна из версий объясняет его происхождение слиянием «двух топонимов: Шам, что значит Сирия, и Хал – местечко», родина первого носителя титула. Некоторые исследователи данный термин выводят от собственного имени арабского ставленника Шахбаала. Другие считают, что титул возник из слияния двух слов: «Шам» /Сирия/ и «хъул», «хъали», «хал», показателем «принадлежности лица к определенному роду, племени и месту». Бытует версия о связи термина шамхал с арабским *шейх*. Ряд исследователей возникновение некоторых титулов правителей Дагестана – шамхал, уцмий, майсум – связывают с местной почвой и относят к более позднему периоду (*Гаджиев* 1989, с. 22–23). Р.М. Ма-

гомедов в ранних работах полагал, что имеются «все основания отнести этот термин к Золотой Орде, нежели к арабам. Можно предполагать, что правитель кумыков в период господства татаро-монгол ими выдвинут в этот сан». Однако из-за отсутствия сколько-нибудь надежных аргументов сам автор идеи позднее «отказался от этого суждения» (*Магомедов* 1968, с. 81).

В.Г. Гаджиев обратил внимание на летописный сюжет под 1326 г., в котором интересующий нас термин зафиксирован в форме «шевкал». В этой же форме /«шевкал», «шавкал»/ о нем упоминает Шериф ад-дин; титул встречается и в списках российских посольств XVI–XVII вв. Полагая, что персы и русские «не могли независимо друг от друга» исказить «шамхал» в «шевкал», некоторые авторы склоняются к мнению о связи этого титула с именем араба Шахбаала. Интересно, что шамхал Тарковский в письме 1829 г. в Петербург изложил аналогичную версию. «Из дошедших до нас преданий, – писал он, – видно, что мой знаменитый предок Абдулла, происходивший из рода аббасидов, в 115 г. /733–4 г./ был назначен халифом управлять Дербентом... он определил сына своего Шах-база, который теперь известен под именем Шамхал». Согласно «Дербент-наме», арабы после покорения Кумуха убили его «правителя /кабира/» и назначили «Шахбала, сына Абдуллы, сына Аббаса местным правителем» (*Гаджиев* 1989, с. 23–24).

Этой точки зрения придерживался Г. Алкадари, искавший корни шамхалов в среде арабской знати. По его мнению, Абумуслим в середине VIII в. «сделал в Дагестане в разных местах необходимые распоряжения, назначил для всей Дагестанской страны на должность правителя одного бывшего при нем в этом походе потомка почтенного Аббаса... уважаемого дяди великого нашего пророка... Этот правитель известен под именем Шемхала и он сын Абдуллы, сына Касыма, сына Абдуллы, сына Аббаса». Со временем «вошло в обыкновение этим именем (шамхала – *Ф.Г.*) называть после него всякого из его потомков, занимавшего должность правителя Дагестана и, таким образом, его имя превратилось в название должности» (*Алкадари* 1929, с. 22).

В «Исторической записке», посвященной шамхалам Тарковским и опубликованной в 1868 г., говорится: «В VIII столетии... аравитяне покорили своему оружию и религии весь Дагестан и посадили главным правителем его Шахбала». Последний, будто бы, происходил «из священного для мусульман рода Корейшидов, был уроженцем провинции Шам /Сирии/, в местечке Хал, и от него берет начало свое род нынешнего шамхала Тарковского» (*Шамхалы* 1868, с. 53–54).

А.В. Комаров титул главы Тарковского общества связывал с именем правителя, еще арабами «поставленного» во главе значительной территории северного Дагестана (*Комаров* 1868, с. 77).

На наш взгляд, здесь налицо столь характерное для родословных знати практически всех народов мира стремление вывести свой род от какой-либо знаковой фигуры и из-за пределов занимаемой территории. Как

представляется, ставить точку в определении времени и этимологии титула *шамхал* еще рано.

Информация о дагестанских социумах раннего средневековья содержится в местных по происхождению исторических сочинениях. Правда, созданы они, как правило, позднее. Поэтому надо быть осторожным при их использовании для реконструкции процессов, протекавших в период ирано-византийских и арабо-хазарских войн. Так, в «Ахты-наме» описываются события VI–IX вв., хотя создано оно, по утверждению А.Р. Шихсаидова, в X в. Он полагает, что в основе данного памятника лежат «имевшие к тому времени хождение местные предания». До наших дней сохранилось два списка «Ахты-наме». Список А включен в персидский текст А. Бакиханова /1794–1846 гг./, посвященный истории Кавказа – «Гюлистан-и Ирам». Список Б обнаружен в 1839 г. А.Ф. Десимоном, чиновником по особым поручениям при командующем Отдельным Кавказским корпусом. Чиновник указал, что «рукопись снята одним ученым магометанином Рефи ширванским» в 712/1312–13 г. «с ветхой тетради, написанной еще» в 318/930 г. Что касается достоверности данных, то в общих чертах они подтверждаются другими письменными памятниками, особенно арабскими IX–X вв. (*Шихсаидов, Айтберов, Орозаев* 1993, с. 65–67).

В списке А повествуется о приходе в Ахты некоего эмира «Шахбани из рода Сасанидов»; с ним пришли 60 семей из жителей Фарса и 300 воинов /*сипахи*/; здесь эмир «отстроил /или построил/ крепость» на вершине горы. Истратив большую сумму денег, «он построил баню над теплым ахтынским источником и наложил на нее харадж. В 560 году от рождения /Христа/... *раисы* (курсив мой – *Ф.Г.*) этих местностей» при посредничестве Шахбани обратились с просьбой к Ануширвану «отменить харадж с их бани... Просьба была удовлетворена» (*там же*, с. 68–69).

В списке Б приведена другая версия. Ануширван, находясь в Дербенте, «и услышав много хорошего о минеральных водах, близ Ахты находящихся, отправил... родственника своего Шах Баны с несколькими нукерами /прислужниками/ отыскать воды и испытать их». Получив подтверждение этой информации, Ануширван «отправил туда 60 семейств из персов и 300 человек воинов, которые близ самих вод основали деревню и устроили бани, наложив на пользующихся оными подать, с тем, чтобы весь доход поступал в казну Нушрвана. Когда же последний сделался шахом, то *почетные жители* (курсив мой – *Ф.Г.*) нынешнего селения Ахты» через Шах Баны обратились к шаху Ирана с просьбой «о сложении с бань подати». Эта просьба была удовлетворена (*там же*, 70–71).

Одним из наиболее интересных памятников по истории Дагестана является «Дербент-наме». Имя его автора до сих пор не определено. Эта проблема, как и вопросы об источниках и времени создания «Дербент-наме» рассмотрены Г.М.-Р. Оразаевым (*там же*, с. 6–15). Поэтому мы

остановимся лишь на интересующей нас информации Румянцевского списка данного памятника.

Внимание исследователей привлек рассказ о владении «Ихран, правитель которого Гелбах». В другом месте информация об этом владении более подробна: «Залежи золотой руды, которые на той границе, и залежи серебряной руды, имевшиеся на Тереке, Хакан передал *сепахсалару* (перс. «/главно/командующий» – *Ф.Г.*) этой пограничной линии – правителю Ихрана», который «является троном /*махт*/ эмира Гелбаха» (*там же*, с. 18–20).

Приведенный сюжет А.В. Гадло связывал с дарьяльской группировкой алан. Археологически этот социум представлен катакомбными могильниками и терско-сунженской группой городищ, а в «Дербенд-наме» назван страной Ихран /*Ир*хан, как полагал А.В. Гадло/. Владельцы Ихрана в VII–VIII вв. возглавили борьбу горцев Северного Кавказа с арабской агрессией (*Гадло* 1984а, с. 127–130).

«Дербент-наме» упоминает «область Маскат»; она «/тянется/ от Табасарана и Кайтака до Мускура. Людей ее привели из Алана. Правителю ее дали имя Табун-шах». Примечательно, что далее сообщается о *правителе* Малого Маджара по имени *Батрас* – аланском /осетинском/ имени в переводе означающим «богатырь алан» /Батыр + ас/. Он получил приказ «повиноваться приказам Гелбаха – правителя Ихрана» (*Шихсаидов, Айтберов, Орозаев* 1993, с. 21, 30).

Румянцевский список «Дербент-наме» приводит размеры установленного Мерваном хараджа, «который должен предоставляться жителям Дербента». Ежегодно Кумук «должен был давать» 100 рабов /*кул*/ и рабынь /*караваш*/, 20 тысяч мер /*мошт*/ пшеницы. Кайтагу Мерван «назначил пятьсот рабов, двадцать тысяч мер пшеницы». Столько же – Табасарану. От Кюре, Кураха и Ахти – 20 тысяч мер пшеницы и 40 тысяч дирхемов наличными. «А улицы Дербента [от нечистот и грязи] должны были очищать люди Табасарана» (*там же*, с. 36).

Г.М.-Р. Оразаев предположил, что сведения о назначении Мерваном хараджа в пользу населения Дербента в том объеме и порядке, как это указано в «Дербент-наме», «отсутствуют в раннесредневековых источниках» (*там же*, с. 60, примеч. 196). Отметим: *в том объеме и порядке*, т.е оспаривается не сам факт сбора налога, а его размер. Ниже ученый приводит данные Баладзори на эту же тему: при Мерване владетель Зирихгерана обязался «доставлять ежегодно 50 юношей и 10 тысяч мер в зернохранилище». На Табасаран Мерван «наложил... десять тысяч мер зерна» (*там же*, с. 60, примеч. 199, 200).

В дагестанских памятниках привлекает внимание специальная терминология, применяемая в отношении глав отдельных этносоциальных организмов. Так, основателем Ахты назван некий *эмир* «Шахбани из рода Сасанидов», здесь же названы *сепахи* /воины/, *раисы*, *нукеры* /«прислужники»/, «*почетные жители*», *правители*, *хакан*, *сепахалар* [перс. «/главно/командующий»]. Разницу между носителями данных социальных терми-

нов уловить удается не всегда. Так, в отношении главы Ихрана в одном источнике применялись сразу несколько титулов: правитель, эмир, сепахалар, *Владелец трона*, *Хатем ал-Джибала* /букв. «*печать гор*»/. Возможно, это связано с тем, что глава Ихрана являлся носителем как военной, так и гражданской власти. Но это не решает проблемы, ибо еще в одном источнике он назван «султаном»; здесь же названы *эмиры* и *раисы* Ихрана (*там же*, с. 167).

В целом во всех средневековых дагестанских исторических сочинениях верхушка обществ обозначается разнообразными терминами. Чаще всего упоминается термин *эмир*. Его наиболее распространенное значение – «повелитель, военачальник; князь». Однако, в зависимости от контекста, он приобретал и другие значения. Поэтому в каждом конкретном случае его этимологию следует соизмерять с текстом.

Эмиром в «Дербент-наме» назван глава Ихрана; в краткой редакции «Истории Маза» упомянуты «могучие эмиры из племени /*таифа*/ неверующих», здесь же названы эмиры Кайтага /Хайдака/ и Табасарана, «эмиры неверующих вилайата Гумук». В селении Куруш было два эмира, причем эмиром или *валием* жители села *ставили* /т.е. выбирали/ «того, кто будет старейшим из них по возрасту». Практически та же информация об эмирах Кайтага и Табасарана приведена в «Истории Каракайтага»; в этом же памятнике названы «эмир селения Ашр», «эмиры из числа жителей Таифа (оазис в Аравии, недалеко от Мекки – *Ф.Г.*) – десять человек из их храбрецов», «эмиры Каракурайша... Исмаилбек и Хасанбек»; интересно, что в данном памятнике принцип престолонаследования тот же, что и в Куруше: «/порешили/ ставить эмиром и опекуном того, кто будет старейшим из них по возрасту». В функции эмира входил сбор доходов «государств и вилайата. Одну пятую часть он отделяет для себя, а... четыре пятых он делит с теми из числа раисов и эмиров этого вилайата, кто вместе с ним и вокруг него, а также – с наиболее возвышенным среди них в отношении заслуг и происхождения». Показательно, что в данном случае помимо «верховного» эмира существовали другие эмиры, раисы, а также «наиболее возвышенные» среди населения «в отношении их заслуг и происхождения» (*там же*, с. 20, 48, 137–139, 143, 154–158).

Обратим внимание на то, что в «Истории Каракайтага» вслед за эмиром назван *опекун*. Не обозначал ли этот социальный термин т.н. «второго царя»? Напомним, что в греческом варианте армазской билингвы «второй царь» древней Грузии назван *эпитропос*. Его обычный перевод – «опекун», другие значения – «наместник царя», «регент» (*Новосельцев* 1980, с. 106, 109–114). Определить точно функции *опекуна* Каракайтага из-за недостатка информации не удается, но его расположение в иерархии верхов вслед за эмиром говорит о значимости носителя данного титула в жизни одного из социумов средневекового Дагестана.

В «Истории Ихрана» правитель социума назван эмиром. Каждое лето эмир Ихрана совершал нечто, похожее на полюдье: он выходил *из города* «в сторону крепости Мамиз. Оттуда он направлялся к Хазарскому

морю и возвращался с наступлением холодов. Своих овец, коров и буйволов он оставлял у своих райятов в селении Мамиз, где скот и содержался». В этом же памятнике сообщается о «благородной правительнице» города Килбах, носившей титул *амира*. К ней безуспешно сватался «/один/ из эмиров Таргу» /Тарки/. Рассматриваемый источник в рассказе о нашествии мусульман на *Хиркас* сообщает о том, что раисы и эмиры укрылись в *верхней части села*. Верхний квартал в селениях горцев Северного Кавказа нередко господствовал над остальными. Интересно, что в верхней части села Аркас сохранились развалины внушительных размеров цитадели, просуществовавшей вплоть до XIV в. Здесь же отметим, что эмиры Аркаса носили титулы *таватийал* и *арнахурал* – согласно А.Р. Шихсаидову, искаженная форма грузинских феодальных титулов «*тавады*» и «*азнауры*» (*Шихсаидов, Айтберов, Орозаев* 1993,с. 164–165, 167).

Составной частью «Истории Гирейхана», дошедшей до нас в трех списках рубежа XIX–XX вв., является рассказ сына Гирейхана – Мирзабека, завершившего запись в 886/1481–82 г., но сами события произошли гораздо раньше. Текст начинается с рассказа от первого лица, названного Кирайханом /Гиримханом/: «Я был эмиром и раисом над вилайатом Чаркас, Чарджамом /Чечни/ и Гиримом /Крымом/». Судя по дальнейшему тексту, *эмир* нес более высокую социальную нагрузку, нежели *раис*. Во всяком случае, первый термин применялся в отношении Кирайхана, который, якобы, являлся владельцем Черкесии, Чечни и Крыма; затем он «был над странами, местами и вилайатами, /начиная/ от нашего вилайата». Позднее Кирайхан «пришел в вилайат Канудж /Гянджу/ и Шамах /Шемаху/». После многолетнего противостояния и вооруженной борьбы с родным братом Умалатом, Кирайхан с незначительной группой родных, «своих сподвижников» и слуг оказался в местности Куркул /современное селение Куркли в Лакском районе/. За разрешение поселиться Кирайхан отдал жителям села, насчитывавшего 25 домов, 100 курушей. Как видно из приведенного фрагмента памятника, «социальный вес» Кирайхана в конечном счете значительно сократился. Поэтому «когда Кирайхан умер, их раисом стал его сын Мирзабек, который был ученым, набожным, справедливым» (*там же*, с. 170, 172). Можно предположить, что в данном памятнике *эмир* обозначал носителя больших функций, в частности – военного руководства, ибо значительную часть своей жизни Кирайхан провел в войнах.

«История потомков Мухаммадхана Казикумухского» – памятник позднего средневековья, составленный на основе генеалогических материалов и письменных источников. По мнению Т.М. Айтберова, «История потомков» «является переводом с арабского, причем... переводом сокращенным» (*там же*, с. 180). Рассказ идет о смене правящей династии Казикумуха после смерти эмира Мухаммадхана в 1681 г. До этого «у них был обычай *ставить* (курсив мой – *Ф.Г.*) эмиром старейшего из них с их общего согласия» (там же, с. 182).

Согласно собранным в начале второй половины XIX в. А.В. Кома-

ровым данным, незадолго до описываемых событий казикумухцы «отложились совершенно от них (шамхалов Тарки – *Ф.Г.*) и *выбрали* себе особого правителя, под названием *Хахлавичи* (курсив мой – *Ф.Г.*) из фамилии, ведшей свой род от Шах-Баала». Термин *хахлавичи* состоит из араб. *хахъ* «народ» + лакское *лавай* «высший», «превосходный». В некоторых официальных документах того времени «слово *хахлавичи* переводилось *глава*». Его основная обязанность «заключалась в сборе ополчения и начальствовании над ним, как при защите от нападения соседей, так и для внешних предприятий, но в ближайшее управление народом он не вмешивался; каждое селение управлялось особо, своими выборными, а по делам духовным все имевшие надобность обращались к главному кадию сел. Казикумуха». По версии А.В. Комарова, «особого содержания хахлавичи не получал никакого, но пользовался доходами с некоторых гор и пашен, собственно для этого назначенных, получал часть подати, взыскивавшейся преимущественно баранами и хлебом, с Варкунъ-Даргуа и Арчей, и определенную часть военной добычи. При таких условиях степень власти и влияния на народ более всего зависела от личных качеств хахлавичи и многочисленности его родни, действовавшей в его пользу». В правители Кумуха выбирали старшего из оставшейся в горах ветви шамхальского рода; «при этом требовалось также, чтобы избираемый... происходил бы от равного брака» (*Комаров* 1869, с. 6–7).

Приведенные данные письменных памятников Дагестана показывают, что на протяжении всего средневековья термин *эмир* обозначал то военного вождя, то главу социума, то объединял эти функции в одном лице. Значения других местных социальных терминов будут рассмотрены ниже.

Археологические материалы Дагестана рассматриваемого периода позволяют говорить о неоднородном составе населения, оставившего эти памятники. Привлекают внимание элементы защитного вооружения, обнаруженные в ходе раскопок Верхнечирюртовского могильника. Оставляя в стороне дискуссию об этнической принадлежности могильника, остановимся на социальном составе погребенных.

Подкурганные катакомбы отличаются богатством сопровождающего инвентаря. Особое место среди найденных вещей занимают обломки однолезвийных чуть изогнутых сабель, выявленных в 12 могилах. Находки, очевидно, отражают переходный период от тяжелых мечей к легким саблям. Изогнутая форма верхнечирюртовских сабель изображена на костяной седельной накладке в сцене охоты. Всадник на планке изображен с распущенными косами; вооружение его состояло из короткого, кривого кинжала, длинной, равномерно изогнутой сабли. По-видимому, можно говорить о начале распространения нового вида оружия, во всяком случае, у жителей городища. «На основании комплекса материалов, выявленных в погребении, в том числе и византийской монеты 582–602 гг., накладка датируется VII – началом VIII в.» (*Магомедов* 1990, с. 41).

Находки в рассматриваемых погребениях разнообразных средств за-

щиты всадника свидетельствуют о бытовании в ту пору защитного доспеха и у коней. В одной из могил обнаружено 550 экземпляров целых пластинок и их фрагментов общим весом 9 кг. В качестве параллелей М.Г. Магомедов приводит рисунок в Так-и-Бустане /Иран/, на коем Хосров II Парвиз изображен в кольчуге, а его конь – в пластинчатом панцире. Аналогичные рисунки коней в подобном снаряжении известны на Сулаке; а за пределами Кавказа – на огромных просторах от Монголии до Западной Европы (*там же*, с. 44).

В Чирюрте найдены захоронения коней и их снаряжение. В одной из богатых могил найдены остатки седла. Среди оружия самыми распространенными являлись /тяжелый/ лук и стрелы значительных размеров. Богатый сопровождающий инвентарь включал дорогие предметы из золота, золотые монеты византийских императоров VII в. В целом погребальный инвентарь могильника «красноречиво свидетельствует о классовом расслоении древних обитателей Верхнечирюртовского городища» (*там же*, с. 45–49).

В Агачкалинском /VI–X вв./ и Бежитинском /VIII–X вв./ могильниках на территории Дагестана обнаружены захоронения знатных воинов в сопровождении коней, большого количества конского снаряжения, наконечников копий и стрел, сабель, шлемов. Все это справедливо рассматривается как свидетельство принадлежности погребений конным воинам, представителям дружины (*Шихсаидов* 1975, с. 137). Ибн-Рустэ оставил интересное описание дружинников в Сарире: некоторые воины с копьями «садятся на коней и облачаются в панцири /джашуан/ и кольчуги» (*Minorsky* 1958, P. 168).

Житие епископа Исраэля, сохранившееся в хронике Михранидов, княжеской династии Кавказской Албании VII в., в свою очередь, включенное в «Историю агван» Мовсеса Каганкатваци, повествует о «стране гуннов». Исраэль побывал в ней в составе албанской христианской миссии 682 г. Принято считать, что в это время о «гуннах» в рассматриваемом регионе упоминают лишь армянские источники. Однако о них же сообщает Феофан в своей «Хронографии». Византийский историк среди событий 624 г. отметил следующее: «Василевс (Ираклий – *Ф.Г.*) спешил в земли гуннов и в их теснины по гористым, непроходимым местам» (*Чичуров* 1980, с. 58).

Вопрос о том, кто скрывается под «гуннами» в данном сюжете, остается дискуссионным. И.С. Чичуров, рассмотрев несколько версий, пришел к выводу о том, что всю фразу Феофана о гуннах Северного Кавказа «можно понимать топонимически, как синоним Кавказа», а под гуннами следует понимать тюрков (*там же*, с. 96–97).

А.В. Гадло высказал мнение об этнических отличиях гуннов и савиров. При этом он опирался на свидетельство Анания Ширакаци, который «четко разделял савиров и 'гуннов'» (*Гадло* 1979, с. 151). Анализ письменных источников показал, что «царство гуннов» – это неоднородное по составу образование, «возникшее на местной основе». При этом «собствен-

но гуннский /тюркский/ элемент растворялся в ираноязычном окружении и поглощался древним аборигенным населением» (*там же*, с. 152).

Недавно эту точку зрения развил И.Г. Семенов. Опираясь на «Армянскую географию» Анания Ширакаци, он локализовал зону обитания савиров на территории от нижнего течения Терека до низовий Волги. По убеждению И.Г. Семенова, в VII в. савиры и гунны /хоны/ Дагестана представляли «собой две различные этнические группы, и высказываемое порой априорное отождествление их друг с другом является ошибочным. Вполне возможно, что между ними существовали этногенетические связи, но в пользу этого предположения не выдвинуто веских доводов». Что касается фразы Феофана – «гунны, именуемые савир», то здесь «этноним гунны несет собирательный характер» (*Семенов* 2001, с. 83–84).

С.Г. Кляшторный обратил внимание на упоминание «царства гуннов» в Дагестане Ананием Ширакаци /VII в./. Согласно армянским авторам, «страна гуннов» представляла собой значительную группу родственных племен, еще в начале VI в. закрепившихся в степях севернее Дербента. Группа гуннов от «жизни в шатрах» перешла к оседлому образу жизни. Значительная часть гуннов, включая знать, продолжала жить «в лагерях». «После утверждения здесь в 80-х гг. VII в. власти хазар гунны сохранили свою автономию» (*Кляшторный* 2000, с. 121).

Прокопий Кесарийский в перечне народов Кавказа савиров представил как часть гуннов. «Тут живет много разных племен, в том числе аланы и авасги, являющиеся христианами и издревле находящиеся в дружбе с римлянами, затем зихи, а за ними гунны, которые называются савирами» (*Прокопий Кесарийский* 1993, с. 168). В другой работе Прокопий повторил: «Тут живут гунны, так называемые сабиры, и некоторые другие гуннские племена» (*Прокопий из Кесарии* 1950, с. 381).

Как бы то ни было, нас интересует не столько этническая, сколько социальная сторона вопроса. В этом отношении интересна информация хроники Никифора о появлении в период между 613 и 619 гг. в Константинополе «государя гуннского народа». Он прибыл в сопровождении многочисленной свиты, состоявшей из «правителей», воинов-копьеносцев и их жен. Появление вождя гуннов, его свиты и дружинников завершилось торжественным крещением. Затем последовали одаривание всех прибывших и раздача почетных званий византийской «табели о рангах». Сам «государь гуннского народа» получил сан патрикия (*Гадло* 1979, с. 107).

Рассказывая о войне с готами, Прокопий дал более развернутую характеристику савиров: «Сабиры являются гуннским племенем; живут они около Кавказских гор. Племя это очень многочисленное, разделенное, как полагается, на много самостоятельных колен. Их начальники издревле вели дружбу одни с римским императором, другие с персидским царем. Из этих властителей каждый обычно посылал своим союзникам известную сумму золота, но не каждый год, а по мере надобности» (*Прокопий из Кесарии* 1950, с. 407).

Князя северокавказских гуннов /савиров/ Каганкатваци именует Алп-Илитвером. С.Г. Кляшторный выводит это «имя» из древнетюркского *alp elteber/iltawar* в буквальном переводе «герой-элтебер» /иные значения: «богатырь», «великий исполин» (*Гадло* 1979, с. 144–146; *Гмыря* 1988, с. 113–115)/. В данном случае имеется ввиду не имя, а титул. Он использовался у ряда социумов той эпохи для обозначения вождей крупных племен и племенных союзов, нередко сохранявших полную независимость. Вместе с тем, тот же самый титул носили «цари» волжских болгар (*Кляшторный* 2000, с. 122).

Мовсес Каганкатваци сообщает о полководце «великих гуннов» Алп-Илитвере, который, «взяв *свое многочисленное войско* и пришедших к нему из разных стран, из мужественной страны Чора, *вооруженных в броню* ратников с их *воеводами*, знаменами, *полками броненосных стрелков* и *вооруженных всадников, покрытых кольчугами и шлемами* (курсив мой – *Ф.Г.*), сделали набеги на Агванию, у подножья великой горы Кавказа и в местечках области Капалакс» (*Армянские...*1985, вып. II, с. 37).

В конце VII в. острый конфликт потряс союз гуннских племен. Глава военной аристократии Алп-Илитвер во главе своих сторонников вышел из повиновения жрецам, лишил их приношений и жертв; а затем «жрецов и главных кудесников» и вовсе заключил в оковы и предал суду.

В отношении Алп-Илитвера Мовсес употребляет разнообразные термины: «полководец и великий князь гуннов», «каган», «великий князь», «высокопрестольный князь». Его власть распространялась по существу на все сферы жизни гуннов. «Великий князь» начинал войну и нередко сам возглавлял войска, вел переговоры и заключал союзы с правителями других обществ. В его руках сосредоточились полномочия верховного суда и карающие функции (*Гадло* 1979, с. 144–146; *Гмыря* 1988, с. 113–115; 1993, с. 288–292).

Острый конфликт между родовой /«князья страны»/ и военной аристократией /«тот, кто одерживал победы на войне»/ наблюдался в среде тюркской общности в 20-х гг. VII в. Конфликт разрешился компромиссом: глава военной аристократии /«хазар-тархан»/ сохранил свое положение, но верховная власть закрепилась за сакрализованным родом Ашина, представителя которого около 630 г. провозгласили каганом хазар (*Гадло* 1984, с. 20–21).

А.П. Новосельцев высказал предположение об усилении политического объединения хазар и его постепенном выдвижении на первый план в Восточном Предкавказье в 90-х гг. VI в. Уже тогда правитель хазар носил титул «малик», хотя он в какой-то мере все еще признавал верховную власть Тюркского каганата, глава которого носил громкий титул *великий хакан* (*Новосельцев* 1990, с. 86–87).

В древнегрузинских источниках глава хазар назван *Джибго /Джибга/ эристав*, где титул также превратился в имя. В данном случае «эристав» можно объяснить как «глава», «предводитель», именно так перевел на древнеармянский переводчик XII в. */зораглух* – «глава войска»/. Од-

нако, поскольку в подробном рассказе Каганкатваци главным героем, действовавшим в Закавказье, назван не Джебу, а его сын Шат, очевидно, в грузинском источнике допущена неточность и зораглухом был не Джебу /Джибка/, а его сын (*там же*, с. 87–88).

В дискуссии по поводу трактовки социального статуса Зиевила А.П. Новосельцев присоединился к сторонникам признания в данном слове искажения титула «джебу»/«ягбу» (*там же*, с. 88).

В материалах т.н. «еврейско-хазарской переписки» говорится, что до реформ Булана в начале VII в. «не было царя в стране Казарии», а «того, кто мог бы одерживать победы, они ставили над собой главнокомандующим войска» (*Глоб, Прицак* 1997, с. 138). Здесь ясно говорится, что избирался именно *главнокомандующий войска*. Спустя некоторое время «один еврей одержал победу своим мечом и обратил в бегство врагов, выступивших против хазар. И *поставили* его люди казарские над собой главнокомандующим войска в соответствии с *древним обычаем* (курсив мой – *Ф.Г.*)» (*там же*).

А.В. Гадло, опираясь на перевод П.К. Коковцова, полагал, что речь идет о «главе *страны*», избираемом из числа военной элиты. Причем, источник эту социальную категорию резко отличает от «князей», т.е. от «родовой аристократии, которую византийские авторы, когда речь идет о степи, именуют обычно архонтами, а армянские – нахарарами». Роль «князей» в хазарском обществе того периода оставалась высокой. Власть военачальника фактически ограничивалась вопросами военной организации союза общин и контролировалась «князьями» (*Гадло* 1985, с. 23). Такие социумы в последнее время называются обществами с военно-иерархической структурой.

Некоторые дагестанские ученые отстаивают версию о сложении хазарского государства в середине VII в., характеризуя его как «*первое феодальное* (курсив мой – *Ф.Г.*) государственное образование в Восточной Европе, отличавшееся обширными размерами и военно-политической мощью» (*Гаджиев, Давудов, Шихсаидов* 1996, с. 179).

Однако аргументов в пользу отнесения хазарского социума указанного периода к *феодальному государству* нет. Образование «Хазарского *государства*» А.П. Новосельцев относил к первой четверти VII в. В то же время специально подчеркнул: «речь идет о начальной дате, за которой последовал довольно значительный период становления Хазарского *каганата* как уже во всех отношениях самостоятельного государства» (*Новосельцев* 1990, с. 89).

В арабских источниках приводится разнообразная информация и титулатура высших слоев хазаров периода их войн с арабами. Например, Халифа ибн Хаййат привел своеобразный список: хакан «с великим множеством тюрок»; «Мартик, сын хакана», в 108/726–7 г. возглавивший поход в Азербайджан и осаждавший город Варсан; «хазарский тиран», возглавлявший «большое сборище»; «сын хакана», «в упорной битве» с которым погиб Джаррах (*Бейлис* 2000, с. 36–43).

В Оногуро-Булгарской конфедерации один из аристократов Кубрат с помощью Византии расправился с проаварской группировкой и попытался, правда не совсем удачно, закрепить руководство конфедерацией за своим родом (*Гадло* 1985, с. 27).

У мадьяр еще в начале IX в. «было семь племен, но архонта над собой, своего ли или чужого, они никогда не имели; были же у них некие воеводы». В 30-е гг. IX в. «первым из вышеназванных» стал Леведия. Полагают, что между 840 и 880 гг. он стал сакральным главой союза мадьярских племен, попавших под власть хазар. В передаче Константина Багрянородного, каган предложил Леведии: «Ты благороден, разумен, известен мужеством и первый среди» мадьяр, стань «архонтом своего народа и чтобы ты повиновался слову и велению нашему». Однако Леведия отказался: «Есть, впрочем, иной, помимо меня, воевода, называемый Алмуц и имеющий сына по имени Арпад». Мадьяры «предпочли, чтобы архонтом скорее оказался Арпад, чем отец его Алмуц, как более достойный, более желанный из-за его разума, рассудительности и мужества и способный к такой власти. Его-то и сделали архонтом, по обычаю... хазар подняв его на щите. До этого Арпада турки (мадьяры – *Ф.Г.*) никогда не имели другого архонта, и с тех пор и до сего дня они выдвигают архонта Туркии из этого рода» (*Константин Багрянородный* 1989, с. 159–161).

Укрепление позиций военной аристократии в аланском обществе привело в VIII в. к возникновению дружинного культа. Показателем этого служат амулеты в виде коня и всадника – скорее всего символы «царской дружины – аланской гвардии». Они составляют примерно 15% всех найденных в северокавказских древностях амулетов и встречены в 10% комплексов, содержавших таковые (*Ковалевская* 1978, с. 117–120).

Г.Ф. Чурсин и В.Б. Ковалевская под амулетом понимали предмет, магическим образом охраняющий человека от бед, т.е. «оберег» (*Ковалевская* 1983, с. 43). Среди таковых в аланских древностях обращает на себя внимание уникальная по богатству и разнообразию серия металлических амулетов /250 экз./, в то время как в находках из Приуралья, Подонья, Крыма, Приднепровья и Подунавья «они представлены единичными экземплярами, как правило, генетически связанными с территорией Северного Кавказа» (*там же*).

Металлические антропоморфные амулеты позволяют проследить эволюцию религиозных представлений алан последней трети I-го тысячелетия. Ко второй половине VI–VII вв. относится появление среди амулетов антропоморфных подвесок в виде небольших бронзовых /или из низкопробного серебра/ односторонних литых фигурок. «Изображение мужское, обнаженное, фаллическое». Данный тип археологи склонны связать с главным божеством Неба, аналогичным древнеславянскому Роду, «вдувающему жизнь во все живое». Празднования Аларды в традиционном осетинском обществе, Гальерды у ингушей и Алертоба у грузин сохранили образ аналогичного божества «небесного огня, плодородия и ча-

дородия». Возможно, поэтому «большая часть антропоморфных подвесок связана с детскими погребениями». Амулеты второго типа, генетически связанные с первым, «изображают одинокого мужчину в коническом головном уборе, украшенном горизонтальной и наклонной штриховкой, с рельефным профилированным лицом, гравированными глазами и ртом». Амулеты этого типа свидетельствуют о возникновении у алан «дружинного культа, аналогичного культу Перуна, покровителя воинов и князей, выросшего из недр небесного Божества» (*там же*, с. 48).

С дружинным культом связаны и амулеты 3-го типа – серебряные штампованные фигурки, изображающие мужчину с круглой головой, обозначенными штрихами волосами, глазами, носом, усами и ртом.

Наконец, 4-й тип амулетов – в виде всадников – знаменовал собой переход от культа верховного божества плодородия к дружинному культу. Эти памятники отмечены в мужских погребениях аланских воинов VIII–IX вв. По этнографии осетин Уастырджи /диг. Уаскерги/ – популярный у осетин святой – покровитель мужчин, воинов, часто изображается как «всадник на чудном белом коне». Примечательно, что еще в конце XIX в. в западной Осетии, наряду с традиционными праздниками в честь Святого Георгия, у аулов Ахсау и Задалеск отмечалось «ежегодное празднество в честь Уаскерги: *молодежь* (курсив мой – *Ф.Г.*) собирает пожертвования с окольных жителей и пирует у скалы, призывая в песнях милость Уаскерги к дигорцам» (*Миллер* 1882. Вып. II, с. 242–243). Не являлось ли это отголоском праздника членов молодежных мужских союзов, игравших в прошлом заметную роль.

В целом смена амулетов на Северном Кавказе, в частности, появление в VIII в. специальных символов дружинного культа божества войны, знаменовала собой упрочнение позиций военной аристократии (*Ковалевская* 1983, с. 48–49). Следует отметить, что появление особых знаков принадлежности к дружине характерно для алан Северного Кавказа.

В.Е. Флерова обратила внимание на существенное различие в коллекциях амулетов Северного Кавказа и Подонья, включая лесостепные катакомбные могильники: «почти полное отсутствие амулетов в виде фигурок всадников». В Верхнесалтовском могильнике найден амулет в виде всадника, едущего направо; «еще одна случайная находка всадника, едущего налево, сделана у Таганрога. На Северном Кавказе таких амулетов собрано не менее 20» (*Флерова* 2001, с. 75). Отмеченное различие в коллекциях амулетов в названных регионах Ф.С. Флерова вслед за В.Б. Ковалевской связывает с особенностями микротопографии для данного типа археологических предметов. Они «встречаются в некоторых могильниках и полностью отсутствуют в ряде других, даже имеющих значительное число вскрытых комплексов» (*там же*, с. 75–76).

Образ всадника, в виде амулетов встречаемый у алан, «являлся распространенным сюжетом в искусстве Хазарии». Интересно изображение всадника, держащего чашу, на рельефе из с. Донское. Только это из обнаруженных на сегодня хазарских изображений всадников «имеет фрон-

тальное расположение фигуры седока при коне, повернутом в профиль, аналогичное позе всадников на амулетах Северного Кавказа» (*там же*, с. 76).

Отметим и известные по находкам в Верхнесалтовском и Дмитриевском могильниках амулеты в виде всадника на грифоне. В отличие от названных выше амулетов, «они скорее связаны не с дружинным культом, а с идеей плодородия» (*там же*, с. 79).

Таким образом, на всем Северном Кавказе события развивались почти по одному сценарию. Новая, военная по происхождению, аристократия стремилась к усилению и захвату власти в конфедерации. В борьбе со старой родоплеменной знатью военная аристократия опиралась на силу мировых религий и помощь соседних стран с развитой классовой структурой.

V. 2. Роль торговли и городов в социальных процессах этносов Северного Кавказа

Северный Кавказ, являясь своего рода мостом между Европой и Азией, играл ключевую роль в системе связей различных «миров-экономик» (*Бродель* 1992, с. 15). Особое значение для развития торговли имели трансконтинентальные пути, проходившие через т.н. «Каспийские ворота», Клухорский перевал, Дарьяльское и Алагирское ущелья – современные Военно-Грузинская и Военно-Осетинская (или Транскам) дороги. Важнейшие перевальные пути, в частности, через Дарьяльское ущелье, античным авторам были известны уже в VI в. до н.э. Значение издавна функционировавших торговых магистралей, на протяжении столетий являвшихся связующим звеном в обмене племен и народов Юго-Восточной Европы, Закавказья, Азии и Дальнего Востока, возросло в первые века н.э. и еще более увеличилось в эпоху средневековья (*Прокопенко* 1999, с. 3).

Анализ импортных изделий и монетных находок из аланских погребений Кисловодской котловины позволил «наметить три основных торгово-экономических направления, неразрывно связанных с функционированием здесь в раннем средневековье Даринской дороги как северокавказского участка Великого шелкового пути /ВШП/: среднеазиатско-китайское, закавказско-иранское и византийско-причерноморское» (*Афанасьев, Рунич* 2001, с. 21).

Помимо ВШП Кавказ находился в зоне функционирования и другой известной торговой магистрали – «пути из варяг в греки». Специалисты высоко оценивают «роль этой водной магистрали в процессе образования Древнерусского государства, сложения его территории, оформления главных направлений его внешней политики в IX в.»: все это – «не подлежит сомнению» (*Назаренко А.В.* 1994, с. 7).

Столь же высоко историки оценивают роль Великого Волжского пути, послужившего «стимулом невиданного до тех пор (раннего средневеко-

вья – *Ф.Г.*) прогресса евразийского общества», повлиявшего «на ускорение социальных и хозяйственных процессов многих стран и регионов», способствовавшего «созданию единого многонационального экономического пространства в масштабах значительной части Евразии» (*Кирпичников* 2002, с. 7).

Еще один торговый путь указан Ибн Хордадбехом – дорога «позади Армении». Если исходить из чтения Оксфордской рукописи, отмечает Т.М. Калинина, то для конца VIII – начала IX вв. вырисовывается следующий маршрут: через Партав и Дербентский проход в Хазарию. Среди других кавказских дорог Хордадбех указывает еще одну – от города Варсан через Берда'а до Дербента, за которым находился Семендер. Хотя «нестабильность политического положения на Кавказе могла и помешать регулярной торговле» (*Калинина* 2000, с. 112).

Опираясь на труды арабских авторов, E. Szymanski справедливо отмечает: задолго до появления на Кавказе восточных воинов и купцов данный регион представлял собой средоточие различных крупных торговых путей; здесь же смешивались волны людских миграций. «Стратегическая и экономическая значимость Кавказа не должна обсуждаться; этот же регион был широко известен не только торговцам или путешественникам, но и историкам и географам, которых он привлекал как регион широкого распространения устной истории, эпических памятников, мифологии и космогонии» (*Szymanski* 1988, P. 298).

О значимости транзитных магистралей в жизни населения Северного Кавказа можно судить на примере алан периода арабо-хазарских войн 721–737 гг. В результате военных акций «оказались блокированными традиционные торговые пути через Северный Кавказ – с юга арабами, с севера хазарами», что незамедлительно сказалось на состоянии аланских социумов (*Афанасьев, Рунич* 2001, с. 237).

Частые войны, различные эпидемии, уносившие сотни и тысячи жизней, непогода, да и просто разбой – вот далеко не полный перечень препятствий развитию международной торговли. На протяжении практически всего средневекового периода торговля оставалась трудным и опасным занятием. Коммуникации чаще всего находились в плачевном состоянии. Дороги, за редким исключением, грунтовые и не мощенные. После каждого дождя на них появлялись рытвины и ямы; лошади проваливались, телеги застревали. Постоянных мостов либо было очень мало, либо не было вовсе; за проезд по ним приходилось платить дорожную пошлину и «мостовые деньги». И, наконец, – никакой безопасности для путника. «Ибо путник, особенно иностранец, никоим образом не был огражден от опасностей, подстерегавших его на дорогах». Сельская местность кишела беглыми солдатами, мародерами, грабителями, мечтавшими не только ограбить купца, но и вынудить его уплатить выкуп за свою свободу. Итак, все в жизни купца было трудно и опасно. Как справедливо подметил Л. Февр, «опасность, медлительность, помехи – таков был закон торговых отношений в старину» (*Февр* 2000, с. 35, 37).

Заниматься торговлей на столь опасных путях, в столь неспокойное время могли лишь отчаянно смелые люди, способные обеспечить собственную безопасность и сохранность грузов. Не удивительно, что купцы, как правило, либо находились под патронажем вождей и «царей», либо состояли в их ближайшем окружении.

Купец эпохи средневековья, в том числе и на Северном Кавказе, не мог обладать мягким, спокойным нравом. Это был путешественник, странник, некое подобие Одиссея. По меткой характеристике Л. Февра, купец той поры – «открыватель» товаров, «изобретатель» в мире торговли, человек стремительных решений, исключительной физической и духовной энергии. Итоговый портрет негоцианта средневековья: «Купец по сути своей – *воин* (курсив мой – *Ф.Г.*)» (*там же* 2000, с. 37–39).

В связи с данным вопросом интересна структура воинских отрядов Дербента рубежа двух тысячелетий. Десятки и сотни возглавляли *раисы*. Хотя данный термин в ряде случаев имеет и другие значения, здесь он обозначает командиров среднего звена. В подчиненных им небольших отрядах основную силу составляли ремесленники. «В случае необходимости торговый и ремесленный люд выступал в роли воинов. Поэтому торгово-ремесленные объединения представляли собой не только экономическую, политическую, но и внушительную военную силу, часть военной дружины города. *Торговец и ремесленник* становились одновременно и *воинами* (курсив мой – Ф.Г.)» (*Гаджиев, Давудов, Шихсаидов* 1996, с. 277).

Вместе с тем купец той бурной эпохи – не только воин, но и хранитель многих важных географических знаний. Предприимчивые купцы, активно изучавшие дороги с Запада на Восток, получили название *радониты* – от персидского *rah* «дорога» и *don* корня глагола «знать»; в целом – «знающие дороги». Одними из первых это наименование получили «еврейские купцы, захватившие в свои руки монополию караванной торговли между Китаем и Европой» (*Гумилев* 2002, с. 114).

Возможно, экстремальные по сути условия древней торговли какое-то время препятствовали развитию торговых контактов Восточной и особенно Северной Европы со странами Востока. Исходя из анализа нумизматических находок, Т.М. Калинина высказала предположение о том, что «восточно-европейский регион стал торговым с первой трети IX в.: многочисленные находки сасанидских и куфических монет указывают на появление устойчивых связей с Арабским халифатом» (*Калинина* 2000, с. 106).

Клады восточных монет конца VIII–IX вв. найдены в скандинавских странах, в Германии, Польше, на севере Руси, а также на юге – в землях восточных славян и в Хазарии. После образования государства Древней Руси торговля стала интенсивнее, возросла активность движения по дорогам и рекам из Прибалтики в Восточную Европу (*там же*, с. 108).

Новые торговые магистрали между Востоком и Западом пересекались на Кавказе. Это, разумеется, увеличило размах международной тор-

говли в регионе. Караваны с востока редко доходили до стран Западной и Северной Европы. Например, купцы из арабских халифатов достигали лишь перевалочных пунктов в Рейнланде, реже – в Подунавье, сравнительно чаще – в Киевской Руси или Волжской Булгарии. Непосредственной торговлей Балтики с восточно-европейскими и кавказскими центрами, поддерживавшими прямые контакты с исламским миром, занимались, прежде всего, купцы сопредельных племен, народов и государств: готландцы, норвежцы, фризы, саксы, ободриты, прусы; на первом месте стояли русы из Старой Ладоги, Новгорода и Пскова. Хазарские купцы, согласно Ибн-Фадлану, еще до 922 г. достигали Скандинавии. Торговцы повсеместно основывали свои землячества или же имели в торговых центрах компаньонов из числа местных купцов (см.: *Ковалевский* 1956).

В пору расцвета Великого Волжского пути главными торговыми партнерами, по словам восточных авторов, являлись русы, болгары и хазары. Они «образовывали свои клановые купеческие сообщества... Их общины отмечены, в частности, в Итиле, Самкарше-Тмутаракане, Киеве» (*Кирпичников* 2002, с. 14–15).

Арабы познакомились с балтийскими воинами-купцами на торговых путях и перевалочных центрах юга России. Ибн-Фадлан в 922 г. встретил группу купцов при дворе булгарского царя. «Я видел русов, когда они прибыли по своим торговым делам и расположились на реке Атиль... У каждого из них имеется секира, меч и нож, и он никогда не расстается с тем, о чем мы упомянули. Мечи их плоские, с бороздками, франкские» (*Ковалевский* 1956, с. 78–83).

Арабский географ Ибн-Хаукаль /в переводе Б. Заходера/ в рассказе о хазарской торговле привел интересное сообщение о характере связей между Скандинавией и Средней Азией: «Вывозимые из их /хазар/ страны в исламские страны мед, свечи и пушные товары ими ввозятся только из местностей руси и булгар. Так же обстоит дело и с вывозимыми по всему миру бобровыми мехами... Большая часть этих мехов, да почти все, добыты в стране русов... затем они /русы/ перепродают их /меха/ булгарам. Так оно было до 358 г. хиджры /965 г./, потому что в тот год Русь разрушила города Булгара и Хазарана... Склад для торговли Руси – всегда Хазаран. Здесь товары, привозимые ими, облагаются десятинной податью /взимаемой хазарами/» (*Заходер* 1967, т. II, с. 34). С волжских и северокавказских центров меха поступали в страны Западной Европы, вплоть до испанских провинций.

В Поволжье и на Северном Кавказе мехов также было немало; иногда они использовались даже в качестве всеобщего эквивалента. Ибн-Рустэ /в т.н. «Каспийском» своде сведений Б. Заходера/ писал о булгарах: «У них нет имущества в золоте или серебре, так как дирхемы их – куницы; ходит у них одна куница за два дирхема с половиной, а белые, круглые дирхемы привозят из областей ислама, совершают на них сделки». К Ибн-Рустэ близок Гардизи: «У них нет наличности в золоте или серебре,

вместо серебра они отдают куний мех – один за два дирхема, они привозят их из стран ислама». О «меховых деньгах» в Восточной Европе писали также Гарнати и Хамадани. Наконец, Низами отмечал, что «у русов деньгами служат не драгоценные металлы, а беличьи и собольи шкурки». Однако, по другой информации, у русов в ходу были и дирхемы. Показательна в этом плане молитва руса-купца (в изложении Ибн-Фадлана): «Я желаю, чтобы ты пожаловал мне купца, имеющего многочисленные динары и дирхемы, чтобы он покупал у меня» (*там же* с. 34–35).

По свидетельству Бакри, хазары торгуют с булгарами «и совершают с ними сделки, также и русы». Более развернут данный сюжет у Гардизи: «И хазары ведут с ними обмен и приезжают для торговли, и русы таким же образом; торговля их все соболь, горностай и серая белка» (*там же*, с. 29–30). В переводе В.В. Бартольда сюжет Гардизи о статьях торговли русов изложен чуть иначе: «Предметы их торговли – меха горностаевы, беличьи и другие» (*Бартольд* 1963, с. 60). Среди товаров, вывозимых с «Западного моря» /западного побережья Атлантики/, Ибн-Хордадбех называет «меха *ал-хазз* и *ал-вабр*; из отдаленных окраин славянских земель купцы-русы вывозили шкурки *ал-хазз*, черных лисиц /*ас-са'алиб ас-савад*/» (*Калинина* 2000, с. 115).

В словарях Э. Лейна, Х.К. Баранова слово *ал-хазз* означает «шелк», а слово того же корня *хузаз* «заяц». Последнее значение для драгоценных мехов, имевших хождение в Европе, использовано Н.М. Велихановой при переводе на русский язык труда Ибн-Хордадбеха. Однако Т.М. Калинина обратила внимание на версию перевода Т. Левицкого, согласно которой персидское «слово *хазз* означало ни что иное, как «нежный мех бобра»» (*там же*, с. 115, примеч. 37).

Еврейские купцы везли и меха: пушнину, соболей. О мехах упоминал и известный арабский литератор ал-Джахиз /ум. в 869 г./. В небольшом трактате «Рассуждения о торговле» он назвал шкурки горностая, хазарской и хорезмийской белки. Термины *хазарская* и *хорезмийская* относились, скорее всего, не к реальному происхождению пушнины, а к местам, из которых ее везли купцы. Якуби /ум. в 897 г./ рассказал о мастерах Хорезма, подбивавших одежду мехами соболя, лисицы, горностая, рыси, белки.

Позднее Ибн-Хаукаль конечным пунктом торговли русов назвал Хазаран – торговую часть столицы хазар Итиль. Он добавил также, что из области русов Арса кроме черных соболей привозили шкурки черных лисиц (*там же*, с. 116).

Те же источники свидетельствуют о роли торговли в обогащении правящей элиты. Так, согласно Ибн-Рустэ, булгары «дают своему царю вьючный скот и другое; когда женится какой-либо муж из них, берет царь у них по вьючному животному; если приходят к ним мусульманские суда для торговли, берут с них десятину». У Гардизи чуть иначе: «По требованию царя они отдают ему вьючное животное, когда какой-либо муж берет жену, царь от каждого взимает по лошади; когда приходит торго-

вое судно, взимает одну десятую» (*Заходер* 1967, т. II, с. 32). Показательны наблюдения Ибн-Фадлана: 1. «У царя нет на это (т.е. на посевы – *Б.З.*) никакого права, кроме лишь того, что они платят ему в каждом году от каждого дома шкуру соболя». 2. «Каждому, кто у себя устраивает свадьбу или созывает званый пир, необходимо сделать отчисление царю, в зависимости от размеров пиршества». 3. «Если прибудет корабль из страны хазар в страну 'славян', то царь выедет верхом и пересчитает то, что в нем /имеется/, и возьмет из всего этого десятую часть» (*там же*, с. 32–33).

По свидетельству того же Ибн-Фадлана, между волжскими и северокавказскими центрами, с одной стороны, и Хорезмом – с другой, существовала караванная торговля. Один из таких караванов, направлявшийся из Хорезма по Амударье через Джурджан в Булгар, состоял из 3000 лошадей и 5000 человек, помимо ослов и верблюдов. Путешествие из Джурджана в Булгар длилось с 3 марта по 12 мая 922 г.; с небольшими остановками караван за два с лишним месяца преодолел расстояние около 2000 км. Как показывают исследования, арабские, булгарские, хазарские, славянские и другие купцы также путешествовали по великим сухопутным торговым путям с востока на запад, из Средней Азии в Киев и Прагу, Эрфурт и Кордову (*Херрман* 1986, с. 73).

Несмотря на трудности и опасности, «караваны постоянно ходят» из Поволжья и Северного Кавказа «в Хорезм, что в хорасанской земле, и из Хорезма к ним; но дорога пересекает /кочевья/ других тюрков, и караваны /должны/ охраняться от них» (*Minorsky* 1958. P. 149; *Минорский* 1963, с. 197). Описывая фактически тот же участок ВШП, Гардизи отметил огромные трудности, подстерегавшие купцов. 9 дней надо было идти по безводной степи, «каждые два дня приходя к колодцу». Лишь на 10-й день караваны достигали «источников, где есть вода и всякого рода дичь, из птиц и антилоп; травы немного». Еще через 17 дней купцы приходили «к шатрам печенегов», владения которых «простираются на 30 дней пути». Дороги здесь «очень трудны и неприятны. Кто хочет отправиться оттуда в какую-нибудь страну, должен купить лошадей, так как ни с какой стороны нельзя выехать из их земли иначе, как верхом, вследствие дурного состояния дорог» (*Бартольд* 1963, с. 56–57).

Роль торговли в жизни различных социумов и народов Северного Кавказа конца I-го тысячелетия наглядно демонстрирует сюжет из истории хазар. В 737 г. состоялся тщательно спланированный поход Мервана в глубь хазарских владений. Отправив приказ арабскому войску в Дербенте выступить на Семендер, сам Мерван, «огнем и мечом пройдя через Аланские ворота в страну алан, вышел на Северо-Кавказскую равнину с другой стороны». Хазары отступили на север. Преследуя их, арабы достигли «Славянской реки /Нахр ас-сакалиба/, где взяли в плен 20 000 семей славян». Поход Мервана настолько «подорвал силы каганата, что в течение ближайших тридцати лет хазары уже не делали серьезных попыток вернуть утраченные позиции на Северном Кавказе». И дело тут не в

военном поражении кагана. Для хазар «жизненное значение имела транзитная торговля». Контроль над низовьями Дона и Волги давал ряд преимуществ, позволяя поставить под свое наблюдение транзитную торговлю через Северный Кавказ, страны Закавказья и Востока (*Новосельцев* 2000, с. 274–276, 278).

Арабо-хазарское противостояние в VIII в. завершилось вытеснением арабов с юга России. Тем самым были уничтожены плоды походов Мервана; «Кавказский хребет стал естественной границей степной Евразии и мусульманского мира – Леванта». Однако взаимодействие не прекратилось, а лишь изменило форму. «Место воинов-завоевателей заняли купцы» (*Гумилев* 2002, с. 52).

В начале X в. Хазария все еще оставалась одной из ведущих торговых держав юго-восточной Европы. Согласно Масуди, «помимо ларисийа (алан – *Ф.Г.*) находится много мусульманских купцов и ремесленников, которые наехали в страну хазарского царя ввиду справедливости и безопасности, /господствующих/ там» (*Minorsky* 1958. P. 147; *Минорский* 1963, с. 195). Вероятно, по этой же причине Хазария являлась одним из важнейших пунктов торговли на ВШП.

Наряду с Великим шелковым путем, важную роль в европейской торговле играл «путь из варяг в греки». По его маршруту от Волхова до Днепра располагались торговые городки. Некоторые из них возводились специально для охраны торговых путей. Созданные купцами собственные отряды для охраны своих караванов были недостаточны для успешной борьбы с разбоями на дорогах. Поэтому славяне прибегали к помощи скандинавов, нанимая варягов для охраны торговых магистралей (*Пушкарев* 1991, с. 16). Какое-то время «большую часть торгового пути из Европы на Восток» контролировали хазары, подчинившие полян, радимичей, северян и вятичей. По мнению А.П. Новосельцева (1991, с. 6–7), именно это обстоятельство «побуждало общины Восточной Европы пригласить на условиях договора /русское – ряд, византийское – пакт/ представителей варяжских дружин, типа Рюрика, Аскольда, Дира и др.» Показателен статус Рюрикова городища, особенно на раннем этапе /до конца IX в./, являвшегося резиденцией предводителя варяжской дружины и одновременно – торговой факторией (*Шинаков* 2000, с. 316).

Наглядные примеры по данной теме приводят арабские источники. Один из ранних восточных географов – Ибн-Хордадбех – торговых людей русов называет «родом славян», а реку Дон – «славянской рекой». Идриси называл Дон *нахр ар-Русийа*, хотя в его время слово *рус* теряло свое ограниченное значение и нередко употреблялось по отношению к древнерусскому государству, ассимилировавшему скандинавские дружины. Вместе с тем отметим, что в старинном источнике, использованном Гардизи и Ибн-Рустэ, *русы* представлены как жители острова *Holm-gardr* /скандинавское «островной город»/. Их правитель назван *хакан-рус*. Воинственные русы «плавают на судах, грабят славян и уводят их в полон». У ранних мусульманских географов скандинавы изображаются как не-

большие группы «только в войске или в торговых экспедициях». В начале X в., согласно Масуди /по версии перевода В. Минорского/, «*русы* - громадное племя; они не подчиняются никакому царю и никакому закону. Среди них есть купцы, которые постоянно ездят к царю бургар». В другом месте Масуди уточняет: «Русы состоят из многочисленных племен разного рода. Среди них находятся урманы /норманны/, которые наиболее многочисленны и с торговыми целями постоянно посещают страны Андалус, Рим, Константинополь и страну хазар» (*Minorsky* 1958. P. 109, 111, 149–150; *Минорский* 1963, с. 147, 149, 196–198).

«Варяги» арабских источников предстают либо как воины, либо как купцы, либо как те и другие одновременно. Так, Константин Багрянородный писал по этому поводу: «Зимний же и суровый образ жизни тех самых росов таков. Когда наступает ноябрь, тотчас их архонты выходят со всеми росами из Киава и отправляются в полюдия, что именуется 'кружением', а именно – в Славении вервианов, другувитов, кривичей, северием и прочих славян, которые являются пактиотами росов. Кормясь там в течение зимы, они снова, начиная с апреля, когда растает лед на реке Днепр, возвращаются в Киав. Потом так же, как было рассказано, взяв свои моноксилы, они оснащают /их/ и отправляются в Романию» (*Константин Багрянородный.* 1989, с. 51).

Комментируя данный сюжет, А.П. Новосельцев отметил, что арабские путешественники и купцы могли видеть лишь две категории народа *аррус*: купцов, с которыми они торговали, и дружинников (*там же*, с. 305).

«Повесть временных лет» отмечает зависимость полян от хазар, от которой полян избавили пришедшие с севера воеводы новгородского правителя Рюрика – Аскольд и Дир. Точной даты летопись не называет, но данный сюжет включен в рассказ о призвании новгородцами в 862 г. трех братьев-варягов. Появление на западной границе быстро набирающего силу конкурента в торговле между Востоком и Западом встревожило кагана. По свидетельству Константина Багрянородного, крепость Саркел на Дону возвели византийцы по просьбе кагана: «Саркел... был построен спафарокандидатом Петроной... так как хазары просили василевса Феофила построить им эту крепость» (*там же*, с. 171). Укрепление отношений между бывшими врагами – хазарами и византийцами – и постройку Саркела в 30-х гг. IX в. А.П. Новосельцев обоснованно, на наш взгляд, связывал с появлением на западных границах Хазарии нового врага и конкурента в контроле над ВШП и другими торговыми артериями юго-восточной Европы. Таким врагом могли быть только русы (*Новосельцев* 1991, с. 6, 8–9).

В.Я. Петрухин заинтересованность славянских данников хазар – северян и радимичей – в союзе с дружинами русов объясняет стремлением и тех и других прорваться к мировым рынкам. Находки монетных кладов на территории северян и радимичей историки связывают с участием славян в торговле (*Петрухин* 2001, с. 137, 139–140).

В 965 г. Святослав совершил поход на Волгу и Северный Кавказ. По-

ход «внес расстройство в жизнь местных племен. Некогда мощное царство хазар, по-видимому, никогда не оправилось от этого потрясения» (*Minorsky* 1958. P. 113; *Минорский* 1963, с. 152). Ценные отзвуки этого похода сохранил Ибн-Хаукаль, который в 969 г. находился на южном побережье Каспия. Он говорит о беженцах на островах «ал-Баб» /близ Дербента нет островов, но они отмечены в устье Терека/ и в Сийах-кухе /современный Мангышлак на восточном побережье Каспия/. При поддержке Ширваншаха Мухаммада б. Ахмада ал-Азди некоторые беженцы стали возвращаться в хазарские столицы /Итиль и Хазран/. После похода Святослава отдельные группы русов, вероятно, проникли на юго-западную оконечность Каспия. «Такие авантюристы в качестве купцов и торговцев могли установить разнообразные отношения с местными племенами, и это объясняет любопытные эпизоды, упоминаемые в Т/арих ал-/ Б/аб/» (*Minorsky* 1958. P. 113; *Минорский* 1963, с. 152).

Восточный поход Святослава имел большое значение не только для древней Руси, но и для Северного Кавказа, Поволжья, Подонья. Основную причину похода исследователи практически единодушно видят в стремлении киевского князя ликвидировать «весьма обременительное *хазарское посредничество в восточной торговле русов, существенно снижавшее доходы купцов* и тесно связанной с ними... верхушки Киевской Руси (курсив мой – *Ф.Г.*)». Один из последних анализов комплекса источников /ПВЛ, Ибн-Хаукаль и др./ по данной проблеме, предпринятый С.А. Чарным, показал, что в 60-х гг. X в. состоялось два похода на Хазарию. Первый в 965 г. предпринял Святослав по маршруту Киев /или Новгород/ – «земли вятичей» – Саркел – Тмутаракань. Автор предполагает, «что подчинение зихов и асов было на самом деле военным союзом русов с племенами, враждовавшими с хазарами еще в начале X в.». Под контроль киевского князя перешел важный отрезок пути «из славян в хазары», а обременительные пошлины хазары, наверное, после поражения снизили. Второй поход в 968/9 гг. предприняли скандинавы, возможно, по маршруту Скандинавия – Ладога – Белоозеро – Волжская Булгария – Итиль – Самандар – Черное море (*Чарный* 2000, с. 26-31).

Присутствие в Киеве алан /в частности, купцов/, возможно, имело место еще до походов Святослава. В договорах русов 911 и 945 гг. с Византией упомянуты послы и купцы с явно иранскими именами. В договоре Игоря к таковым относятся: *Сфанъдр, Истр, Прастен, Фроутан.* Имя *Сфанъдр*, равно как иранское *Эсфандар*, очевидно, происходит от *Эсфанд* – двенадцатый месяц года. *Фроутану* из договора Игоря соответствует иранское имя Форутан, что означает «простой», «скромный». *Прастен*, возможно, объясняется из причастия *парастанде* со значением «поклоняющийся», «почитающий», «слуга». Это имя, очевидно, было распространенным, ибо в договоре оно упомянуто трижды. Созвучны ему имена *Фрастен* и *Фуръстен*. Возможно, упомянутые антропонимы одного корня со словом *фэрэстандэ* «правитель», «экспедитор», и, следовательно, обозначали придворную должность (*Кузьмин* 1974, с. 73–74).

Таким образом, в качестве гипотезы, можно предположить участие аланских купцов в торговле русов с Византией.

Вероятно, но не бесспорно, предположение о возможных /торговых?/ контактах алан с норманнами. Фольклор северных народов через века пронес представление о «стране бессмертия». «К той блаженной стране», согласно сюжету «Инглинга-саги, прежде всех направил путь Один, когда выступил из *Асахофа* (курсив мой – *Ф.Г.*) на Танаисе». Позднее норманны «отправились... далее через Скифию, без сомнения, старым торговым путем по Двине и потом по Днепру в Черноморские страны». В сагах упоминается страна *Reidgotaland*; острова, принадлежавшие Одину, названы *Eygotaland*. В качестве пограничных народов упоминаются сарматы (*Стриннгольм* 2003, с. 265–266). Здесь же отметим, что «скандинавские племена, поселившиеся с Рюриком и его братьями в Новгороде и окрестной стране, называются у чуди *Roots* или *Ruotzalainen*» (*там же*, с. 275).

Археологические находки с различных территорий Северного Кавказа свидетельствуют о значительной роли народов региона в торговле Востока и Запада. Хазары и аланы стремились создать для иноземных купцов все необходимые /возможные в то неспокойное время/ условия. Например, в Итиле для мусульманских купцов и ремесленников, чувствовавших себя в безопасности, выстроили не только мечети, но и медресе, где дети могли изучать Коран. Каждая из проживавших здесь общин – иудейская, христианская, мусульманская и языческая – имела собственных судей. Эта сложная этническая структура была свойственна многим городам того времени /в том числе Киеву, вспомним хотя бы летописное сообщение о том, что Святослав «приведе к Киеву ясы и касоги»/; из торговых центров Северного Кавказа отметим Семендер /от которого шел прямой путь на Итиль/, аланские города /Магас, Нижний Архыз и др./, подконтрольные хазарам и аланам причерноморские центры /Таматарха, Фанагория, Керчь и др./.

Торговые пошлины /десятина/ были важнейшей статьей доходов северокавказских «царей» и вождей. Следить за громадными территориями, иногда с полиэтничным населением, даже при эффективной налоговой службе проще, контролируя транзитные пути международной торговли. Этот «секрет» знали и ахемениды, и сасаниды, и Александр Македонский, и славяне, и аланы, и хазары. Коммуникации алан и хазар, как неоднократно отмечалось в литературе, являлись важными звеньями ВШП. Заметную роль в торговле на этом пути играл начальник каравана; он не только субсидировал купцов, но и сам шел с ними, возглавляя охрану. Поэтому главы фактически всех территорий, через которые проходили важные торговые магистрали, были заинтересованы в безопасной проводке караванов по контролируемой ими земле. В свою очередь, купцы всячески задабривали местных владык, помимо уплаты пошлин, вероятно, преподносили им «сувениры». Интересно в этой связи отметить, что в памятнике юридической мысли Ирана «Сборнике Ишобох-

та» /VIII в./ среди основных опасностей, подстерегавших караваны, названы *море, огонь, враги* и ***власть***.

Пошлины с купцов, очевидно, были очень значительными. Ибн-Хордадбех в сюжете о «русских купцах» рассказал о водном участке маршрута от «Славян к Румскому морю»; когда «они хотят, то они отправляются по... реке Славян, и проезжают проливом столицы Хазар, и десятину с них взимает их /Хазар/ правитель» (*Новосельцев* 2000, с. 291). Та же информация приведена в труде ал-Факиха. В переводе А.Я. Гаркави: «Славянские купцы... берут путь от Славянского моря, пока не приходят к Хазарскому рукаву, где владетель Хазара берет с них десятину». В редакции де Гуе: «Они... переходят из моря Славянского в ту реку, которая называется Славянская река, с тем, чтобы пройти в залив Хазарский, и там с них берет десятину властитель хазар». По Мешхедской рукописи: «...затем проезжают они к заливу Хазарскому, и берет там с них десятину властитель хазар» (*там же*, с. 291–292).

А.П. Новосельцев полагал, что «и Ибн-Хордадбех, и Ибн-ал-Факих пользовались каким-то общим, нам неизвестным источником». Время его появления, скорее всего, падает на 40–50-е годы IX в. (*там же*, с. 292).

Как бы то ни было, пошлины составляли весьма существенную статью доходов кагана. Б.А. Рыбаков даже считает, что Хазария являла собой пример «паразитарного государства», ведшего транзитную торговлю и вошедшего в историю только благодаря исполнению функции своего рода таможенной заставы на важнейших торговых путях между Хорезмом и Западной Европой, Персией и Русью, Византией и Волжской Булгарией. Восточные источники действительно сообщают о сборе правителями названных и других стран пошлины – десятины *'ушр* с иноземных купцов (*Калинина* 2000, с. 118).

Аналогичная картина, судя по археологическим находкам, наблюдалась и в раннесредневековой Алании. Например, в Мощевой Балке на р. Большая Лаба в захоронении купца найдены обрывки китайской картины на шелке, образцы великолепных шелковых тканей из Китая, Согда, Ирана и Византии, переплет рукописи; в Алагирском ущелье /Северной Осетии/ – серебряный сасанидский кубок; в сел. Лезгор /Северной Осетии/ – прибалтийская бронзовая пластина с выемчатой эмалью, бусы из янтаря; в Джераховском ущелье /Ингушетии/ – отлитый в VIII в. в Басре бронзовый орел. Найденные на Центральном Кавказе византийские монеты и ювелирные изделия, шелковые ткани и посуда говорят о прочных связях с Константинополем.

Аланские и хазарские купцы, вполне возможно, являлись не только посредниками в транзитной торговле; не случайно вплоть до IX в. арабские источники именуют их *рахдонитами*, т.е. знатоками путей (*Семенов О.А., Сергеев В.И.* 1998, с. 198–200). Интересно сообщение Масуди: «Трапезонд /Трабзунда/ – город, расположенный на берегу этого моря, в котором ежегодно проходит несколько торгов /базаров/, и на них для торговли приходит много народов, таких, как мусульмане, греки, ар-

мяне, а также кашаки /касак? черкесы/» (*Minorsky* 1958. P. 144; *Минорский* 1963, с. 190).

Вопреки сложившемуся мнению о главенстве «финансового капитала» в Хазарии, у нумизматов практически нет данных о денежном обращении в каганате; хазары действительно чеканили собственные подражания арабским дирхемам, но монетные клады на территории каганата единичны (*Петрухин, Раевский*, 1998с. 214–215, 221).

Военная мощь алан использовалась соседними владельцами для охраны торговых магистралей. Леонтий Мровели в описании событий первых веков н.э. в Закавказье сообщает об укреплении царями Картли городов и крепостей: «Призвали войска из Овсети и заполнили ими крепости и города» (*Алано-Георгика*, 1992. № 2, с. 181).

Об этом же свидетельствуют и археологические материалы. В Стырфазском могильнике найдены искусственно деформированные черепа, явно относившиеся к аланскому этносу. Индивидуумы с деформированными черепами найдены и в погребениях Армазис-Хеви /Мцхета/. Аланскими признаны катакомбы, исследованные сотрудниками Жинвальской экспедиции. В могильнике VI–VII вв. Квемо Алеви /Ленингорский район Южной Осетии/ обнаружено погребение мужчины, экипированного особым воинским поясом. Таким образом, в четырех районах Центрального Закавказья отмечены следы аланского населения VI–VII вв. К этому следует добавить 14 захоронений того же периода из сел. Едыс Южной Осетии. Среди сопровождающего инвентаря выделим 3 серебряных сасанидских монеты Хормизда IV /579–590 гг./ и Хосрова II /590–628 гг./ (*Малахов* 1995; 1997).

Р.Г. Дзаттиаты (1992, с. 70–73) обратил внимание на находки аланских памятников в определенных местах, торговых центрах Восточной Грузии. Не исключая возможности переселения в эти города аланских купцов и ремесленников, археолог больше склоняется к признанию этих алан-переселенцев воинами, специально нанятыми центральной властью для охраны торговых путей и торгово-экономических центров.

Находки в аланских памятниках из сел. Едыс Южной Осетии свидетельствуют о вполне определенном воинском контингенте, достаточно долгое время проживавшем на этой территории. Аланы, как полагает Р.Г. Дзаттиаты (1995, с. 110–111), появляются здесь в результате договора с персами. Исследователь обратил внимание на сообщение «Мокцевай Картлисай» о захвате персами Герети и Армении. «Но Картли сильнее покорили и вступили к кавказцам и соорудили врата Овсетии, одни большие ворота в Овсетии же и двое /вариант – «четверо»/ в Двалетии, а одни – в Парчуане Дордзокетском, и тех горцев поставили сторожевыми». Следовательно, персы воздвигли в Осетии /Алании/ несколько «ворот-крепостей», гарнизоны которых формировались из алан. По убеждению археолога, самой значительной из крепостей являлась построенная на главной дороге, каковой издавна считалась дорога вдоль Терека, т.е. по Дарьяльскому ущелью. Возведение «больших ворот в Осетии» в

наиболее удобном в стратегическом отношении месте вполне закономерно. Двое других «ворот», скорее всего, располагались на перевальных путях, ведущих с севера на юг Кавказа. Ими могли быть Мамисонский и Кадласанский проходы. На этих перевалах существовали населенные пункты, обозначенные термином *калак,* в грузинском применявшийся к «/городу/ со множеством строений, с *базарной слободою*, с крепостной стеной /оградой/ или рвом». Действительно, *калак* /«царциаты калак»/ у сел. Едыс вблизи перевала Кадласан представлял собой крупное для высокогорья поселение на холме «с жилыми домами числом до семидесяти». Столь же крупным, по горским меркам, было поселение Калаки в Мамисонском ущелье. По предположению Р.Г. Дзаттиаты, Калаки – хорошо укрепленное поселение с *торгом* и ремесленниками.

Данная гипотеза согласуется с историческими событиями в регионе. В середине VI в. персы подчиняют Сванетию; резонно предположить, что находившийся рядом Мамисонский перевал должен был контролироваться сасанидскими гарнизонами, либо нанятыми на службу аланами. Таким образом, вполне вероятно, что «двое ворот в Двалетии» – это укрепленные поселения у сел. Едыс вблизи перевала Кадласан и сохранившееся до наших дней сел. Калаки на Мамисонском перевале (*Дзаттиаты* 1992, с. 73–74).

В другой работе археолог отметил принадлежность основного массива аланских погребений к одному хронологическому диапазону – последнему этапу персидской экспансии в регионе. Концентрация аланских памятников у древних центров торговли позволяет видеть в оставившем эти памятники населении аланские военные гарнизоны, выполнявшие охранные функции. Это является еще одним аргументом в пользу гипотезы о привлечении персами алан для охраны транзитных магистралей (*Дзаттиаты* 1986, с. 20). Примерно в это же время центральные власти Грузии также нанимают аланские дружины для охраны важных военно-экономических артерий восточной Грузии. Как правило, такие переселения осуществлялись по личной инициативе царя. Например, согласно Леонтию Мровели, царь Грузии *Саурмаг* «взял с собой половину *своего кавказского племени* (курсив мой – *Ф.Г.*)», среди которых, безусловно, находились и аланы, и часть из них посадил «в Мтиулети от Дидоэти до Эгриси, которая суть Суанети» (*Дзаттиаты* 1995, с. 121). Здесь же обратим внимание на аланское имя «царя Грузии» – Саурмаг «Чернорукий», а также на упоминание *его кавказского племени*. Возможно, это является отражением весьма тесных отношений между аланами и грузинами.

В VI в. в долинах рек и по линии лесистых предгорий Северного Кавказа возникает сеть аланских городищ с мощным культурным слоем и оборонительными сооружениями. Крупные городища – Нижний Джулат, Рим-гора, Нижний Архыз и др., занимая выгодное положение на пересечении транзитных и местных путей, становятся рынками сбыта и обмена товаров (*История народов Северного Кавказа* 1988, с. 103; *Ковалевская* 1984, с. 131–132). В.Б. Ковалевская развила идею А.А. Иессена о

связи появления у западных алан цепи поселений со строго продуманной системой организации обороны по горным долинам, уходившим к перевальным путям, с деятельностью владетеля Саросия. Не случайно в это время сюда перемещается трасса Великого шелкового пути (*История народов Северного Кавказа* 1988, с. 102–103; *Ковалевская* 1984, 133–135).

Как отмечено выше, западные аланы контролировали перевальные торговые пути на протяжении всего средневековья. В середине VI в. аланы объяснили посланцу византийского императора: «Поскольку мы соседи им (абазгам – *Ф.Г.*), отправятся к ним и купцы». Спустя почти семь столетий в «Аланском послании» епископа Феодора упоминается «видный и многим известный человек, купец из страны лазов», развивший в Алании бурную деятельность (*Догузов К.Г.* 1992, с. 20–21).

Роль торговли в формировании привилегированного статуса, как и место купцов в социальной структуре средневековых обществ, четко видны на примере Согда. Э. де ля Вессьер в изданной в 2002 г. в Париже объемной монографии показал исключительное место согдийских торговцев в формировании Великого шелкового пути. Анализ т.н. «Старых писем» свидетельствует «о существовании подлинной торговой сети согдийцев, а не просто тех или иных отдельных смельчаков». Наиболее приемлемой датой составления писем французский ученый считает 311 г. Письма такого рода, отправляемые из разных точек, собирали в одном месте; по какой-то причине их спрятали в сторожевой башне в 90 км к западу от Дуньхуана. На тот период согдийцы еще не были ни привилегированными, ни единственными партнерами китайцев: наряду с ними существовали, например, колонии индийцев. «Но именно выходцы из Согда сумели победить всех остальных конкурентов». К концу IV в. согдийцы стали главной торговой силой в Китае, а к VI в. – доминирующей составляющей в торговле китайскими товарами на всем протяжении Центральной Азии. Заняв практически все крупные оазисы, согдийцы «создали там настоящее общество – с развитой инфраструктурой ...в нем были представлены все слои: монахи, жрецы, солдаты, дипломаты и т.д.». В социальной структуре самого Согда представители купеческого сословия «были высокопоставленными, но не ассимилированными согдийскими аристократами. Согдийская культура так и осталась героико-аристократической. Влияние торговцев в ней почти не прослеживается. Нет, однако, и сведений о прямом участии аристократов в торговых мероприятиях». В период арабо-хазарских войн уникальный феномен согдийских купцов сходит с арены мировой истории (*Бухарин* 2004, с. 224–228).

Оценивая роль транзитной торговли в переменах общественного устройства норманнов и восточных славян, некоторые исследователи полагают, что она «являлась, в итоге, одной из наиболее существенных экономических, социальных и политических основ государствообразовательных процессов на Руси и в самой Скандинавии» (*Стрингольм* 2003, с. 727, примеч. 91). Очевидно, транзитная торговля аналогичное значение имела и на Северном Кавказе.

Резюмируя изложенное, отметим, что важной фигурой в средневековой торговле являлся воин-купец. Источники разных периодов и народов свидетельствуют не только о контроле /сбор пошлин, плата за безопасное прохождение через контролируемую территорию и т.д./, но и об активном участии военной аристократии в транзитной торговле. Это в полной мере относится и к этносам Кавказа, включая алан. Весьма интересное свидетельство на эту тему оставил грузинский «Хронограф» XIV в. В сюжете о событиях в Закавказье конца XIII в. анонимный автор «Хронографа» привел описание торгового люда алан: «И вот отправились овсы в город торговать, а возвращаясь, повстречался им нищий. И подали ему милостыню овсы, из коих первого звали Сатхис, а второго Узурабег, и сказали: «Бедняга, моли бога, чтобы сегодня сошлись наши мечи с мечами сына бега Сурамели» (*Цулая* 1980, с. 202). Как видно, хронист приводит интересное сведение о типе торгового сословия алан, которые одновременно являлись купцами и воинами. Как справедливо отметил Г.В. Цулая, это вполне соответствует характеру эпохи, в которой «осуществление торговых операций зачастую было сопряжено с вооруженными стычками» (*там же*, с. 208).

Таким образом, высшие сословия социумов Северного Кавказа занимались военным делом и торговлей либо опосредованно, либо напрямую. Административные центры постепенно становились не только местом пребывания первых «царей» и их дружин, но и пунктами обмена и торговли. Некоторые из таких административных центров, расположенных на особенно важных торговых магистралях, быстро вырастали в раннесредневековые города.

Проблемы не только кавказского, но и средневекового города вообще, помимо историков, привлекают пристальное внимание искусствоведов, социологов, географов и специалистов многих других профессий. Но если на материале Запада и Востока эта проблема решается /и успешно/ уже много лет, то город на Кавказе, его генезис и роль в историческом процессе местных социумов изучены пока явно недостаточно /исключение составляет лишь Дербент – благодаря четвертьвековым изысканиям А. Кудрявцева/. До сих пор во многом не ясны пути сложения городов у горцев, основные причины расхождения или сходства их развития с развитием европейского и восточного города. Проблемы возникновения, этапов развития, внутренней структуры и топографии, экономического становления и культурной жизни кавказских городов остаются одними из наименее изученных областей кавказоведения (*Новосельцев* 1980, с. 3–4; *Кудрявцев* 1994, с.4).

В 1993 г. вышло сразу две работы, в которых поднимались отдельные аспекты обозначенной проблемы: Г.Е. Афанасьева «Донские аланы» и В.А. Кузнецова «Нижний Архыз в X–XII веках». В первой анализируются типология и истоки архитектурных традиций городищ салтово-маяцкой культуры VIII–IX вв., возникших под несомненным влиянием /и, возможно, при непосредственном участии/ Византии. Основной

причиной их строительства была военная угроза. Социальная интерпретация городищ привела Г.Е. Афанасьева к выводу о двух их типах: сторожевые крепости и замки феодального типа (*Афанасьев* 1993, с. 94–122).

Вторая работа посвящена изучению административного и культурно-идеологического центра Алании – Нижнего Архыза. Это не самый крупный город алан /численность населения приблизительно оценивается в 2–5 тысяч человек, площадь – в 25 га/. Особое значение Нижнего Архыза определялось не исключительностью его положения, а социальным статусом столицы государства алан. На территории города находятся три крупнейших на Северном Кавказе трехапсидных купольных храма X в. византийского происхождения. Всего же здесь выявлено 14 храмов; существует предположение о существовании в Нижнем Архызе византийского монастыря. Такой концентрации христианских древностей, включая христианское кладбище и эпиграфические памятники, на Северном Кавказе больше нет. Кроме того, город был средоточием целой системы древних дорог. Основная, шириной до 3-х метров, через городские ворота близ северного храма вела на равнину. Иными словами, Нижний Архыз являлся не только центром Аланской епархии с резиденцией аланских митрополитов, но и богатым торговым городом. Существует даже смелое сравнение этого аланского центра с китайским городом Янчжоу, разбогатевшим в VIII в. благодаря распределению по стране соли, чая, тканей и других товаров (*Кузнецов* 1993, с. 61–66, 68).

С наблюдениями и выводами В.А. Кузнецова, относящимися к рубежу двух тысячелетий, можно согласиться, но трудно принять тезис о непосредственной связи генезиса аланских городов с генезисом феодализма.

Насколько известно, первое известие об аланских городах принадлежит Захарию Ритору (*Пигулевская* 1941, с. 165), в VI в. отметившему у алан пять городов. Но, как справедливо полагает В.А. Кузнецов (1971, с. 149), речь скорее должна идти о крупных сельских поселениях, нежели о городах.

Из всех аланских памятников зодчества в письменных источниках чаще всего упоминается знаменитая крепость в Дарьяльском ущелье. Древнеармянским историкам V в. /Агафангел, Мовсес Хоренаци и др./ ущелье известно под названием *аланоз дур/н/* «аланские ворота» (*Армянские*... 1985, вып. 1). Даже древнегрузинские летописи, не знакомые с этнонимом *аланы*, упоминают *аланскую* крепость /цихе/ и *аланские* ворота /кари/. Отметив это, А.П. Новосельцев вместе с тем подчеркнул, что данная крепость, «строго говоря, городом не являлась». К категории городов ученый отнес столицу Алании – Магас. В качестве возможной основы названия столицы алан ученый рассматривал либо венгерское *магаш* «высокий», либо скифо-аланское *маз /а/* «большой», «высокий» (*Новосельцев* 1969, с. 133–134). «Худуд ал-Алам» указывает на «1000 больших деревень» у алан. Из крупных поселений отмечен «Хайлан, город, где расквартирована армия царя» (*Аланика* 2000. № 3, с. 216).

Интересный материал по рассматриваемой теме представлен в гео-

графическом труде ал-Идриси /1100–1164/ «Развлечение страстно желающего странствовать по землям». В описании юго-восточной Европы он поместил рассказ о причерноморской части «страны ал-Лан...и ее городов и рек». Согласно сведениям ал-Идриси, «вытекающая с высот гор ал-Кабк» /Кавказа/ «большая река» Кубань, «пересекает землю ал-Ланиййа. На ней нет известных городов, но по обоим ее берегам – населенные деревни и обильные посевы... От устья этой реки 150 миль до города Ашкасиййа. Это красивый город из числа городов ал-Ланиййа и одна из их пограничных областей. От города Ашкасиййа до города Ашкала аланской земли 20 миль. Между Ашкалой и морем около 6 миль, она невелика по размерам, но это – оживленный /город/, его округа имеет /всего/ вдоволь для пропитания его жителей. От него 20 миль по берегу моря до города Астабриййа, который стоит у моря. Это – населенный город с оживленными рынками, обширной округой и искусно возведенными постройками. Большая часть его жителей – купцы и их имущество изобильно. От города Астабриййа до города ал-Ланиййа 24 мили. По этому городу его народ (умма) назван аланами (ал-ланиййун)» (*Бейлис* 1984, с. 209–210). В названии аланских прибрежных городов обращает на себя внимание первый слог *ас/аш*, восходящий к обозначению алан во многих источниках той поры. Данные ал-Идриси позволяют предположить активное участие западных алан в черноморской торговле.

Одним из источников ал-Идриси являлось самое раннее из сохранившихся арабских сочинений – «Книга картины земли» /создавалась между 836 и 847 гг./ ал-Хваризми. В книге упоминается «страна Сарматийа, а она – земля ал-лан»; указаны географические координаты «ее центра». При описании гор шестого климата встречаются «Ворота хазар и алан» – Дарьяльское ущелье (*Калинина* 1988, с. 48, 72).

Уточнить расположение причерноморских городов, названных ал-Идриси, и время их перехода под контроль алан пока не удается. В первой половине X в. западный Кавказ, по Масуди (*Minorsky* 1958. P. 157–158) – страна касогов /адыгов/; аланы еще только пытались взять под контроль побережье современного Краснодарского края: «Аланы более мощны (*мустазхира ала*), чем кашаки, которые не могли бы справляться (*ла тантасиф мин*) с аланами, если бы их не защищали крепости на морском побережье». Ему вторит Абу эль-Кассим /X в./: «Аланы имеют своими соседями на западе кашаков, большой народ... Кашаки имеют на берегу Понтийского моря крепости, где они укрываются во время нападений алан» (*Аланика* 2000. № 3, с. 214). Но уже в «Худуд ал-Алам» «Касак – область (в других переводах – город – *Ф.Г.*) Алании на побережье моря Гурз. Это приятное место и там у них имеются торговцы» (*там же*, с. 216).

Ашкасиййа (или Аскаса), писал А.П. Новосельцев, можно было бы отождествить с упомянутым в «Худуд ал-Алам» аланским городом Касак, если бы не подозрение, что здесь спутано взятое у Масуди название народа *касак/кашак*, т.е. адыгов, с названием города на побережье. Впро-

чем, допускал ученый, возможно, автор «Худуд ал-Алам» пользовался неизвестным нам источником, и во второй половине X в. на черноморском побережье существовал город, носивший название основного местного населения, но зависимый от алан. Наконец, аланский город Ашкала (искаженное Ас-кала) – обозначение «крепости асов», т.е. «ни что иное, как та же Дарьяльская крепость или какая-то крепость на Западном Кавказе» (*Новосельцев* 1969, с. 135).

Много позже Абульфеда /1273–1331 гг./ в своей «Географии» на берегу Черного моря отметил аланский город: «К востоку от абхазцев, на берегу моря находится город алан /Мединет-Аланийе/. Этот город называется так потому, что его населяет народ аланской расы» (*Аланика* 2000. № 3, с. 220).

Опыт показал, что изучение древних и средневековых городов без материалов археологии невозможно. А.П. Новосельцев, восстанавливая этапы генезиса феодализма в Закавказье, писал по этому поводу: «Такой важный для истории Закавказья вопрос, как история города, затрагивается лишь попутно, ибо его без данных археологии изучить нельзя» (*Новосельцев* 1980, с. 4). Некоторые из аланских поселений, сопоставимых с городами как таковыми, исследованы достаточно хорошо.

На южной окраине г. Владикавказа исследовано крупное городище, располагавшееся на правом берегу Терека на мысу, образованном слиянием балки с поймой Терека, в районе современных школы № 13, студии телевидения и завода «Бином» на Осетинской слободке. Судя по находкам керамики, обжитая территория тянулась по правому высокому и обрывистому берегу Терека на расстояние около 800 м при ширине 250–300 м. Это было довольно значительное для своего времени поселение. Городище и сопровождающий его могильник стали известны еще до первой мировой войны. Согласно сведениям Л.П. Семенова (1948, с. 116), из этого городища или могильника происходят случайные находки бронзовых, золотых и стеклянных изделий, разбитые глиняные сосуды черного, серого и красного цвета, орнаментированные мелкие железные изделия и т.д. Некоторые предметы, например стеклянный кубок хорошей сохранности, поступили в краеведческий музей.

По мнению Е.И. Крупнова, данный памятник назван «городищем» по недоразумению, ибо это – «огромное поселение с мощным культурным слоем». По аналогии с археологическим материалом из катакомб сел. Чми и Балта, поселение, «давшее лощеную керамику, жернова и другие предметы», может быть отнесено к VI–X вв. Ту же дату дали Л.П. Семенов и В.А. Кузнецов. По убеждению последнего, «наличие хорошо прослеживаемой и в настоящее время мысовой цитадели, укрепленной рвом», позволяет считать данный памятник «большим укрепленным городищем» (*Кузнецов* 1980, с. 50–68).

В 1959 году Т.Б. Тургиев и В.А. Кузнецов в ходе предварительной археологической разведки выявили 10 памятников – поселений и горо-

дищ аланского и золотоордынского времени. Памятники расположены на склонах Терско-Сунженского хребта по обоим берегам Терека. Лишь одно поселение открыто на левом берегу р. Дур-Дур, рядом со станицей Николаевской. Центральным городищем данной системы являлся Верхний Джулат.

Годом раньше в ходе раскопок в 250 м к югу от Татартупского минарета найдены предметы аланского периода. В этом слое выявлены «большие прослойки угля», свидетельствующие о пожаре. Многочисленные железные шлаки указывают на металлургическое производство. В большом количестве обнаружены кости крупного и мелкого рогатого скота, кости лошадей и свиней, обломки керамики салтово-маяцкого типа. Все это уже тогда позволило археологам предположить, что «тут был крупный аланский центр» (*Кузнецов* 2003, с. 18–20).

Еще одним интересным археологическим памятником является городище Рим-гора, занимавшее возвышенное, естественно укрепленное плато при слиянии Подкумка и Эшкакона, недалеко от Кисловодска. Из долины Подкумка на плато вела древняя дорога шириной около 3 м, укрепленная подпорными стенам; здесь же 4 вырубленные в скале лестницы. Возле последних располагались вырубленные в скале караульные помещения в виде сводчатых камер. На стенах зафиксированы типичные византийские кресты и греческая надпись, а на самом плато – греческий крест с надписью VII–VIII вв. Византийское присутствие и влияние подтверждается также находками в районе Рим-горы импортных предметов: мраморной овальной вазы с двумя ручками, металлическими крестами, стеклянной посудой, византийскими, иранскими и хорезмийскими монетами, а также индикациями византийских монет и т.д.

Данный историко-архитектурный памятник привлек внимание специалистов не только своими внушительными размерами, но и огромным катакомбным могильником X–XII вв. На городище выявлены следы ворот; высеченные по краям плато зерновые ямы и цистерны для воды; следы многочисленных каменных зданий и т.д. На плато располагался укрепленный детинец, а рядом – одновременное с ним обширное поселение.

Масштабы памятника грандиозны: площадь детинца – около 16 га, поселения – 115–116 га. Специалисты не сомневаются, что археологический комплекс Рим-горы представляет собой остатки древнего города, состоявшего из неукрепленного посада и цитадели, где жили представители социальной верхушки и куда в случае опасности укрывалось население посада /поселения/.

Необходимо подчеркнуть, что Рим-гора находится на перекрестке нескольких важных магистралей. Одна из самых значимых ведет в Сванетию, другая – в Абхазию. Третьим путем можно считать фактически продолжение второго маршрута – от Рим-горы на северо-восток по Подкумку, по Куме до Маджар, откуда дороги еще с хазарских времен шли к Волге и далее в Среднюю Азию. По одной из версий, именно этот путь от Севастополиса (Сухума) через Рим-гору и низовья Волги в города

Средней Азии и есть знаменитый «Даринский» путь византийского историка VI в. Менандра. В любом случае совершенно очевидно, что выгодное положение на перекрестке важных торговых дорог способствовало быстрому росту и превращению Рим-горы в средневековый город. Время его существования, по уточненным данным В.А. Кузнецова (1971, с. 151–152; 1993, с. 27–29), VII–XII вв.

К еще одному городищу относится находящийся вблизи Лабинского перевала на западе Карачаево-Черкесии знаменитый скальный могильник VII–IX вв. «Мощевая балка», благодаря сухому климату сохранивший массу уникальных шелковых тканей китайского, согдийского, византийского и сирийского производства. Особенно уникальны исследованные А.А. Иерусалимской шелковый кафтан с изображениями Сенмурвов в круглых медальонах и т.н. «комплекс китайского купца». Археологи обратили внимание на массовый характер использования шелков местным аланским населением (*Кузнецов* 1993, с. 50–51).

Наиболее обстоятельно данный могильник исследован Е.И. Савченко; лишь 37 из 569 зафиксированных им погребений оказались не ограбленными. Анализ собранного материала привел автора раскопок к выводу об активной роли западных алан в торговле на Великом шелковом пути. Е.И. Савченко верхней датой существования могильника считает X в.

В качестве аналогии приведем сведения об одном из крупнейших городов степного Предкавказья – Маджарах. Город, занимавший площадь 8 кв. км, со временем стал золотоордынским центром. Его расцвет приходится на XIV в.; в середине этого столетия при Джанибек-хане велись восстановительные работы на обветшалых оборонительных сооружениях. В XV–XVI вв. город приходит в упадок. В крупнейшем городе Золотой Орды – Сарае Берке, – по описанию Ибн-Батуты, «монголы, асы, кипчаки, черкесы, русские, византийцы населяли отдельные кварталы, в которых имелись базары». Н.Г. Волкова полагает, что подобный состав населения имел место и в Маджарах (*Волкова* 1972, с. 53–55). Среди разноплеменного населения значительную долю составляли христиане. В ходе раскопок обнаружено пряслице конца XIII – начала XIV вв. с осетинской надписью, выдержанной в рамках дигорского диалекта.

Пространное описание Маджар оставил Ибн-Баттута, назвавший его «большим, одним из лучших тюркских городов на большой реке, с садами и обильными плодами», с малыми квартальными и соборной мечетями. На базаре он встретил еврея из земли Андалузской – Испании, прибывшего сюда не морем, а сушей через Константинополь, Римские земли /Византию/ и страну черкесов /т.е. через Северный Кавказ/. Это обстоятельство, а также присутствие у шейха Мухаммеда Эльбатаихи из Ирака, чьим гостем в Маджарах был Ибн-Баттута, 70 факиров «арабских, персидских, тюркских и румских», свидетельствует о торговой роли города, стоявшего на скрещение больших путей, благодаря чему сюда попадали купцы и путешественники с запада, востока, и юга. Бывали в Маджарах и люди с севера. В 1319 г. тело князя Михаила Тверского, уби-

того в ставке хана Узбека за Тереком, везли на Русь через Маджары. Об экономическом значении города свидетельствует чеканка собственной монеты. По карте, реконструированной Э.В. Ртвеладзе (1972), Маджары стояли на важнейших торговых магистралях, включая трассы ВШП.

Когда возник город, точно установить сложно ввиду того, что золотоордынский город, а затем и современный Буденновск последовательно уничтожали все более древнее. В 1907 г. В.А. Городцов установил наличие небольшого поселения и могильника II–III вв. н.э. (*Городцов* 1907, с. 165). Сарматские памятники той поры обнаружены в Буденновске. Э.В. Ртвеладзе (1972, с. 152, 154) удревняет датировку городища до IV–I вв. до н.э. Он же упоминает находку монет боспорского царя Котиса II (124–133 гг.). Среди археологических находок – аланские чернолощенные кувшины, что подтверждает гипотезу Н.Г. Волковой (1972, с. 50) о возможности существования Маджар еще в хазарское время, т.е не позднее X в. (*Кузнецов* 1993, с. 43–44).

Вопрос о времени, условиях и механизме формирования северокавказских городов остается все еще не выясненным. Некоторое представление об этих факторах и процессах дает материал аланских поселений салтово-маяцкой культуры VIII – начала X вв. К настоящему времени границы лесостепного варианта данной общности определены с достаточной точностью. Она занимала площадь около 100 000 кв. км. На всех трех пересекающих эту территорию реках (Дон, Северский Донец, Оскол) и их притоках постоянно встречаются остатки укрепленных и неукрепленных поселений. В наиболее полной сводке Г.Е. Афанасьева только в лесостепной зоне бассейна Дона насчитывается 277 городищ, селищ и могильников салтовцев. Особый интерес вызывают развалины белокаменных замков. Из 10 городищ, известных к началу 90-х гг. XX в., 7 сосредоточено в верховьях Северского Донца. Стоявшие на высоких мысах белостенные крепости служили очень удобными пунктами контроля над водными трассами и проходившими вдоль берегов караванами купцов. Вокруг крепостей возникали селища; некоторые из них тянулись на 3–5 км. Основным этническим компонентом лесостепного населения Подонья являлись аланы. В середине VIII в. они переселились сюда с предгорий Северного Кавказа. Помимо алано-буртасских этнических подразделений здесь, на северных окраинах Хазарского каганата, проживали славянские племена, группы оногуров, булгар и хазар (*Плетнева* 1989, с. 7, 10, 268–271; *Афанасьев* 1987, с. 5–6; 1993, с. 151).

Напомним, что исследования Г.Е. Афанасьева показали: салтово-маяцкие городища и селища по затратам труда подразделяются на две группы: первую составляли городища трех типов с затратами труда до 4500 человеко-дней; обособленную группу составляли укрепления 4-го типа с затратой труда, эквивалентного 20 000 человеко-дням – минимум в 4 раза больше, чем у городищ 1–3 типов. Резонно предположение археолога о том, что социальный институт, по заказу которого возводились городища 4 типа, обладал значительно большими экономическими возможнос-

тями, чем социальные институты, для которых строились городища 1–3 типов. Причем, первичный характер городищ 4 типа связан с обороной района, а не с защитой отдельного жилья. Ученый предполагает активное участие государственной власти в возведении укреплений 4 типа. Заинтересованность власти в защите своих северо-западных границ выразилась «в строительстве с помощью чужеземных, скорее всего византийских, мастеров пограничных опорных пунктов на наиболее важных в стратегическом отношении направлениях... на пересечении волжско-каспийского и черноморо-каспийского торговых путей» (*Афанасьев* 1987, с. 135, 139–140).

В другой работе Г.Е. Афанасьев пошел дальше и существенно расширил наши представления о формировании экономических и административных центров округи. Исходя из расчетов западных специалистов об экономической нецелесообразности затрат на эксплуатацию территории, расположенной на расстоянии более 1 часа ходьбы от жилища (R=5 км), он на примере самого крупного поселения в лесостепном Приосколье – Ютановской агломерации – рассмотрел потенциальную экономическую зону. В данный «куст» входили селища Нижнелубянское, Ютановка 1 и 2. Расчет наиболее важных в хозяйственном отношении однокилометровых зон этих селищ по трем параметрам – высокопродуктивные угодья и пастбища, сельскохозяйственные угодья средней продуктивности, малопродуктивные пастбища – показал, что зоны селищ Ютановка 1 и 2 имеют *резко отличающиеся* ресурсные потенциалы. Территория второго поселения включает значительно более благоприятные для земледелия угодья, чем первое. Более того, минимальное расстояние до источника воды – Оскола – на этом поселении составляет всего 100 м по спокойному рельефу, а расстояние от Ютановки 1–350 м по крутому 70-метровому склону. Удивительно, что такое неблагоприятное для занятий хозяйством расположение Ютановки 1 вовсе не связано с отсутствием в этом микрорайоне удобных земель. Буквально рядом, вверх по течению Оскола, расположены потенциально высокопродуктивные сельскохозяйственные угодья и луговые пастбища. Следовательно, при выборе места для данного поселения определяющим было не наличие угодий, а какие-то другие обстоятельства. Территориальная взаимосвязь рассматриваемых городищ позволила Г.Е. Афанасьеву предположить, что Ютановка 1 выполняла в своей агломерации, микрорайоне и регионе функции, которые обуславливались не системой связи «человек – природа», а системой связей «человек – человек». Ютановская агломерация как поселение 1-го ранга в регионе лесостепного Приосколья (в сравнении с функциями поселений более низких рангов) должна была выполнять максимальное количество услуг административного, социально-экономического, культурного, конфессионального характера. По схеме Б. Блоута, функции Ютановки 1 соответствуют особенностям второго этапа эволюции поселений, когда необходимость обмена избытка товаров вызывает появление специализированных дополнительных функций у расположенного в центре реги-

она поселения. В реальной жизни для обмена требуется определенная степень руководства, чтобы хотя бы свести стороны вместе. В итоге в центральном поселении региона оседали жители, которые специализировались на этих задачах и сопутствующих функциях, предоставляя земледельцам и ремесленникам возможность обменивать свою продукцию в одном месте (*Афанасьев* 1993).

Правда, возможен и иной сценарий развития событий. Например, центральные поселения региона Тихой Сосны представляли собой аграрно-ремесленные пункты с функциями торговых факторий и с задачами обороны северо-западных рубежей Салтовской земли (*Афанасьев* 1993, с. 118–122). Всего же в Салтовской земле 24 городища играли роль транспортных узлов различного ранга. При этом в строительстве некоторых крепостей предполагается участие византийских мастеров.

В обществе салтовцев отмечена ремесленная специализация и развитие торговли, в том числе транзитной. Сопровождающий инвентарь аланских катакомбных могильников свидетельствует о широкой внешней торговле со славянами, Крымом, Византией, Поволжьем, Средней Азией, Закавказьем, Ираном и Месопотамией. Поселения типа Ютановки 1 /с большой площадью поселения, большим количеством жителей, полифункциональным характером населенного пункта и т.д./ фактически превратились в раннегородские центры (*Афанасьев* 1993, с. 124, 140–141, 147–149, 152–153).

Дмитриевский археологический комплекс, основным населением которого являлись аланы, стал объектом специального исследования С.А. Плетневой. Согласно ее реконструкции, в Подонье на Корочу во главе с вождем пришли дружинники со своими семьями. Каждая семья получила на поселении небольшой участок и возможность пользоваться пастбищем. Изначально каждый двор состоял, видимо, из одного дома; со временем к нему пристраивались новые. Хозяйка двора, возможно, выполняла функции домашней жрицы (*Плетнева* 1989).

При основании селища на вершине горы произведено ритуальное жертвоприношение – заколоты и погребены в узких ямах «золотые кони». Скорее всего здесь располагалось святилище для всех прибывших на Корочу алан. Позднее здесь соорудили ямы для хранения зерна.

Одновременно с основанием поселения был укреплен мыс, на котором, очевидно, обосновался глава пришельцев, военный аристократ /С.А. Плетнева ошибочно называет его «феодалом»/ со своими домочадцами. В первой половине IX в. аланская знать салтовцев усилила свои позиции настолько, что попыталась дистанцироваться от центральной власти. Одним из признаков этого можно считать постройку белокаменных крепостей, как бы противопоставляемых кирпичным крепостям каганата. Один из белых замков /Правобережный Цымлянский/ был возведен даже рядом с границей домена кагана – напротив Саркела. С.А. Плетнева полагает, что примерно в 30–40-х гг. IX в., т.е. почти синхронно со строительством Саркела, на старых полудеревянных невысоких стенах дмит-

риевского мыса местный аристократ возвел новые – белокаменные (*Плетнева* 1989, с. 271–272].

Неожиданно острый характер приобрела дискуссия о торговой роли Саркела. Совсем недавно И.Г. Равич и В.С. Флеров отметили, что хотя возможность прямых контактов Хазарского каганата со Средней Азией никем из исследователей не отрицалась, археологических свидетельств таких следов в бассейне Дона практически нет. Рассматривая высокооловянные кованые бронзовые изделия (блюдо, зеркало и др.), обнаруженные на северо-западных границах Хазарии, археологи связали их производство с различными районами Востока. На Нижнем Дону они оказались, пройдя «через многие руки», причем попали сюда «не прямым путем, и не через купцов». Потертая от долгого употребления шахматная фигурка из слоновой кости, по мнению археологов, также была произведена на Востоке и в Саркел попала случайно. Также случайно оказался на Дону обрывок бумаги среднеазиатского происхождения, изготовленной в VIII – самом начале IX в., т.е. до основания Саркела. Каким же образом попали все эти предметы в Саркел? И.Г. Равич и В.С. Флеров убеждены, что любым, кроме торговли. Так, наиболее заметное из бронзовых изделий – блюдо – в Хазарии могло оказаться и как дар, и как трофей (например, в результате арабо-хазарских войн). «Менее всего, на наш взгляд, – подчеркивают археологи, – блюдо и зеркало могут служить доводом в пользу регулярных торговых отношений Хазарии со странами Востока, в частности, Средней Азии» (*Равич, Флерова* 2000, с. 134–146).

Такой подход представляется излишне принципиальным. Саркел первоначально представлял собой крепость, специально построенную для размещения в ней караван-сараев для остановок проезжавших по Хазарии купеческих караванов. Обстоятельства постройки этой крепости при участии византийских мастеров нам известны благодаря Константину Багрянородному (1989, с. 171–175). По его данным, Саркел охраняли 300 ежегодно сменяемых *таксеотов* – воинов-наемников сменных гарнизонов. Топоним «Саркел», как правило, переводят как «Белый дом» (*там же*, с. 171). С.А. Плетнева дает дословный перевод: *белая гостиница* (*Плетнева* 1989, с. 143), что подтверждает первоначальное назначение Саркела в качестве хорошо укрепленного и охраняемого караван-сарая. Напомним, что крепость была выстроена на пересечении нескольких наиболее крупных торговых дорог, пересекавших каганат. Упоминавшиеся выше шахматная фигурка из слоновой кости и кусочек бумаги самаркандского происхождения, найденные в Саркеле, С.А. Плетнева рассматривает как свидетельство связей хазар со Средней Азией, хотя и признает, что «прямой связи Саркела с «шелковым путем»... по существу, нет». Судя по археологическим памятникам, в начале X в. увеличилась поставка керамической тары из Крыма и Византии (*Плетнева* 1989, с.142–156). Здесь же напомним о находке в Саркеле обломка сосуда с сохранившейся лишь фрагментарно нацарапанной надписью из 6 строк. Анализ поддающихся восстановлению отдельных сюжетов текста привел А.Н.

Карсанова к выводу, что сосуд изготовлен аланским гончаром. Восстановленные части надписи переведены с аланского /осетинского/ как «сосуд для вина» /или «родниковой воды»/ (*Карсанов* 1988, с. 74–75).

В материалах переписки *бега* /правителя/ Хазарии Иосифа с Хасдаем Ибн-Шафрутом из Кордовы – сановником халифа Абд ар-Рахманна – названы несколько хазарских городов. Первым с востока назван город /владение, страна/ С-м-н-д-р /Самандар/, располагавшийся к югу от Итиля. Историческая традиция Семендер локализует к югу от современной Махачкалы, у подножия горы Тарки (Гадло 1994, с. 10; *Глоб, Прицак* 1997, с. 157; *Гаджиев, Давудов, Шихсаидов* 1996, с.182).

Самандар /вариант: Семендер/ – первая столица Хазарского каганата – крупный город, возникший на границе земледельческой и скотоводческой хозяйственных зон, на торговой магистрали, соединявшей Северный Кавказ, Восточную Европу и Поволжье с Востоком и Закавказьем. Арабскими авторами впервые упоминается в рассказе о событиях середины VI в., когда Ануширван решил укрепить северные границы державы Сасанидов. Не исключена вероятность того, что в «Армянской географии» VII в. название города не имеет форму «Мондр». Древнеармянские авторы наряду с Самандаром упоминают и другие города (*Гаджиев, Давудов, Шихсаидов* 1996, с. 181–182).

Перенос хазарской столицы в Итиль у впадения Волги в Каспийское море не повлек за собой утраты Самандаром своих важных торговых и сельскохозяйственных функций. В VIII–X вв. /вплоть до 965 г./ город оставался значительным торговым центром, значение которого быстро росло «вместе с небывалым ростом каспийской морской торговли и развитием сухопутных торговых связей. Семендер упоминается во всех сухопутных маршрутах вдоль западного побережья Каспийского моря» (*там же*, с. 182–183).

Масуди Семендер, «лежащий на расстоянии восьми дней пути от Баба», считал ранней столицей каганата. В ходе арабо-хазарских войн «престол царства был перенесен в Итиль на семь дней пути далее» (*Караулов* 1908, с. 43).

Арабские авторы рассказывают о разгроме, учиненном хазарам полководцем Мерваном; на Каспийском побережье он взял столицу хазар. Ал-Куфи этот стольный город назвал ал-Байда /Белая/, «что этимологически идентично Самандару, в иранских наречиях – также Белый город». Поскольку и Самандар, названный арабскими авторами прежней столицей хазар, также располагался «на берегу Каспия – перед нами несомненно один и тот же город» (*Новосельцев* 2000, с. 374).

В.Ф. Минорский предполагал наличие связи между названием города Самандар и гуннским племенем VI в. *Засендер* (*Minorsky* 1958. P. 106).

Владение Самандар, как полагал А.В. Гадло, являлось «наследником» *царства гуннов* армянских авторов VII–VIII вв. В процессе политического формирования Хазарии Самандар вошел в ее состав в качестве вассального образования (*Гадло* 1994, с. 9).

Ибн-Хаукаль в рассказе о Самандаре отметил, что «в нем много садов, и говорят, что они содержат около 40 000 лоз». В городе и вокруг него жили «мусульмане и другие, и в городе у них были мечети, у христиан храмы, а у иудеев синагоги» (*Караулов* 1908, с. 114).

Ал-Мукаддаси характеризовал Самандар как «большой приморский город, лежащий между рекой Хазар и Баб-уль Абвабом; домами его служат палатки. Большая часть жителей его христиане... Город этот обширнее Хазара; в нем много садов, виноградных лоз и деревьев; жилища семендерцев из дерева, переплетенного камышом; крыши у них остроконечные, и у них много мечетей» (*Караулов* 1908, с. 5).

Во главе Самандара стоял правитель, носивший тюркский титул *салифан*; на это указывают Масуди и дагестанская хроника «Тарих ал-Баб». В.Ф. Минорский отметил, что между 916 и 930 гг. глава, названный *salifan* Кайтага, во главе хазарского войска помог наследнику ал-Баба. Масуди писал об этом в 943 г.; в этом случае *салифан*, тесно связанный с хазарами, мог быть правителем Самандара (*Minorsky* 1958. P. 106). Рассматриваемый титул в тюркской иерархической номенклатуре приравнивался к титулу *ил-тебера* и обычно давался правителю вассальной области; в сферу его деятельности входило исполнение военных и административных функций. Титул *ил-тебер* в Самандаре передавался, очевидно, по наследству. На рубеже 30–40-х гг. X в. Самандар отошел от каганата (*Гадло* 1994, с. 10–11).

А.П. Новосельцев почти четверть века назад отмечал необходимость специального изучения хазарских городов, основанного на сопоставлении археологических и письменных источников. «Наличие на Северном Кавказе большого числа городищ, относящихся к VI–X вв., привело к тому, что археологи, недостаточно знакомые с письменными источниками, дают самые различные и противоречивые локализации Самандара, Баланджара и других городов, известных из трудов восточных авторов». В этой связи ученый привел один пример. Ибн-Хордадбех в своем списке хазарских городов назвал «Хамлидж /Атиль/, Баланджар и ал-Байду. Самандар тут не назван, и это не случайно. У других писателей того времени ал-Байда и Самандар вместе не фигурируют» (*Новосельцев* 2000, с. 374, примеч. 61).

В конце минувшего века расширение археологических исследований на территории Дагестана вызвало дискуссию вокруг вопроса о местонахождении Самандара; «возникло много споров и домыслов, не имеющих под собой, как нам представляется, положительных оснований» (*Гадло* 1994, с. 9).

Вместе с тем, обратим внимание на успешные результаты работы археологов. В ходе раскопок дагестанские ученые получили обширный материал, свидетельствующий о плотном заселении в VI–VII вв. Терско-Сулакского междуречья. Этот центр каганата отличался «обилием поселений. Неукрепленные пункты, городища и крепости отмечены и в степи и в предгорьях. Пик заселения данной территории приходится на хазар-

ский период. В междуречье получило развитие орошаемое земледелие, о чем свидетельствуют обнаруженные «остатки древних ирригационных каналов». Археологи выявили бытование в каганате развитого ремесленного специализированного производства. Материалы Верхнечирюртовского, Андрейаульского и других городищ свидетельствуют о том, что раннесредневековые города Дагестана «представляли собой центры металлургии и металлообработки». Обнаруженные отходы производства железа, многочисленные предметы вооружения /от наконечников копий до элементов защитного доспеха/, разнообразные ювелирные изделия из бронзы, серебра, золота – «все это свидетельствует о глубоких традициях и высоком уровне развития различных ремесел в каганате (*Гаджиев, Давудов, Шихсаидов* 1996, с. 183).

Одной из особенностей Хазарского каганата IX–X вв. являлось наличие большого числа городов. Мовсес Каганкатваци называет столицу «хонов» Варачан – «великолепным городом, куда в 681 г. прибыл Исраэл, посланник албанского «князя» для распространения христианства. Существует несколько взаимоисключающих версий относительно локализации Варачана: на месте современного г. Урцеки, в районе с. Башлы, на р. Сулак, на одном из притоков Койсу, у г. Буйнакска. Отметим также версию о тождестве Варачана с городищем Шах-Сенгер. Наконец, существует гипотеза, согласно которой Варачан, упоминаемый только в армянских источниках, и Баланджар, известный арабским авторам IX–X вв., «это два названия одного и того же города» (*там же*, с. 184).

Ал-Мукаддаси в перечне хазарских городов дал их краткие характеристики. «Итиль – большой, главный город на реке, называемой Итиль и текущей в море». Вокруг города построена стена; «дома его разбросаны... Жилищами им служат палатки из дерева и войлока и шатры, за исключением нескольких жилищ, построенных из глины, а замок правителя из кирпича». Город имел четверо ворот: одни выходили к реке «и к ним переправляются на судах, а другие обращены к степи» (*Караулов* 1908, с. 4).

Масуди рассказал о столице хазар более детально. «В Итиле живут в настоящее время цари хазарские; этот город разделен громадной рекой на три части... Итиль построен на двух берегах реки, посреди которой находится остров, а на нем дворец царя. Замок царя находится на одном из краев острова, соединенного понтонным мостом с одним из берегов реки. Население состоит из мусульман, христиан, иудеев и язычников» (*там же*, с. 43–44).

В.Ф. Минорский перевел данный сюжет иначе. «Ранней столицей (хазар – *Ф.Г.*) был Самандар – город, расположенный в восьми днях пути от ал-Баба. Он и сейчас занят хазарским населением, но т.к. в ранние дни ислама он был завоеван Сулайманом /надо: Салманом/ б. Раби'а ал-Бахили, то столицу /*мулк*/ перенесли оттуда в город Атил /возле Астрахани/ на расстояние семи дней пути от /Самандара/. Атил, где сейчас живет царь Хазар, состоит из трех частей, на которые его делит великая река

/Волга/... Названная столица расположена на обоих берегах. На середине реки лежит остров, где находится правительственная резиденция */дар ал-мулк/*. Замок царя находится на берегу острова... Население столицы состоит из мусульман, христиан, иудеев и язычников» (*Minorsky* 1958. P. 146).

Ибн-Хаукаль сообщил некоторые новые детали о столице каганата. Город разделен Волгой на две неравные части; западная, большая часть, где жил царь – это и есть собственно Итиль, а восточная носила название Хазаран. «Величина обеих частей в длину около фарсаха, и их окружает стена... жилища хазар похожи на палатки, но из дерева и войлока, кроме некоторых зданий, построенных из глины. У них есть рынки и базары... Дворец царя на берегу Итиля... и дворец этот из обожженного кирпича. Ни у одного человека нет постройки из обоженного кирпича, кроме царя; и не позволяет царь никому строиться из кирпича, кроме себя. В стене этого города четверо ворот, одни из них к реке, а другие обращены к степи, что за этим городом» (*Караулов* 1908, с. 108).

Ибн-Хаукаль разделил столицу каганата на две части, одну из которых назвал «Хазаран». Интересно, что этот же топоним называет Ал-Мукаддаси, но он относит его не к одной из частей столицы, а к наиболее крупному хазарскому городу. «Это самый обширный из упомянутых нами городов» (*там же*, с. 5). Однако Ибн-Хаукаль еще раз повторил: «Хазаран – часть города, называемого Итиль. Эта часть восточная и в ней преимущественно живут купцы и мусульмане и находятся товары, а часть западная предназначена исключительно для царя, его свиты и войска» (*там же*, с. 113).

Немало городищ конца I-го тысячелетия отмечено в социумах Дагестана. Благодаря усилиям археологов удалось восстановить этапы развития некоторых из них. Так, на возведение оборонительных стен цитадели городища Урцеки в первый строительный период было затрачено около 3300 человеко-дней. Во второй период на укрепление южной и западной стен, сооружение башни потребовалось еще около 1700 человеко-дней. А на строительство километровой оборонительной стены, по периметру защищавшей городище, затратили более 14000 человеко-дней. «К этому следует добавить и огромный объем работ по сооружению стен, преграждавших проход в Урцекскую долину». Не менее внушительны по объему трудовых затрат оборонительные сооружения городищ Таргу, Эскиюрт, Верхнелабкомахинское и др. (*Гаджиев* 2002, с. 216–217).

М.С. Гаджиев эти памятники по объему трудовых затрат сопоставляет с салтово-маяцкими городищами четвертого типа, на возведение которых затрачивалось более 20000 человеко-дней. Напомним, что по классификации Г.Е. Афанасьева (1993, с. 145), такого рода поселения «могли строить либо крупные феодалы, либо государственная власть».

Исследование городищ Левашинского плато показало их довольно развитую структуру, наличие мощной крепости наряду с примыкавшей к ней неукрепленной частью, сложную, автономную систему оборонитель-

ных сооружений, что в совокупности с другими признаками указывает на то, что «это уже не родовые поселки первобытнообщинного строя, а продукт раннеклассового общества» (*Гаджиев* 2002, с. 237).

Крупное городище Торпах-кала площадью около 100 га выявлено в 20 км к югу от Дербента, у северной окраины пос. Белиджи. Городище трапециевидной формы опоясано валом высотой 7,5–8 м, шириной 30-35 м. По всему периметру зафиксировано 144 башенных выступа «на общей протяженности городской оборонительной стены 4300 м. Руководители раскопок сооружение Торпах-кала датируют сасанидским временем, связывая его возведение «со строительной деятельностью шаханшаха Иездигерда /439–457 гг./

Согласно анализу В.Г. Котовича, в Дагестане того периода складывался новый тип расселения, отличавшийся группировкой вокруг одного города ряда малых городищ и укрепленных поселений (*Котович* 1980, с. 91–92).

Специалисты обратили внимание на то, что в средневековом Дагестане некоторые административные центры отдельных социумов назывались термином *шагъар*[1] «город» (*Агларов* 1988, с. 187–188), тем самым терминологически отделяя их от других административно-политических центров и населенных пунктов. Причем эти центры воспринимало как города не только местное население, но и многие иностранные авторы, побывавшие в Дагестане.

Важной чертой дагестанских городов рассматриваемого периода являлась социальная неоднородность, отразившаяся не только в погребальных памятниках, но и в градации жилищ, различных по своим размерам. В центральной части цитадели городища Урцеки располагался крупный, сложноплановый, многокомнатный двухэтажный архитектурный комплекс, площадь которого превышала 550 кв. м. Исследователи считают данный комплекс дворцовым (*Гаджиев* 20002, с. 242–244).

У юго-западного угла цитадели Урцеки, вне ее пределов, выявлено три домостроения, разделенных узкими улочками. Два из них – двухэтажные. Вероятная полезная площадь всех трех домов составляла примерно 50 кв. м. Вблизи западной стены цитадели археологи обнаружили одноэтажный дом зального типа, с полезной площадью 40 кв. м. Здесь, как и в других поселениях, «выявлены весьма небольшие, площадью 6-13 кв. м, однокамерные жилища, иногда с небольшой хозяйственной пристройкой, вероятно, принадлежавшие наименее состоятельным членам общины» (*там же*, с. 247).

Из городов Северного Кавказа наиболее подробно изучен Дербент. Его история детально исследована А.А. Кудрявцевым, что позволяет нам изложить отдельные вопросы истории Дербента в тезисной форме.

Подобно некоторым другим городам региона, он возник как крупный укрепленный пункт, на остатках древнего поселения, на месте, имевшем важное военно-стратегическое и торговое значение. Дербент и дру-

гие крупные города Северо-Восточного Кавказа возникли на месте древних поселений скифского и албанского времени, расположенных на важнейших транскавказских и местных коммуникациях (*Кудрявцев* 1994, с. 258).

А.А. Кудрявцев выделяет несколько периодов эволюции Дербента от рядового поселения до крупнейшего полиса. Во втором периоде, охватывающем I – начало V вв., значительного уровня достигли имущественная дифференциация и социальное расслоение обитателей городища. В расположенном поблизости могильнике четко выделяются богатые и бедные захоронения. В первых погребенного сопровождали богатый инвентарь, разнообразные предметы вооружения, украшения, большая часть которых была импортного происхождения, зависимые люди /рабы или пленники, жена или наложница/, животные /конь, собака/. Вторые захоронения отличались простотой и малочисленностью сопровождающего инвентаря, что связано с невысоким статусом усопших.

Достаточно мощная на тот период фортификация Дербента, его монументальная архитектура с многокомнатными комплексами из обработанного камня, высокий уровень социальной дифференциации населения, следы ремесленного производства, разнообразные импортные изделия позволяют говорить о данном населенном пункте не как об укреплении у известных «ворот» Кавказа, но как об одном из самых ранних городских центров Северо-Восточного Кавказа (*Кудрявцев* 2003, с. 73).

В середине I-го тысячелетия Дербент стал оплотом Сасанидов на Кавказе, резиденцией иранских наместников, хранителей границ, административным центром. Здесь же находились некоторые представители местной знати, сотрудничавшие с персами. Значительную часть города составляли воины гарнизона и переселенцы из внутренних районов Ирана. Наличие здесь большого числа чиновников, воинов, служителей культа и поселенцев «несомненно, привлекало в Дербент торговцев и ремесленников, призванных обеспечивать обитателей города всем необходимым» (*там же*, с. 161–162), хотя изначально причиной формирования и развития города являлась не торгово-экономическая, а военно-политическая функция.

Особенно быстрыми темпами город стал расти со второй половины VIII в. Установившееся равновесие между арабами и хазарами, лишь эпизодически нарушаемое военными столкновениями, создало благоприятные условия для развития международной торговли на Прикаспийском пути. Это, в свою очередь, «способствовало росту и процветанию Дербента» (*там же*, с. 97).

Продолжающиеся раскопки в Дербенте приносят все новые и новые материалы. Так, продолжается исследование форта I – «первого в оборонительной системе 40-километровой Горной стены /Даг-бары/, расположенного в 145 м к ЮЮЗ от цитадели Дербента и входившего в структуру города». Форт представлял собой прямоугольное в плане /23,5х14,5 м/ с четырьмя круглыми угловыми башнями. Выявлено два строительных периода: 1) VI–VIII вв., 2) IX – начало XIII вв. В начале второго периода

в интерьере форта сооружено 8 помещений. В 6-м помещении обнаружены два очага открытого типа, а в центре – хозяйственная яма, частично обложенная бутовым камнем. В яме найдено большое количество глазурованной керамики, обломки стеклянных сосудов. Обращают на себя внимание остатки водопровода из керамических труб, а в центре форта – водосборного бассейна (*Гаджиев, Магомедов* 2001, с. 144).

В 450 м к югу от цитадели на окраине древнего поселения Дербента в местности *Эрменляр Иери* /буквально: «место армян», переносное «место христиан»/ исследовано 6 погребений. Захоронения совершены по христианскому обряду и относятся к V–VIII вв. (*там же*, с. 144–145).

Обобщая приведенный материал о раннесредневековых северокавказских городах, отметим, что их формирование связано не столько с генезисом феодализма, сколько с развитием поселений в административные, социально-экономические и идеологические центры. Если исходить не из этимологического значения слова *город* («огороженное место»), то отнюдь не всякое даже крупное раннесредневековое поселение можно считать городом. Таковыми были резиденции правителей и их дружин, просто купеческие фактории на больших торговых путях (*Новосельцев* 1991, с. 11).

V. 3. Формирование государств на Северном Кавказе в конце I-го тысячелетия

С VIII в. начинается завершающий этап политогенеза у алан, приведший к образованию в начале X в. раннеклассового общества. Верховная власть в нем сосредоточилась в руках высшего слоя военной аристократии – багатаров. Согласно Ибн-Рустэ, «царь алан называется Б.гайр, каковое (имя) прилагается к каждому из их царей». Данный титул изначально применялся по отношению к полководцам, но с течением времени он получил новый оттенок и некоторое время применялся также в отношении царей Алании. Таким способом, как представляется, они указывали на свою связь с определенным типом знати – военной аристократией. Одновременно царь алан носил заимствованный у хазар титул *кэркундедж* (*Караулов* 1908. с. 53; *Аланика* 2000, № 3, с. 215). Иными словами, он являлся носителем и военной, и гражданской власти. Масуди, характеризуя общественное устройство алан, отметил, что «*K.rk.ndaj* /?/ – обычное имя всех их царей». В.Ф. Минорский в комментарии этого сюжета допускал связь между титулом аланского царя «кэркундедж» и тюркским почетным титулом *kar-kundag*. Элемент *kar* встречается в различных тюркских именах и прозвищах. Вторая часть похожа на мадьярский социальный термин *k.nda*, как и родовое имя эмира северокавказского происхождения Исхака б. Кундаджа /или Кундаджика/ (*Minorsky* 1958. P. 156).

Средний слой аланских дружинников периода военной иерархии –

алдары – в предмонгольскую эпоху превратились в особое сословие знати; возможно, уже в ту пору оно стало переводиться как «князь».

Термин *эмир*, в Дагестане известный с конца VIII в., обозначал носителей то военной, то гражданской власти, то объединял эти функции в одном лице (*Шихсаидов* 1984, с. 215–221, 386–387). Здесь же отметим, что в тюрко-монгольской титулатуре *амир* находился ниже социального термина *хан*. Более того, амиром нередко назывался любой предводитель того или иного отряда, и вообще военачальник (*Гафуров* 1987 с. 70).

К концу I тысячелетия во многих социумах Северного Кавказа военная аристократия потеснила старую знать. Ближайшее окружение правителей составляла дружина. Военно-служилая знать Дагестана в «Худуд-ал-Алам» представлена под разными терминами: тарханы, бактрики, ра'асы. Тарханы и бактрики, по предположению А.Р. Шихсаидова – предводители небольших военных отрядов, десятков или сотен. Ра'асы – близкие к «царю» представители военно-служилой знати (*Шихсаидов* 1975, с. 138–139; 1986, с. 22–23).

Отборный отряд всадников[2] имелся у хазар. Масуди, сообщая о том, что «царь хазарский может иметь на жаловании войска», выделяет «конную гвардию царя; они вооружены латами, касками и кольчугами; среди них есть вооруженные копьями, а также снабженные оружием наподобие мусульманского вооружения» (*Караулов* 1908, с. 45). По сведениям Ибн-Даста, царь хазар «в походы свои ходит со своими войсками. Воины его красивы собою. Когда войска эти выступают куда бы то ни было, то выступают в полном вооружении, со знаменами и копьями, одетые в прочные брони. Конное царское войско состоит из 10 000 всадников, как обязанных постоянною службою, находящихся на жаловании царя, так выставляемых /как сказано/ людьми богатыми в виде повинности» (*Ибн-Даста* 1869, с. 18).

Необходимость в добротном вооружении способствовало развитию кузнечного ремесла. Причем, в т.н. «героических обществах» сословие воинов, его элита стремилась подчинить себе производителей оружия и защитного доспеха. Не случайно в фольклоре многих народов кузнец выступает в качестве союзника отважных воинов. Так, в нартовском эпосе кузнец *Курдалагон*, обитающий на небесах, закалил Батрадза – фольклорное обобщение военного вождя новой, «железной» эпохи.

В VIII–X вв. верхам каганата, вероятно, удалось взять под контроль металлургическое производство. Во всяком случае, именно в это время, судя по данным археологии, здесь выделяется единый очаг металлообработки, на который работали металлургические центры лесостепной и степной зон, где использовались разнотипные сыродутные печи. При этом просматривается интегрирующая роль верховной власти. Производственные традиции железообработки в Хазарии, ориентированной на военные нужды, создавались в процессе синтеза технических знаний различных народов, включая алано-болгарское население Хазарии (*Бгажба* 1999. с. 230).

Сведения о хазарах приводятся и в «Худуд ал-алам». Анонимный географ, пользовавшийся информацией из работ мусульманских авторов IX–X вв., «свел все к попытке механического перенесения на карту[3] различных по хронологии и месту происхождения материалов». В этом аноним отличался от лучших представителей арабской науки того времени – Масуди, Ибн-Хаукаля и др. (*Новосельцев* 2000, с. 389). Информацию о хакане и царе хазар создатель «Худуд ал-алам» черпал из версии Ибн-Рустэ (*там же*, с. 389–390).

Арабские авторы (*Бейлис* 1986, с. 141, 143) единодушно отмечали «весьма странную», по определению М.И. Артамонова (1962. с. 408), структуру власти в каганате – своеобразное «двоевластие». Во главе хазар стоял каган, пользовавшийся большим почетом, но не принимавший участия в управлении. Реальная власть была сосредоточена в руках царя, именуемого источниками по-разному: *ильк* (первый), *иша, бек, малик, тархан-каган* и т.д. Ибн-Даста, например, писал: царь хазар «называется Иша; верховный же государь у них – Хозар-Хакан. Но этот последний только по имени государь, действительная же власть принадлежит Иша, так как он относительно дел управления и распоряжения войсками занимает положение такого рода, что не дает ответа никому, кто бы стоял выше его» (*Ибн-Даста* 1869, с. 16). По свидетельству Ибн-Фадлана, верховным правителем хазар являлся хакан, а его заместителем – бек. «Это тот, который предводительствует войсками и командует ими, управляет делами государства, руководит им, появляется (перед народом), совершает походы и ему изъявляют покорность находящиеся поблизости от него цари» (*Ковалевский* 1956, с. 146). Аналогичную картину организации власти у хазар отметили Масуди и Ибн-Хаукаль (*Караулов* 1908, с. 46–47, 115–116). Ту же двойственную структуру верховной власти источники фиксируют у мадьяр (*Заходер* 1967, с. 49).

Примечателен тот факт, что претенденты на обладание реальной властью у хазар могли именовать себя как угодно, но не каган/хакан. Это является еще одним доказательством того, что представителю кочевой тюркской аристократии проще было узурпировать власть, нежели присвоить себе чужой титул (*Гафуров* 1987, с. 80).

Причину двойственной организации власти у хазар, мадьяр, алан и других народов Кавказа помогают вскрыть источники той поры. Так, согласно Масуди, хазары в случае неудачного похода, при засухе и т.д., приписывали «свое несчастье этому хакану», требовали у царя его смерти, утверждая: «Его существование приносит нам вред» (*Караулов* 1908. с. 46–47). В варианте В.Ф. Минорского «Масуди говорит: в том, что мы сообщили, в действительности мы имели в виду не царя /*малик*/ Хазар, а скорее *хакана*. В государстве хазар действительно имеется *хакан* и по существующему правилу он находится в руках другого *царя* и в его дворце. Хакан /постоянно/ остается во дворце и не может ни выехать, ни появиться перед придворными и народом, ни покинуть свое жилище, в котором вместе с ним /живет/ его семья. Он не отдает приказов, не прини-

мает решений в государственных делах». Тем не менее, царь не смог бы полноценно управлять Хазарией, если бы хакан не находился рядом с ним, в замке (*Minorsky V.* 1958. P. 148).

Итак, хакан – фигура сакрализованная, реально не принимавшая участия в жизни социума. Однако, в случае каких-либо неблагоприятных обстоятельств, отвечать за неудачи во всех сферах бытия пришлось бы именно хакану. Масуди продолжает: «Когда страну Хазар постигает голод или другое бедствие, или когда против хазар пойдут войною другие народы, или какое-нибудь несчастье неожиданно обрушится на страну, знать и простые люди быстро идут к царю и говорят: мы рассмотрели приметы об этом хакане и считаем их зловещими. Так убей его, или передай нам, чтобы мы могли убить его сами» (*Minorsky* 1958. P. 148).

По данным Ибн-Фадлана, каган правил 40 лет. «Если он переживал /хотя бы/ на один день, то подданные и его приближенные уволят или убьют и скажут: у этого ум уже уменьшился и его суждение /стало/ путаным /неясным/» (*Ковалевский* 1956, с. 147).

С личностью сакрализованных правителей связывалось благополучие всего этноса, а все несчастья приписывались ослаблению его божественной силы. Это характерно не только для хазар, мадьяр или алан. Во многих обществах /по данным Н. Харузина (1903, с. 240–259), институт «второго царя» бытовал у многих народов мира на всех континентах/ на определенной стадии развития главу общества воображение народа наделяло сверхъестественными способностями. В соответствии с этими верованиями предполагалось, что ход природных явлений и жизнь коллектива в какой-то мере находились под контролем «царя». При этом исходили из того, что его власть над природой, подданными, рабами и т.д. осуществлялась посредством волевых актов. Поэтому, если имели место засухи, голод, эпидемии, бури, народ связывал эти напасти с преступным поведением «царя». За это его наказывали и даже убивали. В таком изменении поведения народа /от безоговорочного подчинения до лишения жизни/ нет ничего непоследовательного. Напротив, он ведет себя совершенно логично. Если верховный правитель является воплощением божества, он должен хранить свой народ; если же он этого не делает, то он должен уступить место более способному преемнику[4] (*Фрэзер* 1983, с. 165–168; *Пропп* 1986, с. 332–335).

Как видно, одним из существенных факторов классообразования у народов Северного Кавказа являлось исполнение функций /военного/ руководства, что некоторые исследователи обозначают понятием «власть-собственность» (*Васильев* 1982, с. 60–99). Другой важной общественной функцией, служившей источником формирования господствующего класса, являлось исполнение культовых обрядов. Отчетливо это прослеживается по материалам более поздней эпохи.

По фамильным преданиям нарских феодалов Хетагуровых, «нет никакого намека на то, чтобы Хетаг отличался военными доблестями или участвовал в походах или сражениях». Все редакции предания свя-

зывают Хетага со священной рощей, в которой находилось капище в честь святого Георгия (*Шанаев* 1870, с. 31–32; *Пфаф* 1871, с. 76–78; *Хетагуров* 1960, с. 316–318). В 1850 г. Н. Берзенов опубликовал вариант предания, записанный им в Алагирском ущелье. Информатор уверял этнографа /причем, по словам рассказчика, поверье «было истиннее самой истины»/ в том, что Хетаг – «чудный святой», мог считать звезды, знал их все наперечет, предвещал бедствия, предугадывал смерть не только людей, но и животных. «Одним словом, знал причину и конец вещей»[5] (*Берзенов* 1850). Все вместе взятое склоняет к мысли, что в формировании привилегий этого рода существенную роль сыграли культовые обязанности.

Аварских нуцалов исторические предания выводят от местных языческих служителей (*Магомедов, Криштопа* 1978, с. 11). По устной традиции адыгских народов, в древности из среды православного духовенства «произошли многие дворянские роды» (*Ногмов* 1982, с. 59). С распространением ислама значительной фигурой во многих горских обществах стал кадий. Так, во главе каждого из пяти союзов сельских общин, входивших в Акуша-Дарго, стояли кадии, обладавшие не только духовной, но и светской властью. В свою очередь, эти кадии подчинялись главному акушинскому кадию. Последний передавал власть по наследству членам своего тухума. В период военной опасности главный кадий Акуша-Дарго становился военачальником. Он являлся крупным землевладельцем, обладателем больших стад крупного рогатого скота (*Алиев, Ахмедов, Умаханов* 1970, с. 170–171; *Гаджиев* 1979, с. 142–146). В определенной зависимости от акушинского кадия находился и Сюргинский союз сельских общин. По показаниям представителей даргинских обществ сословно-поземельной комиссии, прежде каждое селение Сюрга ежегодно давало акушинскому кадию «по одному быку» (*Алиев* 1981, с. 61). В других обществах Дагестана кадии также играли важную роль. В Сюргинском и Цудахарском союзах сельских общин власть кадиев была наследственной. Они получали различные поборы в дни свадеб, похорон, при разделе имущества крестьян, часть зяката, имели много земель и скота. Земли от общин получало духовенство почти во всех джамаатах (*Алиев* 1981, с. 53–54; *Магомедов* 1981, с. 37).

По свидетельству отдельных документов, в XVIII – середине XIX вв. чеченские аулы управлялись старейшинами при участии кадия. В некоторых горных аулах служителям нового культа удалось потеснить старейшин и сосредоточить в своих руках всю полноту власти (*Ахмадов* 1982).

Таким образом, занятие важных общественных должностей способствовало имущественному благосостоянию и в то же время служило самой прочной его гарантией. Усложнение социальных структур и производственных процессов приводили к обособлению организационно-управленческой деятельности от производственной. Расходы, которые община поначалу лишь эпизодически несла на содержание лиц, занятых организационно-управленческими функциями, постепенно превращались

в фиксированный налог или даже становились формой эксплуатации. Следовательно, из двух возможных вариантов складывания классового общества: путем непосредственного отчуждения прибавочного продукта, или путем монополизации общественной должностной функции, для народов Северного Кавказа характерен второй путь.

Одной из особенностей средневековой истории горцев, как отмечалось выше, является разница в темпах общественного развития, асинхронность политогенеза. На рубеже I–II тысячелетий раннеклассовые отношения утвердились в равнинной и предгорной зонах (*Народы Кавказа*, с. 75–78; *История Дагестана*, с. 131, 139–144; *История Кабардино-Балкарской АССР*, с. 65, 77–79, 82–84, сл.; *Кузнецов* 1971, с. 203–239).

Наши представления об этносоциальных процессах, протекавших у адыгов в конце I-го тысячелетия, существенно уточнили исследования А.В. Гадло. Его работам в данной области особую актуальность придает то обстоятельство, что «это наименее изученный период истории» адыгов (*Пьянков* 2004, с. 158).

А.В. Гадло обратил внимание на образ князя Инала адыго-кабардинских родословных, коему предания приписывают объединение племен Северо-Западного Кавказа, проведение административной и судебной реформ, удачные войны с соседними этносами. Инал, предок «наиболее крупных княжеских династий и аристократических родов» известен под другим именем – Акабку, которое является искаженным тюркским титулом *ак-ябгу* «западный правитель» (*Гадло* 1978, с. 25–33; 1979, с. 195). Имя Инал в ту эпоху использовалось и как социальный термин – «правитель», «владетель» (*Гафуров* 1987, с. 152), распространенный как в Тюркском, так и в Хазарском каганате. Успехи Инала, кабардинского князя, А.В. Гадло (1979; 1994) объяснял как неординарными личными качествами самого князя, так и поддержкой Хазарии.

А.В. Пьянков продолжил работу и предложил свою версию ответов на некоторые вопросы: почему предок кабардинских князей носил тюркский титул и восточное имя? Почему хазарский каган наделил властью Инала и доверил ему осуществление военных функций?

В поисках ответа на эти вопросы А.В. Пьянков обратился к письменным памятникам той поры и генеалогическим преданиям горцев. В еврейско-хазарской переписке и у Константина Багрянородного не встречаются упоминания народа или племени касогов. В то же время обоим источникам известна «страна» Касахия или Каса. Под ними имеется в виду одна и та же территория. В письмах царя Иосифа страна Каса – *обширная* область, населенная различными племенами, подвластными хазарам. Константин, напротив, о Касахии сообщает как о незначительном районе между Зихией и Аланией. Информация Багрянородного ближе к X в. Письма хазарского царя отражают ситуацию предшествовавших столетий, когда Хазария еще обладала силой и могуществом.

А.В. Пьянков проанализировал адыгское предание о приходе «из других земель» части их предков, «говоривших на особом языке». Вероят-

но, фольклорная традиция сохранила информацию о переселении на Северо-Западный Кавказ иноязычного народа. Это событие относится к VIII в. Эта идея, возможно, подтверждается археологическими материалами т.н. «кубано-черноморской группы кремаций». Археологи полагают, что имеются «серьезные основания связывать носителей кремационного обряда с касогами письменных источников». В таком случае можно предположить вероятность своего рода синтеза между касогами и иноязычными пришельцами из кочевой среды хазарского каганата. «Это допущение объясняет и тюркское имя, и титул касожского князя и ту роль в военно-административной системе Хазарии, которую играли касоги, прикрывая юго-западные рубежи каганата» (*Пьянков* 2004, с. 158–160).

Л.И. Лавров, опираясь на материалы погребального инвентаря кубанских могильников второй половины I-го тысячелетия н.э., пришел к выводу об углублении имущественного неравенства. В ряде мужских могил из оружия обнаружены только нож и несколько стрел, а в других – сабли, стрелы, кинжалы, кольчуги и стрелы. Обращает на себя внимание значительное сокращение золотых изделий. Своеобразное «обеднение» погребений исследователи связывают с превращением материальных ценностей из неотчуждаемого имущества в товар; после смерти их владельца они переходили в руки наследников. Таким образом, «обеднение» погребений «говорит скорее о прогрессе адыгской экономики, чем об ее упадке» (*История Кабардино-Балкарской АССР*, с. 65).

Масуди «следующий за аланами народ называет *кашак*, живущий между горой Кабх и Румским морем». Интересны приводимые арабским историком этнографические детали касогов. Женщины «одеваются в белое, в румскую парчу, в ярко-алую ткань и в различные парчовые ткани, затканные золотом. В их стране производятся различные ткани из льна того сорта, который называется *тала* 'золото'». Он более тонок, чем другие сорта. Один отрез стоит 10 динаров, «и он экспортируется в соседние страны ислама... Причины их слабости в сравнении с аланами коренятся в том, что они не допускают назначать у себя царя для управления ими, объединения их интересов» (*Minorsky* 1958. P. 158)

Вдоль берегов рек Баксана и Чегема обнаружены группы городищ V–IX вв. По меньшей мере об имущественном неравенстве местного населения говорят найденные здесь наряду с бедными богатые погребения, в которых встречаются золотые и серебряные украшения с цветными камнями, монеты, оружие аланского типа и т.д. Дифференциация населения отразилась на облике поселений, имевших центральные укрепления – цитадели, огражденные системой оборонительных сооружений. В то время как расположенные рядом поселения таких укреплений не имели. Военная и племенная знать, возможно, некоторые купцы и ремесленники, жили за более или менее мощными укреплениями (*История Кабардино-Балкарской АССР*, с. 78).

Скупы сведения источников о санарах/санах – горском племени, ло-

кализованном где-то в горах Центрального Кавказа, поблизости от Дарьяльского ущелья. Один из ранних арабских авторов, Якуби, сообщает о посольстве 853/4 г. «санарийцев» к властителям Восточной Европы, в том числе – «сахибу ас-сакалиба». Термин *сахиб* в синхронных Якуби источниках употребляется в значении «властитель», «государь»; например, сахиб ас-Сарир – властитель Сарира, сахиб ар-Рум – государь Рума /византийский император/. Более развернутая информация сообщает о восстании санарийцев против Халифата «и карательной экспедиции против них полководца Буги, восставшие обратились за помощью к трем крупнейшим властителям тогдашнего времени, от которых они могли получить помощь против халифа: Византии, Хазарии и некоему *сахиб ас-сакалиба* /владыке славян/» (*Новосельцев* 2000, с. 279, 377–378).

Якуби в разделе о днях правления на Кавказе Хузаймы ибн-Хазима ат-Тамими, поведал о невиданной жестокости арабского ставленника, «который схватил бактриков и детей царей, отрезал им головы и /вообще/ обращался с ними самым скверным образом. Это вызвало возмущение в Джурджане и в Санарии. Он отправил против них армию, но они уничтожили ее; тогда он послал против них Са'ида ибн-ал-Хайсама ибн-Шу'бу ибн-Зухайра ат-Тамими во главе большой армии, и он воевал с жителями Джурджана и Санарии до тех пор, пока не выгнал их из страны». Позднее правителем Армении ар-Рашид назначил ал-Аббаса ибн-Зуфара ал-Хилали. «При нем восстали санарийцы, и он сразился с ними, но не смог их одолеть» (*Якуби* 1927, с. 12). С санарами пытался справиться и Буга; «он двинулся против санарийцев, сражался с ними, но они разбили его и обратили в бегство» (*там же*, с. 21).

По мнению К. Цуккермана, цанары положили конец попыткам арабов разместить свой гарнизон у входа в Дарьяльском ущелье. Начало этому положило восстание цанаров в 809 г., а окончательно данный вопрос решило унизительное поражение, «нанесенное цанарами ок. 853 г. войску Буги Старшего». В конце IX в., как полагает К. Цуккерман, «армянский царь Смбат захватывает /согласно свидетельству современника, патриарха Иоанна Драшанакертского (так в тексте. – *Ф.Г.*)/ земли цанар до самых Аланских ворот, включая и крепость, которая их защищала. Очевидно, что к тому времени она вновь принадлежала цанарам» (*Zuckerman* 2003. P. 160).

Однако убедительных аргументов в пользу данной версии событий пока нет. Автор данной работы уже высказывал свое мнение по поводу армяно-аланских отношений на рубеже IX–X вв. В частности, речь шла об интересной находке в богатейшем женском погребении внутри северного Зеленчукского храма. Сопровождающий инвентарь насчитывал 242 предмета, из коих 170 – золотые или позолоченные украшения. Наше внимание привлек перстень с альмандиновой вставкой, на которой вырезано имя армянского царя «Ашота, сына Смбата» /886–891 гг./. К тому времени Армения уже добилась серьезных успехов в борьбе за свою независимость. Ашот Багратуни вошел в историю как первый царь, при котором Армения приобрела важные признаки суверенного государства.

Используя благоприятное соотношение сил между Арменией, халифатом и Византией, Ашот добился царского титула. Его корона являлась вынужденной уступкой со стороны арабов, стремившихся хоть как-то сохранить свое присутствие в регионе. Период правления Ашота отмечен сложными отношениями как с ближними и отдаленными государствами, так и с внутренними противниками. К этому добавим борьбу Армении с Абхазией за контроль над Грузией. По сообщению грузинского летописца, «боролись армяне и абхазцы из-за Картли». В 891 г. владетель Тайка и Кларджети Адарнасе Багратуни /891–923 гг./ провозгласил себя «царем картвелов», положив начало династии грузинских Багратидов. Адарнасе опирался на помощь царя Армении, тогда как военачальник абхазов Наср прибегнул к помощи алан. В ожесточенной битве, состоявшейся в 888 г., т.е. незадолго до воцарения Адарнасе, коалиция последнего одержала победу. Летопись «Матиане Картлиса» так описывает это событие: «Выступили Гурген и Адарнасе, сын Давида, помогли ему сомехи /армяне/, сразились у /реки/ Мтквари, абхазы потерпели поражение, убили Насра и Багатара, мтавара овсов и эристава абхазов». Тем не менее, позиции абхазов и алан оставались достаточно прочными. Понимая, что только при помощи военной силы невозможно утвердится в Картли, Ашот в 890 г. заключил военно-политический союз с абхазским царством и Аланией (*Гутнов* 1995, с. 77–79).

В начале X в. сын Ашота I Смбат I под давлением халифата отступил на территорию, контролируемую Адарнасе. На севере граница владений Багратидов Грузии и Армении доходила до Дарьяла. Смбат I неоднократно призывал «северное ополчение /алан/, на *которое более всего надеялся* (курсив мой. – *Ф.Г.*)». Внутри Армении не прекращалась смута. Законный наследник Смбата I его сын Ашот II утвердился на престоле лишь благодаря помощи Адарнасе. За событиями в Закавказье с тревогой следили в Византии, справедливо опасаясь укрепления позиций арабов в этом регионе. Во второй половине 913 – феврале 914 г. константинопольский патриарх Николай Мистик отправил письма католикосу Армении, миссионерам Алании, царю Картли Адарнасе IV и царю абхазов Константину. Николай Мистик стремился противопоставить арабской мощи коалицию христианских правителей Кавказа *(там же*, с. 79).

Как видно, Армения в рассматриваемое время переживала не лучшие времена. Если при Ашоте I аланы в 888 г. находились в стане его противников, то уже в 890 г. аланы и армяне заключили военно-политический союз. Перстень Ашота I мог в качестве подарка союзника оказаться у представителя аланской аристократии. Изложенное делает сомнительным тезис К. Цуккермана об утрате аланами контроля над Дарьяльским проходом, тем более, что речь идет о времени после 890 г., т.е. именно тогда, когда армяне и аланы вновь стали союзниками.

Возвращаясь к санам/санарам, отметим информацию Масуди о «царстве Санария», находившемся «между Тифлисом и Аланским укреплени-

ем»; «а царя их зовут Курискус. Этот народ исповедует христианство» (*Караулов* 1908, с. 57).

Перемены в общественном устройстве отмечены и на Северо-Восточном Кавказе. На политической карте Дагестана к VIII в. появилось несколько ранних государственных объединений – «царства» Лакз, Табасаран, Серир, Кайтаг, Гумик и др. По справедливому замечанию А.П. Новосельцева, «ситуация здесь была сложная и для нас не совсем ясная ввиду фрагментарности и известной противоречивости источников». Наиболее полный список восточно-кавказских владетелей этого времени привел Баладзори. Он назвал хакана гор /он же «сахиб ас-сарир»/, филан-шаха, табасаран-шаха, «царя Лакза», «царя Маската», лейран-шаха, правителя Зирехгерана /Кубачи/ и др. Согласно Ибн аль-Факиху, в этих районах было 13 «стран» /«мамалик»/, среди них – страна «сахиб[6] ас-сарир» и Арран, первая страна Армении. Видимо, Албания на севере смыкалась с независимыми горными владениями «при верховной власти Сасанидского Ирана, которую унаследовали арабы» (*Новосельцев* 1990, с . 173–174).

Богатая социальная терминология, обозначавшая владельцев Дагестана, зафиксирована в работе ал-Куфи. Неоднократно упоминаются *малики гор* – малики Лакза, Филана, Табасарана и др.; к этой же категории относятся термины *хакан, сахиб* ас-Серир. Следующую социальную лестницу составляли *асхабы хакана, раисы гор,* хазарские *тарханы, тарханы* и *влиятельные люди* из подчиненных народов. А.Р. Шихсаидов полагает, что термин *малик* означает царь[7], «но в первые века ислама он прилагался преимущественно к немусульманским правителям». *Асхабы хакана* – это, по всей вероятности, совет, наиболее близкое окружение хакана, состоявшее из военных аристократов. В Дагестане *маликами* названы правители всех отдельных социумов. Только в отношении правителя Серира приведен термин *сахиб*. Практически ту же терминологию в отношении владельцев Дагестана употреблял Табари (*Шихсаидов* 1986, с. 22–24).

История происхождения еще одного титула – *шамхала* Тарковского все еще не имеет однозначного решения. Наиболее распространенным является мнение о происхождении этого титула от имени арабского ставленника Шахбала – уроженца местечка под названием Хал в Сирии /Шам/. В.Г. Гаджиев присоединился к мнению М.А. Полиевктова, связавшего возникновение рассматриваемого титула с арабским военачальником по имени Шах-баал-бин-Абдулла, назначенным правителем Дагестана. Со временем «его собственное имя, при его преемниках, обратилось в их владельческий титул» (*Гаджиев* 1979, с. 95).

Если этимология термина все еще не имеет однозначного решения, то временем его появления большинство исследователей считает время арабских завоеваний.

Восточные авторы фиксируют название еще одного дагестанского социума – Хайдаг/Кайтаг. Возможно, это название возникло «от высше-

го класса, состоявшего из пришельцев /как это случилось с кавказскими аварами/, но в противоположность мнению Бартольда, это произошло не во время монгольского нашествия, а несколько раньше, так как название Хайдак засвидетельствовано /с различными ошибками в написании/ уже у арабских авторов IX–X вв. н.э. Хайдаки были лучше организованы, чем их соседи табасаранцы» (*Минорский* 1963, с. 127).

Согласно Масуди, «наиболее вредным из соседних (с ал-Баба – *Ф.Г.*) народов является Хайтаг /читай *Джидан*/. Его царь – мусульманин, претендующий на происхождение от араба из /племени/ Кахтан... В настоящее время, а именно в 332/943 г., он именуется *Салифан*, и нет в его царстве других мусульман, кроме него самого, его сына и семьи» (*Minorsky* 1958. P. 154).

Среди социумов древнего и раннесредневекового Дагестана постоянно упоминается Табасаран. Напомним, что Елише и Фавстос Бузанд в связи с событиями II–III вв. сообщают о самостоятельном войске таваспаров. Некоторые исследователи, цитируя Елише, называют «все войско Таваспарана горного и равнинного и всю крепостную неприступную страну гор» (*Алимова, Сефербекова* 2001, с. 186). Приведенный перевод сюжета из труда Елише создает впечатление, что он полностью относится к Табасарану, и в этом случае данное общество предстает как большой по территории и людским резервам социум с мощными укреплениями. Однако К.Н. Юзбашян в новом отдельном издании дал иной перевод: Васак «призывал многочисленные отряды в пограничную крепость Чор, сосредоточил там все /силы/ страны *иверов, лпинов* и *чилбов,* /вызвал силы/ Вата, Гава, и Глаухара, и Хрсана, и Хечматака, Пасха и Посха и Пюкуана, все войско Таваспарана – с гор и с равнин, и из всех горных укреплений» (*Юзбашян* 2001, с. 253). В данном случае речь об отрядах разных этносоциальных образований, расположенных на Северном Кавказе и в Закавказье; равным образом с «гор» и с «равнин».

«Армянская география» VII в. в списке 53 народов Сарматии также упоминает таваспаров. Арабские источники в рассказах о событиях VII в. называют социум Табасаран. На рубеже I–II тысячелетий восточные источники в ряду «выдающихся защищенных укреплений» выделяют «Баб-Табасеран Шах». Ибн ал-Факих сообщает о строительстве своеобразной системы укреплений из 360 замков, тянувшейся до Алании. «Из них 110 замков во владении мусульман до земель Табасаран, а остальные находятся в землях Филана и Сахиб ас-Серира до Баб-Аллан». Исторические предания с приходом арабов связывают назначение ими правителем Табасарана араба Мухаммеда Маасума и двух кадиев для обучения народа шариату» (*Алимова, Сефербекова* 2001, с. 186).

Баладзори в сюжете о походах Салмана б. Рабийа рассказал, что арабский военачальник послал своих представителей в горные общества; «к нему прибыли малик Лакза, малик Филана, малик Табасарана, которые преподнесли ему провизию и подарки, заключили с ним договор о ежегодном внесении ему определенной контрибуции» (*Шихсаидов* 1986, с. 13).

Согласно информации того же автора, Табасаран до прихода арабов был самостоятельным владением. В период арабо-хазарских войн местное население платило дань Мервану (*Баладзори* 1927). Маслама «отправил... /часть войска/ в Табасаран, жители которого заключили с ним мир» (*Якуби* 1927, с. 7).

Большой интерес вызывает сообщение арабского автора XII в. ал-Гарнати. «В стране Дербента» он отметил «народность, которую называют табарсарлан, у них двадцать четыре рустака, в каждом рустаке имеется большой военачальник, подобный эмиру». Из этнографических особенностей табасаранцев Гарнати выделил их поклонение мечу (*Алимова, Сефербекова* 2001, с. 187).

Масуди называет «страну */mulk/* Гумик. Ее народ – христиане, которые не подчиняются никакому царю, но имеют вождей */ru»asa/* и живут в мире с царством Алан». «Другим соседом /Кайтага?/, – продолжает далее Масуди, – в направлении Серира и гор является царство Зарикаран */Zirihgaran/*, что означает «ремесленники по изготовлению кольчуг», потому что большинство из них являются мастерами по производству железных кольчуг, стремян, уздечек, мечей и другого вооружения. Они исповедуют разные религии: ислам, христианство и иудейство. Их страна */balad/* гористая и это защищает их от соседей» (*Minorsky* 1958. P. 155).

Некоторые историки Дагестана полагают, что в вышеназванных социумах «переход к развитому феодализму имел место в X–XI вв.» (*Магомедов* 1988, с. 42–44). В источниках X–XI вв. упоминаются титулы владельцев Дагестана: *малик* Джидана, *эмир* Хайдака, *филан-шах* (правитель) Серира (*Материалы...* 1986, с. 135, 147–149). Однако этого явно недостаточно для принятия суждений о феодальном характере названных обществ.

Чаще всего в качестве примера феодального владения на территории Дагестана приводится Серир; его рассматривают как пример «общедагестанского государства». В течение второй половины IX – середины X вв. Сериру подчинились Гумик, Кайтаг, часть Шандана и Аррана. На какой-то период владельцы Серира контролировали значительную часть нагорного и предгорного Дагестана. Однако нельзя согласиться с мнением о том, что «созданию такой значительной государственной территории, возможно, способствовало распространение *феодальной* (курсив мой – *Ф.Г.*) дани и повинностей в пользу верховной власти, о которой упоминают *авторы VI в.* /курсив мой – *Ф.Г.*/» (*Атаев* 1989, с. 13). Имеется в виду *сюжет* из труда Баладзори /автора *IX*, а не *VI* в./: в Дагестане «выбрал Ануширван царей и назначил их, предоставив каждому из них шахство над отдельной областью... и заключил с ними мир, обязав платить ему подати» (*Баладзори* 1927, с. 7). Но в данном случае речь скорее идет о налоге для уплаты дани завоевателям, а не ренты.

Царь Серира, согласно Ибн-Рустэ, помимо города *RNJS*, имел «другой очень мощный замок под названием *al-Al /Alal/* и Гумик, /также/ очень мощный. Здесь находится сокровищница, и этот замок дал /его предкам/ Ануширван» (*Minorsky* 1958. P. 169).

В.Г. Гаджиев (1979, с. 153) предположил, что «в X в., если не вся территория, то во всяком случае часть ее входила в Серир».

Правитель Серира опирался на свою дружину, основные функции которой М.М. Атаев (1989, с. 15) видит во взимании дани-налога и участии в обороне государства и внешних походах. Согласно Ибн-Рустэ и Масуди, в X в. дружина Серира жила со своим предводителем обособленно от соплеменников – в отдельном замке, расположенном в столице Дж.мр.дж /возможно, Хунзах/ (*Minorsky* 1958, P. 155, 167–168). Вероятно, внутри дружины уже имелась определенная дифференциация. Напомним, что военная аристократия Дагестана в источниках той поры представлена несколькими терминами: тарханы, бактрики, раисы и др. Если тарханы и бактрики представляли элиту военной аристократии, то раисы /«старейшины населения»/ – средний слой; они возглавляли военные отряды жителей одного или нескольких поселений (*Бейлис* 1963, с. 258). Можно предположить, что раисы возглавляли «молодшую дружину» – ополчение, в то время как тарханы и бактрики возглавляли дружину, состоявшую из представителей военной знати.

Правитель Серира в источниках предстает под разными титулами: *малик, сахиб, филлан-шах, хакан горы.* Если *малик* в ту пору – обозначение немусульманских правителей, а *сахиб* – владелец (*Шихсаидов* 1986, с. 22–23), то *филан-шах* (князь-слон) – общий титул царей Серира /правда, существует мнение, что Филан-шах не титул, а личное имя правителя Серира 40–50-х гг. X в. (*Материалы...* 1986, с. 148)/.

О силе и влиянии царей Серира можно судить по их династическим бракам. Так, в 416/1025 г. эмир Дербента Мансур женился на Сарийе, дочери Бухт-Йишо, владетеля Серира (*Minorsky* 1958. P. 47). Резиденцией царя являлся замок «на вершине горы, занимал площадь 4×4 фарсаха и был окружен каменной стеной. Царь владеет золотым троном */sarir/* и серебряным троном. Все население замка – христиане, а все остальные жители страны – язычники. Царь владеет 20 000 долин */shi''b/*, населенных разного рода */sunuf/* людьми, имевших там поместья и деревни» (*Minorsky* 1958. P. 168). О силе и богатстве царя Серира свидетельствуют и другие арабские авторы (см.: *Гаджиев* 1979, с. 165–169).

Анализ арабских и дагестанских памятников привел А.В. Гадло к выводу о большом военно-политическом потенциале Серира; их царь нередко нападал на хазар и одерживал победы над ними. Из вышеупомянутого «горного гнезда» владелец Серира «через особый военно-административный аппарат, состоявший из лиц, носивших титулы бактриков /патрициев/ и тарханов, управлял страной и войском» (*Гадло* 1994, с. 14–15).

После походов Мервана, нанесшего хазарам чувствительное поражение, центр каганата переместился в низовья Волги, где возникла новая столица хазар. Для Предкавказья и горных районов «это ознаменовалось усилением самостоятельности местных государств, в первую очередь ас-Сарира и ал-Алана» (*Новосельцев* 2000, с. 276). Симптоматично,

что правитель Серира у Баладзори в одном случае назван *хаканом*, в других случаях – *сахиб ас-Сарир*. В этом случае «властелин фигурирует в качестве хакана гор /подразумевается его высший суверенитет в горном Кавказе/» (*там же*, с. 369).

Из всего изложенного можно сделать вывод, что Сарир X–XI вв. – это раннеклассовое общество; следов *феодальной* ренты, как и *феодальных* методов эксплуатации непосредственных производителей, в источниках обнаружить не удается. Поэтому определение Серира как *феодального* государства представляется необоснованным.

В целом о типологии дагестанских обществ рассматриваемого времени «до выявления господствовавших там форм эксплуатации говорить нельзя» (*История народов...* 1988, с. 125–126, 132).

На рубеже двух тысячелетий дальнейшее развитие получила социальная система хазар; ее эволюция в сторону раннеклассового общества требовала реорганизации структуры управления, а также идеологического обоснования перемен. В начале IX в. глава хазар Обадий провел с этой целью ряд реформ. В памятниках еврейско-хазарской переписки он изображается как «человек праведный и справедливый. Он поправил /обновил/ царство и укрепил веру согласно закону и правилу. Он выстроил дома собраний /синагоги/ и дома ученых /школы/ и собрал множество мудрецов израильских, дав им много серебра и золота, и они объяснили ему 24 книги (священного писания)...» (*Коковцов* 1932, с. 80, 97).

В этой характеристике Обадий предстает реформатором. По предположению М.И. Артамонова, Обадий был тем беком, который стал первым хазарским царем и низвел роль кагана до положения сакрального владыки. Перемены в структуре управления подкреплялись идеологическими методами – путем утверждения высокого статуса новой религии. С этого времени иудейство из вероисповедания одного из знатных хазарских родов превратилось в религию аристократической элиты – царей, каганов и их окружения. Утверждение власти царя протекало в ожесточенной борьбе, принявшей характер «гражданской войны». Она шла из-за власти: «первая власть одержала верх» /Константин Багрянородный/, следовательно, борьба шла между сторонниками Обадия и его противниками из числа знати, недовольных сужением, а то и ликвидацией их прерогатив. Опираясь на иудаизм, сторонники царя преследовали аристократов, исповедовавших другую религию. Во время войны была ликвидирована церковная организация хазарских христиан. В 834 г., несмотря на возобновление дружественных связей с Византией, Петроне не позволили соорудить в Саркеле христианский храм, хотя он рассчитывал на это и даже привез мраморные архитектурные детали. Религиозные преследования коснулись и мусульман. В 854/5 г. в Закавказье были переселены 300 семей хазарских мусульман. Кабары-язычники бежали к мадьярам (*Артамонов* 1962, с. 279–280, 324–330).

Точку зрения М.И. Артамонова в целом разделяет /хотя и с оговоркой/ С.А. Плетнева.

Детальный разбор содержания титула «каган»/«хакан» провел А.П. Новосельцев. Первая форма зафиксирована в древнерусских памятниках, вторая – в большинстве других источников о Восточной Европе. Форма *хакан* с вариациями приводится в арабских, персидских, древнеармянских, древнегрузинских, греческих, латинских /Бертинских анналах/, среднеперсидских источниках, тогда как *каган* известна только в древнерусских летописях. В Кембриджском документе П.К. Коковцов (1932, с. 115) разбираемый титул транскрибирует как *каган*, «хотя вполне можно прочесть и *хаган*» (*Новосельцев* 2000, с. 368). В одном из последних переводов хазарско-еврейских документов X в. появление разбираемого термина связано с важным событием в жизни хазар: «Люди этой земли *поставили* (курсив мой – *Ф.Г.*) над собой одного из мудрецов судьей. Они называют его на языке хазар KGN, по этой причине судьи, которые были после него, называются KGN до настоящего времени; в то время как имя главнокомандующего Казарии они изменили на Сабриэль и сделали его своим царем» (*Глоб, Прицак* 1997, с. 140).

Бируни понимал титул *хакан* как «малик» /царь/ тюрок, хазар и тогузов. Хваризми сравнивал титулы *хакан* и *хан*. А.П. Новосельцев обратил внимание на это, ибо «порой полагают, что оба титула – синонимы и *хан* произошел от «*хакан*». Между тем Хваризми объяснял *хан* как *ара'ис* /глава, вождь/, а *хакан – ра'ис ар-ру'аса* /вождь вождей, главный вождь/. Следовательно, во времена Хваризми оба титула еще не совпадали. Хакан был выше хана, «соотносясь с последним как великий князь на Руси с обычным князем». В целом, по мнению А.П. Новосельцева, хакан – «титул верховного правителя, под началом которого находились и другие властители, ниже по рангу» (*Новосельцев* 2000, с. 369).

Дуальная структура верховной власти хазар неоднократно зафиксирована в письменных источниках. Об этом же свидетельствуют археологические материалы. В частности, в кладе из Коцкого городка IX века в верховьях Оби найден серебряный ковш со сценами охоты и борьбы. Он отлит из серебра, украшен гравированными и позолоченными фигурами по бортику. Ковш относится к лучшим образцам прикладного искусства хазар раннего средневековья. Интерпретация изображенной на ковше сцены не имеет единого толкования: М.И. Ростовцев придавал ей сакральный смысл и связывал с иранским героическим эпосом; М.П. Грязнов относил рассматриваемую сцену к искусству кочевников вообще; В.П. Даркевич – к искусству огузов; элементы эпоса видела в изображении на ковше С.А. Плетнева; В.Я. Петрухин привел параллели из искусства этносов Евразии. Новую трактовку недавно предложила Н.А. Фонякова.

Прежде всего, исследовательница рассмотрела фигуры борцов. Они изображены «в тот момент, когда, захватив друг друга за пояс и сцепившись ногами, они широко развели свободные руки и застыли в неудобной позе, пытаясь дотянуться до кинжалов, торчащих из земли на одинаковом расстоянии от каждого бойца». В кровавом исходе поединка не приходится сомневаться. Одетые одинаково, бойцы отличаются голов-

ными уборами, прическами и, возможно, по возрасту. У одного из них – пышные усы, распущенные по плечам волосы перевязаны лентой, конец которой свешивается за спиной. Подобные ленты развеваются за спинами «сасанидских царей на серебряных блюдах и инвеститурных барельефах. Другой борец безусый, его волосы заплетены в косу». Отметив, что у тюркоязычных народов косички /от 1–2 до 8–12/ носили и мужчины, Н.А. Фонякова напомнила находку в Саркеле бронзовой фигурки мужчины с одной косой. Поэтому нетипичной /распущенные волосы/ представляется прическа первого персонажа на изображении на коцком ковше (*Фонякова* 2001, с. 68).

Описания такой прически приведены в письменных источниках. Так, китайский паломник Сюань Цзан в 630 г. посетил ставку западных тюрков, где встретил кагана. Последний «носил зеленый шелковый плащ. Волосы его были распущены, лоб закрыт куском шелка длиной 10 футов /3,5 м/, несколько раз обернутым вокруг головы. В шатре на носилках в два ряда вельможи, все – в шелковых одеждах. В отличие от кагана у всей свиты волосы были заплетены» (*там же*, с. 68–69).

Н.А. Фонякова провела аналогию со сценой на ковше и предположила, что здесь «изображен хазарский каган на охоте и во время поединка. Но если один из борющихся персонажей... – каган, то есть лицо сакрализованное, то мы имеем дело с ритуальным поединком». Исследовательница высказала предположение о том, «что на ковше изображен поединок между каганом и претендентом на трон» (*там же* с. 69).

Как выше отмечалось, правящие круги Хазарии в X в. прибегали к разного рода уловкам для подтверждения законности власти царя, превратившего прежде полновластного хакана в сакрализованного полубога, лишенного прав реального управления. Ибн-Рустэ, «весьма эрудированный в восточно-европейских делах автор», говоря о двоевластии у хазар, отметил, что верховный правитель /хакан/ обладает лишь титулом, а реальная власть сосредоточена в руках «иша», который командует войсками. По одной из рукописей Гардизи, хакан хазар имеет лишь титул, а власть находится в руках царя, чей хазарский титул восстанавливается как «шад». По реконструкции А.П. Новосельцева, хакан еще в середине IX в. был реальным правителем; «шад» впервые упоминается в 20-х гг. VII в. В то время так обозначался представитель знатного рода, родственник царя, командовавший войсками, что уже в ту пору давало ему немалую власть. Существенные изменения в структуре верховной власти Хазарии начались после похода Мервана 737 г. Он разгромил хазар, взял их столицу, отбросил остатки хазарских войск далеко на север. Поражение хазар было настолько серьезным, что хакан даже согласился принять ислам, но все-таки не сделал этого. Верховная власть оказалась скомпрометированной неудачной внешней политикой; в итоге на рубеже VIII–IX вв. именно шад, как полагал А.П. Новосельцев, выдвинулся на первый план и именно он оказался инициатором принятия иудаизма в качестве государственной религии. По-видимому, в это же время

он принял новый титул «бек», впервые фиксируемый источниками в связи с событиями 30-х гг. IX в. Анализ политических событий рубежа VIII–IX вв. привел А.П. Новосельцева к выводу о победе «иудаизма среди части хазарской знати, во главе которой стоял шад-бек». Иными словами, период двоевластия у хазар в основном приходится на IX в., «когда шад /бек/ постепенно оттеснил хакана на второй план». Ибн-Фадлан, побывавший в этих местах в 921/2 гг., писал, что у хазар есть малик, называемый хаканом; он показывается /народу, знати?/ раз в 4 месяца. У него есть «халифа» /«заменяющий в делах»/, именуемый хакан-бех. Последний командует войском, управляет, руководит делами государства, и «ему подчиняются цари, находящиеся с ним по соседству». Как видно, по сути никакого двоевластия уже нет. Показателен и титул «хакан-бек». Его можно перевести как «хакан-государь», т.е. реальный хакан. Примерно так же чуть позже описывают Хазарию Истахри и Ибн-Хаукаль. Таким образом, в X в. двоевластие сменилось властью бека, «лишившего хакана реальной власти и влияния» (*Новосельцев* 1990, с. 134, 137–142).

Истахри и Ибн-Хаукаль приводят интересные данные о внутренней жизни хазар. «Источник доходов царя составляет взимание пошлин на заставах на сухих, морских и речных путях. На обитателях городских кварталов и окрестностей лежит повинность доставлять им всякого рода необходимый провиант, напитки и прочее». «Зажиточных и богатых» царь обязал «поставлять всадников, сколько они могут по количеству имущества своего и по успешности промыслов своих» /Ибн-Даста/. Войско /«конная гвардия»/ царя по одним данным состояло из 7, по другим – из 10, по третьим – из 12 тысяч воинов. Согласно Ал-Истахри, за исключением военной добычи, «у них нет определенного постоянного жалованья», в то время как Ибн-Хаукаль говорит о том, что войску выдаются небольшие суммы. Господствующий слой составляли военно-чиновничья аристократия, дружинники, «старейшины» родов и «лица одного класса с царем» (*Ибн-Даста* 1869, с. 16–19; *Караулов* 1908, с. 44–45).

По данным Масуди, «мусульмане преобладают в этом городе /или стране?/, так как они составляют царское войско. В этом городе они известны как ал-Ларисийа /Арсийа, Арисиа, и т.д./ и являются переселенцами из окрестностей Хорезма. В давние времена после возникновения ислама в их стране разразилась война и вспыхнула чума, и они переселились к хазарскому царю. Они доблестные и храбрые люди, и служат главной опорой */mu'awwal/* царя в его войнах» (*Minorsky* 1958. P. 146–147). Службу царю прибывшие воины оговорили некоторыми условиями, одним из которых являлось сохранение за ними права открыто исповедовать свою религию, иметь мечети и призыв к молитве. Должность «царского визиря» закреплялась за ними. В случае войны с мусульманами они не будут сражаться, но вместе с царем выступят против любого врага из неверных. «В настоящее время около 7000 из них вместе с царем выступают на конях, вооруженные луками, облаченные в панцири, шлемы и кольчуги». Масуди отметил еще одно важное обстоятельство: «Сре-

ди восточных царей этого региона только царь Хазарии имеет войско, получающее жалованье /*murtaziga*/» (*Minorsky* 1958. P. 147).

Интересен принцип наследования титула *хакан*. Ал-Истахри писал по этому поводу: «Хаканство у них дается лицам знатных фамилий, хотя бы не имеющим ни владений, ни богатства; так что когда кто-нибудь из них получит главенство и его делают начальником, то присягают ему, не смотря на то, каково его имущественное положение» (*Караулов* 1908, с. 45–47). А.П. Новосельцев (1980, с. 190–196) подчеркнул в этой связи, что на древнем и средневековом Кавказе понятие принадлежности к определенному сословию не полностью соответствовало имущественному положению того или иного лица.

Основные функции центрального управления сводились к руководству войском, судопроизводству, сбору налогов и пошлин, контролю над культами. Царь через особое лицо – сафира /буквально «посредник»/ ведал столичными делами. В центральное управление входили и судьи /«кади»/ для людей разных вероисповеданий. Местное управление в каганате было двоякого рода, т.к. в Хазарию, во-первых, входили районы, управлявшиеся местными князьями, вождями и т.д., а во вторых, области, непосредственно подчинявшиеся центру и управлявшиеся наместниками хакана /царя/. Представители центральной власти на местах носили заимствованный через ираноязычные племена китайский титул tu't'ung «начальник гражданской администрации». В восточно-иранских языках он получил значение «близкий помощник». Возможно и у хазар тудуны – первоначально что-то вроде ближних людей правителя. А.П. Новосельцев (1990 с. 143–144) обратил внимание на начавшийся в X в. процесс децентрализации и усиление роли некоторых наместников, превращавшихся в самостоятельных правителей.

Некоторые исследователи считают хазарское общество IX–X вв. раннефеодальным (*Плетнева* 1976, с. 57–59; *Магомедов* 1988. с. 154–155). По оценке Б.Н. Заходера (1967, с. 148), «эксплуатируемое хазарское население находилось в значительно более тяжелом положении, чем крестьянство на мусульманском Востоке». Ю.М. Кобищанов (1995, с. 219) полагает, что зависимое хазарское население «составляло класс феодально эксплуатируемого крестьянства». Такой подход представляется, по меньшей мере, спорным. Судя по имеющимся данным, источниками доходов высших сословий являлись военная добыча, торговые и судебные пошлины, а также прибавочный продукт, изымаемый у населения путем налогов и «даров». Следует согласиться с оценкой авторов обобщающего труда по истории региона, назвавшими хазарское государство «раннеклассовым» (*История народов...* 1988, с. 131).

Сильным государством с единоличной властью, именуемой источниками «царской», предстает перед нами Алания X века. В документах еврейско-хазарской переписки той поры говорится, что «царство алан сильнее и более жестоко, чем все /другие/ народы, которые окружают нас». В тот момент, когда «возмутились все народы против» хазар, «толь-

ко царь алан поддержал» хакана; многие «цари, /кто/ воевали против Казар/ии/; но царь алан пошел на их землю и раз/громил/ ее так, что нельзя восстановить» (*Глоб, Прицак* 1997, с. 140–141).

Масуди также отметил мощь Алании. «Царь алан имеет 30000 всадников. Он могуществен, очень силен и влиятелен среди /других?/ царей. Его царство состоит из непрерывной серии поселений; когда /в одном из них/ прокричат петухи, ему отвечают в других частях царства ввиду чересполосицы и смежности поселений» (*Minorsky* 1958. P. 157).

Важную роль Алании в международных делах отметил и Константин Багрянородный. «/Знай/, что девять Климатов Хазарии прилегают к Алании и может алан, если, конечно, хочет, грабить их отселе и причинять великий ущерб и бедствия хазарам... /Знай/, что эксусиократор Алании не живет в мире с хазарами, но более предпочтительной считает дружбу василевса ромеев, он может сильно вредить им, и подстерегая на путях, и нападая на идущих без охраны при переходах к Саркелу, к Климатам и к Херсону. Если этот эксусиократор постарается препятствовать хазарам, то длительным и глубоким миром пользуются и Херсон, и Климаты...» (*Константин Багрянородный* 1989, с. 53).

По А.П. Новосельцеву, некогда прочный алано-хазарский союз дал трещину еще в 20-х гг. VIII в. Принятие же хазарской знатью иудаизма на рубеже VIII–IX вв. усилило стремление Алании к самостоятельной внешней политике. Ориентация на Византию выразилась в принятии аланским царем христианства, скорее всего «во второй половине VIII в. или даже в IX в.» (*Новосельцев* 1990, с. 106).

По историографической традиции аланское общество X в. считается раннефеодальным, хотя до сих пор никто не доказал существования именно феодальных методов эксплуатации в то время. Источники начала X в. алан разделяют на «людей знатных и властных» и «простых людей». Но ведь таких свидетельств мало для утверждения о феодальном характере отношений между «знатными» и «простыми». Эксплуатация населения на рубеже IX–X вв. вряд ли осуществлялась рентным способом (во всяком случае, источники не говорят об этом), использовались другие методы изъятия прибавочного продукта.

Как представляется, не все виды изъятия у населения прибавочного продукта в предклассовом и раннеклассовом обществах можно рассматривать как эксплуатацию. В частности, т.н. «добровольные дары», на наш взгляд, являлись ранней формой налога, а не эксплуатацией. Если отбросить некоторые расхождения в деталях, то в современной отечественной историографии преобладают две трактовки понятия «эксплуатация»: 1) любое безвозмездное изъятие продукта одними людьми у других (*Илюшечкин* 1990, с. 24–30, 95, 303, 306, 331; *Семенов* 1993, с. 55), и с этой точки зрения налог рассматривается как эксплуатация; 2) присвоение чужого труда собственником средств производства; при таком подходе налог не всегда является эксплуатацией (*Ильин* 1985, с. 69–72; *Коротаев* 1992, с. 189–198). Вторая точка зрения представляется более логич-

ной. Любой вид налога был направлен на поддержание управленческих структур и отнюдь не являлся «безвозмездным изъятием продукта», а расходовался элитой, прежде всего на производство необходимых обществу услуг и информации [управление, обеспечение безопасности и т.д.] (*Коротаев* 1992, с. 193, 198 примеч. 24).

Своеобразной компенсацией неразвитости государственного аппарата в Алании X в. являлось полюдье. Специалисты установили практически всемирное распространение этого феномена и некоторые его разновидности (*Кобищанов* 1987, с. 135–158; 1995.). Внешне полюдье представляло собой обход носителя государственной власти по традиционному маршруту подвластных ему поселений и пограничных районов, где он осуществлял свои привилегии и выполнял главные функции. В связи с этой проблемой привлекает внимание фрагмент из работы Масуди: кроме аланской столицы «в этой стране находятся еще крепости и угодья, располагавшиеся вне этого города, куда царь время от времени переезжает» (*Караулов* 1908, с. 53). Отголоски полюдья на Кавказе сохранились вплоть до XIX в. (*Инал-Ипа* 1965, с. 428–429, 499; *Кобищанов* 1995, с. 193–227).

Образование на рубеже IX–X вв. аланского раннеклассового общества – факт примечательный. Но степень развития государственного аппарата и единоличной власти не следует преувеличивать. Хорошо осведомленный о социальной структуре Алании начала X в. Константин Багрянородный особо говорит об «эксусиократоре» Алании и «архонте Ассии» (*Константин Багрянородный* 1989, с. 51–53), контролировавшем Дарьяльский проход.

Первый социальный термин М.В. Бибиков выводит из древнегреческого *эксусия* «власть» + *кратер* «владеть», «иметь». Это один из византийских титулов, применявшихся к правителям «иноземного народа». Сходный термин *эксусиаст* «употреблялся применительно как к могущественным Фатимидам, так и к аланам и авасгам – вассалам Византии» (*там же*, с. 332 прим. 2). Х.. Лиддел и Р. Скотт в своем словаре *эксусия* переводят как «power», «autority» – «власть, авторитет» (*Liddell, Scott* 1996, P. 599). А. Алемань отмечает, что «титул *эксусиократора*, специально для правителя Алании, должен был существовать, по крайней мере, между X–XII вв., поскольку в 1107/8 г. его все еще носил алан Росмик». Эксусиократор Алании являлся «единственным правителем на Кавказе, который не получает от императора *повелений*; к нему обращаются как к независимому государю» (*Алемань* 2003, с. 242–243).

В 1884 году Г. Шлюмберже опубликовал печать /X в.?/ «эксусиократора Алании Гавриила». Анализ австрийского византиниста В. Зайбта привел его к предположению о более позднем создании печати – второй половине XI века. С.Н. Малахов, принимая последнюю датировку эпиграфического памятника, поиск владельца печати связал с тремя «властодержцами» Алании: царем Урдуре, «великим царем овсов» Дургулелем и эксусиократором Росмиком (*Малахов* 1995, с. 376–377).

По грузинским источникам, в первой трети XI в. против мтавара Кахетии Квирике III /1010–1029 гг./ выступил «царь овсов» Урдуре, который «через Дзурдзукию и страну глигвов перевалил в Тианетию и опустошил Кахетию». Сам царь алан позднее был убит кахетинским правителем. «Но однажды, когда Квирике охотился на Пидарт-горе, на него напал овс – раб и убил его, отомстив таким образом за кровь своего царя Урдуре» (*Джанашвили* 1897, с. 31). Ранняя смерть Урдуре не позволяет идентифицировать его с «эксусиократором Гавриилом» (*Малахов* 1995, с. 377).

С 30-х гг. XI века в Алании правил Дургулель Великий. Его сестра вышла замуж за царя Грузии Баграта IV. Дургулель помог Баграту в борьбе с его противниками, «разбил эмира Падлона и полонил Ганджу и ее окрестности». Вскоре после этого события царь Алании «*через Абхазию*» отправился в Грузию, «чтобы погостить у царя Баграта и царицы, сестры своей Борены. С ним вместе прибыли *все князья* (курсив мой – *Ф.Г.*) Овсетии» (*Джанашвили* 1897, с. 33).

Наконец, третий глава Алании XI в. – «эксусиократор Алании Росмик». Он известен из текста «Алексиалы» Анны Комниной /1081–1118 гг./. С.Н. Малахов предположил, что антропоним аланского царя был труден «для восприятия Анны Комниной и последующих переписчиков ее труда». Только этим можно объяснить почему Анна сначала пишет Росмик, а затем – Ромсик. Эксусиократор Алании во главе своих соотечественников, «отважных алан», участвовал в сражении византийцев с Боэмундом Тарентским в Эпире /Восточная Албания/ в 1108 году Ф. Юсти и В. Себит имя Росмик объясняли из иранского *razman* «стоящий в одном боевом порядке», «военный отряд». В.И. Абаев отметил, что авестийское *rasman* неизвестно в осетинском, но близко по звучанию и значению имя *Омрасмакос* «состоящий в том же отряде», «боевой товарищ». С.Н. Малахов полагает, что аланское имя Росмик – в значении «стоящий в одном ряду», «соратник» – «как нельзя лучше отражало военные функции властодержца» (*Малахов* 1995, с. 378).

Уточнить имя эксусиократора помогла печать начала XII в. Надпись на реверсе печати гласит: «Господи, помоги рабу твоему севасту Росмику» (*там же,* с. 377). Как видно из печати, правитель Алании в своей титулатуре предпочел использовать византийское придворное звание «севаст» и языческое, а не христианское имя. «Исходя из этого, надо думать, что только Дургулель был носителем имени Гавриил» (*там же,* с. 378).

Упоминание Константином Багрянородным «эксусиократора Алании» и «архонта Ассии» некоторые исследователи трактуют как наличие «наряду с чисто официально-государственным титулом эксусиократора Алании», понятия *архонт*, «целиком связанного с родовым строем», – «старейшина асов» (*Кузнецов* 1971, с. 233). Возражая против данной трактовки, М.В. Бибиков отметил и другие значения титула «архонт»: им обозначались феодалы и чиновники Византии, чужеземные правите-

ли. Кекавмен включил «архонтов в трехчленную стратификацию общества, в которой после *царей* фигурируют *архонты*». Термин употреблялся и как синоним понятия «богатый» (*Бибиков* 1999, с. 290–291).

В античный период титул *архонт* имел несколько значений; он использовался и для обозначения верховных правителей. В частности, известный Левкон в источниках представлен как «архонт Боспора и Феодосии» /тогда как глава синдов Гекатей назван царем/. Проблема перевода разбираемого греческого термина сложна. С.Р. Тохтасьев, анализируя его содержание «в применении к представителю государственной власти», подчеркнул: «На самом деле мы имеем дело с вопросом перевода, а не интерпретации». В ряде случаев буквальный перевод как «правящий» или «правитель» не совсем адекватен содержанию термина. Древняя славянская калька – *начальник*, помимо прочего, ассоциируется с совсем другими реалиями. Обычное в научной литературе *архонт* нехорошо лишь тем, что вызывает нежелательные ассоциации с полисной магистратурой: боспорский и, скажем, афинский *архонты* имеют друг с другом мало общего». С другой стороны, в ряде случаев этим же термином назван «предводитель /прежде всего военный/» того или иного социума» (*Тохтасьев* 2004, с. 149–151, 174–176).

Багрянородный неоднократно использует термин «архонт» для обозначения людей либо разного социального статуса, либо выделявшихся своим богатством. Так, он упоминает «архонтов турок /мадьяр/», «архонта Росии», «архонта Булгарии». В рассказе о Далмации подчеркнуто: «Архонтов... эти народы не имели, кроме старцев-жупанов /старейшины рода или племени/». Император Василий «поставил для них архонтов, которых они сами выбирали из рода, почитаемого и любимого ими». Собственного архонта имели т.н. «белые хорваты»; часть хорватов, пришедших в Далмацию, имела «самовластного архонта». С разрешения императора Ираклия часть хорватов осела в «стране аваров», они «имели в то время в качестве архонта отца некоего Порга». Позднее у хорватов были архонты Терпимер, Красимер и т.д. В Сербии власть передавалась от отца к сыну и т.д. – т.е. власть принадлежала членам одного рода. После «смерти архонта Властимира власть над Сербией унаследовали три его сына – Муниемир, Строимир и Гоиник, поделившие страну». У печенегов, делившихся на восемь фем, каждой из них управляли «великие архонты», передававшие власть не своим прямым потомкам, а двоюродным братьям, либо детям последних. Такой порядок наследования власти выработался для того, «чтобы достоинство не оставалось постоянно в одной ветви рода, но чтобы честь наследовали и получали также и родичи по боковой линии. Из постороннего же рода никто не вторгается и не становится архонтом». Восемь фем подразделялись, в свою очередь, на сорок частей, «и они имеют архонтов более низкого порядка». О разном значении разбираемого термина даже в пределах одного социума свидетельствует и сюжет из описания Древней Руси. В частности, в рассказе о полюдье сказано: «Когда наступит ноябрь, тот-

час их архонты выходят со всеми росами из Киава и отправляются в полюдье». Комментаторы данного сюжета предположили «существование нескольких дружин с предводителями-архонтами... или нескольких архонтов в одной дружине». Интересна социальная история венгерских племен в передаче Багрянородного. К архаичному периоду отнесено повествование о первом воеводе мадьяр Леведии. Мадьяр /у Константина «турок»/ «было семь племен, но архонта над собой, своего или чужого, они никогда не имели: были же у них некие воеводы». В течение ряда лет «турки» Леведии воевали на стороне хазар. *Архонт* последних /чуть ниже названный также *хаганом*/ после полосы событий, в основном неблагоприятных для мадьяр, предложил Леведии титул «архонта». Тот отказался и в итоге архонтом был избран Арпад, сын воеводы Алпуца, «как более достойный, более желанный из-за его разума, рассудительности и мужества и способный к этой власти». Однако из дальнейшего текста становится ясным, что племена венгров не подчинялись «собственным [особым] архонтам... *каждый род* (курсив мой – *Ф.Г.*) имеет архонта». Архонтом назван и владетель Тарона – одной из областей Армении. Применительно к верховному правителю Армении используется титул «архонт архонтов», сопоставимый с древнеармянским титулом *ишханац ишхан* «князь князей». В.А. Арутюнова-Фиданян обратила внимание на следующее обстоятельство: «В нашем памятнике титул архонта архонтов прилагается исключительно к Багратидам – Ашоту I /885–890 гг./, его сыну Смбату I /890–913 гг./ и сыну Смбата Ашоту II Железному /914–929 г./, т.е. употребляется как титул Багратидов вообще. Впрочем, Аббаса I /929–953 гг./, второго сына Смбата I, Константин именует только магистром» (*Константин Багрянородный* 1989, с. 45, 51, 113–115, 131–133, 137, 143, 155, 161, 167, 177, 179, 187, 329 примеч. 64, 364 примеч. 17–18, 407 примеч. 12).

В словаре H.J. Mason «архонт» обозначен как эквивалент лат. «princeps», «first magistrate» *первый /в Сенате/*. Этим же термином обозначалась воинская должность и выборная должность в провинциях. Более широкое значение имел термин «архо»: наиболее часто он приравнивался к латин. *magistratus* «должностное лицо», мог получить значение *consul*; использовался в значении *provincial governors of all ranks* или *rulers, independent authority* «независимая власть» и «*equestrian commanders*» «командир всадников» (*Mason* 1974. P. 110–113).

Как видно, в X–XI вв. византийский термин «архонт» обозначал знатных персон, занимавших высокую должность /глава провинции, воинского подразделения, административного учреждения/, не имевших должностей богачей, а также чужеземных правителей /болгарских царей, русских князей, вождей кочевников и т.п./ (*там же* с. 291, примеч. 10).

На территории «архонта Ассии» в VI–IX вв. существовал аланский ЭСО, в дагестанской хронике «Дербент-наме» именуемый «страной Ирхан» (*Гадло* 1984а, с. 118–138). Специалисты единодушно видят в эксусиократоре царя Алании; в «архонте» же М.В. Бибиков видит аланского

владельца (*Бибиков* 1982, с. 143). Отношения эксусиократора Алании и архонта Ирхана напоминают отношения великого князя и местных князей Киевской Руси X в. Причем, эксусиократор Алании и великий князь киевский (*Новосельцев* 1986, с. 40) – это еще не самодержавные монархи, а государи, правившие в согласии с элитой своих обществ.

Таким образом, существующие источники об Алании и каганате IX–X вв. позволяют говорить о них как о раннеклассовых обществах. В каждом из них имелись классы-сословия, аппарат управления; прибавочный продукт у общинников изымался посредством даней, налогов, «даров» и т.д. Следов ренты обнаружить не удается. Некоторые советские историки данные этнополитические образования относили к раннефеодальным государствам, как представляется, только потому, что они уже не являлись родовыми и в то же время не были рабовладельческими.

Примечания

1. Вероятно из перс. *sahr*; в среднеперсидском и раннем новоперсидском – «страна», позже – «город» (*Новосельцев* 2000, с. 363 примеч. 23, 384 примеч. 28). В значении «город» распространено в языках народов Кавказа: *saxar* у осетин, балкарцев и карачаевцев, *sahar* у аварцев и андийцев, *sahur* у агулов и табасаранцев, *saẖar* у чеченцев и ингушей, *seẖar* у кабардинцев и т.д. Персидское *sahr* восходит к древнеиранскому *xsatra* «власть», «царство» и, стало быть, этимологически идентично осетинскому *ᵃhsar* «доблесть», хотя «значения, как видим, сильно разошлись». Более того, в осетинском и два других термина со значением «город» – *kalak, gorat* – являются заимствованными. «Исконно осетинским названием для поселений, больших или малых, было *qau/gaw*» (*Абаев* 1979, с. 49). В свою очередь, *qau/gaw* восходит к *gava-* или *gavya-* с исходным значением «скот», «скотоводческое стойбище». Следовательно, термин унаследован от кочевого быта, когда «селение» было равнозначно временному кочевому стойбищу. К этой же эпохе восходят слова *caryn* «жить» /«кочевать»/, *fysym* «хозяин, принимающий гостя» /«хозяин скота»/. «Такое семантическое единство терминов, согласно указывающих на древний кочевой быт, весьма показательно». Среди индоиранских соответствий отметим: **др.-инд.** *gavya* «содержащий скот», «стадо крупного рогатого скота»; **хинди** *ganv* «селение»; **ав.** *gav/a/* «поселение»; **др.-перс.** *gau-pati-* «глава поселения», «администратор» /(= ос. *qawyxicaw*), **пехл.** *gopat* «титул согдийского князя» (*Абаев* 1973, с. 299-300).

2. Использование арабской терминологии в отношении дружинников социумов Юго-Восточной Европы и Кавказа, напомним, во многом условно. Русская калька с некоторых арабских слов, употреблявшихся для градации дружинников, не всегда адекватно передает их специфику. В таких случаях, вероятно, целесообразнее оставлять термин без перевода. Так, перевод А.П. Ковалевского термина *гулям* русским «отрок» оспорен О.Б. Большаковым. У славян отроки как члены дружины были свободными, тогда как гулямы – рабами или вольноотпущенниками. Отроки относились к младшим дружинникам, а гулямы нередко становились даже полководцами (*Большаков* 2000, с. 54).

3. Такая карта не сохранилась, но А.П. Новосельцев не исключал, что она

была. Несколько древнейших мусульманских карт приложены к «старейшей рукописи Ибн-Хаукаля /рукопись XI в. отделена от оригинала сотней лет/». В самом начале его труда дана карта мира с разделом Восточной Европы. На ней обозначено Черное море. К северо-западу от него фигурируют славяне, булгары, печенеги, Серир. На север от славян расположены русы, и на северо-восток от последних – буртасы и хазары. В комментарии к карте сказано: «Страна ар-Рум /Византия/, и в нее входят пределы славян, а вблизи них расположены /страны/ русов, ас-Серир, ал-алан, ал-Армин /Армения/ и другие христианские /страны/» (*Новосельцев* 2000, с. 389, прим. 51).

4. Представления о сакральности «царской» власти присущи многим социумам на определенной ступени развития. По наблюдениям М. Блока, сакральный характер власти был более выражен в тех обществах, у которых правитель исполнял и функции жреца. В частности, у скифов «царь» совмещал две функции – мирской власти и высшего, божественного знания (*Раевский* 1974, с. 161–164). Благополучие «царя» и состояние коллектива воспринимались как две стороны одного явления, связанные отношениями причинности.

5. Убежденность исполнителей /любого народа мира/ в исторической достоверности фольклорных сюжетов отмечалась всеми собирателями (*Азбелев* 1982. с. 23).

6. Позднее в Иране *шахами* называли правителей отдельных областей. Иногда в стране насчитывалось более десятка шахов. Традиция использовать термин *шах* в сочетании с именем правителя Ирана пошла от шаха Исмаила. По традиции, в литературе на русском языке это слово пишут со строчной буквы, что неточно. «Дело в том, что Шах – это часть имени Сефевидских правителей. Кроме того, оно не было названием их сана». Интересна еще одна деталь. По существовавшей традиции, иранцы-шииты всех потомков Али и Фатимы называли шахами. По мусульманской геральдике все потомки имеют равное право на титул своего предка. Следует отметить также, что у тюрков титул носили в конце имени, а у арабов – в начале (*Гафуров* 1987, с. 77–79). Что касается титула *сахиб*, то он переводится как «господин», «обладатель» (*там же*, с. 189).

7. В Египте термин *малик* в качестве составной части титулов *малик ал-аскакир* и *малик ал-джуйуш*, которые применялись в отношении высших слоев военной администрации и переводились как «князь войск» или «повелитель войск» (*Гафуров* 1987, с. 84).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение общественного строя народов Северного Кавказа в античный и средневековый период до сих пор остается одной из важнейших задач как отечественных, так и зарубежных ученых. Определение специфики механизмов политогенеза, классообразования, формирования государства и генезиса феодализма у горских народов – вот далеко не полный набор проблем, решить которые еще предстоит. Между тем, более 40 лет назад советские исследователи /В.К. Гарданов, Е.Н. Кушева и др./ отметили особую актуальность кавказского материала, чрезвычайно важного для реконструкции в целом процесса становления феодализма. Данная работа является авторской версией решения части названных проблем, а именно: политогенеза и классообразования этносов Северного Кавказа в I тысячелетии н.э.

Материалы первых веков н.э. показывают, что отдельные социумы региона находились на стадии развития, прежде обозначаемой понятием «военная демократия». На наш взгляд, для оценки общественного строя горских народов той поры более точным следует признать определение «военно-иерархическая структура».

В период великого переселения народов существенно расширился круг источников о социальной структуре этносов Северного Кавказа, в первую очередь – об аланах и гуннах. Последние в источниках начального периода ВПН предстают как типичные кочевники, не знавшие «над собой строгой царской власти»; наиболее важные вопросы решали сообща, «сидя на конях». Во всех остальных случаях они довольствовались «руководством наспех назначенных» *primates* /Аммиан Марцеллин/ из числа самых знатных членов племени, выделявшихся своим богатством и положением. В первой половине V в. у гуннов все еще много «вождей по племенам и родам».

В начале VI в. савирами правила могущественная Боарикс – «вдова, под властью которой находилось сто тысяч гуннов», союзница Византии. Стоило шаху Каваду склонить на свою сторону «двух царей других гуннских племен», как Боарикс одного из них убила в сражении, а другого пленила и отправила в Константинополь. И в данном случае у гуннов

было несколько «царей» – скорее всего вождей отдельных племен и конфедераций.

История с Боа свидетельствует о тенденции к установлению наследственной верховной власти у гуннов. 20-тысячный отряд союзных персам гуннов имел, по меньшей мере, двух вождей – Блома и Тиранкса. Каждый из них, видимо, возглавлял свой отряд. Вполне вероятно наличие в войске кочевников подразделений разной величины. Так, Агафий в описании кампании 556 г. ирано-византийской войны отметил отряд численностью «около пятисот савиров»; причем они действовали автономно (*Агафий* 1953, с. 117).

Источники указывают на существование у вождей гуннов личных дружин. Тот же Агафий отметил союзников римлян из числа савиров – «около двух тысяч *тяжело вооруженных*, которыми предводительствовали Балмах, Кутилзис и Илагер, *знаменитейшие* (курсив мой – *Ф.Г.*) у них люди» (*там же*, с. 88). Как видно из данного сюжета, савиры для войны в Закавказье использовали относительно небольшие отряды тяжеловооруженных всадников, которые возглавляли опытные и «знаменитейшие» военачальники (*там же*, с. 90).

О различных слоях военной аристократии у алан свидетельствует разнообразная социальная терминология, применявшаяся древнеармянскими и древнегрузинскими авторами: «бумберазы», «голиафы», «всадники, одетые в панцири и железные шлемы», «избранные», «знатные» и «тяжеловооруженные всадники». Нередки сообщения о «царях» алан, за которыми скорее всего скрывались военные вожди, главы племен и союзов племен. Упоминаются также «князья, главы народов и племен, все их подвластные и множество слуг».

На примере «осов» местности Ардоз /Владикавказской равнины/ начала н.э. и периода ВПН видна разница в общественном устройстве алан. Если в начале н.э. они состояли из отдельных племен, то к середине I тысячелетия аланы стали относительно консолидированной общностью, во главе с «царем» /*сар-и-осаг* «глава осов», скорее всего вождь одной из конфедераций алан/. Поэтому главу местных алан армянские источники ставят в один ряд с собственным царем, царями абхазов, грузин, и выше «начальников своих, князей и властителей народов».

Очевидно, к этому времени у алан на основе родного языка возникло несколько социальных терминов. В числе таковых – *afsin* «хозяйка», «госпожа». В эпосе осетин так называлась самая уважаемая из нартовских женщин – Шатана, жена главы нартов Урызмага. Имя последнего Г. Бейли выводил от *ava-rasmaka* «господин». В поисках этимологии *afsin* В.И. Абаев остановился на одноименном титуле среднеазиатских правителей Усрушана /последний *al-Afsin* – Хайдар, умер в 841 г./ и Согда /например, Гурек – «ихшид Согда, *афшин* Самарканда» в 737/8 г. заключил договор с арабским военачальником Муслимом/. Здесь явно выступает нарицательное значение слова *afsin* «правитель». По убеждению лингвистов, весьма возможно, что данный термин «восходит к массагетскому матри-

архату и первоначально служил наименованием массагетских правительниц типа знаменитой Томирис» (*Абаев* 1958, с. 110–111; *Frye* 1998, P. 81). Версии о социальном значении термина *afsin* придерживается Р. Бильмайер (*Bielmeier* 1993, S. 7–8, 13–14).

Древнегрузинские и древнеармянские памятники в отношении элиты военной аристократии алан применяли аланский термин *багатар*. Следующий слой военной знати алан обозначался одним из ранних полувоенных-полусословных терминов – *алдар*. Он восходит к периоду военной иерархии и первоначально имел значение «военный предводитель». Л. Згуста в надписях Пантикапея, Боспора и Танаиса отметил весьма часто встречаемое имя *Ардарос*. По его мнению, имя *Ардар* «очень хорошо объяснил» В.Ф. Миллер, исходивший из осетинского *aldar* «старший», «глава», «князь» (*Zgusta* 1959, S. 68–69). Это слово в качестве антропонима встречалось и в форме *Ардарос*, образованной от *арм* «рука» + *дарын* «держать», в итоге «рукодержец» (*Козырева* 1976, с. 238). Р. Фрай, ссылаясь на неопубликованные материалы Э. Ртвеладзе, обратил внимание на слово *aldar* в значении «вождь» на гемме из Центральной Азии (*Frye* 1998, P. 81). Интересно, что в венгерском заимствованный у алан термин получил значение «начальник охраны»; что «ясно указывает на военное происхождение этого слова, получившего впоследствии широкую социальную значимость». В калмыцком имеем полное совпадение значения *aldar* «господин», а в монгольских языках – «слава» (*Абаев* 1958, с. 126–127).

В осетинском эпосе функции военных вождей фольклорная традиция приписывает роду Ахсартаггатов. Имя родоначальника, Ахсар, означает «силу», «храбрость», «героизм»; в осетинском языке представляет собой закономерное фонетическое развитие индоиранского *ksathra* «мощь», «принцип военной функции» (*Дюмезиль* 1976, с. 168; 1986, с. 34–35).

Возможно, хотя и не обязательно, что уже в тот период у алан появился термин *хитатаг* – «простой», «незнатный». По мнению лингвистов, это слово заимствовано из славян. *kumet/i/* – «с наращением обычного форманта *-ag*». Сравни с древнерусским *къмет* – «крестьянин», «воин», «ратник» (*Абаев* 1995, с. 315).

В отношении глав социумов гуннов и алан авторы эпохи ВПН употребляют термин *rex*; в носителях этого титула следует усматривать вождей /«мирных» и «военных»/, но не «царей» в непосредственном значении термина. Общественный строй алан и гуннов эпохи ВПН наиболее точно отражает понятие *чифдом*.

Среди социумов Северо-Восточного Кавказа начала второй половины I тысячелетия особое место занимали Ширван и Дербент. Между ними вынужден был лавировать правитель Табасарана. Своего правителя /малика/ имела страна лезгин. Одним из значительных обществ Дагестана рассматриваемого периода являлся Серир. Его название С.Т. Еремян выводит от *sar* «гора» и сопоставляет с грузинским *мтиулети* – «страна гор» или «горная страна».

Как полагают некоторые дагестанские ученые, в период ирано-ви-

зантийских войн Серир объединял территорию с разноязычным населением. Данное обстоятельство, несколько неожиданно, послужило поводом для вывода: «Это – полиэтническое *государство* (курсив мой – *Ф.Г.*), объединявшее в себе ряд обществ, стоящих на различных ступенях развития». Вызывает возражение и следующее утверждение: «Созданию такой значительной *государственной* территории, возможно, способствовало распространение *феодальной дани* (курсив мой – *Ф.Г.*) и повинностей в пользу верховной власти, о которой упоминают авторы VI в.» (*Атаев* 1989, с. 13).

Ссылка на «авторов» VI в. некорректна, т.к. речь идет об авторах, писавших о событиях VI в., но живших в IX в. и позднее. Непонятно сочетание терминов *феодальная дань*, как неясно и понимание автором *феодализма* как стадии социального развития. Перечисленное оставляет дискуссионными /если не сомнительными/ выводы ученого о феодальном устройстве Серира.

Группа кавказоведов осторожно подходит к сообщениям источников о «царях» горских обществ IV–V вв. В упоминаемом Елише «царе леков» Шергире исследователи видят правителя «сравнительно большой территории», в то время как 11 «царей» горских, выступивших против Ирана, рассматриваются как вожди «отдельных племен или их союзов» (*Гаджиев, Давудов, Шихсаидов* 1996, с. 177).

Вторая половина I тысячелетия отмечена переменами у адыгских племен. В это время на черноморском побережье сооружаются укрепленные городища и крепости. Археологический материал с территории Туапсе и Сочи свидетельствует о существовании у местного населения мотыжного и плужного земледелия. Из ремесел особое развитие получило керамическое производство. О его масштабах можно судить по обломкам керамики, буквально устилавших, по словам Ю. Воронова, почву на поселениях и склонах вокруг них, а также входивших в состав сопровождающего инвентаря погребений. О немалом количестве гончарных мастерских свидетельствуют обнаруженные в большом количестве керамические шлаки. Местные мастера освоили производство кирпича и черепицы.

Нашествие гуннов существенно перекроило этнополитическую карту Северного Кавказа. Единичные памятники V–VI вв. (Елизаветинский 2-й, Пашковский 1-й могильники), связываемые с меотами, говорят о возвращении незначительной части протоадыгского этноса. Это, вероятно, стало возможным в условиях относительной стабилизации обстановки после первых гуннских погромов. Положение адыгских племен усугубило появление на черноморском побережье Тамани готов, вытеснивших оттуда керкетов. В результате к середине I тысячелетия политическая роль меотских племен на Северо-Западном Кавказе была подорвана настолько, что их этническое название практически исчезло из источников того времени (*История народов Северного Кавказа* 1988, с. 95).

Великое переселение народов скорректировало локализацию аланских племен. Из степных районов они отступили на юг, преимущественно на правобережье Терека и в верховья Кубани.

На рубеже 40–50-х гг. VI в. социальный переворот произошел у западных алан; в результате старая родоплеменная знать («соцарствующие» архонты) была отстранена от управления. Византийские источники неоднократно упоминают независимого правителя («главу», «повелителя») Саросия.

Сплошной анализ аланских памятников Центрального Кавказа привел Д.С. Коробова к заключению о социальной неоднородности «аланского общества на протяжении IV–IX вв.». На материале погребальных комплексов археолог выделил две основные неравноценные группы мужского населения. Первую составляют погребения с богатым сопровождающим инвентарем: предметами вооружения, конским снаряжением, бронзовыми котлами, стеклянными сосудами и др. Вслед за Г.Е. Афанасьевым, Д.С. Коробов эти погребения относит к рангу *алдаров* – военачальников, «знатных воинов». Большинство остальных мужских погребений выглядят достаточно однородно и составляют группу, относимую к *афсад* «войско».

Укрепление позиций военной аристократии в аланском обществе VIII в. привело к возникновению дружинного культа. Показателем этого служат амулеты в виде коня и всадника – скорее всего символы «царской дружины – аланской гвардии». Они составляют примерно 15% всех найденных в северокавказских древностях амулетов и встречены в 10% комплексов, содержавших таковые (*Ковалевская* 1978, с. 117–120).

В конце VII в. острый конфликт потряс союз гуннских племен. Глава военной аристократии Алп-Илитвер во главе своих сторонников вышел из повиновения жрецам, лишил их приношений и жертв; а затем «жрецов и главных кудесников» и вовсе заключил в оковы и предал суду.

В отношении Алп-Илитвера Мовсес Каганкатваци употребляет разнообразные термины: «полководец и великий князь гуннов», «каган», «великий князь», «высокопрестольный князь». Его власть распространялась по существу на все сферы жизни гуннов. «Великий князь» начинал войну и нередко сам возглавлял войска, вел переговоры и заключал союзы с правителями других обществ. В его руках сосредоточились полномочия верховного суда и карающие функции (*Гадло* 1979, с. 144–146; *Гмыря* 1988, с. 113–115; 1993, с. 288–292).

Острый конфликт между родовой /«князья страны»/ и военной аристократией /«тот, кто одерживал победы на войне»/ наблюдался в среде тюркской общности в 20-х гг. VII в. Конфликт разрешился компромиссом: глава военной аристократии /«хазар-тархан»/ сохранил свое положение, но верховная власть закрепилась за сакрализованным родом Ашина, представителя которого около 630 г. провозгласили каганом хазар (*Гадло* 1984, с. 20–21).

А.П. Новосельцев высказал предположение об усилении политического объединения хазар и его постепенном выдвижении на первый план в Восточном Предкавказье в 90-х гг. VI в. Уже тогда правитель хазар носил титул «малик», хотя он в какой-то мере все еще признавал верхов-

ную власть Тюркского каганата, глава которого носил громкий титул *великий хакан* (*Новосельцев* 1990, с. 86–87).

В материалах т.н. «еврейско-хазарской переписки» говорится, что до реформ Булана в начале VII в. «не было царя в стране Казарии», а «того, кто мог бы одерживать победы, они ставили над собой главнокомандующим войска». Здесь ясно говорится, что избирался именно *главнокомандующий войска*. Об этом же свидетельствует еще один сюжет. Спустя некоторое время «один еврей одержал победу своим мечом и обратил в бегство врагов, выступивших против хазар. И *поставили* его люди казарские над собой главнокомандующим войска в соответствии с *древним обычаем* (курсив мой – *Ф.Г.*)» (*Глоб, Прицак* 1997, с. 138).

А.В. Гадло, опираясь на перевод П.К. Коковцова, полагал, что речь идет о «главе *страны*», избираемом из числа военной элиты. Причем, источник эту социальную категорию резко отличает от «князей», т.е. от «родовой аристократии, которую византийские авторы, когда речь идет о степи, именуют обычно архонтами, а армянские – нахарарами». Роль «князей» в хазарском обществе того периода оставалась высокой. Власть военачальника фактически ограничивалась вопросами военной организации союза общин и контролировалась «князьями» (*Гадло* 1985, с. 23).

В Оногуро-Булгарской конфедерации один из аристократов, Кубрат, с помощью Византии расправился с проаварской группировкой и попытался, правда не совсем удачно, закрепить руководство конфедерацией за своим родом (*там же*, с. 27).

У мадьяр еще в начале IX в. «было семь племен, но архонта над собой, своего ли или чужого, они никогда не имели; были же у них некие воеводы». В 30-е гг. IX в. «первым из вышеназванных» стал Леведия. Полагают, что между 840 и 880 гг. он стал сакральным главой союза мадьярских племен, попавших под власть хазар. В передаче Константина Багрянородного, каган предложил Леведии: «Ты благороден, разумен, известен мужеством и первый среди» мадьяр, стань «архонтом своего народа и чтобы ты повиновался слову и велению нашему». Однако Леведия отказался: «Есть, впрочем, иной, помимо меня, воевода, называемый Алмуц и имеющий сына по имени Арпад». Мадьяры «предпочли, чтобы архонтом скорее оказался Арпад, чем отец его Алмуц, как более достойный, более желанный из-за его разума, рассудительности и мужества и способный к такой власти. Его-то и сделали архонтом ... До этого Арпада турки (мадьяры – *Ф.Г.*) никогда не имели другого архонта, и с тех пор и до сего дня они выдвигают архонта Туркии из этого рода» (*Константин Багрянородный* 1989, с. 159–161).

Таким образом, на всем Северном Кавказе события развивались почти по одному сценарию. Новая, военная по происхождению, аристократия стремилась к усилению и захвату власти в конфедерации. В борьбе со старой родоплеменной знатью она опиралась на силу мировых религий и помощь соседних стран с развитой классовой структурой.

Существенной статьей доходов северокавказских «царей» и вождей

являлись торговые пошлины. Коммуникации алан и хазар, как неоднократно отмечалось в литературе, являлись важными звеньями ВШП. Следить за громадными территориями, иногда с полиэтничным населением, даже при эффективной налоговой службе проще, контролируя транзитные пути международной торговли. Этот «секрет» знали и ахемениды, и сасаниды, и Александр Македонский, и славяне, и аланы, и хазары. Главы фактически всех территорий, через которые проходили важные торговые магистрали, были заинтересованы в безопасной проводке караванов по контролируемой ими земле. В свою очередь, купцы всячески задабривали местных владык, помимо уплаты пошлин, вероятно, преподносили им «сувениры».

Заниматься торговлей на столь опасных путях, в столь неспокойное время могли лишь отчаянно смелые люди, способные обеспечить собственную безопасность и сохранность грузов. Не удивительно, что купцы, как правило, либо находились под патронажем вождей и «царей», либо состояли из их ближайшего окружения.

Купец эпохи средневековья, в том числе и на Северном Кавказе – это путешественник, странник, некое подобие Одиссея. По меткой характеристике Л. Февра, купец той поры – «открыватель» товаров, «изобретатель» в мире торговли, человек стремительных решений, исключительной физической и духовной энергии. Итоговый портрет негоцианта средневековья: «Купец по сути своей – *воин* (курсив мой – *Ф.Г.*)» (*Февр* 2000, с. 37–39).

Торговля являлась одним из факторов урбанизации социумов Северного Кавказа. Административные центры постепенно становились не только местом пребывания первых «царей» и их дружин, но и пунктами обмена и торговли. Некоторые из таких административных центров, расположенных на особенно важных торговых магистралях, быстро вырастали в раннесредневековые города.

Обобщая имеющийся материал о раннесредневековых северокавказских городах, отметим, что их формирование связано не столько с генезисом феодализма, сколько с развитием поселений в административные, социально-экономические и идеологические центры. Если исходить не из этимологического значения слова *город* («огороженное место»), то отнюдь не всякое даже крупное раннесредневековое поселение можно считать городом. Таковыми были резиденции правителей и их дружин, просто купеческие фактории на больших торговых путях (*Новосельцев* 1991, с. 11).

В IX–X веках в Алании, Хазарии и ряде социумов Дагестана сформировались раннеклассовые общества. В каждом из них имелись классы-сословия, аппарат управления; прибавочный продукт у общинников изымался посредством даней, налогов, «даров» и т.д. Следов ренты обнаружить не удается. Некоторые советские историки данные этнополитические образования относили к раннефеодальным государствам, как представляется, только потому, что они уже не являлись родовыми и в то же время не были рабовладельческими.

БИБЛИОГРАФИЯ

Архив КБНИИ – Архив Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института.

Архив СОИГСИ – Архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований.

ЦГАДА – Центральный государственный архив древних актов.

ЦГА РСО–Алания – Центральный государственный архив РСО–Алания.

ЦГВИА – Центральный государственный военно-исторический архив.

ЦГИА – Центральный государственный исторический архив.

Абаев В.И. 1944. Вокруг Армазской билингвы // Сообщения АН Груз. ССР. Т. V. № 8.

Абаев В.И. 1949. ОЯФ – Осетинский язык и фольклор. I. М. –Л.

Абаев В.И. 1958. ИЭСОЯ – Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.–Л.; 1973. Т.II. Л.; 1979.Т. III. Л.; 1989. Т. IV. М.

Абаев В.И. 1965. Скифо-европейские изоглоссы. М.

Абаев В.И. 1968. Осетинский социальный термин *Алдар* // Изв. СОНИИ. Т. XXVII.

Абаев В.И. 1982. Нартовский эпос осетин. Цхинвали.

Абаев В.И. 1990, 1995. Избранные труды. Т. I, II. Владикавказ.

Абаев В.И., Кулланда С. Историческое ядро сказаний о короле Артуре // Архив СОИГСИ, ф. Абаева В.И., оп. 1, д. 9.

Абдуллаев К.А. 1998. Номады в искусстве эллинистической Бактрии // ВДИ. № 1.

Абегян М. 1948. История древнеармянской литературы. Ереван.

Абетеков А.К. 1978. О погребении собаки в усуньском кургане в Чуйской долине // КСИА. Вып. 154.

Абрамова М.П. 1993. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М.

Абрамова М.П. 1997. Ранние аланы Северного Кавказа III–V вв. М.

Абрамова М.П. 2002. Пути формирования новых этнических группи-

ровок на Северном Кавказе в первые века н.э. // XXII Крупновские чтения. Ессентуки – Кисловодск.

Абрамова М.П., Красильников К.И., Пятых Г.Г. 2001. Курганы Нижнего Сулака /МИАР № 4/. М.

Абрамович Г.В. 1981. К вопросу о критериях раннего феодализма на Руси и стадиальности его перехода в развитой феодализм // ИСССР. №2.

Агафий Миринейский 1950. История / Пер. с греч. М.В. Левченко // ВВ. Т. III.

Агафий 1953. О царствовании Юстиниана / Пер., статья и примеч. М.В. Левченко. М.–Л.

Агларов М.А. 1988. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVIII – начале XIX вв. М.

Агрба И.Ш. 1988. Константин Багрянородный и некоторые вопросы истории Абхазского царства (конец VIII – начала X в.) // Вестник МГУ. № 5.

Адонц Н. 1971. Армения в эпоху Юстиниана. 2-е изд. Ереван.

Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / Сост. и комм. В.К. Гарданова. Нальчик, 1974.

Азбелев С.Н. 1982. Историзм былин и специфика фольклора. Л.

АИСК. 1990. – Античные источники о Северном Кавказе / Сост. В.М. Аталиков. Нальчик.

Акишев А.К. 1978. Идеология саков Семиречья // КСИА. Вып. 154.

АКАК 1869. – Акты кавказской археографической комиссии. Т. III. Тифлис.

Ал-Куфи 1981. Книга о завоеваниях / Пер. З.М. Буниятова. Баку.

Алаев Л.Б. 1987. Формационные черты феодализма на Востоке // НАА. № 3.

Аланика 1999, 2000. – Аланика. Сведения греко-латинских, византийских, древнерусских и восточных источников об аланах-ясах / Сост. и комм. Ю.С. Гаглойти // Дарьял. № 1–4.

Алано-Георгика. 1992, 1993. – Алано-Георгика. Сведения грузинских источников об Осетии и осетинах / Сост., введ. и комм. Ю.С. Гаглойти // Дарьял. № 1–4.

Албегова З.Х. 2000. Этапы развития аланской религии в V–IX вв. // XXI Крупновские чтения. Кисловодск.

Алексеев В.В. 1983. Энергетический фактор в историческом процессе // Методологические и философские проблемы истории. Новосибирск.

Алексеев Ю.Г. 1966. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв. М.–Л.

Алексеева Е.П. 1971. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М.

Алемань А. 2003. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М.

Алиев И.Г., Асланов Г.М. 1975. К вопросу о проникновении на территорию Азербайджана племен сармато-аланского круга в первые века нашего летоисчисления // МАДИСО. Т. III. Орджоникидзе.

Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. 1970. Из истории средневекового Дагестана. Махачкала.

Алимова Б.М., Сефербеков Р.И. 2001. Известия средневековых армянских и арабских авторов о табасаранцах // Северный Кавказ: геополитика, история, культура. М. – Ставрополь.

Алкадари Г. 1929. Асари-Дагестан (Исторические сведения о Дагестане) / Пер. и примеч. А.-Г. Гасанова. Махачкала.

Аммиан Марцеллин 1994. Римская история / Вступ. статья и ред. текста Л.Ю. Лукомского, комм. Ю. Кулаковского. СПб.

Аржанцева И.А., Деопик Д.В. 1990. Зильгинское городище в Северной Осетии. Исследования последних лет // XXV Крупновские чтения. Ставрополь.

Аржанцева и др. 2004. – Аржанцева И.А., Сычев А.А., Бронникова М.А., Турова И.В., Кац М.Я., Модин И.Н. Комплексные исследования аланской крепости Горное Эхо и ее окрестностей // Древний Кавказ: ретроспекция культур (XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа). М.

Армянские... 1985. – Армянские источники об аланах / Сост. и комм. Р.А. Габриелян. Вып. I, II. Ереван.

Арриан Флавий 2001. Диспозиция против аланов / Вст. статья, перев. с древнегреч. и комм. С.М. Перевалова // ВДИ. №1.

Артамонов М.И. 1962. История хазар. Л.

Атабиев Б.Х. 1996. Некоторые итоги раскопок Зарагижского второго катакомбного могильника // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа. (XIX Крупновские чтения). М.

Атаев М.М. 1989. «Царство» Сарир (из истории военной организации) // Государства и государственные учреждения в дореволюционном Дагестане. Махачкала.

Афанасьев Г.Е. 1987. Население лесостепной зоны бассейна среднего Дона в VIII–X вв. М.

Афанасьев Г.Е. 1993. Донские аланы. М.

Афанасьев Г.Е. 1996. Маяцкий могильник в системе салтовской погребальной обрядности. К проблеме информативности параметрических характеристик // Компьютеры в археологии. М.

Афанасьев Г.Е., Рунич А.П. 2001. Мокрая Балка. Вып. 1. Дневник раскопок. М.

Ахмадов Я.З. 1979. О характере движения в Чечне в 1758–1759 гг. // Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период. Грозный.

Ахмедов Ш.М. 1969. Земельные отношения в Дагестане в V–XI вв. // Уч. зап. Даг. НИИ. Т. 19. Кн. II.

Ахмедов Ш.М. 1975. К вопросу о становлении феодальных отношений в Дагестане // Вопросы истории Дагестана. Вып. III. Махачкала.

Баденков Ю.П., Транин А.А. 1996. Европейская горная политика. Аналитический обзор. М.

Баденков Ю.П., Транин А.А. 1997. Горные территории: социально-экономические, экологические и правовые проблемы (на примере Республики Северная Осетия–Алания) // Государство и право. № 12.

Байер Х.-Ф. 2001. История крымских готов. Екатеринбург.

Бакиханов А.-К. 1926. Гюлистан-Ирам. Баку.

Балабанова М.А. 2000. Демография поздних сарматов // НАВ. Вып. 3.

Балабанова М.А. 2001. Социальная реконструкция поздних сарматов на основе анализа патологии, демографии и краниологии // Третья Кубанская археологическая конференция. Краснодар – Анапа.

Балабанова М.А 2002. Происхождение позднесарматской культуры по данным антропологии // VIII Донская международная археологическая конференция. Ростов-на-Дону.

Балабанова М.А. 2002а. Антропология сарматских погребальных комплексов // НАВ. Вып. 5.

Баладзори. 1927. Книга завоевания стран / Пер. с араб. П.К. Жузе. Баку.

Бартольд В.В. 1963. Новое мусульманское известие о русских // Соч. Т. II. Ч. I.

Батиева Е.Ф. 2002. Поражения суставов у населения Нижнего Поволжья в сарматское время // VIII Донская международная археологическая конференция. Ростов-на-Дону.

Бгажба О. 1999. Рец.: Терехова Н.Н. и др. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М., 1998 // РА. № 1.

Безуглов С.И. 1998. Позднесарматский меч из ст. Камышевской // Проблемы археологии юго-восточной Европы. Ростов-на-Дону.

Бейлис В.М. 1963. Из истории Дагестана // ИЗ. Т. 73.

Бейлис В.М. 1984. Ал-Идриси (XII в.) о восточном Причерноморье и юго-восточной окраине русских земель // ДГТ СССР. 1982. М.

Бейлис В.М. 1986. Арабские авторы IX – первой половины X в. о государственности и племенном строе народов Европы // ДГТ СССР. 1985. М.

Бейлис В.М. 2000. Сообщение Халифы ибн Хаййата ал Усфури об арабо-хазарских войнах в VII – первой половине VIII в. // ДГВЕ. 1998. М.

Беленицкий А.М. 1978. Конь в культах и идеологических представлениях народов Средней Азии и евразийских степей в древности и раннем средневековье // КСИА. Вып. 154.

Белинский А.Б., Дударев С.Л., Харке Х. 2001. Об опыте социального

ранжирования мужских погребений предскифской эпохи могильника Клин-Яр III // ДА. № 3–4. Ростов-на-Дону.

Беляков П.Л. 1995. Раннее государство, предгосударство, протогосударство: игра в термины? // Ранние формы политической организации. М.

Бержe А. 1858. Краткий обзор горских племен Кавказа. Тифлис.

Бержe А. 1875. Кавказ в археологическом отношении // Зап. обл. арх. ком. Тифлис. Кн. I.

Берлизов Н.Е., Каминская И.В., Каминский В.Н. 1995. Сарматские памятники Восточного Закубанья // ИАА. М.–Армавир.

Бернар П., Абдуллаев К. 1997. Номады на границе Бактрии // РА. № 1.

Бибиков М.В. 1982. Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII–XIII вв.) // ДГТ СССР. 1980.

Бибиков М.В. 1999. Византийские источники по истории древней Руси и Кавказа. СПб.

Бларамберг И. 1992. Кавказская рукопись. Ставрополь.

Блиев М.М. 1999. Осетия, Кавказ: история и современность. Владикавказ.

Блиев М.М. 2001. Типология хозяйств и стадиальность социальных структур горцев Большого Кавказа // Тезисы докл. IV международной конференции «Устойчивое развитие горных территорий». М.

Блок М. 1998. Короли-чудотворцы. М.

Бойко И.А. 2001. Сравнительный анализ традиционной хозяйственной деятельности населения Карпат и гор Центральной Европы // IV конгресс этнографов и антропологов России. М.

Большаков О.Г. 2000. Уточнения к переводу «Записки» Ибн-Фадлана // ДГВЕ. 1998 г. М.

Ботяков Ю.М. 2001. К вопросу о статусе абреков на Кавказе // Среднеазиатско-кавказские (Лавровские) чтения. 1998–1999. М.

Ботяков М.В. 2001а. Бурка как атрибут абрека // Там же.

Бродель Ф. 1992. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Т. III. М.

Броневский С.М. 1823. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. 1, 2. М.

Броневский С. 1999. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Нальчик.

Бубенок О.Б. 1997. Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI – начало XIII вв.). Киев.

Бубенок О.Б. 2000. Народ *аланы* в этнических терминах мусульманских авторов XIII–XV вв. // Восточная Европа в древности и средневековье. Историческая память и формы ее воплощения. XII Пашутинские чтения. М.

Бубенок О.Б. 2002. Страна *Берсилия*: миф или реальность // Мнимые

реальности в античной и средневековой историографии. XIV Пашутинские чтения. М.

Буданова В.П. 1999. Готы в эпоху великого переселения народов. 2-е изд. СПб.

Буданова В.П. 2003. Матрица цивилизации Иордана // Восточная Европа в древности и средние века. Автор и его текст. XV Пашутинские чтения. М.

Бухарин М.Д. 2004. Великий шелковый путь в новейшей интерпретации // ВДИ. № 2.

Бэдли Д.Ф. 1940. Суровые горы Кавказа / Пер. с англ. А. Алаговой. // Архив СОИГСИ, ф. 4, д. 143.

Вавилов Н.И. 1936. Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий // Природа. № 2.

Ванеев З. 1935. Общество нартов // Изв. ЮОНИИК. Вып. II.

Васильев Л.С. 1968. Социальная структура и динамика древнекитайского общества // Проблемы истории докапиталистических обществ. М.

Васильев Л.С. 1982. Феномен власти-собственности // Типы общественных отношений на Востоке в средневековье. М.

Васильев Л.С. 1983. Проблема генезиса китайского государства. М.

Вернадский Г. 1996. Древняя Русь. Тверь.

Вернадский Г. 1996а. Киевская Русь. Тверь–М.

Видаль-Накэ П. 2001. Черные охотники. М.

Викинги 1996. – Викинги: набеги с севера / Пер. с англ. Л. Флорентьева. М.

Викторин В.М. 1999. Обычное право в истории кочевой жизни ногайцев // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. Ростов-на-Дону.

Виноградов В.Б. 1981. Генезис феодализма на Центральном Кавказе // ВИ. № 1.

Виноградов Ю.Г. 1994. Очерки военно-политической истории сарматов // ВДИ. № 2.

Власкин М.В. 2000. Раннесарматские погребения могильника Северо-Западный I // МИАД. Вып. I. Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону.

Война. 1994. – Война и мир в ранней истории человечества. Т. 1, 2. М.

Волкова Н.Г. 1972. Маджары // КЭС. Т. V. М.

Волкова Н.Г. 1973. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М.

Вольфрам Х. 2003. Готы. СПб.

Габриелян Р.А. 1989. Алано-армянские отношения (I–X вв.). Ереван.

Габуев Т. 1993. Погребение аланского воина // Эхо Кавказа. № 2.

Гаджиев В.Г. 1979. Сочинение И. Гербера... М.

Гаджиев В.Г. 1989. Шамхальство // Государства и государственные учреждения в дореволюционном Дагестане. Махачкала.

Гаджиев М.С. 1997. Между Европой и Азией. Из истории торговых связей Дагестана в албано-сарматский период. Махачкала.

Гаджиев М.С 2002. Древний город Дагестана. М.

Гаджиев М.С. 2003. Гемма-печать царя Албании Асвагена // ВДИ. №1.

Гаджиев М.С., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р. 1996. История Дагестана с древнейших времен до конца XV в. Махачкала.

Гаджиев М.С., Магомедов А.Р. 2001. Исследования в Дербенте // Археологические открытия 1999 года. М.

Гадло А.В. 1978. Князь Инал адыго-кабардинских родословных // Из истории феодальной России. Л.

Гадло А.В. 1979. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л.

Гадло А.В. 1983. Овсы и Овсети в «Жизнеописании Вахтанга Горгасала» // Среднеазиатско-кавказские чтения. Л.

Гадло А.В. 1984. Северный Кавказ в IV–X вв. М. Автореф. докт. дис.

Гадло А.В. 1984а. Страна Ихран (Ирхан) дагестанской хроники «Дербент-наме» // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. Орджоникидзе.

Гадло А.В. 1985. Отражение социальной борьбы внутри хазарского племенного объединения в VII в. в памятниках «еврейско-хазарской переписки» // Генезис и развитие феодализма в России. Л.

Гадло А.В. 1986. Основные этапы и тенденции этносоциального развития этнических общностей Северного Кавказа в период раннего средневековья // Вестник ЛГУ. Вып. 1.

Гадло А.В. 1994. Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв. СПб.

Гакстгаузен А. 1857. Закавказский край. Ч. II. М.

Галонифонтибус И. 1980. Сведения о народах Кавказа (1404 г.). Баку.

фон Галль Х. 1997. Сцена поединка всадников на серебряной вазе из Косики // ВДИ. № 2.

Ган К. 1884, 1890. Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе // СМОМПК. Вып. IV; вып. IX.

Ганина Н.А. 2003. К интерпретации сообщений Иордана об Эрманарихе (*Getica* 116–130) // Восточная Европа в древности и средние века. Автор и его текст. XV Пашутинскике чтения. М.

Гафуров А. 1987. Имя и история. М.

Гей О.А., Бажан И.А. 1997. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М.

Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа. Махачкала, 1980.

Георги И.Г. 1776. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. Ч. 2. СПб.

Глазырина Г.В. 1996. Исландские викингские саги о Северной Руси. М.

Глазырина Г.В. 2000. Формирование устной традиции: сюжет о походе русов на Берда'а в восточных памятниках и рассказ «саги об Ингваре» о гибели скандинавов на Востоке // Восточная Европа в древности и средневековье. Историческая память и формы ее воплощения. XII Пашутинские чтения. М.

Глазырина Г.В. 2001. Правители Руси // ДГВЕ. 1999. М.

Глебов В.П. 2001. О новых типах наконечников стрел среднесарматской культуры Нижнего Подонья // Третья кубанская археологическая конференция. Краснодар – Анапа.

Глебов В.П., Парусимов И.Н. 2000. Новые сарматские погребения в бассейне реки Сал (о соотношении раннесарматской и среднесарматской культур) // МИАД. Вып. I. Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону.

Глоб Н. и Прицак О. 1997. Хазарско-еврейская переписка X века. М. – Иерусалим.

Гмыря Л.В. 1988. Об общественных отношениях гуннов Северо-Восточного Кавказа VI–VII вв. // РФОНСК.

Гмыря Л.Б. 1993. Прикаспийский Дагестан в эпоху великого переселения народов. Махачкала.

Гмыря Л.Б. 2000. Этапы христианизации населения Западного Прикаспия (V–VIII вв.) // XXI Крупновские чтения. Кисловодск.

Городцов В.А. 1911. Результаты археологических исследований на месте развалин г. Маджар в 1907 г. // Труды XIV АС. М.

Горончаровский В.А. 1993. Катафрактарии в истории военного дела Боспора // ПАВ. № 6.

Горский А.А. 1986. Феодализация на Руси: основное содержание процесса // ВИ. № 8.

Горский А.Д. 1979. К вопросу о сущности черного землевладения на Руси в XIV–XV вв. // Проблемы развития феодальной собственности на землю. М.

Горы 1999. – Горы мира: глобальный приоритет / Ред. Б. Мессерли, Дж. Д. Айвз. М.

Грабовский Н.Ф. 1870. Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушевского округа // ССКГ. Вып. III.

Греков Б.Д. 1936. Феодальные отношения в Киевском государстве. М.–Л.

Грязнов М.П. 1978. К вопросу о сложении культур скифо-сибирского типа в связи с открытием кургана Аржан // КСИА. Вып. 154.

Губанов И.Б. 2002. X век: на пути к раннему государству // Скандинавские чтения 2000 года. СПб.

*Гугуев В.К.*1992. Кобяковский курган // ВДИ. № 4.

Гугуев Ю.Л. 2000. О месте комплексов из могильников Кировский I,

III, IV в системе памятников позднесарматской культуры // МИАД. Вып. I. Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону.

Гуляев В.И. 1987. Структура власти в древнейших государствах Мезоамерики: генезис и характерные особенности // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М.

Гуляев В.И. 1993. Погребальная обрядность: структура, семантика и социальная интерпретация // РА. № 1.

Гуляев В.И. 1995. Погребальная обрядность: структура, семантика и социальная интерпретация // РА. № 2.

Гуляев В.И. 2000. Там, где жили амазонки // ДА. № 3-4. Ростов-на-Дону.

Гумилев Л.Н. 1993. Ритмы Евразии. М.

Гумилев Л. 2002. Древняя Русь и Великая степь. М.

Гуревич А.Я. 1967. Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М.

Гуревич А.Я. 1968. Индивид и общество в варварских государствах // Проблемы истории докапиталистических обществ. М.

Гуревич А.Я. 1970. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М.

Гутнов Ф.Х. 1987. Бадел осетинских родословных // Проблемы исторической этнографии осетин. Орджоникидзе.

Гутнов Ф.Х. 1987а. Тумы, чанки и кавдасарды в период феодализма // Изв. СКНЦВШ. № 1. Ростов-на-Дону.

Гутнов Ф.Х. 1988. Классообразование на Северном Кавказе // Молодые ученые Осетии 70-летию Октября. Орджоникидзе.

Гутнов Ф.Х. 1989. Генеалогические предания осетин как исторический источник. Орджоникидзе.

Гутнов Ф.Х. 1990. Структуры и характер раннесредневековых обществ Северного Кавказа // Изв. СКНЦВШ. № 3. Ростов-на-Дону.

Гутнов Ф.Х. 1992. Аланский царевич Баракад в древнеармянских фольклорных памятниках // Осетинская филология. Современность и традиции. Владикавказ.

Гутнов Ф.Х. 1993. Средневековая Осетия. Владикавказ.

Гутнов Ф.Х. 1993а. Эволюция верховной власти у алан в период военной демократии // Кавказ и цивилизации Востока в древности и средневековье. Владикавказ.

Гутнов Ф.Х. 1995. Аристократия алан. Владикавказ.

Гутнов Ф.Х. 2000. Политогенез и генезис феодализма на Северном Кавказе // Вестник Института цивилизации. Вып. 3. Владикавказ.

Гутнов Ф.Х. 2001. Ранние аланы. Проблемы этносоциальной истории. Владикавказ.

Гутнов Ф.Х. 2001а. Воин-купец в истории Юго-Восточной Европы // Северный Кавказ и кочевой мир Евразии. Ставрополь.

Гутнов Ф.Х. 2003. Два сюжета из истории алан в Западной Европе // Ритмы истории. Владикавказ.

Гутнова Е.В., Удальцова З.В. 1975. К вопросу о типологии развитого феодализма в Западной Европе // Проблемы социально-экономических формаций. Историко-типологические исследования. М.

Гущина И.И., Засецкая И.П. 1992. К вопросу о хронологии и происхождении «Золотого кладбища» // Проблемы хронологии сарматской культуры. Саратов.

*Давудов О.М.*1996. Материальная культура Дагестана албанского времени (III в. до н.э. – IV в. н.э.). Махачкала.

Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII–XVIII вв. / Сост. В.Г. Гаджиев. Махачкала, 1992.

Далалян Т. 2002. К вопросу о генеалогии образа армянской эпической царевны Сатеник // Историко-филологический журнал. № 2.

Данилова Л.В. 1968. Дискуссионные проблемы теории докапиталистических обществ // Проблемы истории докапиталистических обществ. М.

Дворниченко В.В., Федоров Г.А. 1989. Памятники сарматской аристократии в Нижнем Поволжье // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М.

Дворниченко В.В., Федоров Г.А. 1993. Сарматское погребение скептуха I в. н.э. у с. Косика Астраханской области // ВДИ. № 3.

Дворниченко В.В., Плахов В.В., Сергацков И.В. 2002. Сарматские погребения у поселка Комсомольский Астраханской области // НАВ. Вып. 5.

Демаков А.А. 2001. О редкой разновидности согдийских шелковых тканей // ИАА. Вып. 7. Армавир – М.

Демаков А.А., Фоменко Д.А. 1997. К проблеме идентификации сенмурва // Культура степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Самара.

Деопик Д.В., Крупнов Е.И. 1961. Змейское поселение кобанской культуры // МАДИСО. Т. 1. Орджоникидзе.

Дербент-наме 1993 / Вввед., перев., коммент. Г.М.-Р. Оразаева // *Шихсаидов А.Р., Айтберов А.М., Оразаев Г.М.-Р.* Дагестанские исторические сочинения. М.

Десятчиков Ю.М. 1972. Катафрактарии на надгробии Афения // СА. № 4.

Десятчиков Ю.М. 1977. Арифарн, царь сираков // История и культура античного мира. М.

Джанашвили М. 1897. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России // СМОМПК. Вып. XXII.

Джигунова Ф.К. 2004. О половозрастной и социальной градации раннесредневекового общества по материалам погребений на территории

Закубанья // Древний Кавказ: ретроспекция культур (XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа). М.

Джиоев М.К. 2001. К проблеме этнической принадлежности цанаров // Тезисы докл. IV международной конференции «Устойчивое развитие горных территорий». М.

Джуаншер 1986. Жизнь Вахтанга Горгасала / Пер., введ. и примеч. Г.В. Цулая. Тбилиси.

Джыккайты Ш. 2000. Нæртон læг æмæ нарты намыс // Проблемы осетинского нартовского эпоса. Владикавказ (на осетин. яз.).

Дзаттиаты Р.Г. 1986. К проблеме алан в Закавказье // XIV Крупновские чтения. Орджоникидзе.

Дзаттиаты Р.Г. 1992. Алано-сасанидские отношения по материалам археологических раскопок в Южной Осетии // Аланы и Кавказ. Владикавказ–Цхинвал.

Дзаттиаты Р.Г. 1995. Аланы в дружине Вахтанга Горгасала // Аланы: история и культура. Владикавказ.

Дзаттиаты Р.Г. 2001. Культура позднесредневековой Осетии по письменным и археологическим источникам. Владикавказ. Автореф. докт. дис.

Дзаттиаты Р.Г. 2002. Культура позднесредневековой Осетии. Владикавказ.

Дзиццойты Ю.А. 1992. Нарты и их соседи. Владикавказ.

Дирр А.М. 1912. В Тагаурской и Куртатинской Осетии // Изв. КОИРГО. Т. XXI.

Диснер Г.-И. 2002. Королевство вандалов. СПб.

Дмитриев С.В. 2001. Магические представления, связанные с оружием (по «Минералогии» Бируни) // Среднеазиатско-кавказские (Лавровские) чтения. 1998–1999. М.

Дмитриев А.В., Малышев А.А., Медникова М.Б. 2004. Широкая Балка в античную эпоху: территория и население // Древний Кавказ: ретроспекция культур (XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа). М.

Догузов К.Г. 1992. К вопросу о расселении алан на Кавказе в раннем средневековье // Проблемы этнографии осетин. Вып. 2. Владикавказ.

Дьяконов И.М. 1990. Архаические мифы Востока и Запада. М.

Дьяконов И.М., Якобсон В.А. 1998. Гражданское общество в древности // ВДИ. № 1.

Дюмезиль Ж. 1976. Осетинский эпос и мифология. М.

Дюмезиль Ж. 1986. Верховные боги индоевропейцев. М.

Дюмезиль Ж. 1990. Скифы и нарты. М.

Евагрий Схоластик 1999. Церковная история / Пер. с греч., вступ. статья, комм. И.В. Кравушина. СПб.

Евсевий Иероним 1990. Письмо 77. К океану // КДПАА. Ростов-на-Дону.

Евтропий 1997. Краткая история от основания Города // Римские историки IV века. М.

Ениосова Н.В., Ковалевская В.Б., Албегова З.Х. 2004. Средневековые литые зеркала из Юго-Восточной Европы // Древний Кавказ: ретроспекция культур (XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа). М.

Еремян С.Т. 1970. Расселение горских народов Кавказа по Птолемею и «Армянской географии» VII в. // Труды VII международного конгресса антропологических и этнографических наук. Т. 8. М.

Ермолова И.Е. 1984. Общественный строй гуннов последней четверти IV – начала V в.// ДГТ СССР. 1982. М .

Ермолова И.Е. 2003. Исторические принципы Аммиана Марцеллина и их воплощение в тексте «Деяний» // Восточная Европа в древности и средние века. Автор и его текст. XV Пашутинские чтения. М.

Есиев А. 1901. Обычное земельное право и право землевладения у горных осетин Терской области. Владикавказ.

Ждановский А.М. 1984. Некоторые аспекты социально-политической истории племен Прикубанья в I–III вв. н.э. // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный.

Житие... – Житие Сукиасянов // Архив СОИГСИ, ф. 1, д. 137 «а».

Жуков Е.М. 1969. Вступительное слово // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М.

Жуков Е.М. 1975. Некоторые вопросы теории социально-экономических формаций // Проблемы социально-экономических формаций. Историко-типологические исследования. М.

Жуков Е.М., Барг М.А., Черняк Е.Б., Павлов В.И. 1979. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М.

Зак С.Д. 1975. Методологические проблемы развития сельской поземельной общины // Социальная организация народов Азии и Африки. М.

Записка 1860. – Записка о сословных отношениях в Осетинском и Ингушевском округах. 1860 // Архив СОИГСИ, ф. 16, д. 26.

Записки 1991. – Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне / Пер. и вступ. статья М.М. Покровского. Т. 1. М.

Захаров А.В. 2000. Сарматское погребение в кургане «Крестовый» // МИАД. Вып. I. Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону.

Заходер Б.Н. 1967. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М.

Зиссерман А.Л. 1879. Двадцать пять лет на Кавказе. СПб.

Ибн-Даста. 1869. Известия о хазарах, буртасах, мадьярах, славянах и русах / Пер. Д.А. Хвольсона. СПб.

Иерусалимская А.А. 1972. «Великий шелковый путь» и Северный Кавказ. Л.

Иерусалимская А.А. 1996. Византийский военачальник на Северном Кавказе // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа /XIX Крупновские чтения/. М.

Иерусалимская А.А. 2004. «Аланское золото» в собрании Эрмитажа: информация о начальном этапе работы над каталогом // Древний Кавказ: ретроспекция культур (XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа). М.

Иессен А.А. 1941. Археологические памятники Кабардино-Балкарии // МИА. № 3. М.–Л.

Илюшечкин В.П. 1990. Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах. М.

Ильин Г.Ф. 1983. К анализу производительных сил докапиталистических классовых обществ // ФН. № 6.

Ильин Г.Ф. 1985. О так называемой налоговой эксплуатации // Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии. М.

Ильюков Л.С. 2000. Позднесарматские курганы левобережья реки Сал // МИАД. Вып. I. Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону.

Инал-Ипа Ш.Д. 1965. Абхазы. Сухуми.

Ингуши. 1996. Сборник статей и очерков по истории и культуре ингушского народа / Сост. А.Х. Танкиев. Саратов.

Иордан 1960. Происхождение и деяния гетов / Вступ. статья, пер., комм. Е.Ч. Скржинской. М.

Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 1962.

Ипполитов А.П. 1868. Этнографические очерки Аргунского округа // ССКГ. Вып. 1.

Исаенко А.В. 1993. Миграции североиранцев в Румынию, на Средний Дунай и в Венгрию // Кавказ и цивилизации Востока в древности и средневековье. Владикавказ.

История 1985. – История крестьянства в Европе / Отв. ред. З.В. Удальцова. Т. I. М.

История Дагестана. 1967. Т. 1. М.

История Европы. 1992. Средневековая Европа. Т. 2. М.

История Ирхана 1993. / Введ., перев., коммент. А.Р. Шихсаидова // *Шихсаидов А.Р., Айтберов А.М., Оразаев Г.М.-Р.* Дагестанские исторические сочинения. М.

История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988.

История Кабардино-Балкарской АССР. Т. 1. М., 1967.

ИПОЭК. 1988. – История первобытного общества. Эпоха классообразования. М.

Иштванович Э., Кульчар В. 1998. О верованиях, племенной принадлежности и хронологии сарматов Венгерской низменности // Античная цивилизация и варварский мир. Ч. 2. Краснодар.

КДПАА – Кавказ и Дон в произведениях античных авторов / Сост.: В.Ф. Патракова, В.В. Черноус. Ростов-на-Дону, 1991.

Кадзаева З.П. 2004. Раннесредневековый катакомбный могильник близ села Верхний Садон // Древний Кавказ: ретроспекция культур (XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа). М.

Калинина Т.М. Сведения ранних ученых арабского халифата. М., 1988.

Калинина Т.М. 2000. Заметки о торговле в Восточной Европе по данным арабских ученых IX–X вв. // ДГВЕ. 1998. М.

Калиновская К.П. 1982. К проблеме возрастных систем // СЭ. № 1.

Калиновская К.П., Марков Г.Е. 2000. Общественные отношения и социальная организация номадов // Ранние формы социальной организации. СПб.

Калмычкова Л.В. 2001. Образ волка в индоевропейской и северокавказской традиции // Северный Кавказ: геополитика, история, культура. М. – Ставрополь.

Калоев Б.А. 1971. Осетины. 2-е изд. М.

Калоев Б.А. 1973. Земледелие у народов Северного Кавказа // СЭ. №3.

Калоев Б.А. 1979. Этнические традиции в земледелии народов Северного Кавказа. М.

Калоев Б.А. 1981. Земледелие народов Северного Кавказа. М.

Калоев Б.А. 1999. Осетинские историко-этнографические этюды. М.

Каминский В.Н. 1992. Вооружение племен аланской культуры Северного Кавказа I–XIII вв. Автореф. канд. дис. СПб.

Капица М.С. 1992. Новые подходы в теориях и методиках востоковедных исследований // Восток. № 2.

Караулов Н.А. 1901, 1908. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане // СМОМПК. Вып. XXIX; XXXVIII.

Кардини Ф. 1987. Истоки средневекового рыцарства. М.

Кардини Ф. 2000. Истоки средневекового рыцарства. М.

Карпов Ю.Ю. 1990. Военная организация и социальное развитие союзов сельских общин Северного Кавказа // Этнографические аспекты традиционной военной организации народов Кавказа и Средней Азии. Вып. 1. М.

Карпов Ю.Ю. 1996. Джигит и волк. СПб.

Карпов Ю.Ю. 1999. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа (XIX – начало XX в.). Автореф. докт. дис. СПб.

Карпов Ю.Ю. 1999а. Общественный быт народов Кавказа // Эльбрус. № 2.

Карпов Ю.Ю. 2000. Половозрастные структуры в традиционном горно-кавказском обществе // Ранние формы социальной организации. СПб.

Карпов Ю.Ю. 2000а. «Верхние» и «нижние»: к проблемам функционирования горских обществ Кавказа // Научная мысль Кавказа. № 4. Ростов-на-Дону.

Карпов Ю.Ю. 2001. Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб.

Карсанов А.Н. 1988. Аланское слово на сосуде из Саркела // Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе.

Катунин В.А. 2002. Развитие торговых путей Восточной Европы и Хазарский каганат // VIII Донская международная археологическая конференция. Ростов-на-Дону.

Кипиани М.З. 1894. От Казбека до Эльбруса. Владикавказ.

Кирпичников А.Н. 2002. Великий Волжский путь: государства, главные партнеры, торговые маршруты // Скандинавские чтения 2000 года. СПб.

Кияшко А.В., Мыськов Е.П. 2000. Ритуал элитного сарматского погребения на реке Есауловский Аксай (предварительное исследование) // МИАД. Вып. I. Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону.

Кляшторный С.Г. 2000. «Народ Аспаруха», гунны Кавказа и древнетюркский Олимп // ДГВЕ. 1998. М.

Книга 2000. – Книга Велеса / Пер. и пояснения А.И. Асова. СПб.

Кобищанов Ю.М. 1987. Полюдье и его трансформация при переходе от раннего к развитому феодальному государству // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М.

Кобищанов Ю.М. 1995. Полюдье: явление отечественной и всемирной истории цивилизаций. М.

Кобычев В.П. 1980. Рец.: Лавров Л.И. Историко-этнографические... // СЭ. № 1.

Кобычев В.П. 1982. Поселения и жилища народов Северного Кавказа в XIX–XX вв. М.

Ковалевская В.Б. 1978. Изображение коня и всадника на средневековых амулетах Северного Кавказа // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.

Ковалевская В.Б. 1983. Антропоморфные амулеты VI–IX вв. на Северном Кавказе // КСИА. Вып. 176. М.

Ковалевская В.Б. 1984. Аланы и Кавказ. М.

Ковалевская В.Б. 1992. Аланы в Западной Европе // Аланы: Западная Европа и Византия. Владикавказ.

Ковалевская В.Б. 1998. Конь в истории и языке осетин // Studia Iranica et Alanica. Rome.

Ковалевская В.Б. 2003. Историко-археологические свидетельства разработки серебро-свинцовых руд в горной Осетии в раннем средневековье // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: VI Минаевские чтения. Ставрополь.

Ковалевская В.Б. 2004. Историко-археологические свидетельства разработки серебро-свинцовых руд горной Осетии // Древний Кавказ: рет-

роспекция культур (XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа). М.

Ковалевский М.М. 1886. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном отношении. Т. 1, 2. М.

Ковалевский М.М. 1888. Родовое устройство Дагестана // Юридический вестник. Кн. 1. Т. XXIX.

Ковалевский М.М. 1890. Закон и обычай на Кавказе. Т. 1, 2. М.

Ковалевский А.П. 1956. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков.

Козырева Т.З. 1976. Осетинская антропонимия древнего и средневекового периода // Ономастика Кавказа. Махачкала.

Кокиев Г. 1926. Очерки по истории Осетии. Ч. 1. Владикавказ.

Кокиев Г.А. 1929. К вопросу об аталычестве // Революция и горец. №3.

*Кокиев Г.*А. 1933. Материалы по истории Осетии. Т. 1. Орджоникидзе.

Коков Дж.Н. 2000. Избранные труды. Адыгская топонимия. Т. 1. Нальчик.

Коковцов П.К. 1932. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л.

Колесницкий Н.Ф. 1968. К вопросу о раннеклассовых общественных структурах // Проблемы истории докапиталистических обществ. М.

Колосовская Ю.К. 2000. Рим и племена на Дунае. I–IV вв. н.э. М.

Комаров А.В. 1868.Адаты и судопроизводство по ним // ССКГ. Вып. I.

Комаров А.В. 1869. Казикумухские и кюринские ханы // ССКГ. Вып. II.

Коновалова И.Г. 1999. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М.

Коновалова И.Г. 2001. Состав рассказа об «острове русов» в сочинениях арабо-персидских авторов X–XVI вв. // ДГВЕ. 1999. М.

Константин Багрянородный. 1989. Об управлении империей / Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М.

Коптев А.В. 1998. Общество, политика и военная организация Древнего Рима // Античность и средневековье Европы. Пермь.

Коробов Д.С. 1996. Опыт многомерного статистического анализа материалов могильника Мокрая Балка 1 // Компьютеры в археологии. М.

Коробов Д.С. 2003. Социальная организация алан Северного Кавказа IV–IX вв. СПб.

Коротаев А.В. 1992. Рец.: Илюшечкин В.П. Эксплуатация и собственность... // Восток. № 2.

Коротаев А.В. 1996. От вождества к племени? Некоторые тенденции эволюции политических систем северо-восточного Йемена за последние две тысячи лет // ЭО. № 2.

Коротаев А.В. 1997. Сабейские этюды. М.

Корсунский А.Р. 1963. Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М.

Корсунский А.Р. 1979. Об иерархической структуре феодальной собственности // Проблемы развития феодальной собственности на землю. М.

Котович В.Г. 1980. О процессе урбанизации в древнем Дагестане // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала.

Котович В.Г. 1982. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М.

Котович В.Г. 1986. Из истории Дагестана (середина VII – первая половина VIII в.) // Новое в археологии Северного Кавказа. М.

Кочиев К.К. 1987. Тутыр – владыка волков // Изв. ЮОНИИ. Вып. XXXI.

Крадин Н.Н. 1994. Кочевые общества в контексте стадиальной эволюции // ЭО. № 1.

Крадин Н.Н. 1995. Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации. М.

Крадин Н.Н. 2001. Общественный строй кочевников: дискуссии и проблемы // ВИ. № 1.

Круткин В.Л. 2001. Соблазн и насилие в практиках социального доминирования // IV Конгресс этнографов и антропологов России. М.

Крупнов Е.И. 1948. Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна р. Сунжа // Труды ГИМ. Вып. XVII.

Крупнов Е.И. 1961. Древняя история Северного Кавказа. М.

Куббель Л.Е. 1980. Потестарно-политическая культура докапиталистических обществ (к постановке проблемы) // СЭ. № 1.

Куббель Л.Е. 1988. Очерки потестарно-политической этнографии. М.

Кудрявцев А.А. 2001. Северный Кавказ в истории мировых цивилизаций Евразии // Северный Кавказ: геополитика, история, культура. М. – Ставрополь.

Кудрявцев А.А. 1994. Мусульманский город Дагестана. Махачкала.

Кудрявцев А.А. 2003. Пути развития северокавказского города (по материалам Дербента домонгольской поры). Ставрополь.

Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С. 1991. Погребальные памятники Дербента позднеаланского времени // Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века. Махачкала, 1991.

Кузнецов В.А. 1962. Аланские племена Северного Кавказа // МИА. №106.

Кузнецов В.А. 1970. Новое в археологии Северной Осетии // Архив СОИГСИ, ф. 6, д. 91.

Кузнецов В.А. 1971. Алания в X–XIII вв. Орджоникидзе.

Кузнецов В.А. 1974. Путешествие в древний Иристон. М.

Кузнецов В.А. 1975. Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V–XIII вв. // МАДИСО. Т. III. Орджоникидзе.

Кузнецов В.А. 1980. Археологические памятники на южной окраине г. Орджоникидзе // Вопросы осетинской археологии и этнографии. Вып. 1. Орджоникидзе.

Кузнецов В.А. 1984. Очерки истории алан. Орджоникидзе.

Кузнецов В.А. 1984а. Катакомбный могильник у г. Алагир // Вопросы осетинской археологии и этнографии. Орджоникидзе. Вып. I.

Кузнецов В.А. 1990. Реком, Нузал и Царазонта. Владикавказ.

Кузнецов В.А. 2003. Эльхотовские ворота в X–XV вв. Владикавказ.

Кузьмин А.Г. 1974. Об этнической природе варягов // ВИ. № 11.

Кулаковский Ю. 1898. Христианство у алан // ВВ. № 1.

Кулаковский Ю. 1899. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев.

Кулаковский Ю. 2000. Избранные труды по истории аланов и Сарматии / Сост., вступ. ст., коммент., карта: С.М. Перевалов. СПб.

Кулаковский Ю. 2001. Прошлое Тавриды / Вступит. статья Л. Матвеевой. Киев.

Кумыков Т.Х. 1963. Из истории судебных учреждений в Кабардино-Балкарии (конец XVIII–XIX вв.) // Уч. зап. КБНИИ. Т. XIX.

Куссаева С.С. 1953. Археологические памятники Восточной Осетии VI–IX вв. (Чми, Балта) как исторический источник. Рук. канд. дис. Л.

Кушева Е.Н. 1969. О некоторых особенностях генезиса феодализма у народов Северного Кавказа // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М.

Кызласов И. Л. 1995. Погребальный обряд и уровень развития общества // РА. № 2.

Кызласов Л.Р. 1999. Города гуннов // Евразийские древности. М.

Лавров Л.И. 1978. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л.

Латышев В.В. 1947, 1948, 1949. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. № 1–4.

Латышев В.В. 1992, 1993. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Т. 1, 2. СПб.

Лащук Л.П. 1977. Введение в историческую социологию. Вып. 2. М.

Леонтович Ф.И. 1882, 1883. Адаты кавказских горцев. Т. 1, 2. Одесса.

Лонгворт Дж. 1974. Год среди черкесов // АБКИЕА.

Лукиан Самосатский. 1948. Токсарис или дружба // ВДИ. № 1.

Лынша В.А. 1997. Рец.: Ранние формы политической организации. М., 1995 // Восток. № 5.

Лысенко Н.Н. 2000. Историческая прародина алан. СПб.

Лысенко Н.Н. 2001. Асы-аланы в Центральной Азии. Автореф. канд. дис. Владикавказ.

Лысенко Н.Н. 2002. Асы-аланы в Восточной Скифии. СПб.

Лысенко Н.Н. 2002а. Аланский поход Нерона // НАВ. Вып. 5.

Лысенко Н.Н. 2003. Саи царя Сайтафарна и сарматы царские // Древности Кубани. Вып. 19. Краснодар.

Лысенко Н.Н. 2003а. Роксаланы царя Гатала и ревксиналы царя Тасия // Там же.

Магомедов А.Р. 1976. К вопросу изучения древней и средневековой истории народов Кавказа // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала.

Магомедов М.Г. 1988. Пути формирования Хазарского раннефеодального государства // РФОНСК.

Магомедов М.Г. 1990. Живая связь эпох и культур. Махачкала.

Магомедов Р.М. 1968. История Дагестана. Махачкала.

Магомедов Р.М. 1971. Дагестан: исторические этюды. Махачкала.

Магомедов Р.М. 1988. О некоторых особенностях развития феодальных отношений у народов Дагестана // РФОНСК. Махачкала.

Магомедов Р.М., Криштопа А.Е. 1978. Борьба против татаро-монгольских захватчиков на Северном Кавказе и ослабление власти Золотой Орды // Изв. СКНЦВШ. № 3. Ростов-на-Дону.

Максименко В.Е. 1998. Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории). Азов.

Маковский М.М. 1996. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. М.

Максименко В.Е. 2001. Ритуально-поминальный комплекс V века до н.э. в могильнике «Частые курганы» на Нижнем Дону // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V Минаевские чтения. Ставрополь.

Малахов С.Н. 1995. Алано-византийские заметки // Аланы: история и культура. Владикавказ.

Малахов С.Н. 1997. Алано-византийские заметки // ИАА. Вып. 3. М.–Армавир.

Малахов С.Н. 2003. Из алано-тюркского ономастикона // Северный Кавказ и кочевой мир Евразии: VI Минаевские чтения. Ставрополь.

Малахов С.Н., Орфинская О.В. 2001. Византийские филактерии и аланские шелковые мешочки-реликварии // ИАА. Вып. 7. Армавир – М.

Малышев А.А. 2002. Население востока и юго-востока Боспора III–I вв. до н.э. // XXII Крупновские чтения. Ессентуки, Кисловодск.

Мальбахов Б., Эльмесов А. 1994. Средневековая Кабарда. Нальчик.

Маньков А.Г. 1980. Уложение 1649 года – памятник феодального права России. Л.

Маретина С.А. 1987. Социальная стратификация и становление государства (на примере малых народов Индии) // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М.

Маретина С.А. 1995. К проблеме универсальности вождеств: о природе вождей нага (Индия) // Ранние формы политической организации. М.

Марк Анней Лукан 1990. Фарсалия // АИСК. Нальчик.

Марк Анней Лукан 1993. Фарсалия / Пер. Л.С. Остроумова. М.

Марков Г.Е. 2001. Кочевое скотоводство и его перспективы // IV конгресс этнографов и антропологов России. М.

Маркович В.В. 1906. В верховьях Ардона и Риона // Зап. ИРГО. Вып. XXXVIII. № 3.

Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд.

Марченко И.И. 1996.Сираки Кубани. Краснодар.

Марченко И.И., Лимберис Н.Ю., Бочковой В.В. 2001. Новый меотский могильник у хут. Прикубанский // Третья Кубанская археологическая конференция. Краснодар – Анапа.

Маслов А.А. 2001. Силовая коммуникация как тип общественных отношений // IV конгресс этнографов и антропологов России. М.

Маслов В.Е. 1999. О датировке изображений на поясных пластинах из Орлатского могильника // Евразийские древности. М.

Маслов Е.П., Керефов К.Н. 1964. Очерки экономической географии Кабардино-Балкарской АССР. Нальчик.

Массон В.М. 1996. Палеолитическое общество Восточной Европы (вопросы политэкономии, культурогенеза и социогенеза). СПб.

Мастыкова А.В. 2001. Социальная иерархия женских могил северокавказского некрополя Дюрсо V–VI вв. // ИАА. Вып. 7. Армавир – М.

Материалы по хронологии и генеалогии / А.Р. Шихсаидов и др. // Источниковедение средневекового Дагестана. Махачкала, 1986.

Материалы для написания истории Осетии, собранные М.А. Полиевктовым // Архив СОИГСИ, ф. 1, д. 29.

Мафедзев С.Х. 1992. Статусы мальчиков и девочек, мужчин и женщин и их роль в нравственном воспитании // Актуальные проблемы феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик.

Мейман М.Н., Сказкин С.Д. 1960. К вопросу о непосредственном переходе к феодализму на основе разложения первобытно-общинного способа производства // ВИ. № 1.

Меликишвили Г.А. 1959. К истории древней Грузии. Тбилиси.

*Меликишвили Г.А.*1975. К вопросу о характере древних закавказских и средневековых северокавказских классовых обществ // ИССР. № 6.

Меховский М. 1936. Трактат о двух Сарматиях. М.–Л.

Миклухо-Маклай Н.Д. 1954. Географическое сочинение XIII в. на персидском языке // Уч. зап. Ин-та востоковедения. Т. IX. М.–Л.

Миллер В.Ф. 1881. В горах Осетии // РМ. Кн. IX.

Миллер В.Ф. 1882, 1887. Осетинские этюды. Вып. II, III. М.

Миллер В.Ф. 1998. В горах Осетии. Владикавказ.

Минорский В.Ф. 1963. История Ширвана и Дербента X–XI веков. М.

Мирзамагомедов Г.М. 1986. Характеристика арабоязычных дагестанских источников эпистолярного жанра XVIII – нач. XIX вв. // Источниковедение средневекового Дагестана. Махачкала.

Мирзаханова И.С. 2001. Традиционные игры лакской молодежи // Среднеазиатско-кавказские (Лавровские) чтения. СПб.

Мкртумян Г.Г. 1983. Грузинское феодальное княжество Кахети в VIII–XI вв. и его взаимоотношения с Арменией. Ереван.

Моисей Хоренский 1858. История Армении / Пер. Н. Эмина. М.

Моисей Каганкатваци 1861. История агван / Пер. К. Патканова. СПб.

Моора Х.А., Лиги Х.М. 1969. К вопросу о генезисе феодальных отношений у народов Прибалтики // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М.

Мордвинцева В.И., Сергацков И.В. 1995. Богатое сарматское погребение у ст. Бердия // РА. № 4.

Мровели Л. 1979. Жизнь картлийских царей / Пер., предисл. и комм. Г.В. Цулая. М.

Муравьев С.Н. 1997. Новый труд по древней географии Кавказа и Закавказья // ВДИ. № 2.

Мусукаев А.И. 1982. О Балкарии и балкарцах. Нальчик.

Мусукаев А.И. 1997. Века родословий. Нальчик.

ННСИГ – Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова А.И. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Тексты, пер., комм. М., 1982.

Наглер А.О., Чипирова Л.А. 1985. К вопросу о развитии хозяйственных типов древних обществ // Античность и варварский мир. Орджоникидзе.

Назаренко А.В. 1994. Русь и Германия в IX–X вв. // ДГВЕ. 1991. М.

Найденко А.В. 2001. Некоторые вопросы истории населения Ставропольской возвышенности в VII–X вв. // Северный Кавказ и кочевой мир Евразии. Ставрополь.

Найденко А.В. 2003. Последний археологический памятник Т.М. Минаевой // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: VI Минаевские чтения. Ставрополь.

Налбандян Г.М. 1977. Армянские личные имена скифо-алано-осетинского происхождения // Вопросы иранской и общей филологии. Тбилиси.

Налоева Е.Дж. 1980. Об особенностях кабардинского феодализма // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик.

Нарочницкий А.Л. 1976. Основные проблемы обобщающего труда по истории народов Северного Кавказа с древнейших времен до наших дней // Изв. СКНЦВШ. № 4. Ростов-на-Дону.

Неусыхин А.И. 1967. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному // ВИ. № 1.

Неусыхин А.И. 1968. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному // Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн. 1. М.

Нефедкин А.К. 1998. Арриан. Диспозиция против аланов // Parra bellum. № 3. СПб.

Нефедкин А.К. 1999. Кампания Арриана по отражению аланского набега на Каппадокию в 135 г. // Parra bellum. № 3. СПб.

Нефедкин А.К 1999а. Стратегия сарматов в I–IV вв. н.э. по свидетельству античных источников // Боспорский феномен. СПб.

Нефедкин А.К. 2001. Комплектование и состав войска сарматов и аланов в I–IV вв. по данным античных источников // Боспорский феномен. Ч. II. СПб.

Никифор Вриенний. 1858. Исторические записки. СПб.

Никольский С.Л. 2001. Варяжская дружина и ее роль в становлении Древнейшей Правды // IV конгресс этнографов и антропологов России. М.

Новосельцев А.П. 1969. К истории аланских городов // МАДИСО. Т. II. Орджоникидзе.

Новосельцев А.П. 1972. Страны закавказского и среднеазиатского регионов // Пути развития феодализма. М.

Новосельцев А.П. 1979. К проблеме генезиса феодальной земельной собственности в странах Закавказья // Проблемы развития феодальной собственности на землю. М.

Новосельцев А.П. 1980. Генезис феодализма в странах Закавказья. М.

Новосельцев А.П. 1985. Древнейшие государства на территории СССР. Некоторые итоги и задачи изучения // История СССР. № 6.

Новосельцев А.П. 1986. Некоторые черты древнерусской государственности в сравнительно-историческом аспекте // ДГТ СССР. 1985.

Новосельцев А.П. 1990. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.

Новосельцев А.П. 1991. Образование древнерусского государства и первый его правитель // ВИ. № 2–3.

Новосельцев А.П. 2000. Древняя Русь, Кавказ и Закавказье в восточных источниках // ДГВЕ. 1998. М.

Ногмов Ш.Б. 1982. История адыхейского народа. Нальчик.

Ньоли Г. 2002. Название алан в сасанидских надписях. Владикавказ.

Оболенский Д. 1998. Византийское Содружество Наций. Шесть византийских портретов. М.

ОГРИП – Осетины глазами русских и иностранных путешественников / Сост. и коммент. Б.А. Калоева. Орджоникидзе, 1967.

Ольховский В.С. 1995. Погребальная обрядность и социологическая реконструкция // РА. № 2.

Очерки 1986. – Очерки истории Ставропольского края. Ставрополь.

Очерки 1988. – Очерки по истории Грузии / Ред. М.Д. Лордкипанидзе. Т. II. Тбилиси.

Очерки 1989. – Очерки истории Грузии / Ред. Г.А. Меликишвили. Т. I. Тбилиси.

Очир-Горяева М.А., Лапа Н.Л. 2002. Комплекс сарматского воинского погребения из фондов Калмыцкого республиканского краеведческого музея // ВДИ. № 3.

ПРФ – Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма. М. 1972.

Павленко Ю.В. 1989. Раннеклассовые общества. Киев.

Павлов-Сильванский Н. 1924. Феодализм в Древней Руси. Пгр.

Памятник эриставов. 1979. / Пер., исслед. и примеч. С.С. Какабадзе. Тбилиси.

Парфянов В.Н., Смыков Е.В. 2002. Рец.: Колосовская Ю.К. Рим и мир племен на Дунае I–IV вв. н.э. М., 2000 // ВДИ. № 3.

Патканов К.П. 1877. Армянская география VII в. СПб.

Патканов К.П. 1883. Ванские клинообразные надписи как источник для истории Передней Азии // ЖМНП. XII. Отд. 2.

Пахомов Е.А. 1938. 1940. Клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. II, III. Баку.

Перевалов С.М. 1998. Как создаются мифы (к ситуации в отечественном алановедении) // ИАА. Армавир-М.

Перевалов С.М. 1999. «Тактика» Арриана: военный опыт народов Кавказа и Восточной Европы глазами греческого философа и римского офицера // ДГВЕ. 1996–1997 гг. М.

Перевалов С.М. 1999а. Сарматский контос и сарматская посадка // РА. № 4.

Перевалов С.М. 2000. О племенной принадлежности сарматских союзников Иберии в войне 35 г. н.э.: три довода в пользу аланов // ВДИ. №1.

Перевалов С.М. 2000а. Вазат 414 г.; разрыв алано-готского союза // ВДИ. № 3.

Перевалов С.М. 2001. Арриан у ворот Кавказа // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. X. М. – Магнитогорск.

Перевалов С.М. 2003. Аланский мир от Испании до Китая // Nartamonga. Vol. II. № 1–2. Владикавказ–Париж.

Петрухин В.Я. 2001. «Русский каганат», скандинавы и Южная Русь: средневековая традиция и стереотипы современной историографии // ДГВЕ. 1999. М.

Петрухин В.Я., Раевский Д.С. 1998. Очерки истории народов России. М.

Пигулевская Н. 1941. Сирийские источники по истории народов СССР. М.–Л.

Плано Карпини. История монголов / 3-е изд. *Г. де Рубрук.* Путешествие в Восточные страны / 3-е изд. *Книга Марко Поло* / 4-е изд. М., 1997.

Плетнева С.А. 1967. От кочевий к городам // МИА. № 142.

Плетнева С.А. 1976. Хазары. М.

Плетнева С.А. 1982. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М.

Плетнева С.А На славяно-хазарском пограничье. М., 1989.

Плетнева С.А. 1993. Возможности выявления социально-экономических категорий по материалам погребальной обрядности // РА. № 4.

Плетнева С.А. Саркел и «шелковый путь». Воронеж, 1996.

Прокопенко Ю.А. История северокавказских торговых путей IV в. до н.э. – XI в. н.э. Ставрополь, 1999.

ПВЛ 1950. – Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи / Подготовка текста, статьи и комм. Д.С. Лихачева. Ч. I, II. М.–Л.

Подосинов А.В. 2002. Восточная Европа в римской картографической традиции. М.

Покровский М.В. 1923. Завоевание Кавказа // Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М.

Покровский М. 1924. Предисловие // *Павлов-Сильванский Н.* Феодализм в Древней Руси. Пгр.

Половинкина Т.В. 1999. Черкесия – боль моя. Майкоп.

Попов В.А. 2001. Политогенез как процесс становления потестарности // IV Конгресс этнографов и антропологов России. М.

Поршнев Б.Ф. 1964. Феодализм и народные массы. М.

Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969.

Прокопий 1939. О постройках / Пер. С.П. Кондратьева // ВДИ. № 4.

Прокопий из Кесарии 1950. Война с готами / Пер. С.П. Кондратьева. Вступ. статья З.В. Удальцовой. М.

Прокопий Кесарийский 1862. История войн римлян с персами / Пер. С. Дестуниса. СПб.

Прокопий Кесарийский 1991. Тайная история. М.

Прокопий Кесарийский 1993. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Перев., статья, комм. А.А. Чекаловой. М.

Проштейн А.П. 1988. Некоторые проблемы возникновения и развития феодальных отношений на Северном Кавказе в новейшей советской историографии // РФОНСК.

Пропп В.Я. 1986. Исторические корни волшебной сказки. 2-е изд. Л.

Прохорова Т.А. 1993. Некоторые аспекты идеологии сармато-алан // ВДИ. № 3.

Прохорова Т.А. 2002. К концепции меча древних иранцев // VIII Донская международная археологическая конференция. Ростов-на-Дону.

Пуздровский А.Е. 2001. Политическая история Крымской Скифии во II в. до н.э. – III в. н.э. // ВДИ. № 3.

Пушкарев С.Г. 1991. Обзор русской истории. М.

Пфаф В.Б. 1871. Путешествия по ущельям Северной Осетии // ССК. Вып. I.

Пхалагова Дз.М. 1976. Химическая география и гидрохимия Центрального Кавказа. Орджоникидзе.

Пчелина Е.Г. 1946. Местность Уаллагир и шесть колен рода Осибагатара // Архив СОИГСИ, ф.6, д. 21.

Пчелина Е.Г. 1947. Урсдонское ущелье в Северной Осетии // Труды отдела истории культуры и искусства народов Востока. Т. IV. Л.

Пчелина Е.Г. 1966. Осетинская мельница «къада куырой» // Изв. СОНИИ. Т. XXV.

Пчелинцева Н.Д., Соловьева Л.Т. 2001. Половая дифференциация в процессе социализации детей у народов Северного Кавказа // Среднеазиатско-кавказские (Лавровские) чтения. 1998–1999. М.

Пчелов Е.В. 2000. Летописный рассказ о призвании варягов как династическая легенда // Восточная Европа в древности и средневековье. Историческая память и формы ее воплощения. XII Пашутинские чтения. М.

Пшизова А.К. 2001. К истории дворянства егерахайского субэтноса // IV Конгресс этнографов и антропологов России. М.

Пьянков А.В. 2004. Народ касоги и страна Каса // Древний Кавказ: ретроспекция культур (XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа). М.

Пьянков И.В. 2002. Рец.: *Marek J. Olbrycht.* Parthia et ulteriores gentes: die politische Beziehungen zwischen dem arsakidieschen Iran und den Nomaden der eurasischen Steppen. Munchen, 1998. // ВДИ. № 3.

Равич И.Г., Флеров В.С. 2000. Высокооловянные кованые восточные бронзы на территории Хазарии // РА. № 3.

Рагимова Б.Р. 2001. Особенности половозрастного разделения труда в традиционной дагестанской семье // Среднеазиатско-кавказские (Лавровские) чтения. 1998–1999. М.

Раев Б.А., Яценко С.А. 1993. О времени первого появления аланов в юго-восточной Европе // Скифия и Боспор. Новочеркасск.

Раевский Д.С. 1974. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М.

Развитие 1988. Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. Махачкала.

Раннефеодальные 1985. Раннефеодальные государства на Балканах VI–XII вв. / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М.

Ранние формы 1993. – Ранние формы социальной стратификации. М.

Ранние формы 1995. – Ранние формы политической организации. М.

Рахимов Р.Р. 1995. Концепция лидерства в культуре таджиков // Этнические аспекты власти. М.

Ртвеладзе Э.В. 1972. К истории города Маджар // СА. № 3.

Рудницкий Р.Р. 2001. О зороастризме у алан в VII–IX вв. // ИАА. Вып. 7. Армавир – М.

Рунич А.П. 1975. Аланский могильник в «Мокрой балке» у города Кисловодска // МАДИСО. Т. III. Орджоникидзе.

Рунич А.П. 1976. Захоронения вождя эпохи раннего средневековья из Кисловодской котловины // СА. № 3.

Рунич А.П. 1977. Два богатых раннесредневековых погребения из Кисловодской котловины // СА. № 1.

Русяева М.В. 1999. Золотой предмет ритуально-культового назначения из кургана Передериева Могила // Боспорский феномен. СПб.

Савельев О. 2002. К проблеме пребывания аланских племен на территории к западу от Днепра в I в. н.э. // VIII Донская международная археологическая конференция. Ростов-на-Дону.

Савенко С.Н . 1986. Этнокультурная характеристика богатых погребений конца XI – первой половины XII вв. могильника Кольцо-гора // Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе.

Савенко С.Н. 1989. Характеристика социального развития аланского общества по материалам катакомбных могильников X–XII вв. Автореф. канд. дис. М.

Савченко Е.И. 1999. Мощевая Балка – узловой пункт Великого шелкового пути на Северном Кавказе // РА. № 1.

Сахаров А.М. 1979. Феодальная собственность на землю в российском государстве XVI–XVII вв. // Проблемы развития феодальной собственности на землю. М.

Сванидзе А.А. 1986. О роли рабства в генезисе североевропейского феодализма // ДГТ СССР. 1985. М.

Светоний Гай Т. 1990. Жизнь двенадцати цезарей / Пер., предисл. и послесл. И.М. Гаспарова. М.

Свод 1986. – Свод этнографических понятий и терминов. Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М.

Свод 1991. – Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. (I–VI вв.). М.

Секст Аврелий Виктор 1997. О цезарях // Римские историки IV века. М.

Секст Аврелий Виктор 1997а. Извлечения о жизни и нравах римских императоров // Там же.

Семенов И.Г. 2001. К локализации савир: по данным «Армянской географии» VII в. // Северный Кавказ и кочевой мир Евразии: V Минаевские чтения. Ставрополь.

Семенов Л.П. 1947. Из истории города Дзауджикау. Дзауджикау.

Семенов Л.П. 1948. Археологические разыскания в Северной Осетии // Изв. СОНИИ. Т. XII.

Семенов О.А., Сергеев В.И. 1998. История началась в Причерноморье. Ростов-на-Дону.

Семенов Ю.И. 1993. Переход от первобытного общества к классовому: пути и варианты развития // ЭО. № 1, 2.

Сигаури И.М. 1997. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. М.

Симоненко А.В. 1986. Военное дело населения степного Причерноморья в III в. до н.э. – III в.н.э. Автореф. канд. дис. Киев.

Симоненко А.В. 2000. Могильник Днепрозаводской и сарматские памятники «восточной волны» в Северном Причерноморье // НАВ. Вып. 3.

Симоненко А..В. 2001. «Сарматская посадка» – историческая реаль-

ность или исторический миф? // Третья Кубанская археологическая конференция. Краснодар – Анапа.

Симоненко А.В. 2001а. Европейские аланы-танаиты в Северном Причерноморье // РА. № 4.

Симоненко А.В. 2002. Стеклянные сосуды в сарматских погребениях Украины // VIII Донская международная археологическая конференция. Ростов-на-Дону.

Сказкин С.Д. 1973. Избранные труды по истории. М.

Скрипкин А.С. 1996. К вопросу этнической истории сарматов первых веков нашей эры // ВДИ. № 1.

Сланов А. 2002. Военное искусство алан в IV–XV вв. // Дарьял. № 3.

Соловьев С.М. 1988. Кн. I. // Соч. в 18 кн. М.

Статистическая...1994. – Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. I. Савроматская эпоха. М.

Статистическая...1997. – Статистическая обрабо̀тка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. II. Раннесарматская культура. М.

Степи 1989. – Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. А.И. Мелюкова. М.

Страбон 1964. География / Пер., статья и комм. Г.А. Стратановского. Л.

Страбон 1993. География / Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. 2. СПб.

Стриннгольм А.М. 2003. Походы викингов / Пер. с нем. А. Шемякина; прил. и прим. К. Фрикина; предисл., комм. А. Хлевова. М.

Схатум Р.Б. 2001. Меотские катафрактарии // Третья Кубанская археологическая конференция. Краснодар-Анапа.

Тарих-Дагестан 1993. / Введ., перев., коммент. А.Р. Шихсаидова // *Шихсаидов А.Р., Айтберов А.М., Оразаев Г.М.-Р.* Дагестанские исторические сочинения. М.

Тарихи Эндирей 1993. / Перев., введ., коммент. Г.М.-Р. Оразаева // *Шихсаидов А.Р., Айтберов А.М., Оразаев Г.М.-Р.* Дагестанские исторические сочинения. М.

Таскин В.С. 1968. Материалы по истории сюнну. Вып. 1. М.

Тацит Корнелий 1968. Соч. в 2-х томах. Л.

Тацит Корнелий 1990. Анналы // КДПАА.

Техов Б.В. 1998. Кобанско-скифские бронзовые навершия из Тли // Studia Iranica et Alanica. Rome.

Тогошвили Г.Д. 1988. Вопросы социального строя народов Северного Кавказа в грузинской советской историографии // РФОНСК.

Тменов В.Х. 1984. Средневековые историко-архитектурные памятники Северной Осетии. Орджоникидзе.

Тменов В.Х. 1996. Зодчество средневековой Осетии. Владикавказ.

Тменов В.Х., Бесолова Е.Б., Гонобобле в Е.Н. 2000. Религиозные воззрения осетин. Владикавказ.

Трейстер М.Ю. 1995. Гривна из сарматского погребения у с. Пороги // ВДИ. № 1.

Трейстер М.Ю. 2001. Портрет парфянского царя из сарматского погребения в Приазовье // ВДИ. № 1.

*Тэйлор Э.*1939. Первобытная культура. М.

Уварова П.С. 1900. Материалы по археологии Кавказа. Вып. VIII. Могильники Северного Кавказа. М.

Удальцова З.В. 1969. О работе секции Научного совета «Генезис и развитие феодализма» // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М.

Удальцова З.В. 1975. Проблемы типологии феодализма в Византии // Проблемы социально-экономических формаций. Историко-типологические исследования. М.

Февр Л. 2000. Бои за историю. Сретенск.

Федоров-Давыдов Ш.А. 1996. Рец.: Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. I. Савроматская эпоха. М., 1994 // РА. № 1.

Федоров-Давыдов Я.А., Федоров-Давыдов Г.С. 1978. Ранние тюрки на Северном Кавказе. М.

Федосеев Н.Ф. 1999. Феномен Боспорского царства // Боспорский феномен. СПб.

Флеров В.С. 1990. К вопросу о социальной дифференциации в Хазарском каганате // Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема буртасов. Пенза.

Флеров В.С. 2000. Аланы Центрального Предкавказья V–VIII веков: обряд обезвреживания погребенных. М.

Флерова В.Е 2001. Образы и сюжеты мифологии Хазарии. М.

Флоря Б.Н. 1991. Эволюция социальных отношений и общественно-политических структур и возникновение государства // Раннефеодальные государства и народности. М.

Фонякова Н.А. 2001. Изображение одного забытого обычая на хазарском сосуде из Коцкого городка // ДА. Ростов-на-Дону. № 3–4.

Фрай Р. 2002. Наследие Ирана. 2-е изд. М.

Франк А.Г. 1992. Формационные подходы и мифологемы способов производства // Восток. № 2.

Фролов Э.Д. 2001. Сообщество друзей в политической жизни античной Греции. Предварительные замечания // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. X. М. – Магнитогорск.

Фроянов И.Я. 1974. Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л.

Фроянов И.Я. 1980. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л.

Фрэзер Д.Д. 1986. Золотая ветвь. 2-е изд. М.

Фрэзер Д.Д. 1985. Фольклор в Ветхом завете. 2-е изд. М.

Хадикова А.Х. 2003. Традиционный этикет осетин. СПб.

Хазанов А.М. 1971. Очерки военного дела сарматов. М.

Хазанов А.М. 1979. Классообразование: факторы и механизмы // Исследования по общей этнографии. М.

Халваши М.С., Асланишвили Л.Г. 2000. Римский гарнизон в Апсаре // Международная научная конференция «Археология и этнография Кавказа». Баку.

Хамицаева Т.А. 1999. Цикл народных произведений об Аликове Хазби // Осетинская филология. Вып. III. Владикавказ.

Харке Г., Савенко С.Н. 2000. Проблемы исследования древних погребений в западно-европейской археологии // РА. № 1.

Харке Г., Савенко С.Н. 2000а. Проблемы исследования древних погребений в американской археологии // РА. № 2.

Харузин Н. 1903. Этнография. Вып. III. Собственность и первобытное государство. СПб.

Хатуев Р.Т. 1998. О «культе вождя» в Карачае и Балкарии // Среднеазиатско-кавказские (Лавровские) чтения. СПб.

Херрман Й. 1986. Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона // Славяне и скандинавы. М.

Хетагуров К. 1960. Соч. Т. IV. М.

Хизриев Х.А. 1982. К вопросу о социально-экономическом положении народов Северного Кавказа в XIII–XIV вв. // Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом. Грозный.

Хизриев Х.А. 1992. Кавказцы против Тимура. Грозный.

Хоренский М. 1858. История Армении / Пер. Н. Эмина. СПб.

Цагаева А.Дз. 1971. Топонимия Северной Осетии. Ч.II. Орджоникидзе.

Церетели Г.В. 1941. Армазская билингва. Тбилиси.

Цулая Г.В. 1980. Грузинский «Хронограф» XIV в. о народах Кавказа // КЭС. Т. VII. М.

Чарный С.А. 2000. Восточный поход Святослава Киевского // Древности Кубани. Вып. 16. Краснодар.

Черепнин Л.В. 1972. Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности // Пути развития феодализма. М.

Черненко Д.А. 1996. О некоторых особенностях гуннской культуры // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара.

Черноус В.В. 2000. Культурно-цивилизационное взаимодействие на Северном Кавказе: история и некоторые современные тенденции // История: современные поиски и проблемы. Ростов-на-Дону.

Чеснов Я.В. 2001. Кавказский аристократизм: постановка проблемы // IV конгресс этнографов и антропологов России. М.

Чеченцы: история и современность / Сост. и ред. Ю.А. Айдаев. М., 1996.

Чичуров И.С. 1980. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора (тексты, перевод, комментарий). М.

Чочиев А.Р. 1985. Очерки истории социальной культуры осетин. Цхинвали.

Чочиев А.Р. 1996. Нарты-арии и арийская идеология. Кн. 1. М.

Чулков М. 1776. Историческое описание российской коммерции. Т. 2. Кн. 2. СПб.

Чурсин Г.Ф. 1926. Этнография Кавказа // Новый Восток. Кн. XV.

Шамхалы Тарковские 1868. Историческая записка, составленная сословно-поземельной комиссией // ССКГ. Вып. I.

Шанаев Д. 1870. Осетинские народные сказания // ССКГ. Вып. III.

Шафарик П.И. 1837. Славянские древности. Т. I, кн. 2, 3.

Шаукат Муфти Х. 1994. Герои и императоры в черкесской истории. Нальчик.

Шевченко Н.Ф. 1993. Стрелы у сарматских племен Прикубанья // Понтийско-кавказские исследования. Вып. 1. Краснодар.

Шегрен А. Извлечения... – Извлечения из рукописи Ногма «Предания черкесского народа» / Пер. со швед. Б.Д. Винер // Архив КБНИИ, ф. 1, оп. V, д. 67.

Шегрен А. 1998. Осетинские исследования / Сост. и перев. Т.Т. Камболова. Владикавказ.

Шинаков Е.А. 2000. Племена Восточной Европы накануне и в процессе образования древнерусского государства // Ранние формы социальной организации. СПб.

Шихсаидов А.Р. 1969. Ислам в средневековом Дагестане. Махачкала.

Шихсаидов А.Р. 1975. Дагестан в X–XIV вв. Махачкала.

Шихсаидов А.Р. 1980. Вопросы исторической географии Дагестана X–XIV вв. (Лакз, Гумик) // Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала.

Шихсаидов А.Р. 1984. Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв. как исторический источник. М.

Шихсаидов А.Р. 1986. Арабские источники IX–X вв. и вопросы социально-экономического и военно-политического положения раннесредневекового Дагестана // Источниковедение средневекового Дагестана. Махачкала.

Шихсаидов А.Р., Айтберов А.М., Оразаев Г.М.-Р. 1993. Дагестанские исторические сочинения. М.

Шнирельман В.А. 1985. Классообразование и дифференциация культуры // Этнографические исследования развития культуры. М.

Щукин М.Б. 1994. На рубеже эр. СПб.

Эвлия Челеби. 1979. Книга путешествия. Вып. 2. М.

Эмин Н. 1881. Моисей Хоренский и древний армянский эпос. М.

Юрочкин В.Ю. 2002. «Аланы» в позднеантичной Таврике. О природе одного «археологического мифа» // VIII Донская международная археологическая конференция. Ростов-на-Дону.

Юзбашян К.Н. 1988. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия IX–XI вв. М.

Юзбашян К.Н. 2001. Армянская эпопея V века. М.

Юшков С.В. 1938. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане. Свердловск.

Юшков С.В. 1946. К вопросу о дофеодальном («варварском») государстве // ВИ. № 7.

Яблонский Л.Т. 2001. Скифы, сарматы и другие в контексте достижений отечественной археологии // РА. № 1.

Якуби 1927. История / Пер. П.К. Жузе. Баку.

Яценко С.А. 1993. Аланская проблема и центрально-азиатские элементы в культуре кочевников Сарматии рубежа I–II вв. н.э. // ПАВ. № 3.

Яценко С.А. 1993а. Аланы в Восточной Европе в середине I – середине IV вв. н.э. // ПАВ. № 6.

Яценко С.А. 1994. Основные проблемы современных сарматологии и аланистики // Проблемы истории и культуры сарматов. Волгоград.

Яценко С.А. 2000. Эпический сюжет ираноязычных кочевников в древностях степной Евразии // ВДИ. № 4.

Яценко С.А. 2001. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М.

Alemany A. 2002. The «Alanic» Title *Bayatar* // Nartamonga. Vol. I. № 1.

*Ashe G., et al.*1982. The Qwest for Arthur's Britain. London.

Bachrach B. 1973. History of the Alans in the West. Minneapolis.

Bailey H.W. 1980. Ossetic (Narta) // The modern Humanities Research Association. London.

Bailey H.W. 1980. Ossetic (Narta) // Nartamonga, 2003. Vol. II. № 1–2.

Barber R. 1973. King Arthyr: In Legend and History. Ipswich.

Bielmeier R. 1993. Das alanische bei Tzetzes // Medioiranica. Leuven.

Bleichsteiner R. 1918. Das Volk der Alanen // Berichte des Forschungs-Institut fur Osten und Orient. Wien. № 2.

Bosi F. 1994. The Nomads of Eurasia in Strabo // The Archaeology of the Steppes Methods and Strategies. Napoli.

Bosworth A.B. 1977. Arrian and the Alani // HSCP. № 81.

Carneiro R. 2000. Process VS. Stages: A False in Tracing the Rise of the State // Alternatives of Social Evolution. Vladivostok.

Charpentier J. 1917. Die etnographische Stellung der Tocharer // ZDMG. Bd. 71.

Claessen H.J. 2000. Problems, Paradoxes and Prospects of Evolutionism // Alternatives of Social Evolution. Vladivostok.

Cornillat Fr. 2003. Du titre ossete aldar aux sources de L'Iran // Nartamonga, 2003. Vol. II. № 1–2.

Dent A., Goodall D. 1988. A History of British Native Ponies. London.

Diesner H.–I. 1981. Die Volkerwanderung. Leipzig.

Field H. 1953. Contributions to the Anthropology of the Caucasus. Cambridge.

Fornasier J. 2001. Ein neuer Aspekt zur Stadtgeschichte in romischer Zeit // Третья Кубанская археологическая конференция. Краснодар - Анапа.

Frye R. 1998. Ossete-Central Asian Connections // Studia Iranica et Alanica. Rome.

Frazer J.G. 1994. The Golden Bough. A new abridgment. London, New York.

Gerhardt D. 1939. Alanen und Osseten // ZDMG. Bd. 93.

Gnoli G. 1998. Two Historical Questiions Relating to the Alans and the Mountains // Studia Iranica et Alanica. Rome.

Harmatta J. 1950. Studies on the History of the Sarmatians. Budapest.

Harmatta J. 1970. Studies in the History and language of the Sarmatians. Szeged.

Harmatta J. 1994. Nomadic and Sedentary Life in the Great Steppe-Belt of Eurasia// The Archaeology of the Steppes Methods and Strategies. Napoli.

Koch K. 1851. Die Kaukasische Militarschtrase, der Kuban und die Halbinsel Taman. Leipzig.

Korotayev A.V. 2000. The Chiefdom: Precursor of the Tribe? // Alternatives of Social Evolution. Vladivostok.

Klaprot J. 1812, 1814. Reise in den Kaukasus und nach Georgien unternommen in den Jahren 1807 und 1808. Halle und Berlin. Th. 1, 2.

Kradin N.N. 2000. Nomadic Empires in evolutionary perspective // Alternatives of Social Evolution. Vladivostok.

Kuznetsov V.A. 1984/ The Avars in the Nart epos of the Ossets // Acta Orientalia Hungaria. T. XXXVIII.

Liddell H.G., Scott R. 1996. A Greek-English Lexicon. Oxford.

Littleton S., Malcor A. 2000. From Scythia to Camelot. New York-London.

Mac Kenzie D.N. 1971. A Concise Pahlavi Dictionary. Oxford.

Maenchen-Helfen O. 1945. The Yueh-chin Problem Reexamined // Jornal of American Oriental Society. V. 65. № 2.

Markwart J. 1901. Eranschahr nach der Geographie des Ps.Moses Xorenaci. Berlin.

Marqwart J. 1905. Untersuchungen zur Geschichte von Eran. Leipzig. Bd. II.

Markwart J. 1931. Jberer und Hyrkanier // Caucasica. Leipzig. Fasc. 8

Mëason H.J. 1974. Greek terms for Roman Institutions. A Lexicon and Analysis. Toronto.

Meyers 1883. – Meyers Hand-Lexikon des algemeinen Wissens. Leipzig, Th. 1.

Minorsky V. 1958. A History of Sharvan and Darband in the 10th–11th centuries. Cambridge.

Rhys R. 1891. Stadies in the Arthurian Legend. Oxford.

Sergazkov I.V. 1994. The Sarmatians of Volga-Don Steppes and Rome in the

First Centuries AD // The Archaeology of the Steppes Methods and Strategies. Napoli.

Sikojew A. 1985. Die Narten. Sohne der Sonne. Koln.

Sjogren A.I. 1848. Ossetische studien // Memories L'Academie imperiale des scens. St.-Ptb. Th. VII.

Skripkin A.S. 1994. The Sarmatian Phenomen // The Archaeology of the Steppes Methods and Strategies. Napoli.

SouthalA. 2000. On the Emergence of State // Alternatives of Social Evolution. Vladivostok.

Spencer Ch.S. 2000. The Political Economy of Pristine State Formation // Alternatives of Social Evolution. Vladivostok. // Alternatives of Social Evolution. Vladivostok.

Steder. 1797. Tagebuch einer Reise, die im Jahre 1781 von der Gransfestung Mosdok nach inner Kaukasus unternommen worden. Leipzig.

Stern L., Gericke H. 1978. Deutschland in der Feudalepoche von der Mitte des 11 Jh. bis zur Mitte des 13 Jh. Berlin.

Szimanski E. 1988. Arabic Sources for the History of the Caucasus // Studia Caucaso logica/ I. Oslo.

Taubler E. 1909. Zur Geschichte der Alanen//Klio. Leipzig. Bd. 91.

Thordarson F. 1998. Gallia Alanica // Studia Iranica et Alanica. Rome.

Tosi M. 1994. The Egalitarian Foundation of Steppe Empires // The Archaeology of the Steppes Methods and Strategies. Napoli.

Widengren G. 1960. Iranisch-semitische Kulturbegegnung in parthischer Zeit. Cologne.

Zgusta L. 1955. Die Personennamen griechiseher Stadte der nordlichen Swarzmeer Kuste. Praha.

Zuckerman C. 2003. Les Alains et les As dans le Haut Moyen Age // Nartamonga, 2003. Vol. II. № 1–2.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

I. Вопросы теории и методологии 8
I. 1. Сущность феодализма: версии, подходы ..... –
II. 2. Альтернативные формы социальной эволюции 18

II. Некоторые причины асинхронности исторического процесса на средневековом Северном Кавказе 24

III. Политогенез и классообразование на Северном Кавказе в начале н.э. 38
III. 1. От возрастных классов к мужским союзам ..... –
III. 2. Социальная структура горских этносов в I–III вв. н.э. 50
III. 3. Привилегированные слои ранних алан 58
III. 3. 1. Аристократия алан в свете античных источников 59
III. 3. 2. Ранние аланы в древних закавказских памятниках 72
III. 3. 3. Археологические материалы о социальной структуре алан в начале н.э. 90

IV. Социальные процессы на Северном Кавказе в середине I-го тысячелетия ... 109
IV. 1. Северный Кавказ в эпоху великого переселения народов ..... –
IV. 2. Социальные процессы у этносов Северного Кавказа в период ирано-византийских войн 153

V. Социальная структура обществ Северного Кавказа в последней трети I-го тысячелетия 187
V. 1. Усиление роли военной аристократии в социумах Северного Кавказа VII – середины VIII вв. ..... –
V. 2. Роль торговли и городов в социальных процессах этносов Северного Кавказа 224
V. 3. Формирование государств на Северном Кавказе в конце I-го тысячелетия 254

Заключение 279
Библиография 286

Научное издание

Гутнов Феликс Хазмурзаевич

ГОРСКИЙ ФЕОДАЛИЗМ

Часть I

Редактор *А.У.Голиева*
Художник *В.С. Григорян*
Художественный редактор *Г.З. Чеджемты*
Технический редактор *А.В. Ядыкина*
Корректор *Г.Б. Карданова*
Компьютерная верстка *З.С. Мисиковой*

Сдано в набор 11.01.07. Подписано к печати 14.03.07. Формат бумаги 60x84 $^1/_{16}$.
Бум. офс. № 1. Гарн. шрифта «Times». Печать офсетная. Усл. п. л. 18,60. Учетно-изд. л. 23,42. Тираж 1000 экз. Заказ № 2547. С. 10.
Комитет РСО–Алания по печати и делам издательств.
ГУП «Издательство «Ир», 362040, г. Владикавказ, проспект Мира, 25.
Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие им. В.А. Гассиева», 362011, г. Владикавказ, Тельмана, 16.

Ф.Х. Гутнов

ГОРСКИЙ ФЕОДАЛИЗМ

часть I

